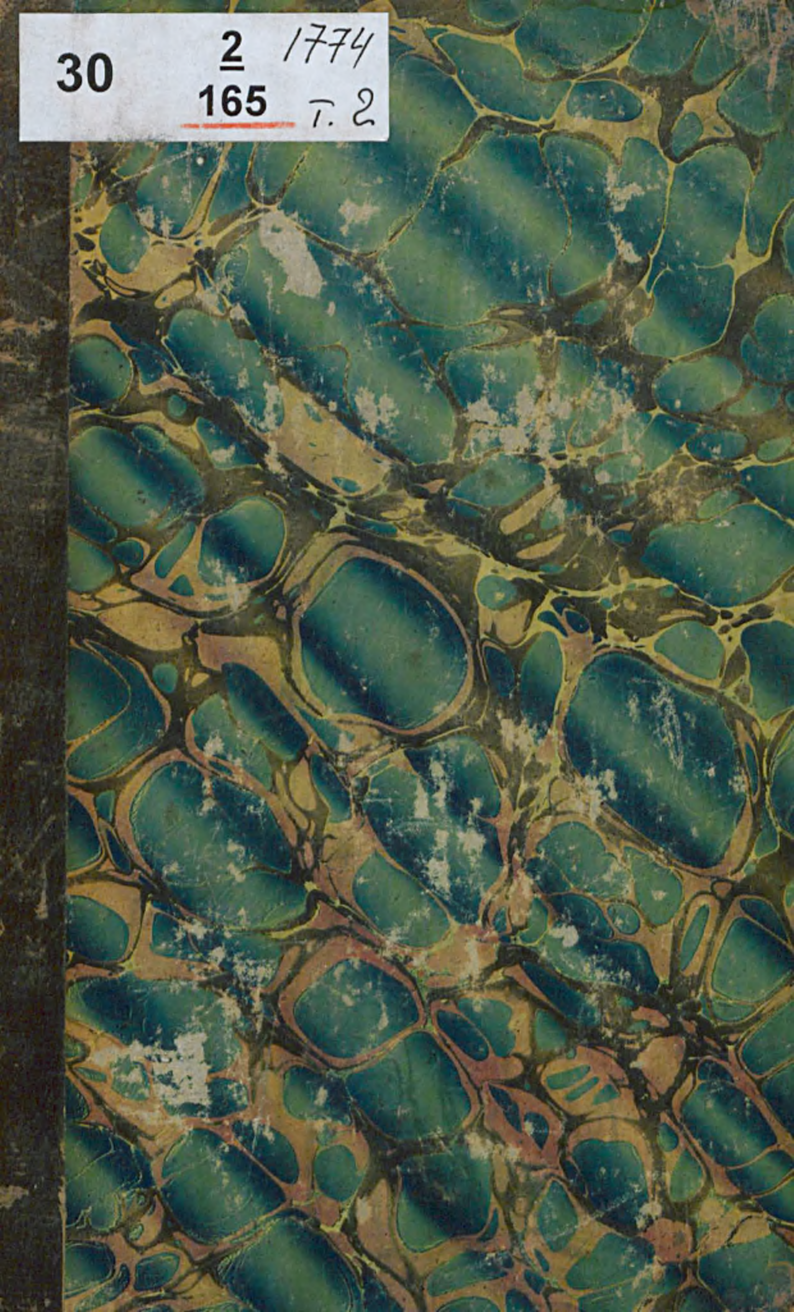

30
2
165
1774
т. 2

ИСТОРІЯ
О
БЫВШИХЪ ПЕРЕМѢНАХЪ
ВЪ
РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКѢ

сочиненія

Г. АБАТА ВЕРТОТА,

Члена Французской Академіи Надписей и словесныхъ Наукъ въ Парижѣ.

переведена съ Французскаго

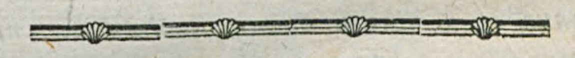
ИППОЛИТОМЪ БОГДАНОВИЧЕМЪ.

Томъ вторый

Цѣна 120 коп.

Въ Санктпетербургѣ
при Императорской Академіи Наукъ
1774 года.

ИСТОРІЯ
О
БЫВШИХЪ ПЕРЕМѢНАХЪ
ВЪ РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКѢ.



КНИГА V.

Отправляются Послы въ Аѳины съ тѣмъ, чтобъ они собрали и привезли оттуда Солоновы законы. По возвращеніи сихъ Пословъ, избираются между Патрикіями десять Повѣренныхъ или Децемвировъ, кои правительствуютъ самовластно. Аппій, главный Децемвиръ, дѣлается подозрителенъ своимъ Товарищамъ. Они въ намѣреніи его перемѣнить, даютъ ему первенство въ Собраніи, въ которомъ онъ долженъ былъ предложить другаго на

 свое

свое мѣсто. Но онъ предлагаетъ себя же въ чинъ перваго Децемвира; Народъ принимаетъ предложенїе съ удовольствїемъ, и по большой части голосовъ его избираетъ. Сїи новые Правители желаютъ навсегда утвердить власть свою. Они, пересиливъ Сенатъ, получаютъ по своему намѣренїю власть предводительствовать войски противу Эквовъ и Сабинянъ. Римляне не хотятъ быть побѣдителями, боясь распространить тѣмъ могущество своихъ Начальниковъ. Жестокость ихъ власти, ихъ гордость и неправосудїе, а къ тому страстная любовь Аппїева къ молодой Виргинїи суть причины ихъ паденїя. Виргинїй, отецъ сей нещастной дѣвицы, находитъ себя въ бѣдственной необходимости убить кинжаломъ дочь свою, дабы спасти ее отъ наглости Децемвира; въ слѣдствїе того, войски взбунтовавъ возвращаются въ Римъ, гдѣ испрашиваютъ прекращенїе Децемвирства и наказанїе Децемвировъ. Паки

ки востановляется Консульство и Трибунство, Народу же отдаются всѣ его правы и преимущества.

Въ предслѣдующемъ томѣ объявлено было, что Римъ сохраняя вольность восталъ на своихъ Государей; Монархическое правленіе обратилось въ Республическое подъ зависимостью отъ двухъ Консуловъ. Благородное общество и Народъ, кои составляли сію начинающуюся Республику, и кои послѣ для равной любви къ вольности раздѣлились, готовы были другъ друга оставить. Трибунство, возстановленное къ утвержденію прежняго между ими согласія, содѣлалось источникомъ новыхъ развратовъ. Сіи Плебеянскіе Начальники, или лутче сказать, всегдашнія начальники возмущеній, притѣсняли самыхъ великихъ и славныхъ мужей въ Сенатѣ; а наипаче старались истребить Консуловъ, какъ скоро сіи пере-

ставали быть въ своемъ званіи. И такъ каждый бывшій Консулъ почиталъ себя жертвою Народа, и преданнымъ мщенію Трибуновъ. Таково было состояніе Рима, гдѣ Самодержавные Правители осуждались какъ преступники за то, что они правили по древнимъ Законамъ. Однако нещастье Ромилія и Ветурія не устрашило ихъ Преемниковъ. Спурій-Тарпій и Авлъ Гатерій не менѣ тѣмъ явили ихъ твердость. Сіи великодушные Консулы смѣло объявили Народу, что хотя послѣ смѣны ихъ они осуждены будутъ къ денежному взысканію, и хотя бы понесли еще болѣ несправедливое мщеніе, однако всѣ сіи притѣсненіи, ни самое потеряніе жизни, не принудятъ ихъ никогда согласиться, чтобъ выданъ былъ Законъ *Аграрій*. Трибуны поколебались отъ толь непремѣнной твердости, и единодушнаго согласія всѣхъ Сенаторовъ. Обѣ стороны, равно страдая отъ безпрестанныхъ раздоровъ, казалось желали соединиться.

ся. Нѣсколько времяни не было болѣ упоминаемо о раздѣлѣ владѣній. Гоненіе казалось быть прекращено, или по крайней мѣрѣ стало тише: но всегда безпокойный Народъ, покидая одни требованіи, начиналъ другія съ новымъ видомъ и намѣреніемъ. Онъ паки возвратился къ Терентиллову Закону, и требовалъ отъ Сената, чтобъ на мѣсто самовластныхъ Приговоровъ Правительскихъ, выдано было Уложеніе съ согласія всѣхъ Гражданъ, которое бы могло служить правиломъ, какъ во всенародныхъ дѣлахъ, такъ и въ тяжбахъ, кои каждый день происходили между особноживущими.

Сенатъ не отдалялся отъ сего предложенія; но въ выборѣ Законодавцевъ онъ хотѣлъ, чтобъ они всѣ были изъ Благороднаго Общества. Народъ на противу того спорилъ, что какъ онъ имѣлъ равное участіе въ семъ важномъ дѣлѣ, то надлежало приобщить и его Депутатовъ къ высокой должности Законодательства. Три-

бунъ Сицїй и его товарищи посланы въ Сенатъ для подкрѣпленїя ихъ требованїй. Они спорили съ великою ревностїю; голоса раздѣлились на обѣ стороны. Особливо удивительно было, что Ромилїй, тотъ прежде бывшїй Консулъ, котораго Народъ осудилъ къ тяжкому денежному взысканїю, вмѣсто чаемаго сопротивленїя объявилъ, что онъ не видитъ нужды составлять новые Законы, а мнитъ приличнѣе послать Депутатовъ въ Аѳины, чтобъ тамъ списать Законы Солоновы, кои почитались для Народа наиболѣ полезными въ Грецїи. Чтобъ сїи Депутаты старались такъ же узнать образъ правленїя сосѣдственныхъ Республикъ, и чтобъ по ихъ возвращенїи избрать въ Римѣ Повѣренныхъ, которые бы, разсмотрѣвъ собранные Законы, составили и уложили тѣ, кои будутъ наиболѣ приличны настоящему положенїю Римской Республики. „И да даруютъ Боги, говорилъ по „томъ сей мужъ, чтобъ наши Повѣ-

„ренные изыскали намъ Законы, кои
„бы вольность Народа и власть Сена-
„та навсегда успокоили.

Сїе мнѣнїе принято было отъ обоихъ сторонъ съ равнымъ удовольствїемъ. Сенатъ, которому оставлено было право назвать Пословъ въ Аѳины, ласкалъ себя что тѣ особы, коихъ онъ изберетъ для сего дѣла, не привезутъ въ Римъ такихъ Законовъ, которые были бы противны ихъ пользѣ, Трибуны же, въ надеждѣ увидѣть себя подъ другимъ правленїемъ въ Римѣ, основаннымъ по образу таковой Республики, гдѣ вся власть состояла въ Народномъ Собранїи, возносили похвалами Ромилїя за его предложенїе. Самый Сицїй, хотя былъ въ протчемъ его непрїятель, объявилъ съ признанїемъ и похвалою толь полезнаго мнѣнїя, что Народъ уступаетъ ему ту сумму, которую по винѣ взыскать съ него суждено было. Но Ромилїй былъ толико великодушенъ, что не хотѣлъ получить сїю

 милость

милость отъ заступленія своего неприятеля. Онъ прямо изъяснился, что онъ не требуетъ за то инаго награжденія, какъ только чтобъ онъ могъ всегда сказывать свое мнѣніе, съ вольностью приличною Римскому Сенатору; и какъ взыскиваемая съ него сумма есть прибытокъ посвященный Церерѣ, то онъ почитаетъ святотатствомъ не заплатить оную. Въ слѣдствіе того учиненъ Сенатусъ Консультъ и утвержденъ общимъ согласіемъ Народа, именуя Послами въ Афины Спурія Постумія, Анка Манлія, и Пулвія Сулпиція Камерина. Имъ препоручено было, узнать и привести въ Римъ Законы и обряды сего Города, такъ же и другихъ Греческихъ Республикъ. Остатокъ года Римляне были довольно спокойны.
300 год. рим. Но въ слѣдующемъ году, въ Консульство Пулвія Курація и Секста Квинтиллія, почти вся Италія оскорблена была моровою язвою. Первый Консулъ, четыре народные Трибуны, и великое число гражданъ всякого званія въ Римѣ

мѣ, отъ того померли. Народъ шелъ въ разные стороны, такъ что Городъ къ крайнему оскорбленію имѣлъ напослѣдокъ весьма мало жителей, кои конечно не могли бы сопротивиться Эквамъ, Волскамъ и Сабинянамъ, когда бы сіи напали на Римлянъ. Но они въ то время сами отъ язвы страдали, которая не менѣ опустошала ихъ жилища. Одно только общее и всемѣстное бѣдствіе, служило силою и защитою ослабѣвшей Республикѣ.

Въ слѣдующемъ году миновала всеобщая напасть, то есть престала язва. Тогда были въ Консульскомъ достоинствѣ Публій-Сестій Капитолинъ и Титъ Мененій; тогда такъ же возвратились изъ Греціи Послы, кои отправлены были для собранія тамъ Законовъ. Народные Трибуны немедлѣнно и неотступно просили Консуловъ, чтобъ избрать Повѣренныхъ или Децемвировъ, для сочиненія Судебной Книги, по которой бы Республика единымъ всегда образомъ была упра- 301 год. рим.

 вляема

вляема. Сестій не противорѣчилъ ихъ требованію; но Мененій отдалялъ всѣми способами избраніе Повѣренныхъ, какъ для того, что онъ почиталъ всякую перемѣну въ Государствѣ источникомъ многихъ золъ и бѣдствій, такъ и для того можетъ быть, что онъ помнилъ досады, которыя отецъ его имѣлъ отъ Трибуновъ. Онъ отлагалъ сіе избраніе, какъ говорилъ, во первыхъ для того, что прежде онаго необходимо надлежало избрать къ слѣдующему году Консуловъ; ибо какъ сіе великое дѣло касалось до ихъ Консульства, то несправедливо было начинать оное, пока не будутъ прежде наименованы главные Правители, ниже вступать въ Законодательство безъ ихъ въ томъ участія. Таковъ былъ видъ наружнаго его препятствія, но внутренно онъ мыслилъ помѣшать избраніемъ Консуловъ избранію Децемвировъ, или по крайней мѣрѣ, чрезъ совмѣстничество однихъ съ другими, въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ

они

они долженствовали имѣть равное участіе, уменьшить власть сихъ новоопредѣляемыхъ Законоустановителей. Трибуны, не находя въ томъ другаго затрудненія, и дабы ничто не могло препятствовать ихъ намѣренію, старались наискорѣе учредить Комиціи. А по учрежденіи оныхъ тотъ часъ избранъ былъ первымъ Консуломъ Аппій Клавдій. Онъ былъ третій въ Клавдіанскомъ домѣ, который наслѣдственно по отцѣ и дѣдѣ возведенъ былъ въ сіе Достоинство. Всѣ Патрикіи единогласно его избрали, въ надеждѣ что онъ, такъ какъ предки его, не преминетъ сохранять и защищать пользу и честь Сената. Титъ Генуцій названъ былъ ему товарищемъ. Трибуны, по семъ избраніи, возобновили ихъ требованіи, прося неотступно назначенныхъ Консуловъ, чтобъ они согласились приступить къ наименованію Децемвировъ. Мененій не выходилъ изъ своего дома подъ видомъ болѣзни, которая его удерживала. Онъ

всегда

всегда предвѣщалъ бѣдственныя слѣдствія отъ сей перемѣны въ республикѣ, и лутче желалъ заключиться въ своемъ домѣ вѣчно, нежели присудствовать въ Сенатѣ съ тѣмъ, чтобъ согласиться на предложеніе новыхъ Законовъ. Сестій съ своей стороны, хотя доброжелательствовалъ Трибунамъ, не могъ однако по своей совѣсти и чести вступить въ толь великое дѣло, безъ присудствія и согласія своего Товарища. Трибуны подозрѣвали, что таковыя препятствія нарочно были устроены, и оставя прежнихъ Консуловъ, разсудили способнѣе прибѣгнуть къ Аппію и его Товарищу, объявленнымъ Правителямъ для будущаго года. Они искусно склонили ихъ на свою сторону, чаятельно для того, чтобъ имѣть ихъ главными подпорами въ учрежденіи полезныхъ имъ Законовъ. И такъ увѣрясь въ пристрастіи сихъ двухъ Сенаторовъ по своимъ видамъ, когда уже близкое ихъ Консульство давало имъ новое почтеніе

нїе, они ввели ихъ въ Народное Собранїе, которое они нарочно учредили. Тамъ надлежало искуснымъ образомъ уничтожить вымышленное отлагательство правящихъ тогда Консуловъ. Аппїй возшедъ на витїйственный Трибунъ, говорилъ съ бережливостью, какую должно имѣть чтобъ угодить Народу не обьявя себя непрiятелемъ Сената. Рѣчь его наиболѣ основана была на правосудїи и доказательствахъ, по которымъ нужно было уставить Законы полезные обще всѣмъ Гражданамъ; дабы, говорилъ онъ, Римъ толь долговремянно раздѣляемый на двое, подобно какъ бы жители двухъ различныхъ Городовъ спорили о преимуществахъ другъ съ другомъ, дабы сїя основанная на единодушїи Область, являла отнынѣ суще единую и согласїемъ утвержденную Республику. Къ тому прибавилъ онъ, что не было болѣ никаковаго видимаго препятствїя въ наименованїи Децемвировъ; что надлежитъ немедлѣнно предложить о томъ

Сена-

Сенату; что естьли избранїе его въ Консулы, равно какъ и его Товарища, не можетъ служить къ возставленїю Децемвирской власти, то они готовы отрещись отъ Консульства; и что они въ тотъ же часъ отрекутся отъ онаго, жертвуя притомъ охотно, естьли должно, своею жизнью, дабы изходатайствовать своему Отечеству толь великое и безцѣнное благополучїе, какое Сограждане ихъ будутъ чувствовать отъ взаимнаго между собою союза на праведныхъ Законахъ основаннаго.

Большая часть людей въ собранїи выслушавъ сїю рѣчь отъ Аппїя, хвалили въ немъ свойство истиннаго республиканина, который праводушно любилъ вольность своего Отечества. Особливо Народъ внималъ его слова съ радостїю и удивленїемъ, не ожидавъ прежде, чтобъ когда нибудь Патрикїй Клавдїанскаго дома могъ быть толь ревностенъ къ правамъ Народа. Нѣкоторые же Сенаторы возмнили

мнили, что онъ подъ сею видимою умѣренностью и подъ симъ наружнымъ безкорыстіемъ, скрывалъ со всѣмъ противныя тому намѣренія; ибо знали они его склонность, знали что властолюбіе и гордость наиболѣ господствовали въ его нравѣ. Однако какъ они имѣли противу его одни только простыя подозрѣнія безъ доказательствъ, то всѣ Патрискіи и всѣ Плебеяне произнесли ему достойныя похвалы за отрицаніе отъ Консульства, которое онъ желалъ принять единственно для благополучія Народа. И такъ положено, чтобъ о семъ дѣлѣ было представлено Сенату надлежащимъ образомъ. Менений продолжалъ сказываться больнымъ, чая воспрепятствовать Собранію тѣмъ, что онъ не могъ сзывать тогда Сенаторовъ; при томъ надѣялся на своего Товарища, который будетъ отговариваться отъ дѣлъ его отсудствіемъ, какъ они тайно въ томъ условились. Но Сестій не сдержалъ своего

слова,

слова, по видимому привлеченъ обѣщанїемъ, что онъ будетъ избранъ въ число Децемвировъ. Онъ собралъ Сенатъ и предложилъ о наименованїи Законоустановителей. Мнѣнїи Сенаторовъ раздѣлены были по обыкновенїю. Нѣкоторые Сенаторы, защитники древнихъ обычаевъ, съ великою упорностїю отрицали перемѣну Законовъ въ ихъ Области, и желали остаться на прежнемъ основанїи въ отправленїи правосудїя. Аппїй, же имѣя сильную сторону единомысленныхъ въ Собранїи, утверждалъ напротиву того пользу перемѣны и правосудїе, по которому неоспоримо надлежитъ съ согласїемъ Народа установить Законы, кои могли бы впредь служить твердыми и ненарушимыми правилами равно для судей, какъ и для судимыхъ. Мнѣнїе его по большинству голосовъ принято; и тогда же положено было наименовать Децемвировъ. Но сїе наименованїе произвело еще новыя затрудненїи. Народные Трибуны требовали съ своей стороны, чтобъ

вы-

выбрать пятерыхЪ ПлебеянЪ вЪ сїе Децемвирское общество. ВсѢ Сенаторы единогласно воспротивились сему требованїю. Они представляли, что какЪ Децемвиры долженствовали быть равностепенны и равновластительны сЪ Консулами, то странно было бы естьлибЪ простые Плебеяне, изключенные по ихЪ породѢ отЪ всякаго *Курульнаго* (*) Начальства, вышшую власть восприняли. Трибуны ясно увидѢли, что СенатЪ не хочетЪ никогда ихЪ допускать кЪ сему Достоинству. И такЪ послѢ многихЪ отЪ обоихЪ сторонЪ доказательствЪ и споровЪ, на конецЪ Трибуны отстали отЪ своего требованїя. Ибо боясь помѢшать тѢмЪ предпринятому наименованїю ДецемвировЪ, хотя и не со всѢмЪ по ихЪ желанїю, должно было по нуждѢ согласиться на то, что могло только служить кЪ лучшему: то есть чтобЪ Децемвиры из-

 браны

(*) ЗасѢдательнаго вЪ КурульныхЪ креслахЪ.

браны были изъ общества Сенаторовъ; чтобъ сіи Повѣренные въ теченіе цѣлаго года имѣли вышшую власть, безъ вторичнаго вершенія ихъ судовъ и ихъ опредѣленій, чтобъ въ сіе время не было ни Консуловъ, ни Трибуновъ, ни ихъ избраній; чтобъ власть и должности всякаго Начальства, прекратились во время ихъ Правительства; чтобъ они составили Судебную Книгу, выбравъ, что полезно и прилично, изъ Греческихъ Законовъ и древнихъ Римскихъ обычаевъ; и чтобъ показавъ оную Сенату и Народу, съ общимъ ихъ согласіемъ, уставить и утвердить впредь навсегда, для непремѣннаго и безпристрастнаго въ Государствѣ правосудія.

Въ слѣдствіе того, нѣсколько времяни спустя, учреждено было полное Собраніе всего Римскаго Народа, созванное по Центуріямъ. При началѣ Собранія произведены были Авспиціи и прочіе обряды богослуженія; по томъ слѣдовало избраніе Децемвировъ. Аппій Клавдій и

Титъ

Тишъ Генутій первые названы въ сіе достоинство; ибо по справедливости разсуждаемо было, что сіе преимущество и знакъ отличной чести имъ особо принадлежали, по колику они великодушно отрицались отъ Консульскаго Достоинства. Оставшіе же, удостоенные въ ихъ сообщество, были Лулъ Сестій, Ветурій, Корнелій Юлій, Авлъ Маній, Сергій Сулпицій, Публій Кутарій, Тишъ Ромилій, и Спурій Постумій, кои всѣ прежде были Консулами. Сенатъ выбравъ ихъ, чаялъ содѣлать самыхъ ревностныхъ защитниковъ своихъ правъ и своего достоинства; но большая часть изъ нихъ, проискивая пути къ сей степени, производили прежде тайныя совѣщанія съ Народными Трибунами. Такимъ образомъ обѣ стороны, каждая по своимъ причинамъ, почитали сіе избраніе собственнымъ произведеніемъ въ свою пользу; и обѣ равно къ тому способствовали, имѣя весьма различные виды. Аппій хотя былъ первый

и какъ главный въ обществѣ Децемвировъ, однако поступалъ съ своими Товарищами съ совершеннымъ равенствомъ и дружелюбіемъ. Особливо же старался оказывать ласки и снисхожденіе къ Народу. Съ самымъ низкимъ Плебеяниномъ, когда встрѣчался на дорогѣ, кланялся ему съ учтивостью, предлагалъ инымъ свои услуги и вспоможеніе, и дѣлалъ имъ полное удовольствіе, когда они требовали правосудія. Каждый Децемвиръ одинъ за другимъ поденно былъ главнымъ въ засѣданіи; и каждый въ свой день имѣлъ двенатцать Ликторовъ, кои шествовали напереди съ прутьями. И такъ попеременно они отправляли правосудіе въ Народномъ мѣстѣ, всегда съ доказательствомъ совершеннаго безпристрастія и строгой истинны. А сіе толь нравилось Народу, что онъ въ удовольствіи получаемомъ отъ новыхъ Судей, казалось будто позабылъ своихъ Трибуновъ. Большая часть людей желали къ благополучію своему, чтобъ толь щастливое Правленіе

нїе продолжилось; и многїе Плебеяне изъявляли, что они не будутъ имѣть нужды ни въ Консулахъ, ни въ Трибунахъ , естьли только Децемвирство на всегда будетъ уставлено. Децемвиры тщательно трудились во весь годъ, о сочиненїи общихъ и непремѣнныхъ Законовъ, кои они почерпали, частью изъ древнихъ Уставовъ Царей Римскихъ, частью же брали изъ Греческихъ узаконенїй, посредствомъ перевода на свой языкъ чрезъ нѣкоего Гермодота Ефесскаго, который тогда случился въ Римѣ. Когда трудъ ихъ былъ кончанъ, они предложили десять Таблицъ, въ которыхъ законы состояли: отъ сихъ Таблицъ извѣстны нѣкоторые только остатки. Иныя заключали въ себѣ священное Право; другїя содержали Право общее; большая же часть оныхъ касались до особеннаго Права людей. Помянутыя таблицы прибиты были въ Народномъ мѣстѣ на стѣну, дабы каждый могъ ихъ читать, дѣлать свои примѣчанїя

и сообщать ихъ Децемвирамъ прежде, нежели сіи Законы утверждены будутъ. По томъ они предложены на разсмотреніе Сенату, и по большинству голосовъ приняты. Въ слѣдствіе того, чрезъ Сенатусъ-Консултъ, опредѣлено созвать немѣдленно Комиціи по Центуріямъ, дабы обще весь Римской Народъ утвердилъ сіи Законы.

Какъ скоро приспѣлъ день Собранія, то произведены торжественно Авспиціи, и въ присутствіи Богослужителей Законы вновь были читаны. Децемвиры представили Народу съ снисходительною кротостью, что хотя они употребили всевозможное вниманіе дабы не пропустить ни чего въ Законахъ, что только могло служить къ сохраненію Римской вольности и къ возстановленію въ Республикѣ нужнаго равенства: но что они однако приглашаютъ еще всѣхъ своихъ Сограждан, прилѣжно разсмотрѣть сіи новыя Законоположенія, и объявить

безъ

безъ зазрѣнія, съ приличною имъ вольностью, естьли они усмотрятъ за полезно что нибудь прибавить или убавить, дабы впредь Народъ жилъ подъ Законами, которые онъ самъ себѣ сдѣлалъ, безъ слѣпаго повиновенія такимъ, кои бы утверждены были безъ его въ томъ участія. По изъявленіи толикой умѣренности и толикаго безкорыстія, Народъ отвѣтствовалъ едиными похвалами своимъ Законодателямъ. Законы изображенные въ десяти Таблицахъ, съ согласіемъ всѣхъ Центурій, приняты. Нѣкоторые только простые жители говорили, что не доставало къ нимъ нѣсколькихъ установленій, которыя могутъ еще составить двѣ Таблицы, и что естьли бы сіи были прибавлены къ десяти прочимъ, то бы они содержали тогда полное предписаніе всего Римскаго Права. Въ семъ видѣ они желали вновь избрать Децемвировъ, еще на годъ. Сенатъ и Народъ равно похвалили сіе намѣреніе, хотя виды ихъ въ

томъ были различны. Народъ доволенъ былъ, что могъ тѣмъ освободиться отъ Консульскаго Начальства, которое было ему страшно; а Сенатъ съ своей стороны такъ же радовался, что противные ему Трибуны не будутъ въ сїе время господствовать.

Какъ сїе предложенїе всѣмъ Собранїемъ было принято, то и назначенъ тогда же день для новаго избранїя Децемвировъ. Между тѣмъ временемъ, пока еще не учредились сїи Комицїи, въ Сенатѣ произошло несогласїе по причинѣ сего Достоинства. Иные желали получить оное для своего властолюбїя; тѣ такъ же, кои не взирая, что они прежде самымъ откровеннымъ образомъ противились сему установленїю, сами напослѣдокъ искали отверженной ими чести. Аппїй притворно оказывалъ, что онъ не желаетъ оной; и дабы привести Товарищей своихъ къ равному съ ихъ стороны отрѣченїю, объявилъ при всѣхъ, что какъ они исполнили всѣ должно-

сти

сти истинныхЪ ГражданЪ, трудившись неусыпно вЪ теченїе цѣлаго года, то справедливо было дать имЪ отдыхновенїе, и опредѣлить другихЪ на ихЪ мѣсто.

При семЪ наружномЪ поступкѣ, извѣстны были однако его союзы и согласїи, сЪ домами Дуиллїя и Ицилїя: то есть сЪ Народными Начальниками, кои дѣйствовали между Плебеянами во всѣхЪ случаяхЪ, гдѣ они имѣли какїя нибудь предпрїятїя; и Аппїй самЪ не старался скрывать своей благосклонности кЪ симЪ НароднымЪ ПредводителямЪ. Снисходительная же его благосклонность и ласки кЪ ПлебеянамЪ, не соотвѣтствующїя гордости и пренебреженїю, каковы видимы были вЪ его предкахЪ, оказывали чувствительную вЪ КлавдїанскомЪ домѣ перемѣну, которая произвела безпокойство вЪ его соперникахЪ, и сдѣлала его подозрительнымЪ у ДецемвировЪ его Товарищей. Сїи послѣднїе, дабы отрѣшить его отЪ Децемвир-

ства надежнѣйшимъ образомъ, опредѣлили быть ему Главноприсудствующимъ при новомъ избраніи. И какъ обычай былъ, чтобъ Главный въ семъ случаѣ называлъ другихъ, кои достойны сей степени, то они надѣялись, что по произнесенному имъ отрицанію отъ сего Достоинства, онъ устыдится представить себя въ числѣ желающихъ онаго. Не было такъ же примѣра, чтобъ Главноприсудствующій въ избраніи, самъ себя удостоивалъ въ предлагаемый чинъ, кромѣ только нѣкоторыхъ Народныхъ Трибуновъ, кои въ подобномъ случаѣ единственно устремляясь сыскать собственное свое щастье, безстыдно употребляли во зло довѣренность Сограж-
303 год. рим. данъ своихъ Аппій не чувствовалъ угрызенія въ совѣсти, равно какъ и сіи хищные Плебеянскіе Начальники. Когда наступилъ день избранія, онъ противу всѣхъ правилъ благопристойности и безпристрастія, самъ себя представилъ первымъ Децемвиромъ. На-

родъ

родъ всегда слѣпо повинуется тѣмъ, кои умѣютъ его обманывать, подъ видомъ, что они берутъ участїе въ его пользѣ. И такъ своими голосами, онъ вручилъ Аппїю сїе великое достоинство. Сей Децемвиръ поступалъ толь искусно, что и другїе выбраны были согласно съ его желанїемъ. Затимъ удостоенъ голосами Квинтїй Фабїй Вибуланъ, который хотя былъ прежде Консуломъ и не имѣлъ главныхъ пороковъ, но былъ медлѣнъ и нерадивъ съ природы, любилъ праздность, не твердъ былъ въ своихъ намѣренїяхъ, и не могъ мѣшать Аппїю въ его предприятїяхъ. Точно для своихъ видовъ, онъ далъ выбрать по томъ Марка Корнелїя, Марка Сервилїя, Луцїя Минуцїя, Тита Антонїя и Марка Рабулея, кои всѣ были мало уважаемы между Сенаторами, всѣ были преданы Аппїю, и единственно своими происками похитили Децемвирское Достоинство у Сенаторовъ Квинтїанскаго рода, и усамаго Клавдїя дяди

Аппїева,

Аппїева, ревностнаго Патрикїя: коихъ онъ изключилъ изъ числа представляемыхъ, равно какъ и всѣхъ своихъ въ прежнемъ Децемвирствѣ Товарищей. Но къ вящшему оскорбленїю и удивленїю Сената, Аппїй, позабывъ собственную свою честь и честь своихъ предковъ, не устыдился, въ угожденїе прежнимъ Трибунамъ которымъ онъ продалъ свое усердїе, представить трехъ Плебеянъ въ Децемвиры: подъ видомъ справедливости, чтобъ въ семъ обществѣ находились и такїе люди, кои особо должны наблюдать пользу Народа. По его желанїю, самымъ дѣломъ приобщены были къ первымъ Квинтъ Петилїй, Корнелїй Дуиллїй, и Спурїй Оппїй, всѣ трое Плебеяне породою, изключенные отъ первыхъ степеней въ Республикѣ. Они не инымъ образомъ получили сїе Достоинство, какъ взаимною услугою отъ Аппїя, который выбранъ голосами по ихъ предводительству и наущенїю, въ тайномъ согласїи съ ними: по колику онъ

онъ вѣдалъ, что желанія Плебеянъ зависѣли отъ ихъ представленій.

Аппій, притворствомъ и происками содѣлавшись главнымъ Децемвиромъ, началъ помышлять о утвержденіи навсегда своей власти. Для сего, не упуская времяни, онъ собралъ своихъ новыхъ Товарищей, кои всѣ отъ него получили свои Достоинства. Тогда онъ оставилъ наружный образъ республиканина, коимъ прежде привлекалъ къ себѣ отъ Народа довѣренность: онъ прямо открылъ свои виды Децемвирамъ, представя возможность сохранить на всегда при нихъ власть Начальства; представя, что въ ихъ Обществѣ соединены были власть Консульская и Начальство Трибунское; и что чаятельно по тому, Сенатъ и Народъ, во всегдашнемъ другъ другу сопротивленіи, скорѣе возжелаютъ ввѣрить имъ правленіе республики, нежели возставить оное на прежнемъ основаніи двухъ началъ, кои равно были ненавидимы; что Граждане нечувстви-

304 год. рим.

ствительно привыкнутъ къ ихъ власти; и что для сохраненія оной должно производить и вершить всѣ дѣла единымъ опредѣленіемъ въ ихъ Трибуналѣ, не терпя чтобъ какое нибудь дѣло переносимо было въ Сенатъ, или въ Народное Собраніе; что особливо надлежитъ всячески стараться, чтобъ сіи два общества не имѣли впредь своихъ Собраній, и чрезъ то не имѣли бы случая узнать свои правы и силу; что въ таковыхъ Собраніяхъ всегда появляются безпокойные разумы, не терпящіе никаковаго Начальства; что для надежнаго благосостоянія Децемвирской власти, непремѣнно должно, чтобъ Децемвиры были между собою въ вѣрномъ и непоколебимомъ согласіи; что они должны имѣть другъ къ другу взаимное снисхожденіе; что все ихъ общество долженствуетъ принимать совершенное участіе въ особыхъ дѣлахъ каждаго Децемвира. Напослѣдокъ онъ прибавилъ что нужно было, чтобъ они всѣ при-

присягнули и клялись непреступными клятвами, не только не препятствовать но паче способствовать, один другому, въ исполненіи особыхъ намѣреній, какіе будутъ отъ кого либо изъ нихъ предпринимаемы. А какъ сія Аппіева рѣчь ласкательна была для властолюбія его Товарищей, то они охотно приняли его предложеніе. Каждый хвалилъ его изобрѣтеніе; всѣ учинили другъ другу клятвенное обѣщаніе, какое предписалъ имъ Аппій, и единодушно согласились употреблять всѣ способы, кои могутъ служить къ удержанію во всю ихъ жизнь господства и власти, врученной имъ на годовое только время. И такъ общая вольность вновь была колеблема сильнѣйшими непріятелями.

Сіи новые Правители вступили въ должность ихъ званія въ половинѣ Маія. А дабы въ началѣ привести Народъ къ страху и послушанію, они представились въ Народъ каждый съ двенадцатью Ликторами, коимъ они

они приказали возобновить секиры носимыя посреди пука прутьевЪ, какЪ бывало когда сіи шествовали предЪ древними Царями Римскими и предЪ Диктаторами. Народные мѢста были ими наполнены по великому ихЪ числу; ибо находилось тогда сто двадцать ЛикторовЪ кои окружали и хранили особы своихЪ Правителей. Сіи Ликторы разталкивали НародЪ сЪ нетерпимымЪ надмѢніемЪ и гордотью, паче вЪ таковой РеспубликѢ, гдѢ прежде царствовали умѢренность и равенство. Видимый образЪ тиранства привелЪ людей кЪ досадѢ и негодованію. Тогда сравнивая умѢренность КонсуловЪ сЪ гордыми и несносными поступками ДецемвировЪ, всѢ начали жалѢть о прежнемЪ КонсульскомЪ Правленіи. Слышны были тайные жалобы, что дано было Народу десять Царей вмѢсто двухЪ КонсуловЪ. Но НародЪ позно уже сіе примѢтилЪ, и не властенЪ былЪ перемѢнить свой собственной выборЪ. Децемвиры начали

чали усиливать власть свою по образу самодержавія. Сверьхъ Ликторовъ, они были еще всегда окружаемы толпою людей, кои, не имѣя порядочнаго повѣденія и добраго имени, и большою частью обличенные въ плутовствѣ, или виноватые долгами выше мѣры ихъ состоянія, приставали къ нимъ, ища своего спасенія въ Государственныхъ возмущеніяхъ. Къ вящшей еще гибели, множество молодыхъ Патрикіевъ прилѣпились къ симъ новымъ Начальникамъ. Они, жертвовали общую вольность необузданному самоволію, въ Покровительствѣ Децемвировъ, кои пристрастно раздавали имъ чины и награжденія, забывая истинныя Достоинства въ тихомъ ихъ сожитіи. И такъ сіи послѣдователи, къ удовольствованію своихъ страстей, и ища единыхъ забавъ, безстыдно были исполнителями и сообщниками всѣхъ наглостей своихъ Правителей. Цѣломудріе и невинность, прекрасный полъ возвышающія, не имѣли болѣ

тогда надежнаго убѣжища. Сіи молодые Господа, подъ защитою самовластнаго вольничества, дерзко похищали дочерей изъ домовъ родителей, кои не смѣли на нихъ жаловаться. Другіе, при наималѣйшемъ поводѣ отнимали у своихъ сосѣдей земли, по тому только, что они близки были съ ихъ землями. Тщетно приносимы были жалобы Децемвирамъ; нещастные просители отсылаемы были съ презрѣніемъ: корысть и лицепріимство одни дѣйствовали въ судахъ и рѣшеніяхъ, безъ изслѣдованія дѣла по правосудію. Естьли же кто изъ Гражданъ сохранялъ еще остатокъ древней вольности, и осмѣливался изъявлять свое неудовольствіе, то сіи тираны приказывали сѣчь его прутьями какъ невольника; иныхъ сослали въ ссылку; иныхъ же безчеловѣчно умертвили; а имѣніе сихъ безвинно оскорбленныхъ всегда описано было, въ прибытокъ высокомощныхъ злодѣевъ общества.

Народъ

Народъ стеня подъ игомъ такова-го тиранства, обращался часто къ Сенату, отъ котораго онъ чаялъ получить облегченіе. Но большая часть Сенаторовъ, спасая себя отъ злобы Децемвировъ, по деревнямъ разъѣхались. Оставшіе же въ городѣ, взирали съ нѣкоторымъ удовольствіемъ на строгость Децемвирскаго правленія, которое ежечасно приводило людемъ на память кротость Начальства Консульскаго. По тому они ласкались, что Народъ охотно согласится вовсе уничтожить Трибуновъ, естьли только извлеченъ будетъ изъ подъ власти Децемвировъ.

Кай Клавдій дядя Аппіевъ, бывшій нѣкогда въ Консульскомъ Достоинствѣ, крайне скорбѣлъ, видя что племянникъ его содѣловался тираномъ своего Отечества; и онъ много разъ приходилъ къ нему въ домъ, въ намѣреніи представить ему какъ родственнику и другу, непристойное его поведеніе, которое наносило без-

честїе роду и мрачило память его предковъ. Но сей Начальникъ Децемвировъ, убѣгая отъ таковыхъ представленїй, не допускалъ своего дядю себя видѣть, подъ разными вымышленными образами. Кайй Клавдїй не могъ никогда доступить въ его покои; и сей древнїй правитель испыталъ съ чувствительнымъ огорченїемъ, что тираны не познаютъ ни друзей, ни родственниковъ.

Между тѣмъ, хотя сїи новые Правители прибавили еще двѣ Таблицы Законовъ, къ десяти прежнимъ выданнымъ въ прошедшемъ году, но о раздѣлѣ завоеванныхъ земель въ нихъ не было ни чего упомянуто. Вмѣсто того въ двухъ послѣднихъ Таблицахъ положена Статья, по которой запрещено Патрикїямъ и Плебеянамъ посягать однимъ съ другими въ союзы супружества, какъ то издревлѣ особо было узаконено. По чему казалось, что Децемвиры уставили сей новой Законъ въ точномъ видѣ, дабы содер-

жать

жать два рода людей въ Республикѣ, во всегдашнемъ раздѣленіи и несогласіи И къ тому не положили ни чего о раздѣлѣ владѣній. Они предусмотрѣвали, что естьли Благородное общество соединено будетъ съ Плебеянами: то тѣ и другіе, древнюю между собою ненависть, обратятъ противу Децемвировъ; чего опасаясь, они всячески поощряли оную.

Но какъ власть Децемвировъ возставлена была только на время, то Народъ ласкался увидѣть конецъ тиранству при окончаніи года. Однако половина уже Маія протекла, когда не было еще помышляемо о Комиціяхъ, ниже что либо учреждаемо для новаго избранія. Давноумышленныя предпріятія тирановъ, стали быть уже явны, и уже не взирая на Сенатъ и Народъ, они утверждались въ Правленіи, безъ всякаго права, единою только наглостью и насиліемъ. Все, что казалось имъ противно или опасно, было уничтожено. Великое число

 Граж-

Гражданъ добровольно оставили свое Отечество; нѣкоторые искали себѣ убѣжища у Латинянъ и Герниковъ, и Римъ съ остаткомъ унылыхъ жителей былъ жертвою тирановъ.

Тайно всѣ оплакивали потерянïе свободы, но не видно было въ республикѣ ни одного великодушнаго Гражданина, кто бы осмѣлился разорвать свои оковы. Казалось, что Римской Народъ потерялъ вовсе сïю отвагу, которая прежде заставляла сосѣдей почитать его съ подобострастïемъ. Латиняне и прочïе Народы, кои прежде были подвластны Римлянамъ, начали презирать присланные отъ нихъ повелѣнïя, и казалось будто не могли терпѣть надъ собою Владычества отъ такова племяни, гдѣ жители сами рабствовали въ неволѣ. Эквы и Сабиняне безвозбранно набѣгали почти къ воротамъ Города, грабя домы и земли во власть имъ оставленные.

Сїи вѣчные неприятели страшной имъ Республики, послали тогда два войска, дабы возпользоваться оружїемъ, при слабости и бѣдственномъ состоянїи Римскаго Народа. Сабиняне подступили по берегу Тибра за сто сорокъ стадїй отъ Рима; а Эквы разграбя прежде Тускуланскїя земли, остановились у Алгида. Оба войска близко грозили Риму осадою. Децемвиры получа о томъ вѣдомости пришли въ удивленїе и страхъ. Необходимо надлежало вооружиться къ оборонѣ; но безъ Сената и Народа они не могли предпринять войны, и знали сколь они ненавистны обоимъ. Совѣты ихъ были различны, смятенны и неосновательны. Они не могли рѣшить, къ кому лутче прибѣгнуть въ семъ случаи, къ Народу или къ Сенату: тѣмъ наипаче что Право, которое прежде они имѣли созывать Собранїи, было тогда сомнительно; ибо какъ годъ ихъ Начальства уже кончился, то они имѣли причину ду-

 мать,

мать, что сїе Право не будетЪ имЪ уступлено вЪ званїи простыхЪ Граждан̆Ъ. Но какЪ Децемвиры большою частью были изЪ общества Сенаторов̆Ъ, между коими они имѣли своихЪ единомышленников̆Ъ, то по многихЪ разсужденїяхЪ, они за удобно положили созвать СенатЪ, и условились между собою, кому какЪ поступать, и что говорить вЪ Собранїи. Послѣдователи ихЪ приняли должность отвѣтствовать на жалобы тѣхЪ, кои возтребуютЪ уничтоженїя ДецемвировЪ. Они взяли сїи мѣры, вЪ чаянїи посредствомЪ ихЪ произвесть наборЪ войска, и надѣясь, что НародЪ при всемЪ своемЪ негодованїи не можетЪ тому противурѣчить, по колику онЪ при потерянїи своихЪ ТрибуновЪ, потерялЪ Право противурѣчїя.

304 год. рим. Немедлѣнно ГерольдЪ (*), по повелѣнїю ДецемвировЪ, обнародовалЪ назна-

(*) Герольды, то есть Народные Провозвѣстники, имѣютЪ свое начало у Гре-

значенное Собранїе Сената; но къ сему Собранїю никто не явился кромѣ Децемвировъ и ихъ сообщниковъ. Протчїе Сенаторы, оставя объ общихъ дѣлахъ попеченїе, удалились, какъ выше сказано, изъ Города. Децемвиры послали къ нимъ повѣстителей, назначивъ имъ явиться завтре къ Собранїю. По сей повѣсткѣ, хотя большая часть Сенаторовъ возвратились въ Городъ, но не въ томъ видѣ какой имѣли Децемвиры. Аппїй представилъ въ Собранїи, выученною заранѣ рѣчью, сколь нужно было, чтобъ Народъ принялъ оружїе противу нашествїя Эквовъ и Сабинянъ.

ковъ, и толь издревле какъ торжественные обряды были уставлены. Они провозвѣщали войну, или миръ, или договоры, и съ объявленїемъ оныхъ посылались къ неприятелямъ. У Римлянъ же они объявляли и будущїя Собранїя для какого либо общаго дѣла или отправленїя. Званїе Герольдовъ у многихъ Народовъ и нынѣ осталось, хотя должности ихъ по разнымъ обычаямъ и нравамъ не вездѣ одинаковы.

Луцїй Валерїй Потїй, всталъ тотъ часъ для слова, не дожидаясь того времени, когда онъ долженъ былъ по порядку сказывать свое мнѣнїе. Онъ былъ сынъ того Валерїя, который потерялъ жизнь предводительствуя Римлянъ противу Гердонїя, и внукъ достославнаго Валерїя, названнаго *Публиколы*, творца и защитника общей вольности. Толь отличнаго рода Сенаторъ, который имѣлъ свойство и добродѣтели своихъ предковъ, былъ опасенъ для Аппїя. Боясь же, чтобъ Валерїй, первый начавъ рѣчь, не предложилъ мнѣнїя противнаго пользѣ Децемвировъ, Аппїй повелѣвалъ ему съ гордостью сѣсть и умолкнуть, и чтобъ онъ ждалъ времени, когда другїе старшїе и болѣ почтенные въ Республикѣ Сенаторы, голоса свои прежде скажутъ.

„Ябъ ждалъ, отвѣчалъ ему кротко Валерїй, естьлибъ долженствовалъ говорить о такомъ дѣлѣ, которое бы отъ тебя предложено было.

„ло. Но я о сохраненіи республиче-
„ской вольности говорить намѣренъ. Въ
„семъ видѣ, я хочу имѣть, по край-
„ней мѣрѣ, вольность изъяснять мои
„мысли, по праву, которое каждый
„Римлянинъ всегда имѣть можетъ.
„Можно ли терпѣть, чтобъ ты, по
„окончаніи твоей власти, и будучи
„теперь не болѣ какъ простой Гражда-
„нинъ, заставлялъ молчать Валерія?
„Должно ли, чтобъ твое тиранство
„принудило Сенатора раскаяваться въ
„уничтоженіи Трибуновъ, кои при воз-
„можномъ злоупотребленіи Правъ сво-
„ихъ болѣ сохраняли вольность и благо-
„состояніе Рима, нежели Главные ны-
„нѣ Правители? А когда ты и твои
„Товарищи похитили ихъ Власть и
„Правы, съ тѣмъ, какъ вы говорили,
„чтобъ вамъ быть вмѣсто ихъ под-
„порою Народу, то я вамъ на васъ
„приношу жалобы. Хотя не надѣюсь
„нынѣ на ваше Правосудіе и помощь,
„по крайней мѣрѣ я долженъ открыть
„Народу видимый умыселъ противу
„общей

„общей вольности, и заговорЪ, кото-
„рый вы тщетно укрыть стараетесь.„
По томЪ обратясь кЪ Фабію Вибулану, „А ты, продожалЪ онЪ, послѣ „чести, которую ты имѣлЪ, бывЪ „трижды возведенЪ на Консульское „Достоинство, ты почтенный мужЪ, „можешь ли столько себя унизить, „чтобЪ вЪ угожденіе тиранамЪ измѣнить твоему Отечеству, и предпочесть ихЪ пользу общему благосостоянію„?

Фабій, удивясь толь чрезвычайно смѣлому вызыву, и не имѣя довольно великости духа, былЪ вЪ нерѣшимости, кЪ которой сторонѣ приставать надлежало, и ничего не отвѣтствовалЪ. Аппій же во изступленіи отЪ злобы вновь ему кричалЪ, чтобЪ онЪ умолкЪ; а другіе Децемвиры грозили ему, что они прикажутЪ его сбросить сЪ Тарпеянской горы, какЪ преслушника и возмутителя. Толь жестокій и необычайный поступокЪ вЪ обществѣ, гдѣ всѣ почитали себя рав-

равными, взволновалЪ всѢхЪ присудствующихЪ вЪ Собранiи. МаркЪ Горацiй БарбатЪ болѢ всѢхЪ вступился за сiе неслыханное поруганiе Сенатору. ОнЪ былЪ внукЪ того Горацiя Коклеса, который, защищая вольность своего Отечества, одинЪ на мосту стоялЪ противу войска Порсенина. ВЪ потомствѢ славныхЪ предковЪ, республиканской духЪ виденЪ былЪ родомЪ по отцѢ вЪ сынѢ. Горацiй, не терпя долѢ гордости и наглости ДецемвировЪ, вступилЪ вЪ слово, и называлЪ ихЪ при всѢхЪ новыми Тарквинiями и тиранами своего Отечества.

„Вы намЪ представляете, говорилЪ онЪ имЪ, о нуждѢ воевать сЪ „Сабинянами, такЪ какЪ бы они были болѢ неприятели Римскаго Народа, нежели вы. Скажите намЪ, какою Властью учредили вы нынѢшнее „Собранiе, и какое имѢете вы Право „вЪ немЪ первенствовать? Время вашего Начальства уже минуло. Или „вы хотите вѢчно быть Децемвирами

„и

„и по окончанїи вашего года? Мы „васъ избрали учредить Законы, при„личные вольной Области, а вы не „оставляете и слѣда къ сему равен„ству, которое всего драгоцѣннѣе Рим„лянамъ. Вы прекратили Народныя и „Сенаторскїя Собранїя; не избираете „болѣ ни Консуловъ, ни Трибуновъ; „всѣ ежегодныя Властительствы уни„чтожены. Вы со всѣмъ перемѣнили „древнїй образъ правленїя, дабы воз„выситься упадкомъ онаго и возста„вить ваше особенное владычество. „Но вѣдайте, что кровь Валерїевъ и „Горацїевъ не терпѣвшихъ въ Римѣ „тиранства Тарквинїевъ, кровь и серд„ца ихъ остаются всегда въ потом„кахъ. Мы съ равною смѣлостью и „съ равнымъ усердїемъ готовы защи„щать вольность нашего Отечества. „Боги, покровители сего Горада, будутъ „намъ равно въ томъ помощники; и я „надѣюсь, что Народъ, столько же „ревностный къ сохраненїю свободы „какъ и его предки, не оставитъ насъ

„въ

„въ нашемъ справедливомъ предпрія-
„тіи„.

Толико мужественная рѣчь привела въ изумленіе Децемвировъ. Они не знали, гнѣвъ или снисхожденіе тогда употребить надлежало, боясь раздражить Народъ, и боясь показать свою слабость противу онаго. Аппій, къ укрощенію негодованія представилъ, что они не только не мыслятъ быть тиранами, но на противу того созвали Сенатъ въ единственномъ намѣреніи, дабы разсуждать вмѣстѣ о дѣлахъ и принимать совѣты по тогдашнимъ обстоятельствамъ; что онъ перебивалъ рѣчь Валеріеву для сохраненія только уставленнаго порядка, по которому каждый долженъ говорить въ свое время, развѣ когда первенствующій въ Собраніи самъ начнетъ съ кѣмъ слово. И тогда обратясь къ Корнелію Клавдію своему дядѣ, просилъ его, чтобъ онъ сказалъ свое мнѣніе со всею вольностью, какую каждый имѣетъ въ Собраніи. Общая

щая польза Дома, долгъ родства, и такъ же честь, которую онъ ему дѣлалъ спрашивая во первыхъ у него мнѣнія, всѣ сіи причины могли поколебать Клавдія къ пристрастію, какъ Аппій чаялъ, и вооружить противу жестокой рѣчи Гораціевой. Но Клавдій имѣлъ правдивую Римскую душу, и не пощадилъ бы самыхъ своихъ дѣтей для сохраненія общей вольности. Уже сказано выше, что онъ много разъ приходилъ къ дому Аппія своего племянника, въ намѣреніи представить ему всѣ жалобы подъ несправедливымъ и усильнымъ его правленіемъ. А какъ служители Аппіевы, по его приказанію, подъ разными отговорками, не допускали никогда дядю съ нимъ видѣться, то онъ необходимо принужденъ былъ, въ семъ случаѣ при всемъ Народномъ Собраніи, сказать ему вольнымъ образомъ свое мнѣніе.

Сей Сенаторъ представилъ въ началѣ Собранію важность двухъ предлежащихъ обстоятельствъ, то есть нужду

нужду защитить себя отъ внѣ угрожающаго неприятеля, и необходимость пресѣчь внутреннія несогласіи по причинѣ самовластнаго Правленія. Онъ изъяснялъ, что военныя неприятельскія покушеніи произходили точно отъ несогласія царствующаго въ Республикѣ, безъ чего неприятели конечно не осмѣлились бы приближиться къ границамъ Римской Области; что прежде всего надлежитъ возстановить спокойство и тишину въ Городѣ, а по томъ довольно будетъ только распустить знамена Римскихъ Легіоновъ, дабы обратить въ бѣгство Еквовъ и Сабинянъ, надъ которыми Римляне всегда торжествовали; но что онъ не можетъ надѣяться, чтобъ Народъ согласился принять оружіе подъ предводительствомъ Децемвировъ, коихъ онъ почитаетъ по справедливости простыми Гражданами похитившими высочайшую власть, и кои, въ презрѣніе Сената и Народа, самовольно хотятъ навсегда быть Правителями.

 По

По томъ онъ говорилъ обратясь къ Аппїю: „Знаете ли вы, сколь против„но и гнусно всѣмъ добродѣтельнымъ „людямъ толь несправедливое намѣ„ренїе? Но можете ли вы о томъ не „вѣдать? Самопроизвольное заключе„нїе нашихъ Почтеннѣйшихъ Сенато„ровъ, не довольно ли вамъ доказыва„етъ, что они со омерзѣнїемъ бѣгутъ „отъ вашего тиранства? Сенатъ тер„зается въ огорченїи, видя принадле„жащую ему власть вами похищаему „и употребляему во злодѣянїе; На„родъ жалуясь на несправедливости „вашихъ рѣшенїй, хочетъ прибѣгнуть „къ древнему своему Праву, по кото„рому онъ могъ вершить дѣла общими „голосами, но вы сїе Право у Народа „отняли; всѣ Граждане вопїютъ про„тиву насильства, иные лишаясь сво„ихъ имѣнїй отъемлемыхъ сильною ру„кою вашихъ любимцевъ, другїе ли„шаясь дочерей, коихъ вы похитили „вдавшись презорнымъ и необуздан„нымъ страстямъ вашимъ. Городъ и

„вся

„вся Область съ ненавистью и злобою
„не хотятъ повиноваться Начальству
„вашему, видя что вольность Наро-
„да погибаетъ, отправленіе Комицій
„уничтожено, законная власть Кон-
„суловъ отъята силою, и могущество
„Трибуновъ разрушено. Возвратите
„Республикѣ Властительство, которое
„на одинъ только годъ вамъ было ввѣ-
„рено; возвратите намъ образъ древ-
„няго нашего правленія; возвратитесь
„сами въ должное ваше состояніе. Во-
„спомните сколь были всѣмъ любезны
„первыя ваши добродѣтели, и остав-
„те великодушно, съ насильственнымъ
„властительствомъ званіе Децемвировъ,
„которое вы содѣлали ненавистнымъ.
„Я тебя заклинаю въ томъ общими
„нашими предками, заклинаю тѣнью
„твоего отца, сего достославнаго Граж-
„данина, котораго великіе примѣры
„долженствуютъ быть твоимъ прави-
„ломъ въ любви и ревности къ общей
„вольности. Я тебя наипаче закли-
„наю твоимъ благополучіемъ и сохра-

 „неніемъ

„неніемъ твоей собственной жизни;
„которую ты необходимо подвергнешь
„безчестнымъ казнямъ, естьли долѣ
„будешь упорно и неправедно защи-
„щать твое Властительство, похищен-
„ное у Сограждан твоихъ.„

Аппій, приведенъ въ смятеніе толь справедливыми укореніями, не имѣлъ силы отвѣтствовать. А его молчаніе принято было видимымъ признаніемъ его несправедливости, и обѣщаемою склонностью отрещись отъ Децемвирства. Но Маркъ Корнелій, одинъ изъ Сочленовъ Аппіевыхъ, начавъ рѣчь и устремя оную прямо къ Корнелію Клавдію, отвѣтствовалъ ему съ гордостію, что Особы правящія Республикою не имѣютъ нужды въ его совѣтахъ для учрежденія ихъ поступокъ; что естьли онъ думаетъ имѣть право учить своего племянника, то можетъ дѣлать ему увѣщаніи въ его домѣ; а что въ Сенатѣ они должны разсуждать только объ общихъ дѣлахъ, и дабы по обстоятельствамъ

при-

приближающейся войны, принять оружїе противу Еквовъ и Сабинянъ, кои подступали къ Риму; что о сихъ дѣлахъ онъ можетъ говорить свое мнѣнїе, но не мѣшая постороннихъ рѣчей не принадлежащихъ къ ихъ разсужденїю. Тогда Клавдїй, болѣ раздраженъ пренебрежнымъ молчанїемъ Аппїевымъ, нежели дерзкимъ отвѣтомъ его Товарища, говорилъ обратясь къ Сенату: „Я вижу, что племянникъ мой не „хочетъ мнѣ отвѣтствовать ни въ „своемъ домѣ, ни въ полномъ Сенатѣ, „и что по нещастью изъ моего рода „выходитъ тиранъ Отечества: для „того объявляю вамъ почтенные Отцы, что я намѣренъ удалиться въ „Регилъ. Я изключаю себя самопро„извольно изъ числа Римскихъ жите„лей, и даю клятву не возвращать„ся въ Римъ безъ свободы, которую „мы всѣ имѣть должны. Между тѣмъ, „чтобъ сказать вамъ по долгу прямо „мое мнѣнїе о настоящихъ дѣлахъ, я „не признаю за нужно набирать вой-

„ско, прежде нежели изберутся Кон-
„сулы повелѣвать онымъ.

Луцій Квинтій Цинцинатъ, Титъ Квинтій Капитолиній и Луцій Лукреціій, кои всѣ прежде были въ Консульскомъ Достоинствѣ и изъ главныхъ въ Сенатѣ, изъявили отъ себя то же мнѣніе, и какъ одинъ такъ другой говорили на конецъ отрѣшить Децемвирство. Маркъ Корнелій Децемвиръ, боясь чтобъ власть сихъ великихъ мужей не превозмогла надъ прочими Сенаторами, уничтожилъ порядокъ, по которому каждый въ свое время, одинъ послѣ другова, долженствовалъ сказывать свое мнѣніе. Онъ спрашивалъ, противу чина засѣданія, какое подастъ мнѣніе Луцій Корнелій братъ его, съ которымъ онъ заранѣ, въ защищеніе Децемвирства составилъ рѣчь какую надлежало Луцію говорить въ Собраніи. Сей Сенаторъ вставъ, не простиралъ своего слова, чтобъ защищать власть или поступки Децемвировъ; но съ хитрымъ умысломъ

пред-

представлялъ только, что по его мнѣнію надлежало отложить избраніе новыхъ Правителей, до того времени какъ Римскіе земли отъ неприятелей будутъ очищены. „Тѣ, говорилъ онъ, „которые желаютъ толь ревностно „отрѣшить Децемвировъ, получилиль „обѣщаніе отъ Екбовъ и Сабинянъ, „что они станутъ мѣшкать насъ гра„бить, пока мы не перемѣнимъ образа „нашего Правленія. Вы знаете, поч„тенные Отцы, сколько надобно вре„мяни для нашихъ избраній: надобно „чтобъ предварительно сдѣланъ былъ „Сенатусъ-Консультъ по которому у„чреждаются Комиціи. Сіе Собраніе, „хотя по Центуріямъ хотя по Три„бамъ, не можетъ быть произведено „въ дѣйство ранѣ, какъ по прошествіи „двадцати семи дней, послѣ обнаро„дованія объ ономъ. Но покамѣстъ но„вые Правители будутъ избраны, по„камѣстъ утвердятъ ихъ вторымъ „Собраніемъ, покамѣстъ они вступятъ „въ должность Правленія, покамѣстъ

„наберутъ нужныя войски для сопро-
„тивленія непріятелю, кто можетъ
„васъ увѣрить, что тѣмъ временемъ
„неприятель не будетъ подъ стѣна-
„ми Рима, и не заключитъ насъ въ
„осадѣ. Скажите ли вы тогда Ек-
„вамъ и Сабинянамъ: господа, помѣш-
„кайте вашимъ къ намъ приступомъ,
„дайте намъ время кончить наши до-
„машнія ссоры; Сенатъ еще не согла-
„сился, какой образъ Правленія при-
„нять долженъ, а когда мы возста-
„вимъ опять Консульство, и новые
„Правители будутъ предводительство-
„вать войсками, то бойтесь тогда
„оставаться на земляхъ нашихъ, воз-
„мите скорѣе мирные вѣтьви, и при-
„дите съ покорностью просить у насъ
„мира, естьли не хотите испытать
„яростнаго мщенія нашихъ храбрыхъ
„воиновъ? Въ благоразумномъ нашемъ
„Собраніи можемъ ли мы ласкать се-
„бя такою химерою, и слушать по-
„добныя тому рѣчи? Таковы однако
„должны послѣдовать мнѣнію, какое
„намъ

„намъ представилъ Корнелій Клавдій.
„А я даю мое мнѣніе, чтобъ Децем-
„виры набрали немедлѣнно Легіоны, и
„выступили не теряя времяни про-
„тиву неприятелей. Избавимъ лутче
„наши границы отъ ихъ нападенія не
„дожидаясь онаго внутри Области;
„принудимъ ихъ, естьли можно, еди-
„нымъ страхомъ нашего оружія про-
„сить мира. И когда внѣшняя ти-
„шина будетъ возставлена, то по
„томъ приложите, господа, стараніе
„о учрежденіи внутренняго порядка.
„Отрѣшите вашею властью власть
„Децемвировъ, естьли они не захо-
„тятъ добровольно уступить оную.
„Разсмотрите дѣла ихъ правленія,
„требуйте отъ нихъ надлежащихъ от-
„вѣтовъ, изберите на ихъ мѣста но-
„выхъ Правителей, и тогда пусть
„Республика воспріиметъ свое древнее
„установленіе. Но позвольте мнѣ ска-
„зать вамъ, что въ добромъ Правле-
„ніи, образъ и порядокъ должны уч-
„реждаться по разсужденію обстоя-

 „тельствъ,

„тельствѣ, по времяни и нуждамъ „Государственнымъ.„

Сообщники Децемвировъ крѣпко утверждали сїе мнѣнїе, и самые молодые Сенаторы, когда долженствовали по порядку дать свои голоса, пристали къ оному: поколику они были побуждаемы ихъ стремительною склонностью къ военнымъ дѣйствїямъ, въ нетерпѣливости сражаться съ неприятелями. Нѣкоторые изъ самыхъ старыхъ Сенаторовъ приняли тоже мнѣнїе, разумѣвая что по окончанїи войны, Децемвиры добровольно сложатъ съ себя свое званїе, что Правленїе достанется опять въ руки Консуламъ, и что тогда благоразумные Правители, можетъ быть чрезъ свое снизхожденїе, не чувствительно приучатъ Народъ жить безъ особливыхъ своихъ Народныхъ Начальниковъ.

Аппїй со внутреннимъ удовольствїемъ видѣлъ, что большая часть мнѣнїй были согласны съ Корнелїевымъ; однако послѣ спросилъ и у Корнелїя его

его мнѣнія, какъ будто для сохраненія должнаго порядка, хотя онъ и запрещалъ ему говорить при началѣ Собранія. „Возможно ли терпѣть, „возопіялъ тогда сей Сенаторъ, чтобъ „наши тираны простирали нынѣ свое „насиліе въ Сенатѣ, въ самомъ свя„тилищѣ вольности? Тогда рѣчь моя „остановлена, когда я могъ говорить „съ успѣхомъ, и позволяютъ мнѣ толь„ко тогда, какъ голоса уже собраны, „какъ большая часть явилась на сто„ронѣ Корнеліевой, и какъ всякое пред„ставленіе будетъ уже безполезно. Я „однако буду всегда говорить по моей „совѣсти и наблюдая пользу моего О„течества, такъ точно какъ я ду„маю о продолженіи власти похищен„ной Децемвирами, и такъ смѣло и „свободно, какъ должно говорить и„стинному Римлянину.

„Въ началѣ я объявляю, что я „согласенъ отъ чистаго сердца во всемъ, „что Кайй Клавдій благоразумно вамъ „представилъ, разумѣя нужду избрать

„но-

„новыхъ Правителей прежде выступ-
„ленія въ поле. Но какъ Луцій Кор-
„нелій, явный сообщникъ тиранства
„старался обратить толь справедли-
„вое мнѣніе въ смѣхоподобное, подъ
„тѣмъ видомъ, что позно уже будетъ
„противиться неприятелю, когда вре-
„мя пройдетъ въ избраніи сихъ Пра-
„вителей, то я почитаю себя долж-
„нымъ представить хитрость, сокры-
„тую только подъ симъ ложнымъ раз-
„сужденіемъ. А чтобъ вы въ томъ
„увѣрились, вспомните примѣрной по-
„ступокъ, какой имѣла республика
„въ подобномъ случаѣ, назадъ тому
„десять лѣтъ, противу тѣхъ же не-
„приятелей, въ Консульство Квинта
„Навція и Луція Минуція.

„Вы знаете, что во время когда
„Навцій пошелъ съ своей стороны про-
„тиву Сабинянъ, то Минуцій, его То-
„варищь, допустилъ Еквовъ заперетъ
„себя въ тѣсномъ проходѣ между нѣ-
„которыми горами. Надлежало тогда
„выслать другое войско, чтобъ его
„отту-

„оттуда выручить; но Трибуны о-
„быкновенно останавливали всякой на-
„борЪ войска, для того чтобЪ Се-
„натЪ прежде утвердилЪ ЗаконЪ о
„раздѣлѣ владѣнїй. ВЪ сей крайности,
„когда обѣ стороны непреклонно упор-
„ствовали вЪ своихЪ требованїяхЪ,
„избранЪ былЪ ДиктаторЪ, который
„имѣлЪ высокомощную власть надЪ Се-
„натомЪ и Народными Начальниками:
„Луцїй Квинтїй былЪ избранЪ вЪ сїе
„достоинство; приглашенЪ, оставя па-
„шню править республикою. ОнЪ при-
„шелЪ вЪ РимЪ, набралЪ новое войско,
„вЪ двѣ недѣли выручилЪ другое по-
„гибающее сЪ МинуцїемЪ, и торже-
„ствовалЪ надЪ непрїятелемЪ. Но кто
„нынѣ препятствуетЪ намЪ послѣдо-
„вать сему недавному и благоразум-
„ному примѣру? ИзберемЪ и нынѣ та-
„коваго же междовремяннаго Власти-
„теля, такЪ какЪ бы мы сдѣлали,
„когда бы оба Консулы прежде конца
„года умерли. Пусть главный Прави-
„тель назоветЪ Диктатора, и вы тотЪ

„часЪ

„часъ будете имѣть Законнаго Прави-
„теля: все сїе можетъ исполниться
„скорѣе, нежели въ день. Диктаторъ
„высочайшею властью, какая принад-
„лежитъ его достоинству, наберетъ
„войско, которое немедлѣнно высту-
„питъ противу неприятеля; а по о-
„кончанїи войны, сей Правитель, из-
„бираемый не долѣ какъ только на
„шесть мѣсяцевъ, изыщетъ время,
„сложа свой чинъ, произвесть не при-
„нужденно и надлежащимъ порядкомъ
„избранїе Консуловъ. Но естьли на
„противу того, вы ввѣрите предво-
„дительство войскъ Децемвирамъ, ду-
„маете ли вы, что сїи властолюби-
„вые люди, кои усильно присвоили се-
„бѣ власть тиранскую, и кои въ про-
„тивность нашихъ Законовъ, отнюдь
„не хотятъ уступить оную, дума-
„ете ли вы, что они легко разпу-
„стятъ войско? Бойтесь скорѣе, чтобъ
„они не обратили вашего оружїя про-
„тиву васъ самихъ, и не употребили
„его для утвержденїя своего тиран-
„ства.

„ства. И такъ видя общую вольность „при настоящей гибели, я васъ прошу уважить мое предложенїе, „назвать теперь Диктатора, требовать на то согласїя, и собрать „голоса.„

Нѣкоторые Сенаторы, кои ненавидѣли и подозрѣвали власть Децемвировъ восприняли сїе мнѣнїе. Но сообщники Децемвирскїе возопїяли, что предводительство войскъ было уже поручено Децемвирамъ по большинству голосовъ, слѣдственно сїе дѣло было вершено, и что споръ Валерїевъ не могъ быть уважаемъ болѣ, какъ только что убавлялъ собою одинъ голосъ въ пользу Децемвировъ. Аппїй утверждая сїе мнѣнїе прибавилъ, что настоящее Собранїе учреждено было единственно только для принятїя мѣръ къ оборонительной войнѣ противу Екковъ и Сабинянъ; что хотя Кайй Клавдїй, Корнелїй и Валерїй мнили о томъ различно, но что однако Корнелїево мнѣнїе принято было

до по большинству голосовъ. И въ слѣдствіе того онъ приказалъ писчику написать тотъ часъ Сенатусъ-Консультъ, по которому Децемвиры долженствовали употребить мѣры къ вооруженію, и послѣ предводительствовать войскомъ. По томъ оборотясь къ Валерію сказалъ ему съ подсмѣятельнымъ видомъ, что естьли онъ когда нибудь сдѣлается Консуломъ, тогда можетъ перевершить дѣло, которое теперь уже рѣшено противу его мнѣнія. Децемвиры встали подписавъ Сенатусъ-Консультъ, и вышли изъ Сената послѣдуемы своими сообщниками, которые ихъ поздравляли съ преимуществомъ одержаннымъ надъ противною имъ стороною.

Предводительство войскъ препорученное Децемвирамъ утверждало ихъ власть, и заставляло наиболѣ почитать оную. Они устремили ее къ отмщенію своимъ особымъ непріятелямъ; а въ число своихъ непріятелей включали и тѣхъ, кои не хотѣ-

ли

ли быть ихъ рабами. Всѣ потаенно вздыхали о вольности, которой они лишились. Луцій Валерій и Маркъ Горацій, не хотя оставить погибающую Республику, ни потерять свою собственную свободу, собрали у себя въ домахъ великое число своихъ друзей и Кліентовъ, дабы содѣлать себѣ помощь противу насильства Децемвировъ; и въ Городѣ являлись всегда во многочисленности, дабы могли защитить себя отъ наглаго нападенія, котораго они имѣли причину опасаться.

Республика раздѣлена была на двое. Съ одной стороны видима была ревнительная любовь къ вольности и строгое наблюденіе Законовъ; съ другой сопротивлялось необузданное стремленіе ко владычеству, питаемое поползновеннымъ упованіемъ на свои силы, и единою наружностью Законнаго Властоначалія. Несогласіе и злоба царствующія между сими двумя частьми предвозвѣщали страхъ междоусобной брани. Кайй Клавдій, дядя

Децемвира Аппія Клавдія, предостерегаясь быть участникомъ въ оной, вышелъ изъ Рима, какъ онъ заранѣ объявилъ въ полномъ Сенатѣ, и удалился въ Регилу, прежнее свое отечество. Протчіе Сенаторы, и главные Граждане Римскіе, кои не могли терпѣть начальства Децемвировъ и не имѣли силъ разрушить оное, искали убѣжища внѣ Города, или у сосѣднихъ Народовъ. Аппій раздраженъ общимъ удаленіемъ, означающимъ толь видимо чувствуемое отвращеніе отъ его власти, учредилъ заставу у воротъ Города. Но видя на конецъ что сія строгость усугубляла число неудовольствованныхъ, отмѣнилъ воротную заставу; а въ злобу тѣмъ, кои удалились, описалъ ихъ имѣніи въ Римѣ, для жалованія и награжденія своихъ сообщниковъ.

Толь насильственное употребленіе власти открыло глаза у Народа и Сената. Оба видѣли съ негодованіемъ, что вмѣсто чаемыхъ благоразум-

зумныхъ Законодателей, нашли гнусныхъ Тирановъ. Народъ прежде въ соперничествѣ и злобѣ съ Сенатомъ, чаялъ было видѣть, къ своему порадованію, новую власть возставленную на разрушеніи Консульства, власть которая отнимала у Сенаторовъ участіе въ Правленіи. Сенатъ такъ же не противился учрежденію таковаго Начальства, которое прекращало подустительныя рѣчи Народныхъ Трибуновъ: та и другая степень Республики жертвовали взаимно своихъ Начальниковъ. Но Децемвиры приявъ посредствующую ихъ власть, толико возмѣрились, что восхотѣли на всегда утвердиться въ правленіи. И какъ предводительство войскъ имъ препоручено было, то они презирали безстрашно тѣхъ, кои являлись недовольны ихъ правленіемъ. Народъ безъ помощи своихъ Трибуновъ не смѣлъ прекословить, когда его нудили къ вооруженію. Вскорѣ наполнены были Легіоны, которые раздѣлены по томъ на

три военные силы. Одна поручена въ предводительство Квинту Фабію Вибулану; а къ нему въ товарищи или въ Совѣтъ приобщены были Квинтъ Петилій и Маркъ Рабулей, и съ сею силою Фабій пошелъ противу Сабинянъ. Другою предводительствовалъ Маркъ Корнелій и выступилъ противу Еквовъ, имѣя при себѣ въ подмогу Луція Минуція, Марка Сергія, Тита Антонія и Каія Дуиллія, кои всѣ были Децемвиры. Аппій же, ихъ главный, остался въ Римѣ и при себѣ оставилъ Опія, удержалъ такъ же въ Городѣ и третью часть войска. Онъ поставилъ оное въ Капитоліи, такъ какъ стражу, для соблюденія своей власти противу домашнихъ непріятелей, которыхъ онъ опасался болѣ нежели чужеземныхъ. Такимъ образомъ простые Граждане, подъ имянемъ Децемвировъ, имѣли въ своихъ рукахъ всѣ силы вольной области, и сія во время ихъ властительства сохраняла одно только званіе Республики. На-

Народъ, который составлялъ силы, равно Центуріоны и воины, потерявъ вольность и тѣмъ озлоблены, не хотѣли побѣждать, въ страхѣ разпространить побѣдами могущество Децемвировъ какъ скоро надъ всѣми они торжествовать будутъ. Обѣ силы разбиты почти безъ сраженія. Общее бѣгство при началѣ бою было умышлено. Сила противопоставленная Еквамъ потеряла свое оружіе и свой обозъ; другая, которая долженствовала сражаться съ Сабинянами, оставила свой станъ и стремительно побѣжала вспять на земли Римскія. Воины по полямъ разсыпавшись, не прежде соединились, какъ уже потеряли изъ виду неприятеля; и извѣстіе о семъ бѣгствѣ произвело въ Римѣ толикую радость, какова могла быть изъявляема въ другое время, при совершенной побѣдѣ Римлянъ.

Въ Городѣ въ слухъ говорили, что не надлежало удивляться, естьли Республика въ войнѣ была нещастлива

подъ предводительствомъ такихъ Начальниковъ, которые Начальство похитили. Иные требовали Консуловъ, другїе предлагали избрать Диктатора въ толь бѣдственномъ состоянїи Республики, а Народъ горѣлъ желанїемъ имѣть опять надъ собою Трибуновъ.

Сицїй Дентатъ, тотъ славный Плебеянинъ, который былъ во ста двадцати сраженїяхъ, не умолкая твердилъ Народу о проступкахъ Децемвировъ, какїя они, по его доказательствамъ, сдѣлали предводительствуя сею войною. Его о томъ мысли и презрѣнїе къ своимъ Полководцамъ сообщились отъ одного къ другому въ оба войска. Воины едва слушали приказы своихъ главныхъ Повелителей; одни требовали прокормленїя, другїе оружїя, и общее неудовольствїе, казалось имѣло уже начало приближающагося возмущенїя.

Аппїй, по уваженїю сихъ обстоятельствъ, послалъ къ своимъ Товарищамъ въ подмогу людей и нужное пропитанїе.

питанїе. Совѣтывалъ же имъ содержать воиновъ въ повиновенїи не ослабнымъ наказанїемъ и страхомъ, припомянувъ къ тому, что естьли опредѣленїе смертной казни кажется имъ опасно при жестокомъ волненїи разумовъ, то послѣ можно будетъ найти случай погубить скрытно главнѣйшихъ преслушниковъ. Онъ далъ имъ въ томъ примѣръ собою. Сицїй привлекъ его злобу своими вольными рѣчами, и тѣмъ, что онъ имѣлъ особливую довѣренность отъ Народа. Довольно было сей причины, чтобъ погубить Сицїя. А дабы выманить его изъ Рима, онъ призвалъ его нарочно, будто съ нимъ совѣтывать о военныхъ дѣйствїяхъ, какїя нужно было употребить къ успѣху оружїя. Онъ много разъ съ нимъ о томъ разговаривалъ, и выхваля всѣ его мнѣнїи, уговорилъ его ѣхать къ посланному противу Сабинянъ войску, подъ видомъ, чтобъ онъ помогалъ главному Предводителю своими благоразумными совѣтами. А чтобы болѣ привлечь его къ при-

присудствїю въ войнѣ, почтилъ его чиномъ Посланника или Легата. Сей чинъ, по сказанїю Деонисїя Галикарнасскаго, свято и ненарушимо почитался у Римлянъ, и равные имѣлъ почести, какїе принадлежали Священноначальству Римскому, со властью военнаго предводителя, и силою какую имѣли главные Правители.

Сицїй, не подозрѣвая въ томъ никакой хитрости, съ чистосердечїемъ прямаго воина, радуется случаю, гдѣ онъ можетъ оказать услуги своему Отечеству, и немедлѣнно отправляется къ стану. Децемвиры, предупрежденные Аппїемъ, принимаютъ его съ наружными знаками удовольствїя, и со всѣми почестьми ему принадлежащими. Слѣдуютъ во всемъ его совѣтамъ; но сїю видимую честь воздавали ему съ тайнымъ умысломъ приготовляемой ему погибели. Вскорѣ представился къ тому случай. Сицїй со свойственною ему вольностью открылъ свои мысли Децемвирамъ, что онъ

находитЪ ихЪ станЪ разположенЪ не на мѣстѣ; по чему они поручили ему самому принять трудЪ выбрать способнѣйшее кЪ тому мѣсто, и вЪ подмогу или предосторожность дана ему была нѣкоторая часть людей, чтобЪ онЪ подЪ охраненiемЪ ихЪ слѣдовалЪ осмотрѣть разположенiе земли окружной. Но сiя часть людей состояла изЪ Децемвирскихъ единомышленниковЪ, кои имѣли тайное повелѣнiе изтребить Сицiя. И какЪ сей старый и почтенный воинЪ, слѣдуя на переди, былЪ вЪ тѣсномЪ мѣстѣ между нѣкоторыми горами, то они нашли удобный случай кЪ нападенiю на своего Предводителя. Сицiй увидя злое ихЪ намѣренiе, тотЪ часЪ сталЪ задомЪ кЪ каменной горѣ, предохраняясь отЪ нападенiя сЪ тылу, и встрѣтилЪ ихЪ толь неустрашимо и храбро, что самые отважные убiйцы содрогнулись, видя его безпримѣрное мужество. Сей достославный РимлянинЪ, восприявЪ первыхЪ своихЪ лѣтЪ бодрость, многихЪ по-

поразилъ смертоносными ударами, и многихъ ранилъ такъ что ни одинъ изъ злодѣевъ не смѣлъ по томъ къ нему приближиться, а только издали пускали въ него стрѣлы. Но какъ и тѣмъ не могли отнять у него жизни, то сіи ползающіе властопредатели, нашли способъ возшедъ на верьхъ горы поразить его оттуда камнями. Тогда сей храбрый воинъ, прославленный безчисленными побѣдами во многихъ сраженіяхъ, кончилъ нещастно торжественную свою жизнь отъ рукъ подлыхъ измѣнщиковъ, которыхъ Децемвиры противу его вооружить не устыдились. Убійцы по томъ возвратясь въ станъ донесли, что они нечаянно попали на непріятельскую засаду, гдѣ потеряли своего Начальника, и часть своихъ товарищей. Сперьва имъ въ томъ повѣрили, но нѣкоторое число воиновъ, кои почитали Сиція своимъ отцемъ, по собственному движенію, пошли на мѣсто сраженія, дабы принести оттуда его тѣло и воздать

ему послѣдния почести, а пришедъ разсмотрѣли, что убитые въ семъ военномъ дѣйствіи были одни только Римляне; что ихъ лицы обращены были къ Сицію; что у нихъ не отнято ни оружіе, ни платье въ добычу; въ прочемъ не найдено было между ими ни одного неприятельскаго тѣла, ниже виденъ былъ слѣдъ ихъ ухода отъ того мѣста. Всѣ сіи обстоятельства заставили ихъ мыслить, что Сицій умерщвленъ своими. Подозрѣніе о томъ разнеслось по всему стану, къ горькому всѣхъ роптанію и неудовольствію. Войско единогласно требовало, съ великимъ воплемъ, чтобъ судили убійцевъ. Но Децемвиры ихъ скрыли, и дабы отвлечь подозрѣніе, что они сами были Начальники сего гнуснаго злодѣянія, приказали сдѣлать Сицію военное погребеніе, съ такими почестьми, какъ бы онъ былъ главный предводитель войска. А сіи отличныя почести Плебеянину, о которомъ знали, что онъ былъ ненавистенъ

вистенъ Децемвирамъ, наипаче всѣхъ увѣрили, что Сицій убитъ по ихъ повелѣнію. Огорченіе войска скоро промчалось въ другое и произвело равное огорченіе въ самомъ Римѣ. Граждане и воины, Сенатъ и Народъ мерзостнымъ оглашали сей поступокъ. Всѣ стремительно готовы были свергнуть иго жестокаго властительства; а къ тому Аппій, новымъ своимъ наиболѣ ненавистнымъ и тиранскимъ поступкомъ, совершилъ свои неистовства, и воздвигъ на себя всю злобу, каждаго состоянія людей въ Республикѣ.

Сказано уже выше, что онъ, по согласію съ своими Товарищами, остался въ Римѣ съ знатною частью войска, дабы тѣмъ содержать жителей въ страхѣ и утвердить Децемвирство. Сей Децемвиръ, заключая въ одной своей особѣ всю власть Правительства, отправлялъ суды въ Народномъ мѣстѣ. Въ одинъ день какъ онъ засѣдалъ въ своемъ Трибуналѣ, увидѣлъ проходящую мимо юную дѣвицу чрезвычайно пре-

прекрасну, которая казалась быть лѣтъ четырнадцати, и шла съ своею приставницею въ общенародное училище. Прелесть красоты и приятности цвѣтущей юности, съ перваго вида привлекли къ ней Аппіевы взоры. Видя ее онъ чувствовалъ тайное удовольствіе, и въ слѣдующій день зрѣніе его имѣло еще болѣ любопытства, а по мѣрѣ онаго онъ находилъ въ ней болѣ прелестей. Какъ сія молодая дѣвица проходила каждый день чрезъ сіе мѣсто, то Аппій нечувствительно воспламѣнился страстною къ ней любовью, которой слѣдствіи обоимъ были равно нещастны. Онъ не преминулъ съ перваго дни, какъ ея увидѣлъ, провѣдать о ея имяни и ея родителяхъ. Ему донесено, что она Плебеянскаго рода, называется Виргинія, мать ея называлась Нумиторія, но мать у ней смерть похитила; что Виргиній отецъ ея нынѣ находится подъ неприятелемъ, и служитъ Центуріономъ въ войскѣ у Децемвира Фабія

бія Вибулана; что отецЪ уже помолвилЪ ее за Ицилія, который былЪ прежде Народнымъ Трибуномъ, и долженЪ сЪ нею сочетаться по окончаніи рати.

Сія противная Аппіевой любви вѣдомость не погасила, но паче умножила страсть его. ОнЪ желалЪ бы самЪ сочетаться сЪ молодою Виргиніею, но были вЪ томЪ другія важныя препятствіи; ибо сверьхЪ того, что онЪ былЪ уже женатЪ, послѣдніе Законы разумѣемые вЪ дванадесятныхЪ ТаблицахЪ, имЪ самимЪ выданные, запрещали вступать вЪ брачные союзы ПатрикіямЪ сЪ Плебеянами; по чему не оставалось ему другой надежды кЪ исполненію своихЪ беззаконныхЪ желаній, какЪ только безчестнымЪ способомЪ обольстить и развратить ея непорочность.

Невинность и чистота Виргиніи воспрещали ему прямо собою изЪяснить ей свое порочное намѣреніе; но кЪ лутчему онЪ разсудилЪ начать ея уго-

уговаривать чрезъ посредство одной изъ сихъ женщинъ, кои искусно помогаютъ любовникамъ, и тайно торгуютъ красотою и прелестьми юношества. Онъ истощилъ свои благодѣянiи для сей услужной женщины, дабы она лутче могла разумѣть чрезмѣрность любви его къ Виргинiи; а открывъ ей свою страсть, запретилъ сказывать о своемъ имени, и желалъ чтобъ Виргинiя знала только что онъ знатной человѣкъ въ Городѣ, и который имѣетъ полную власть въ Республикѣ. Сiя женщина, по его приказанiю, познакомилась съ приставницею прекрасной Виргинiи, вошла съ нею въ дружбу и прилѣжно старалась приобрѣсть ея къ себѣ довѣренность. Послѣ же первыхъ старанiй, тѣмъ наиболѣ ласкательныхъ что къ нимъ присоединены были богатые подарки и щедрыя обѣщанiи, сiя благодѣтельная плутовка открыла ей виды своего исканiя. Но вѣрная и благоразумная приставница отвергла съ ужасомъ ея

гибель-

гибеленые подарки и гнусныя предложенiи. Аппiй съ огорченiемъ увѣдалъ о строгомъ благоразумiи служительницы и толь непоколебимомъ, каково было целомудрiе молодой госпожи ея. Сей Властоначальникъ, будучи стремителенъ и упрямъ въ своихъ страстяхъ, не отсталъ однако отъ своего предприятiя. Онъ прибиралъ всѣ къ тому способы и умыслилъ ябедническимъ подлогомъ достать Виргинiю въ руки.

Онъ выбралъ къ тому главною дѣйствующею особою, называемаго Марка Клавдiя своего Клiента, зная его предпрiимчивость, наглость, и особливую способность, какову имѣютъ сiи люди, кои входятъ въ повѣренность къ вельможамъ, гнусными прислугами для ихъ угодности. Сей исполнитель страстей Децемвировыхъ, вошелъ въ общенародное училище, гдѣ была молодая Виргинiя, взялъ ея за руку, и хотѣлъ тащить силою въ свой домъ, будто по праву что она рождена одною изъ

его

его невольницѣ; ибо таковъ былъ Законъ въ Римѣ, что дѣти рожденныя невольницами были въ равномъ невольническомъ состоянїи у Господъ, которымъ принадлежали ихъ родители. Юная дѣвица трепетала и плакала только въ свое защищенїе, не имѣя другой помощи; но Народъ, встревоженъ воплемъ приставницы, прибѣжалъ къ ея спасенїю и недопустилъ Клавдїя похитить сїю невинную жертву. Наглый служитель беззаконїя, объявилъ тогда, что онъ готовъ предстать предъ власть Законовъ, что онъ не мыслитъ употреблять насильства, но чаетъ, что позволено Господину взять свою невольницу во всякомъ мѣстѣ, гдѣ онъ ее сыщетъ; по чему онъ зоветъ тѣхъ къ суду, кои спорятъ противу справедливаго его требованїя, и зоветъ чтобъ они шли съ нимъ тотъ же часъ предъ лицо Децемвира. Выговоря сїи слова онъ повелъ туда прекрасную Виргинїю. Весь Народъ за нею послѣдовалъ:

иные любопытствуя видѣть конецъ толь страннаго произшествія; а другіе принимая участіе въ судьбѣ Ицилія, которой во время своего Трибунства привлекъ къ себѣ любовь отъ народнаго множества. Нумиторій дядя Виргиніинъ, услышавъ о семъ злоумышленіи, прибѣжалъ тотъ часъ на помощь къ племянницѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ за кого она была помолвлена. Клавдій изъяснилъ свое право и требованіе предъ Судіею, который былъ начальникъ сего неправосудія. Онъ говорилъ, что споримая дѣвица рождена была въ его домѣ; что она была скрыта въ чужомъ домѣ съ матерью невольницею, которая, что бы не подать въ томъ подозрѣнія, притворилась въ то время будто родила мертваго робенка; но послѣ открылось, что она продала свое дитя мнимой матери Виргиніиной, которая была безплодна, и въ нетерпѣливости имѣть потомковъ, хитро представила ея всѣмъ своею дочерью; что онъ имѣетъ къ утверж-

утвержденію всего имЪ сказаннаго достовѣрныхЪ свидѣтелей; во ожиданіи же пока судЪ рѣшенЪ будетЪ, справедливо было, прибавилЪ онЪ, чтобЪ невольница отдана была вЪ руки Господину, а онЪ давалЪ порукЪ ея представить, естьли Виргиній по возвращеніи отЪ войны можетЪ доказать, что онЪ подлинно отецЪ сей дѣвицы.

Нумиторій ясно видѣлЪ, что сіе предпріятіе предводимо было другою болѣ могущею властью; но онЪ благоразумно скрывалЪ свое подозрѣніе и представилЪ Децемвиру со всевозможною кротостью, что отецЪ его племянницы находится вЪ отсудствіи служа отечеству; что несправедливо нападать на Гражданина, и паче на безотвѣтныхЪ дѣтей его, вЪ его небытность; что онЪ требуетЪ только на два дни сроку, для отзыву его отЪ войска; что до его прибытія, онЪ проситЪ ввѣрить ему Виргинію; что онЪ вступается ея хранить такЪ какЪ дядя, и обязывается, когда

 надобно

надобно будетъ, ея представить; дая въ томъ всѣ залоги какихъ отъ него потребуютъ; но что не благопристойно было бы остаться ей въ незнакомомъ домѣ у Клавдія, гдѣ честь Виргиніевой дочери можетъ пострадать болѣ, нежели отъемлемая у нее вольность. Онъ прибавилъ, что требованіе его согласно съ Законами, кои запрещаютъ истцу въ спорномъ дѣлѣ, до окончанія суда тревожить отвѣтчика въ его владѣніи.

Все Собраніе похвалило правость сего требованія. Аппій повелѣвъ быть молчанію, и принявъ видъ справедливаго и нелицемѣрнаго Судіи, изъявилъ что онъ всегда пребудетъ защитникомъ толь праведнаго Закона, какъ онъ самъ его уложилъ въ дванадесятныхъ Таблицахъ; но что въ предлежащемъ дѣлѣ являются обстоятельства, кои дѣлаютъ въ томъ отмѣну; что одинъ только отецъ можетъ вступаться въ сохраненіе особы, о которой бы онъ спорилъ, называя ее дочерью,

черью; и что естьли бы онъ былъ присудственъ, то конечно ему надлежало бы вѣрить ея на сохраненіе, а въ небытность его шуринъ отнюдъ не имѣетъ равнаго права; что по самой справедливости онъ охотно отсрочиваетъ судъ до возвращенія Виргиніева отъ войска, дабы увѣдать истинну, не отнимая однако права у Господина, который беретъ къ себѣ назадъ свою невольницу: и такъ онъ опредѣляетъ, чтобъ Клавдій повелъ къ себѣ Виргинію, давъ довольныя залоги въ томъ, что онъ долженъ ее представить по возвращеніи называемаго отца служащаго въ войскѣ.

Все Собраніе возопіяло противу несправедливости сего опредѣленія: повсюду произносимы были жалобы и роптаніи. Особливо женщины съ плачемъ, стали во кругъ Виргиніи, неутѣшно рыдающей въ слабой ихъ оградѣ. Но Клавдій не взирая на ихъ плачь и прозьбы, хотѣлъ силою взять споримую невѣсту, во время какъ Ицилій

лій ея женихъ, прибѣжалъ на мѣсто сборища, пламенный гнѣвъ являя на очахъ своихъ. Аппій вѣдая, сколь онъ былъ силенъ въ Народѣ, послалъ Ликтора сказать ему, чтобъ онъ шелъ къ себѣ, и что дѣло уже порядкомъ устроено. Тогда Ицилій, пылая любовью, и паче пылая злобою, какъ уже вѣдалъ безчестное Аппіево намѣреніе, яростно возрѣлъ на соперника, который былъ ему мерзокъ. „Постой, „вскричалъ ему, ты долженъ вырвать „у меня сердце прежде, нежели ты возможешь радоваться успѣхомъ твоихъ „хитростей и твоего тиранства. Не „доволенъ ли ты отнявъ у насъ двѣ „сильнѣйшія защиты вольности, покровительство, которое мы находили „въ вашихъ Трибунахъ, и право переносить дѣла предъ Народное Собраніе? Должно ли еще, чтобъ ты отнималъ и честь дѣвицъ римскихъ? „Ты конечно вѣдаешь что Виргинія, „обручена со мною. Я беру ее въ супружество по вольному условію; самъ „отецъ

„отецЪ отдаетЪ мнѣ ее вЪ руки. Но „естьли, вЪ его отсудствіи, пред„приемлетЪ кто нибудь употребить „сЪ нею насиліе, то я вЪ защищеніе „моей невѣсты призову НародЪ римской; „Виргиній побудитЪ все войско стать „за дочь свою; Боги и человѣки не „отступятЪ отЪ насЪ, дабы спасти „невинность. Но естьли бы я и всѣми „былЪ оставленЪ одинЪ безЪ помощи, „то справедливость и безпорочная лю„бовь кЪ моей обрученной супругѣ, „дадутЪ мнѣ довольно силЪ воспро„тивиться исполненію твоего непра„восудія.„

НародЪ, подвигнутЪ его нещастьемЪ, и являемою смѣлостью, толкаетЪ и прогоняетЪ Клавдія, который спасается бѣгствомЪ кЪ ногамЪ АппіевымЪ. Собраніе было вЪ смятеніи, и шумЪ умножался по мѣрѣ стеченія людей вЪ сборище изо всѣхЪ частей Города. ДецемвирЪ, боясь чтобЪ изЪ того не послѣдовало явнаго и совершеннаго возмущенія, разсудилЪ самЪ

 отло-

отложить исполненіе своего опредѣленія. Того ради велѣлъ умолкнуть Народу и говорилъ: „Каждый довольно знаетъ, что Ицилій ищетъ только случая возобновить Трибунство „чрезъ народное возмущеніе. Но что „бы не оставалось для него ни какого къ тому повода, я хочу позволить ждать Виргиніева возвращенія до завтрева. Пусть его прияшели повѣстятъ ему объ ономъ. Въ „четыре часа времяни вѣстникъ въ „станъ легко прибыть можетъ. Я „выпрошу у Клавдія, чтобъ онъ „для тишины и спокойства Народнаго, отступилъ нѣсколько отъ своего права, и согласился, чтобъ сія „дѣвица была въ свободѣ до прибытія того, котораго она чаетъ быть „отцемъ своимъ.„

Клавдій, соглашаясь притворно и будто съ принужденіемъ на сію отсрочку, требовалъ чтобъ по крайней мѣрѣ Ицилій далъ залоги съ обязательствомъ представить на завтре

Вирги-

Виргинію. Народъ со всѣхъ сторонъ подняль тотъ часъ руки, и каждый охотно давалъ себя въ томъ порукою. Ицилій возблагодаря Народъ за особливую его къ себѣ благосклонность, сказалъ предстоящему Собранію. „До„вольно, когда завтре вы не откаже„те намъ вашей помощи, въ случаѣ „естьли Клавдій не отстанетъ отъ „своего несправедливаго притѣсненія; „а на сей день, я уповаю, что мы „одни, то есть я и всѣ родственни„ки Виргиніины, можемъ представить „себя довольно вѣрными залогами.„

Аппій хотя побѣждаемъ былъ чрезмѣрною страстью, не смѣлъ однако спорить противу сихъ залоговъ. Но боясь Виргиніева возвращенія, тайно отправилъ гонца къ своимъ Товарищамъ повелѣвающимъ въ войскѣ, прося чтобъ они подъ какимъ нибудь видомъ задержали Виргинія, или чтобъ по крайней мѣрѣ не отпускали его въ Римъ. Онъ льстилъ себѣ, что когда Виргиній не явится къ назначен-

ному времяни, тогда онъ властенъ будетъ отдать его дочь въ руки Клавдія; но его посланный прибылъ въ станъ уже позно. Нумиторіевъ сынъ, и такъ же братъ Ицилїевъ предускорили увѣдомить Виргинія о гибели, въ которой дочь его находилась; и какъ ея спасеніе зависѣло отъ его прибытія, то сей Римлянинъ взялъ отпускъ и отправился въ Городъ, до пріѣзда въ станъ гонца Аппїева. Децемвиры, получа его письмо, тотъ часъ послали въ слѣдъ за Виргиніемъ вершниковъ, дабы они его остановили. Аппій съ своей стороны послалъ такъ же людей по дорогѣ къ стану съ равнымъ приказаніемъ, однако всѣ сіи предосторожности не имѣли успѣха. Виргиній предвидя сіи послѣдствіи удалился отъ обыкновенной дороги, и пробрался въ Городъ другими воротами, съ напротиву отстоящей стороны къ Римскому стану.

На завтре онъ предсталъ въ Народномъ мѣстѣ, съ неизобразимою прискорб-

скорбностью, держа за руку свою дочь омывающуюся слезами. Она последуема была ближними своего пола, кои представляли Народу наижалостнѣйшими словами, справедливо ли было, чтобъ толь добродѣтельный Гражданинъ жертвовалъ жизнью въ защиту своего Отечества для того, чтобъ дѣти его оставались испытывать самые жестокіе притѣсненіи, каковыхъ не можно ожидать и отъ самыхъ неприятелей, когда бы они Римомъ завладѣли. Виргиній произносилъ подобныя жалобы всѣмъ кои ему встрѣчались, и заклиналъ ихъ дать руку помощи невинной его дочери. Ицилій, внѣ себя отъ любви и мщенія, громко ругалъ неистовыя желаніи Аппіевы. Но едины слезы Виргиніи, ея младость, приятности и красота пронзали сердца народнаго множества, и влекли всѣхъ паче, нежели жалобы и прозьбы ея окружающихъ.

Аппій услышалъ съ крайнимъ удивленіемъ, что Виргиній явился въ

Народ-

Народномъ мѣстѣ съ своими друзьями и родственниками Прибытіе Центуріона разрушало всѣ его предприятыя мѣры. Онъ боялся чтобъ Виргиній, съ помощью Народа не воспротивился исполненію опредѣленія, которое онъ предумыслилъ. А дабы предупредить всякое сопротивленіе, онъ приказалъ выйти изъ Капитолія войску, бывшему въ его повелѣніи, и слѣдовать къ Народному мѣсту. Когда же войско было тамо поставлено, то Аппій какъ главный Повелитель явился предъ онымъ. Онъ возсѣлъ въ Трибуналѣ съ симъ движеніемъ, которое открывало его алчность къ довершенію своего беззаконія; по чему и началъ говорить, что онъ извѣстенъ о всѣхъ Ицилієвыхъ стараніяхъ употребленныхъ къ возмущенію Народа; но даетъ всѣмъ вѣдать, что онъ имѣетъ довольно силъ и твердости въ намѣреніи, дабы наказать тѣхъ, кои осмѣлятся нарушать тишину Народную. По сихъ словахъ приказалъ Клавдію предъявить

свое

свое требованіе и доказать право онаго. Клавдій говорилъ, что всѣ вѣдаютъ Законъ, по которому дѣти невольницъ принадлежатъ ихъ Господину; что въ силу сего Закона онъ требуетъ къ себѣ Виргинію. Онъ поставилъ при томъ къ доказательству женщину невольницу, которая была подучена отвѣтствовать; по чему боясь какъ раба своего Господина объявила, что она продала Виргинію женѣ Виргиніевой. Клавдій присовокупилъ къ тому, что онъ можетъ представить и другихъ свидѣтелей, естьли потребно будетъ, и уповаетъ на правосудіе Децемвира, что онъ не станетъ взирать на крикъ и угрозы Ицилїевыхъ сообщниковъ, равно на обыкновенныя слезы молодой дѣвки, которой участь какъ ни жалостна, но въ рабствѣ рожденной ей должно быть рабою, хотя она и въ свободѣ воспитана.

Родственники и друзья Виргиніевы, къ изобличенію сей лжи представляли, что жена его имѣла многихъ

дѣтей,

дѣтей, и что естьли бы, въ недостаткѣ ихъ, она желала принять въ родъ посторонняго, то не взяла бы рабенка отъ невольницы, и взяла бы конечно сына, а не дочь для возстановленія рода; что родственники и сосѣди видѣли ее беременную и разрѣшенную отъ бремени; что сія рожденная ею дочь принята была въ свѣтъ руками друзей и родственницъ; что Нумиторія мать питала своею грудью Виргинію, чего бы она не могла дѣлать, естьлибъ была безплодна, какъ сказываетъ Клавдій; что обманъ его довольно оказывается и тѣмъ однимъ, что онъ чрезъ цѣлые пятнатцать лѣтъ будто могъ не знать о дѣлѣ явномъ всему Свѣту, и не прежде представилъ свои требованія, какъ въ то время, когда сія молодая дѣвица извѣстна стала особливою своею красотою, которая одна стала быть причиною терпимаго ею притѣсненія. Аппій боясь, чтобъ Народъ не былъ приведенъ въ волненіе сими

слова-

словами, прервалъ оныя подъ видомъ, что онъ самъ говорить намѣренъ, и обратя рѣчь къ Собранїю: „Не должно, говорилъ онъ, чтобъ мнимые „родственники Виргинїины могли пользоваться долгимъ молчанїемъ Клавдїевымъ. Я по совѣсти моей имѣю „долгъ объявить, что я давно извѣстенъ о подлогѣ рожденїя Виргинїина; „извѣстны такъ же всѣ, что Клавдїевъ отецъ при концѣ жизни ввѣрилъ „мнѣ на воспитанїе своего сына. Вскорѣ еще тогда мнѣ донесено было „какъ воспитателю, что я долженъ „истребовать сїю молодую невольницу, въ наслѣдственный пожитокъ „моего воспитанника и Клїента, къ „чему даны были тѣ же свидѣтели, „кои представляются нынѣ. Правда, „что бывшїя въ то время междоусобїи въ Республикѣ и общенародныя „дѣла препятствовали мнѣ вступитися „въ сїе требованїе; но званїе, кое я „имѣю нынѣ, не позволяетъ мнѣ отказать въ правосудїи, которое я дол-

„женъ

„женъ дѣлать каждому. И такъ я „опредѣляю, чтобъ требующій взялъ „къ себѣ дѣвку по праву, какъ свою „невольницу.„

Виргиній, пораженъ симъ несправедливымъ опредѣленіемъ, не полагалъ болѣ мѣръ своей нетерпеливости. Онъ заявлялъ всему Собранію, что Децемвиръ самъ, и одинъ онъ былъ творецъ злой хитрости исполняемой чрезъ его Кліента. По томъ обратясь къ Децемвиру сказалъ: „Вѣдай, Аппій, „что я не къ тому воспиталъ мою „дочь, чтобъ ты могъ напослѣдокъ „употребить ее къ твоему беззакон„ному удовольствію; я отдаю ее „Ицилію, а не тебѣ. Могъ ли ты „мыслить, чтобъ Римляне позволили „отнимать у себя дочерей и женъ, въ „угожденіе страстей гнусныхъ ти„рановъ?

Народъ, подвигнутъ сими словами, съ ужасомъ воскликнулъ противу Аппіева неистовства. Аппій же, во изступленіи видя явнымъ свое беззаконіе,

пове-

повелѣвалъ Воинамъ предстоящимъ у его Трибунала, отдалить толпу народную. „Слушай, сказалъ онъ одному „изъ своихъ Ликторовъ, поди разтолкай людей и прочисти дорогу, чтобъ „господинъ могъ свободно взять свою „невольницу.„

Подлый Народъ тотъ часъ приходитъ въ робость, когда безстрашно съ нимъ поступаютъ. Воины Аппїевы берутъ власть надъ толпою народа, который видя что его толкаютъ и бьютъ смѣлымъ образомъ, даетъ мѣсто, разходится въ стороны и предаетъ Виргинїеву дочь, такъ сказать, на жертву страсти Аппїевой. Тогда сей нещастный отецъ, видя утѣсняемую невинность неправедною властью, въ отчаянїи проситъ Децемвира, чтобъ по крайней мѣрѣ позволено было ему и дочери ево при разлученїи минуту поговорить съ кормилицею, ибо то не воспрепятствуетъ послѣ взять ее Клавдїю: „Для того только говорилъ онъ,

„чтобъ

„чтобъ я могъ съ меньшею скорбью и „горестью возвратиться въ станъ, „естьли найду хотя сумнительный „знакъ, что не я отецъ злощастной „Виргинiи.

Аппiй охотно ему позволилъ оное, съ договоромъ только чтобъ они говорили въ виду у Клавдiя и не выходя изъ сборнаго мѣста. Виргинiй, въ сердечномъ терзанiи, объемлетъ дочь свою пораженную смертельнымъ ужасомъ; онъ отираетъ ея слезы, кои проливаясь ручьями покрываютъ блѣдный зракъ ея. А дабы отвлечь ея въ сторону отъ позорища, удаляется съ нею къ нѣкоторымъ торговымъ лавкамъ, гдѣ сборное мѣсто кончилось. Тамъ по случаю попался ему въ руки ножъ мясника на мѣстѣ торгующаго. Сiе орудiе употребляетъ онъ къ предупрежденiю безчестья, къ которому влечена была Виргинiя. „Любезная „дочь сказалъ онъ, одинъ сей остался способъ сохранить твою честь и „твою вольность,„ Выговоря сiе вонзилъ

зилЪ ножЪ ей вЪ сердце, и извлекши окровавленное орудїе изЪ трепещущей груди Виргинїиной: „Сею невинною „кровью, кричалЪ онЪ кЪ Аппїю, кро„вью вопїющею противу твоего ти„ранства, кЪ преисподнимЪ БогамЪ „низсылаю твою душу, едину вино„вную вЪ смерти непорочной моей до„чери, и вЪ жестокости отца кото„рый предпочитаешЪ смерть без„честью.„ Люди, кои еще остались на позорищномЪ мѣстѣ, сбѣгаются на сїе плачевное зрѣлище, жалостныя произносятЪ вопли, и сЪ неукротимою лихостью кленутЪ тиранство Децемвира, который привелЪ отца кЪ жестокой необходимости лишить дочь свою жизни. Аппїй сЪ верьху Трибунала, кричалЪ вЪ ярости своего гнѣва, чтобЪ Виргинїй былЪ взятЪ подЪ стражу. Но Виргинїй сЪ ножемЪ вЪ рукахЪ свободный путь себѣ сдѣлалЪ, а при помощи Народа могЪ сохранно выйти за ворота Города, и спѣшилЪ слѣдо-

вать обратно въ военный свой станъ, съ нѣкоторыми изъ своихъ ближнихъ и друзей, кои при семъ горестномъ злоключенiи не хотѣли его оставить.

Нумиторiй и Ицилiй оставшись у тѣла Виргiнiи, выносятъ оное на зрѣлище Народу, и возбуждаютъ всѣхъ отмстить за смерть ея Аппiю. Люди изо всѣхъ частей Города стекаются къ народному мѣсту. Валерiй и Горацiй, кои смѣло сопротивились прежде продолженiю Децемвирской власти, изъ первыхъ туда явились съ великимъ числомъ молодыхъ Патрикiевъ имъ преданныхъ. Аппiй, вѣдая сколь они сильны въ Народѣ, и сколь много краснорѣчiе съ правдою дѣйствуетъ надъ сердцами, посылаетъ къ нимъ сказать, чтобъ они шли прочь, и повелѣваетъ между тѣмъ отнять съ позорища тѣло Виргинiи. Но Валерiй и Горацiй сопротивляются сему повелѣнiю. Аппiй, въ жестокомъ рвенiи видя Виргинiю мертву и видя власть свою пренебрегаему, подступаетъ съ

своими

своими Ликторами и окружающими его воинами взять обоихъ Сенаторовъ какъ злодѣевъ. Но Народъ въ ожесточенiи отреваетъ его силы, вырываетъ и ломаетъ пуки прутьевъ носимыя Ликторами, прогоняетъ самого Децемвира какъ нетерпимаго тирана, и съ толикимъ устремленiемъ, что онъ спасая жизнь свою принужденъ былъ, спряшавъ лице, бѣжать и скрыться въ одномъ не далекомъ домѣ.

Валерiй и Горацiй полагаютъ тѣло нещастной Виргинiи въ гробницу отверстую на зрѣлищѣ народу, и подъ видомъ пренесенiя онаго въ домъ отца до времяни ея погребенiя, заставляютъ пронести на одрѣ окровавленное тѣло по главнымъ улицамъ Города, дабы болѣ подвигнуть всѣхъ Гражданъ къ сожалѣнiю и мщенiю. Мущины и женщины, старики и дѣти выходили изъ домовъ видѣть сiе плачевное позорище. Мущины въ честь ея тѣлу истощали благовонiи на оное; жены и дѣвицы въ горькомъ рыданiи

 обклады-

обкладывали ея изъ цвѣтовъ вѣнками. Всѣ оплакивали ея участь, и сіи последніе дары казались быть нѣкоторыми залогами клятвы и мщенія за смерть прекрасной Виргиніи. Въ тотъ же часъ весь Городъ готовъ былъ къ общему возмущенію. Но Валерій и Горацій, кои наиболѣ къ тому содѣйствовали, разсудили за благо утишить стремленіе народа, дабы видѣть прежде, какія произведетъ успѣхи возвращеніе Виргинія къ Алгиду.

Онъ вступилъ въ Станъ въ послѣдованіи своихъ друзей, какъ сказано выше, имѣя въ рукахъ нещастное орудіе, которымъ онъ умертвилъ дочь свою. Воины, по извѣщеніи о его нещастьи, отъ всѣхъ сторонъ къ нему бѣжали. Виргиній сталъ посреди ихъ на возвышенномъ мѣстѣ, дабы слова его удобнѣе слышаны были. Вдругъ слезы покрыли лице его, и болѣзнь сердца на нѣсколько минутъ воспрепятствовала слову. Напослѣдокъ прервавъ горестное молчаніе и воздѣвъ руки

къ

къ небу: „Вами, говорилъ онъ, без„смертные Боги, вами свидѣтельству„юсь, что Аппій одинъ былъ тво„рецъ убійства, котораго я былъ не„щастнымъ орудіемъ по необходимо„сти.„ По томъ омываясь слезами онъ разказалъ о плутовствѣ, которое Децемвиръ вымыслилъ, чтобъ достать въ свою волю Виргинію. Воины слушали его съ великимъ вниманіемъ, и онъ къ нимъ особо говорилъ: „Я васъ за„клинаю, мои товарищи, не отвергать „меня отъ вашего общества, какъ „врага собственнаго рожденія и какъ „убійцу своей дочери. Я охотно про„лилъ бы кровь мою для спасенія ея „жизни, естьлибъ она могла наслаж„даться ею съ сохраненіемъ чести и „вольности. Но когда Тиранъ отни„малъ у нее честь и свободу, то „самая отеческая любовь къ ней и „жалость привела меня къ жестоко„сти. Я лутче избралъ потерять „дочь, нежели имѣть ее со стыдомъ и „поношеніемъ; но умертвилъ бы ко-

„вечно и себя въ тужъ минуту, естьли бъ не надѣялся отмстить за смерть „ея, съ вашимъ заступленіемъ.„

Всѣ воины, ругая гнусной поступокъ Аппіевъ, увѣрили Виргинія чтобъ онъ крѣпко на нихъ надѣялся, какъ скоро предприметъ произвесть мщеніе противу Тирана. А Центуріоны и другіе нижніе Начальники въ войскѣ, вознамѣрились истребить и всѣхъ Децемвировъ, дабы свергнуть съ себя иго беззаконнаго началовластія, которое они не инако почитали какъ Тиранскимъ похищеніемъ.

Децемвиры повелѣвающіе войскомъ, увѣдомясь о возвращеніи Виргиніевомъ и о смятеніи произшедшемъ отъ его въ станъ прибытія, требовали его передъ себя, въ намѣреніи посадить подъ стражу. Но друзья его отсовѣтывали ему къ нимъ являться, и нижніе начальники въ войскѣ собравъ воиновъ по кучкамъ, представили имъ поступокъ Аппіевъ толь ненавистнымъ и страшнымъ, что весь военный На-

родъ

родъ желалъ немедлѣнно возвратиться въ Римъ и истребить начальство Децемвировъ. Едина клятва удерживала ихъ въ полѣ, клятва которую они принявъ оружїе учинили не измѣнять своему Отечеству и своимъ Полководцамъ: противно Богамъ и безчестно было нарушить оную. Твердость въ обѣщанїи особо почиталась Римскою добродѣтелью. Но Виргиній пылая мщенїемъ противу Аппїя, разрѣшилъ въ томъ сумнѣнїе Римлянъ. Онъ представилъ имъ, что они обязываются клятвою хранить вѣрность однимъ только узаконеннымъ Начальникамъ, и что главное обѣщанїе, которое каждый Римлянинъ даетъ при самомъ своемъ рожденїи, состоитъ въ томъ чтобъ не щадить своей жизни для сохраненїя общей вольности. Довольно было сихъ словъ къ успокоенїю совѣсти въ воинахъ. Они бѣгутъ къ своему оружїю съ разъяренїемъ и поспѣшностью, берутъ знамена, и подъ особливымъ предводительствомъ своихъ Центурїоновъ

слѣдуютъ въ Римъ обратно. Децемвиры видятъ въ изумленіи, что обще все войско устремилось къ побѣгу, и тщетно стараются удержать оное. Всюду увѣщаніе ихъ было отвержено: Каждый воинъ являлъ неприступную смѣлость и неутолимую алчность къ мщенію. Иные въ злобѣ укоряли Децемвировъ гордостью, скупостью, смертью Сиція и Виргиніи: напослѣдокъ неистовствомъ Аппіевымъ превосходящимъ всякое варварство; иные съ военною лихостью и просторѣчіемъ кричали, что они родились вольными, и слѣдуютъ въ Римъ для того, чтобъ возвратить вольность своимъ Согражданамъ.

Войско къ вечеру вступило въ Римъ безъ шума, и съ такимъ порядкомъ, что ни одинъ воинъ не выступилъ изъ назначеннаго ему мѣста; а встрѣчаясь на пути съ своими родственниками и друзьями, воины для успокоенія ихъ увѣряли, что они пришли не въ другомъ намѣреніи, какъ только для того, чтобъ истребить тиран-

тиранство. И такъ они спокойно прошли черезъ Городъ къ Авентину (горѣ), предприявъ, не расходиться въ домы не истребовавъ точнаго низложенія Децемвировъ и возстановленія Трибунства.

Аппій угрызаемъ совѣстію, и опасаясь движенія воставшаго противу его войска, не смѣлъ казаться предъ Народомъ. Но Оппій Товарищь его, предупреждая слѣдствіи сего движенія, принялъ мѣры укротить оное властью Сената; и противу обыкновенія Децемвировъ созвалъ Сенаторовъ для чрезвычайнаго собранія. Сенаторы большою частью радовались сему народному волненію, которое подавало способъ возстановить правленіе на прежнемъ его основаніи. Между тѣмъ они не могли не чувствовать, сколь опасно было оставлять Народъ во мнѣніи, что онъ самъ можетъ имѣть власть судящую; и дабы соблюдать всегда право повелѣнія принадлежащее Сенату, отправлены были къ горѣ Авентину

шину Спурїй Тарпїй, Каїй Юлїй, и Прискъ Сулпицїй, кои всѣ трое были прежде въ Консульскомъ достоинствѣ. Сїи посланные со строгостью требовали отвѣта у воиновъ, по чьему повелѣнїю они оставили свой станъ и Полководцевъ.

Воины въ неудомѣнїи отъ сего вопроса, стояли нѣсколько времяни въ молчанїи. Напослѣдокъ молчанїе пресѣклось тѣмъ, что они всѣ вдругъ вскричали, чтобъ выслали къ нимъ Валерїя и Горацїя, коимъ они дадутъ отчетъ въ своемъ поступкѣ. Они требовали сихъ двухъ Сенаторовъ для того, что Народъ почиталъ ихъ явными неприятелями Децемвировъ и ревностными защитниками вольности.

Между тѣмъ какъ трое присланные Сенаторы были обратно въ Сенатѣ съ отвѣтомъ отъ воиновъ, Виргинїй представилъ симъ послѣднимъ для ихъ пользы выбрать нѣкоторыхъ изъ ихъ Центурїоновъ, кои бы могли войти въ переговоры съ требуемыми

отъ

отъ Сената особами. Тотъ часъ онъ первой къ тому былъ названъ; но онъ отрекся взять на себя исполненіе сего дѣла, въ печальномъ состояніи, котораго горесть угнѣтала столько его разумъ, что онъ не могъ имѣть мысленной свободы, необходимо нужной при таковомъ случаѣ. Воины, послѣ его отреченія, назвали къ тому десять другихъ Центуріоновъ; и для чести сего избранія наименовали ихъ военными Трибунами.

Войско посланное противу Сабинянъ послѣдовало примѣру перваго. Нуморій и Ицилій прибытіемъ своимъ произвели въ немъ равное возмущеніе. Всѣ воины, такъ же избравъ сами себѣ Начальниковъ, шли съ распущенными знаменами прямо къ Риму, и присовокупились къ другому войску. Сенатъ хотя доволенъ былъ видя уничтоженіе Децемвирской власти, однако сверьхъ того что таковой побѣгъ подавалъ опасной примѣръ, они должны были мыслить о границахъ,

кои

кои оставались безъ всякой обороны отъ обычайныхъ неприятельскихъ нападенiй. И такъ немедленно Валерiй и Горацiй понуждаемы были отправиться къ горѣ Авентину, для приведенiя воиновъ въ ихъ должность. Но сiи двое Сенаторы, видя что Сенатъ не могъ обойтись безъ ихъ въ томъ старанiя, объявили что они не войдутъ въ посредничество, пока Децемвиры, коихъ они называли похитителями, будутъ властвовать въ правленiи.

Децемвиры съ своей стороны утверждали, что они не могутъ сложить съ себя своего достоинства, пока послѣднiя двѣ Таблицы Законовъ, въ прибавокъ къ десяти первымъ, не будутъ обнародованы и приняты; и что они сохраняютъ въ томъ точность установленiя, какое сдѣлано было въ предслѣдующемъ году при второмъ избранiи Децемвировъ. Луцiй Корнелiй, всегдашнiй защитникъ Децемвировъ, прибавилъ еще къ тому, чтобъ не

не входить ни вЪ какой договорЪ сЪ воинами, пока оба войска не возвратятся, каждое вЪ свой прежнїй станЪ; что тогда только можно простить воинамЪ побѣгЪ ихЪ, изключа однако изЪ общаго прощенїя главныхЪ вЪ томЪ предводителей.

Толь властолюбивое мнѣнїе неприлично было по обстоятельствамЪ, и никто не вызвался подкрѣпить онаго. А на противу того дано было разумѣть ДецемвирамЪ, что они необходимо долженствовали оставить власть, которой положенное время кончилось, и что СенатЪ видитЪ сЪ неудовольствїемЪ продолженїе оной. Воины же вЪ злобѣ грозили принудить ихЪ кЪ тому силою, и собирались на священную гору, какЪ вЪ то мѣсто, гдѣ предки ихЪ положили первое основанїе народной вольности. Во всемЪ Римѣ видимо было замѣшательство, какое предслѣдуетЪ великимЪ перемѣнамЪ. НапослѣдокЪ Децемвиры, избѣгая золЪ отЪ множества своихЪ непрїятелей, обѣщали

щали въ полномъ Сенатѣ сложить Децемвирство: просили только, чтобъ они не были преданы на жертву злобѣ своихъ соперниковъ; и говорили, что Сенатъ, для собственнаго своего спасенія, не долженъ приучать Народъ воставать на кровь Патрикіевъ.

304 годъ Валерій и Горацій, приведя дѣло къ точности своего намѣренія, возвратились въ станъ. Воины приняли ихъ какъ своихъ покровителей. Они требовали возстановленія Трибуновъ, права переносить дѣла, и прощенія для всѣхъ тѣхъ кои оставили станъ безъ дозволенія Начальниковъ. Но прежде всего непремѣнно требовали чтобъ имъ выдали Децемвировъ, которыхъ они сжечь живыхъ въ слухъ грозили.

Валерій и Горацій равно какъ и Народъ не доброжелательствовали симъ Начальникамъ; но имѣли въ мысляхъ истребить ихъ болѣ пристойнымъ образомъ. Въ тоже время, какъ они уговаривали войско отвращая отъ жестокосердія, искусно внушали начальствующимъ,

ствующимъ, что когда Народъ вступитъ въ свои правы, когда будетъ имѣть своихъ Трибуновъ, свои установленіи и свои Собраніи, то и судъ въ его рукахъ будетъ; и что они надѣются, прежде нежели окончатъ свои договоры, поставить Народъ на такой степени, что онъ можетъ самовластно опредѣлять жизнь и жребій Согражданъ своихъ, въ какомъ бы званіи они ни были.

Народъ, увѣрясь отъ своихъ Начальниковъ, сколь ревностно сіи два Сенатора тщатся о его пользѣ, совершенно во всемъ на нихъ полагался. Валерій и Горацій не умедлили возвратиться паки въ Сенатъ, которому они представили требованіи Народа, умолчавъ о мщеніи и угрозахъ Народныхъ противу Децемвировъ. Изъ ихъ словъ видимо было паче, что будто Народъ согласенъ предать забвенію всѣ бывшія неудовольствіи подъ Децемвирскимъ правленіемъ, когда только дадутъ ему по прежнему Трибуновъ. Децемвиры,

цемвиры, уловлены умышленными обнадеживаніями, вышли на Народное мѣсто и при всѣхъ сложили власть свою. Одинъ только Аппій, чувствуя угрызеніи совѣсти, проникнулъ наружную умѣренность войска, но долженъ бывъ сложить свой санъ, какъ и его Товарищи, изъявлялъ одно только отчаяніе. „Я знаю, сказалъ онъ громко, „какія мученіи для насъ готовятся. „Нашу казнь отсрочиваютъ только „до времяни, когда неприятели наши „получатъ право погубить насъ.

Валерій и Горацій не имѣя ничего отвѣтствовать на сіи отчаянныя предсказаніи, спѣшили въ станъ объявить Народу отрѣшеніе Децемвирства, и Сенатское опредѣленіе возставляющее Трибунство. „Вступите воины, говорили они имъ, въ ваше Отечество: „теките увидѣть вашихъ домашнихъ „Боговъ, супругъ и чадъ вашихъ; да „будетъ возвратъ вашъ толико щастливъ, колико благоприятенъ Республикѣ.„ Войско свидѣтельствовало

имъ

имъ наичувствительнѣйшую благодарность; воины велегласно называли ихъ покровителями Народа и великодушными защитниками вольности. Тотъ часъ несутъ знамена и всѣ съ радостью идутъ къ Риму. Но прежде разлученія своего и не входя въ домы, цѣлое войско и весь Народъ собрались къ горѣ Авентину, гдѣ произведено тогдаже избраніе Трибуновъ. Авлъ Виргиній, отецъ нещастной Виргиніи, Нумиторій ея дядя, и Ицилій женихъ ея, первые были избраны. Къ нимъ въ Товарищи прибавлены Каій Сициній, Маркъ Дуиллій, Маркъ Титиній, Маркъ Помпоній, Каій Апроній, Прискъ Виллій, и Каій Оппій. Въ послѣдствіе
же уставленъ былъ междовремянный 105.
Царь, который по желанію Народа годъ
назвалъ Консулами Луція Валерія и Марка Горація. Сіе было имъ награжденіемъ за множество трудовъ, кои они приняли стараясь о возстановленіи тишины Народной.

Ихъ Консульство было торжествомъ

 Народа.

Народа. Плебеяне въ теченіе онаго получили то, чего бы они не смѣли ожидать отъ самихъ Трибуновъ. Сказано уже было, что Сенаторы и Патрикіи не хотѣли принимать опредѣленій Народа, когда Собраніе созываемо было по Трибамъ. Напротиву того Народъ спорилъ, что какъ власть Государственная въ началѣ состоитъ во всемъ общемъ Собраніи Римскаго Народа, то каждый Гражданинъ, какого бы степени онъ ни былъ, долженствуетъ повиноваться оной; ибо каждый имѣетъ право давать свой голосъ въ своемъ Трибѣ. Сей споръ часто возобновлялся между двумя степенями Республики. Два Консула усиливаясь совершенною властью, каковую они имѣли тогда въ правленіи, довели сей великой споръ къ рѣшенію въ пользу Народа; и приговоромъ утвержденнымъ чрезъ Центуріонныя Комиціи, объявлено имянно: *что всякое опредѣленіе выходящее изъ Собраній по Трибамъ, есть равносильно съ Закономъ, разумѣя подъ онымъ всѣхъ Гражданъ.* Въ

Въ слѣдствіе того утвержденъ былъ вновь Законъ Валеріевъ, по которому дѣла могли быть переносимы передъ Народное Собраніе; къ подкрѣпленію же сего Закона выданъ былъ другой, отрѣшающій впредь всякое Начальство не подсудное Народному Собранію. Консулы прибавили къ тому установленіе, въ которомъ предписали: что отъ нынѣ каждый Сенатусъ Консультъ, врученъ будетъ Едиламъ и сохраняемъ въ Церериномъ храмѣ, дабы въ послѣдствіи Консулы не могли утаевать или перемѣнять общія опредѣленіи, какъ часто случалось. Большая часть Сенаторовъ съ чувствительнымъ оскорбленіемъ принуждены были подписывать сіи разныя уставы; они не могли видѣть безъ огорченія, что два Патрикія и два Консула, угождая Плебеянамъ болѣ нежели самыя ихъ Трибуны, подъ видомъ сохраненія вольности, совершенно истребляли власть Сената. Но болѣ спра-

ведливые изъ нихъ и менѣ властолюбивые, испытавъ Тиранское Правленіе Децемвировъ, желали лучше ввѣрить Народу залогъ общаго благосостоянія, нежели зависѣть отъ попеченія знатныхъ особъ, кои могутъ всегда во зло употреблять власть свою.

Республика отъ части новыми узаконеніями, отъ части возобновленіемъ прежнихъ своихъ Начальниковъ, получила напослѣдокъ первый образъ Правленія. Децемвирство, можно сказать, не имѣло тогда другихъ по себѣ остатковъ, кромѣ однихъ только особъ Децемвирскихъ. Сказано уже, сколь они были ненавистны Народу. Виргиній имѣя особую причину ихъ ненавидѣть, мыслилъ тогда произвесть свое намѣреніе, и въ званіи Народнаго Трибуна, вступилъ въ доносъ на Аппія представя себя къ изобличенію винъ его. Аппій явился къ Собранію въ черной одеждѣ приличной его состоянію. Народъ съ удовольствіемъ видѣлъ сего гордаго Децемвира, приявшаго робкой и

умиль-

умилительный видЪ, вЪ самомЪ томЪ мѣстѣ, гдѣ нѣсколько дней прежде онЪ казалЪ себя во всей славѣ и пышности, окруженЪ множествомЪ своихЪ послѣдователей, и гдѣ онЪ сЪ нетерпимою надмѣнностью приводилЪ НародЪ вЪ трепетЪ, грознымЪ присудствїемЪ своихЪ ЛикторовЪ вооруженныхЪ сѣкирами смерть изЪявляющими.

Виргиній начавЪ рѣчь кЪ Народу: „Римляне, говорилЪ онЪ, я обвиняю „предЪ вами злоумышленника, кото„рый содѣлался ТираномЪ своего Оте„чества; который принудилЪ васЪ при„бѣгнуть кЪ оружїю для защищенїя „вашей вольности; который вЪ удо„вольствїе своего мерзкаго сластолю„бїя, не устыдился Римскую свобод„ную дѣвицу извлечь изЪ рукЪ отца „ея, и вручить гнусному служителю „своихЪ роскошей; который не пра„вымЪ и жестокимЪ судомЪ довелЪ бѣд„наго отца до крайности умертвить „дочь свою, и тѣмЪ только спасти „честь своего рожденїя.„ По томЪ об-

 ратясь

ратясь къ Аппію, и сказавъ что онъ не хочетъ изчислять всѣхъ его преступленій, изъ коихъ и самое малое заслуживало наивеличайшія казни, спрашивалъ только у него, по какимъ Законамъ онъ осудилъ Виргинію къ нещастному состоянію. „Для чего, го„ворилъ онъ, отказалъ ты вольново„спитанной дѣвицѣ дать ручаемую „свободу, пока еще споръ объ ней не „могъ рѣшиться? Естьли ты мнѣ не „скажешь на то оправдательнаго отвѣ„та, то сей же часъ приговариваю „тебя къ заключенію въ темницу.„

Аппій представлялъ, что обвиняемымъ никогда не былъ отказыванъ нужной срокъ для изготовленія ихъ отвѣтовъ; что въ республикѣ не было еще примѣра, чтобъ кто изъ Гражданъ заключался прежде выслушанія его въ полномъ Собраніи; что естьли Трибунъ противу всѣхъ Законовъ хочетъ отнять у него способы оправданія, то онъ проситъ вторичнаго суда передъ Народомъ; что образъ его осужденія

долженъ служить потомкамъ свидѣтельствомъ, было ли сохраняемо въ Республикѣ Право переноснаго суда, почитаемое насильнѣйшею подпорою вольности, Право которое Народъ толь драгоцѣннымъ ставитъ, или оное имѣло одну только наружность преимущества, подчиненнаго скопамъ и заговорамъ Трибунскимъ.

Судящїе безъ пристрастїя находили справедливымъ сїе требованїе. Но Виргинїй утверждалъ, что Аппїй не можетъ пользоваться покровительствомъ Законовъ, кои онъ самъ нарушилъ во время своего Децемвирства, и тѣмъ исключилъ себя изъ общаго Права. При томъ укорялъ его, что онъ не взирая на преимущества Гражданъ Римскихъ, противу правъ и истинны многихъ лишилъ жизни, а иныхъ велѣлъ заключить въ темницы; что по свойственному ему желанїю, онъ приказалъ нагородить тюрьмы, кои онъ обыкновенно называлъ, въ поруганїе человѣчества, домами и селенїемъ

нїемъ Римскаго Народа „И такъ, сказалъ „ему Виргиній, сколь бы пристально ты „ни требовалъ вторичнаго суда передъ „Народомъ, я повелѣваю взять тебя подъ „стражу, въ предупрежденїе чтобъ „казнь толикихъ беззаконій не могла „уйти отъ справедливости Законовъ.„ Тотъ часъ Аппій поведенъ былъ въ темницу, и Трибунъ назначилъ ему день, для представленія его оправданій.

Кайй Клавдій, его дядя, который всегда порилъ Децемвирамъ, особливо же порочилъ гордость и наглость своего племянника, поспѣшилъ однако прибыть къ нему на помощь, какъ скоро увѣдалъ о его нещастьи. Сказано уже, что онъ не желая быть свидѣтелемъ тиранскаго Правленїя Децемвировъ и нещастій Рима, удалился въ Региллъ, древнее предковъ своихъ Отечество. Прибывъ въ Римъ онъ явился на Народномъ мѣстѣ въ печальномъ одѣянїи, и неотступно просилъ объ освобожденїи своего племянника. Къ нему присовокупились друзья

его и родственники, и представляли Народу, коликой стыдъ оставятъ они потомкамъ, отъ единаго только воспоминовенія, что Правитель, который уставилъ ихъ Законы и сочинилъ ихъ Римскія Права, заточенъ былъ въ темницу между ворами и разбойниками. Клавдій заклиналъ каждаго особливо избавить родъ Клавдіанской отъ сего поношенія, и убѣждалъ склониться лучше на прозьбы многаго числа Гражданъ, единаго имени и единой крови, соединившихся ради спасенія одного человѣка, нежели ради удовольствованія мщенія одного Виргинія, отвергнуть почти весь Сенатъ ищущій милосердія. Онъ прибавилъ къ тому, что когда уже Народъ, мужественною своею добродѣтелью, достигъ щастливо къ желаемой вольности, то къ довершенію благополучія Республики, остается только возстановить согласіе между разными людей степенями, снисходительнымъ прощеніемъ Аппія, и для любви къ тѣмъ, кои просятъ о его помилованіи.

Діонисій Галикарнасскій сказываетъ, что Трибуны, предваряя чтобъ Аппій сильнымъ рода своего заступленіемъ не избѣгъ отъ ихъ мщенія, велѣли удавить его въ темницѣ, а послѣ объявили, что сей славный преступникъ, отъ отчаянія убилъ самъ себя, не дождавшись дня, въ который онъ къ суду предстать былъ долженъ. Титъ Ливій, не упоминая ничего о Трибунахъ, просто повѣствуетъ, что Аппій избѣгая безчестія позорной казни умертвилъ самъ себя въ темницѣ. Какъ то ни сдѣлалось, Спурій Оппій Товарищъ его имѣлъ равный съ нимъ жребій. Нуміторій другой Народный Трибунъ, Виргиніинъ дядя, предалъ его суду, какъ единомышленника и сообщника тиранства Аппіева. И сверхъ сего главнаго обвиненія одинъ заслуженый воинъ принесъ на него жалобу, что онъ приказалъ своимъ подчиненнымъ безвинно сѣчь его батогами и терзалъ немилосердо его тѣло. Сей

Децем-

Децемвиръ осужденъ былъ всѣми голосами Народа, потомъ отведенъ въ темницу; и Деонисій Галикарнасскій пишетъ, что онъ въ тотъ же день и казнь принялъ. Оставшіе восемь Децемвировъ искали своего спасенія въ побѣжищѣ, и волею изгнали себя изъ отечества. Имѣніи ихъ описаны и проданы съ общева торгу, въ прибытокъ общаго сокровища, къ которому Квесторы присоединили взятую за нихъ цѣну. Маркъ Клавдій, котораго Аппій употреблялъ своимъ повѣреннымъ и злодѣйственнымъ орудіемъ для похищенія прекрасной Виргиніи, за то осужденъ къ смерти. Но друзья его упросили Виргинія удовольствоваться единымъ его изгнаніемъ. Симъ образомъ отомщена невинная кровь злощастной Виргиніи, которой гибель равно какъ смерть Лукреціи, вновь дала свободу Римлянамъ.

Хотя наказаніе бывшихъ Правителей казалось быть справедливо, Сенатъ видѣлъ съ жестокимъ оскорбленіемъ приговоренныхъ или къ смерти

ти или къ изгнанію главныхъ особъ въ своемъ обществѣ. Наипаче злобился онъ противу Консуловъ, кои предали Децемвировъ Виргиніеву мщенію, не оказавъ ни малѣйшей склонности къ защитѣ ихъ предъ освирѣпѣвшимъ Народомъ. Не льзя узнать, сколь далеко простиралось бы мщеніе Трибуновъ, въ совершенномъ согласіи съ двумя Консулами. Казалось, будто новые Децемвиры готовы были паки возстановить свое тиранство. Дуиллій, изъ числа составляющихъ сіе общество, но болѣ умѣренъ нежели другіе, напослѣдокъ успокоилъ страхъ Сенаторовъ: „Уже довольно, сказалъ онъ въ „общемъ Собраніи, мы сдѣлали и въ „удовольствіе Виргинія и для возста-„новленія нашей вольности. *Я не поз-„воляю,* чтобъ въ остатокъ года, кто „нибудь требованъ былъ къ суду по „сему дѣлу, или чтобъ кого нибудь „брали подъ стражу. Сіе почтенное слово изъ устъ Трибуна, *я того не позволяю*, пресѣкло всѣ иски его товарищей, и злобу ихъ укротило.

КНИ-

КНИГА VI.

Консулы Валерій и Горацій получаютъ отъ Народа честь Тріумфа, которую Сенатъ отказалъ имъ прежде. Трибуны хотятъ остаться безпеременно въ семъ званіи. Одинъ изъ нихъ препятствуетъ исполненію ихъ намеренія. Республика, въ первый разъ, иметъ двухъ Патрикіевъ въ числе Трибуновъ. Еквы и Волски пользуясь несогласіями Римлянъ, приходятъ грабить, даже къ воротамъ Города. Они побиты, или обращены въ бегство Консулами Квинтіемъ и Агриппою. Военные Трибуны. Учрежденіе Ценсурства. Спурій Мелій ищетъ самодержавной власти. При общемъ голоде онъ привлекаетъ къ себе мелкой Народъ, даровою раздачею хлеба, и некоторыхъ Трибуновъ склоняетъ деньгами. Множество орудій ночнымъ временемъ заготовляетъ въ своемъ доме. Ослу-

шается

щается, предстать передъ Диктатора Квинтія, и убитъ Сервиліемъ, Главноповелителемъ конницы, въ толпѣ своихъ сообщниковъ, во время какъ онъ производилъ бунтъ межъ ими. Маркъ Емилій, будучи Диктаторомъ, заставляетъ сдѣлать Законъ, по которому должность Ценсора полагается только на полтора года посмѣнно. Кай Фурій и Маркъ Геганій, прежде бывшіе Ценсоры, мстя за то Диктатору, стараются его обезславить. Народъ за него вступается. Консулы, Титъ Квинтій и Кай Юлій Менто, разбиты Еквами и Волсками въ сраженіи. Сенатъ прибѣгаетъ къ Народнымъ Трибунамъ, дабы принудить Консуловъ назвать Диктатора. Кай Семпроній Атратинъ приводитъ Римское войско въ крайнюю опасность отъ неприятеля. Военачальникъ конницы, по имяни Темпаній, поспѣваетъ благоразумно на помощь къ Консулу, и остановляетъ бѣгство приведенныхъ въ страхъ воиновъ. Темпаній по возвращеніи

щеніи въ Римъ, возведенъ въ Трибуны. Онъ вступается передъ всѣми защищать Семпронія, и принуждаетъ его доносителя оставить искъ неправаго обвиненія. Вскорѣ однако после, сей преждебывшій Консулъ, по наущенію нѣкоторыхъ Трибуновъ, осужденъ къ тяжкому денежному наказанію, въ досаду за то что при новомъ избраніи Квесторовъ, когда число ихъ было умножено, Патрикіи удостоены предпочтительно надъ Плебеянами. Еквы нападаютъ на Городъ Волесъ. Постумій посылается ихъ оттуда выгнать. Онъ не сдерживаетъ слова своимъ воинамъ, коимъ онъ обѣщалъ добычу въ Городѣ, какъ скоро они сдѣлаются побѣдителями Въ возмездіе имъ за то, одинъ Народный Трибунъ требуетъ, чтобъ Волесъ населенъ былъ новыми жителями, разумѣя самыхъ тѣхъ, кои храбростью своею споспѣшествовали къ овладѣнію Города. Гордость Постуміева въ рѣчи. Онъ убитъ собственными своими воинами.

ми. Квесторы Плебеяне. Сенатъ повелѣваетъ, чтобъ воины кои до того времяни служили всегда на собственномъ иждивенiи, впредь содержаны были отъ Республики, и чтобъ для сего содержанiя положенъ былъ сборъ общей подати, изъ которой бы никто изключенъ не былъ. Таковый Сенатусъ Консультъ утвержденъ Плебиситомъ противу всѣхъ жалобъ и споровъ Трибунскихъ.

Двое Консулы разположились выступить противу Сабинянъ, Еквовъ и Волсковъ. Но прежде нежели вышли изъ Рима, выставили въ Народъ послѣднiе Законы Децемвировъ, вырѣзанные на мѣдныхъ доскахъ. По томъ каждый повелъ свое войско. Тотъ и другой одержали совершенную побѣду надъ неприятелями. При возвращенiи своемъ они просили, чтобъ по обыкновенiю принесены были Богамъ благодарственныя мольбы, и чтобъ по томъ они восприяты были въ Римъ въ Трiумфѣ. Но въ томъ имъ было

отказано

отказано Сенатомъ, который до сего времяни одинъ имѣлъ власть отличать сею честью побѣдителей. Оказанное ими усердіе и преданность къ Народу воспрепятствовали ихъ славѣ, противу которой главная часть Сенаторовъ крѣпко вооружились, имѣя тайное удовольствіе наказать тѣмъ своихъ соперниковъ. Кайй Клавдій къ тому укорялъ ихъ, что они были соумышленники смерти Аппія его племянника, котораго Трибуны заставили удавить въ тюрмѣ, прежде нежели оправданіи его были выслушаны. „Вы „обѣщали намъ торжественно, гововорилъ онъ имъ, общее всѣхъ бывшихъ досадъ отпущеніе, какъ скоро „Децемвиры будутъ уничтожены. Однако едва мы успѣли заставить сихъ „Правителей сложить доброволно ихъ „достоинство, и уже иные были умерщвлены, другіе же спасая жизнь „принуждены убѣжать изъ своего отечества. Аппій, главный изъ Клав„діанскаго дома, первый изъ Децем-

„виров, удавлен въ темницѣ безъ „всякаго судебнаго порядка, и не бывъ „выслушанъ въ народномъ Собранiи, „конечно въ предупрежденiе, чтобъ не „спасъ его Народъ, снисходительный „къ нещастiю, чувствительный къ „слезамъ и оскорбленiю достопочтен-„наго рода въ Республикѣ. Сами Кон-„сулы Начальники и покровители Се-„ната, кои обязаны нещадить своей „жизни для сохраненiя своего Достоин-„ства, поползновенно скрыли убiйство „нещастнаго Аппiя, и непроизвели „въ томъ никаковаго взысканiя.„

Сенатъ подвигнутый рѣчью Кайя Клавдiя противу Консуловъ, обьявилъ ихъ недостойными почестей Трiумфа; при чемъ дано имъ знать, что они довольно и тѣмъ щасливы, естьли остались безъ наказанiя за ихъ преступническое согласiе въ Аппiевыми убiйцами. Валерiй и Горацiй, озлоблены поругательнымъ для нихъ отказомъ, представили свои жалобы въ Народномъ Собранiи, и Трибунъ Ицилiй

лій просилъ Народъ, чтобъ имъ воздны были Тріумфальные почести. Множество Сенаторовъ прибыли туда въ намѣреніи уничтожить сіе требованіе; Кайй Клавдій находился въ числѣ оныхъ. Хотя онъ всегда опровергалъ правленіе Децемвировъ однако и немогъ благоприятствовать двумъ Консуламъ, кои предали его племянника злобѣ Трибуновъ. Онъ представилъ Народу съ свободною смѣлостью, что не его дѣло судить и рѣшить о почестяхъ Тріумфа; что сіе право принадлежитъ единственно Сенату, и что свобода и спокойство Республики тогда только сохранятся, когда въ области одна степень у другой не отъемлетъ правъ и преимуществъ, кои обоимъ принадлежать не могутъ.

Но не взирая на правость сихъ представленій, Народъ удостоилъ Консуловъ имѣть почести Тріумфа; а тѣмъ Трибуны вновь умалили власть Сената, однако и тогда не остались спокойны. Сіи Плебеянскіе Начальники

съ помощью угождающихъ имъ Консуловъ имѣли совершенную власть въ Республикѣ, и пользуясь ею положили между собою, сдѣлаться вѣчными Трибунами, равно и обѣихъ Консуловъ оставить безъ перемѣны въ будущемъ избраніи: то было новымъ умысломъ противу общей вольности, подобно предпріятію Децемвировъ. Они прикрывали свое властолюбіе необходимостью оставить въ правленіи тѣхъ же Начальниковъ, пока новые Законы дѣйствительно примутъ свою твердость и исполненіе. А чтобъ Народъ не имѣлъ подозрѣнія, что они одни хотятъ господствовать въ Правленіи, то ему внушаемо было только о Консулахъ Валеріи и Гораціи, коихъ будто бы по нуждѣ надлежало оставить въ Консульствѣ. Къ щастью Республики, одинъ изъ Трибуновъ былъ столько умѣренъ и столько искусенъ, что могъ пресѣчь властолюбивыя предпріятіи своихъ Товарищей. Сей былъ тотъ самой Дуиллій, который властью

своего

своего званія недавно прекратилЪ мщеніе и злобу ТрибуновЪ противу Децемвирскихъ сообщниковЪ. ОнЪ тотЪ день председалЪ вЪ Собраніи, кое учреждено было для избранія новыхЪ ТрибуновЪ. ОнЪ представилЪ обоимЪ КонсуламЪ, что вольность Римская должна погибнуть, естьли Достоинствы Республики будутЪ оставаться вЪ однихЪ рукахЪ долЪ года. Валерій и Гораций дали ему слово никогда не принимать Консульства вторично вЪ продолженіе перваго. Дуиллій, для лучшей вЪ томЪ надежды, спросилЪ у нихЪ при НародЪ и вЪ полномЪ Собраніи, что они будутЪ дЪлать, естьли Римской НародЪ, вЪ уваженіе заслугЪ ихЪ и возставленной ими вольности, захочетЪ имЪть ихЪ безЪ перемЪны вЪ томЪ же ДостоинствЪ? 305
Они оба согласно объявили, что для годЪ.
сохраненія той же вольности, отрекутся отЪ всякаго продолженія высочайшей власти, противящагося ЗаконамЪ, и сЪ равнымЪ удовольствіемЪ

съ какимъ оную приняли. Дуиллій получа сей отвѣтъ, выхвалилъ ихъ безпристрастную любовь къ общей вольности; а сіи похвалы имѣли видъ нѣкотораго новаго ихъ обязательства, и служили къ предубѣжденію Народа противу предприятій другихъ Трибуновъ. Нѣсколько дней спустя послѣдовало Собраніе для выбора новыхъ Консуловъ. Спурій Герминій и Титъ Виргиній избраны въ сіе Достоинство. Они содержали тишину и согласіе въ Республикѣ, благоразумною умѣренностью и безпристрастнымъ поведеніемъ между Народомъ и Сенатомъ. Потомъ произведено избраніе Трибуновъ. Дуиллій по прежнему предсѣдалъ въ Собраніи, и поступалъ въ семъ случаѣ по согласію съ Сенатомъ. По ихъ особенному внушенію и единомыслію ихъ соучастниковъ при началѣ избраны пять новыхъ Трибуновъ, противу усиленія старыхъ. Сіи обманутые въ своемъ чаяніи, старались всячески удержать за собою по крайней мѣрѣ пять остав-

оставшихъ порозжихъ мѣстъ. Дуиллій и тогда опровергалъ ихъ желанія съ великою твердостью.

Но какъ съ своей стороны безпрестанными наущеніями они препятствовали выбору вновь представляемыхъ, то Дуиллій для пресѣченія споровъ, препоручилъ пятерымъ въ началѣ избраннымъ Трибунамъ, выборъ и наименованіе пятерыхъ оставшихъ. Онъ такъ поступилъ въ силу Закона, въ которомъ написано именно: *что естьли въ учрежденный день избранія, зачемъ либо не будутъ избраны всѣ десять Трибуновъ, то первоудостоенные имѣютъ Право назвать сами себѣ Товарищей.* По семъ онъ распустилъ Собраніе, сложилъ самъ свое Трибунство, новые же Трибуны вступили въ должность ихъ Чина.

Прежде всего они назвали себѣ Товарищей, между которыми явились къ великому Народа удивленію, Сергій Тарпеій и Анкъ Гатерій, оба Патрикіи, старые Сенаторы, и кои были нѣко-

гда въ Консульскомъ достоинствѣ: что точно противилось установленію Трибунства, по которому сіе званіе принадлежало однимъ только Плебеянамъ. Нельзя явить причины толь чрезвычайнаго произшествія, развѣ только полагая, что сіи двое Патрикіи, такъ какъ отступники отъ своего Общества, сдѣлались воспріятыми въ Плебеянскомъ родѣ, дабы могли быть возведены на степень Начальства, которое имѣло главную силу въ Правленіи. Но сіе основано на одной догадкѣ безъ Историческаго въ томъ свидѣтельства. Титъ-Ливій напротиву того даетъ признаки, что первые пять Трибуновъ, поступали склонно по желанію Сената, въ избраніи своихъ Товарищей. И вѣроятно, что толь испытанные въ благоразуміи люди, каковы были Римскіе Сенаторы, предвидя бѣдственныя слѣдствіи для Республики, естьли бы всегда одни Трибуны безпрерывно были въ ихъ должности, тайно согла-

силились

сились съ Дуиллїемъ допустить Патрикїевъ къ участїю въ Трибунствѣ: въ томъ намѣренїи, чтобъ ихъ посредствующею властью противовѣсить власть Плебеянскихъ Трибуновъ, и чтобъ препятствовать имъ, естьли они въ избранїи на будущїй годъ возобновятъ предложенїе оставить тѣхъ же Трибуновъ въ Правительствѣ; ибо сїе почиталось въ Римѣ предудверїемъ Тиранскаго Началовластїя и гибелью общей вольности.

Луцїй Требонїй, одинъ изъ Плебеянскихъ Трибуновъ представлялъ Народу, съ великими жалобами на Дуиллїя своего предмѣстника, что онъ умышленно разпустилъ собранїе, и далъ пяти первымъ Трибунамъ наименовать себѣ Товарищей, дабы допустить Патрикїевъ къ присоединенїю въ сїе Общество. Онъ во весь годъ неперествавалъ портить дѣла Трибуновъ Патрикїевъ, и отъ того прозванъ былъ *Асперъ* *. А дабы впредь Трибуны въ угожденїе Сенату не

* угрюмый.

не называли сами себѣ Товарищей, особо доброхотствующихъ Патрикіямъ, онъ предложилъ и заставилъ принять Законъ, названный по его имени *Законъ Требоніевъ.* Въ немъ предписано было, что Начальникъ, который предложитъ Народу о произведеніи Трибуновъ, долженъ продолжать ихъ избраніе, во всѣхъ послѣдующихъ Собраніяхъ, пока всѣ десять Трибуновъ будутъ удостоены голосами Народа. Чрезъ сіе установленіе первоизбранные Трибуны лишились Права принимать собою Товарищей: и то Право называлось у Римлянъ *совмѣщеніе.*

306 годъ. Въ Консульствѣ послѣ Луція Герминія и Тита Виргинія послѣдовали Маркъ Геганій и Кайй Юлій. Титъ Ливій повѣствуетъ, что послѣ истребленія Децемвирства и смерти или изгнанія Децемвировъ Республика имѣла видъ возставленнаго спокойствіа, и что являемое согласіе между разными степенями Области, содержало

въ

вЪ страхѣ внѣшнихЪ неприятелей, кои не смѣли болѣ возобновлять обыкновенные свои набѣги. Но сія тишина не долго царствовала вЪ Римѣ. НародЪ вновь приносилЪ жалобы, что Благородство, и особливо молодые Патрикіи, поступали кЪ нему сЪ презрѣніемЪ. Трибуны поставили нѣкоторыхЪ на судЪ передЪ Народное Собраніе, куда они всѣхЪ дѣлЪ вершеніе переносить старались. СенатЪ сохраняя власть свою, тотчасЪ вошелЪ вЪ сопротивленіе, и хотя благоразумнѣйшіе изЪ сего Общества, не потакали высокому поведенію молодыхЪ БоярЪ, однако и не хотѣли ихЪ оставить подЪ судомЪ у ТрибуновЪ. Сіе соперничество, касаясь до расправы и преимуществЪ принадлежащихЪ каждой степени, возобновило древніе споры, кои наипаче разпространились вЪ Консульство Тита Квинтія и 307 годЪ.
Агриппы Фурія. Утихающая на время ненависть, издревле вкорененная, при маломЪ поводѣ всегда вновь возражда-

раждалась. Обѣ степени не могли терпѣть ни Начальниковъ, ни власти въ противномъ имъ сообществѣ. Естьли Народъ не могъ сносить Консуловъ, то Трибуны равно ненавистны были Патрикіямъ, и каждая сторона чаяла быть въ неволѣ, естьли не унижала другую.

Еквы и Волски, провѣдавъ о сихъ домашнихъ несогласіяхъ, и желая тѣмъ воспользоваться, ополчились на Римлянъ. Консулы, съ своей стороны, помышляли о наборѣ воиновъ. Но Народъ, отвлеченъ наущеніемъ Трибуновъ, отрекся отъ воинской должности. Неприятели, не находя тогда препятствія въ своихъ покушеніяхъ, разграбили земли, и отважились наѣздами похищать стада даже у воротъ Ескилинскихъ.

Консулы, раздражены преслушаніемъ Народа, еще болѣ нежели наглостью неприятелей, созвали общее Собраніе. Квинтій, мужъ достославный многими побѣдами, отличный безпо-

безпорочностью своей жизни и благоразумїемъ своихъ совѣтовъ, и который былъ почтенъ четырежды Консульскимъ достоинствомъ, началъ рѣчь и смѣло выговаривалъ Сенату и Народу, что ихъ безпрестанныя несогласїи причинятъ напослѣдокъ совершенное паденїе республики; что Сенатъ чрезмѣрно возмнѣвая о своемъ достоинствѣ и богатствѣ, не полагаетъ границъ своему властолюбїю, Народъ же довелъ себя до крайнихъ злодѣйствъ не обузданною вольностью, которую онъ прикрываетъ названїемъ римской свободы; и что тотъ и другой защищаясь отъ мнимыхъ притѣсненїй, наигоршими озлобленїями, подаютъ другъ другу только поводъ къ безчеловѣчному умствованїю. „Кажется, продолжалъ сей „достопочтенный мужъ, что въ нѣ„драхъ единодушнаго рима два раз„ныхъ Народа обитаютъ, кои спо„рятъ о правѣ повелительства. Когда „будетъ конецъ нашимъ несогласїямъ? „Когда мы будемъ столько щастливы,

„чтобъ

„чтобъ едина всѣхъ польза соединила
„сердца наши и едино Общество изъ
„насъ составила? Неприятели тор-
„жествуютъ въ самыхъ нѣдрахъ Рим-
„ской Области; Ескилїи могли быть
„взяты посмѣятельными намъ набѣ-
„гами, и никто не выступилъ къ ихъ
„защищенїю. Мы смотримъ сверьху
„стѣнъ на опустошенїе земель и на-
„дымящїйся пепелъ домовъ огнемъ из-
„требленныхъ; но все сїе видимъ съ
„постыднымъ равнодушїемъ, и можетъ
„быть съ тайнымъ удовольствїемъ,
„когда нещастье падаетъ на против-
„ную сторону. Въ состоянїи ли кто
„теперь въ Городѣ наградить таковые
„уроны? Сенатъ хотя имѣетъ Консу-
„ловъ первыхъ Правителей въ Респу-
„бликѣ, но сїи Консулы лишены силы
„и власти, небреженїемъ Народа враж-
„дующаго противу славы своего Оте-
„чества. Народъ съ своей стороны хо-
„тя имѣетъ Трибуновъ, но сїи Трибуны
„со всѣмъ своимъ краснорѣчїемъ, возвра-
„тятъ ли ему то, что нещастьемъ по-
„терено?

„терено? Прекратите Римляне сїи вре„дные вамъ несогласїи. Разорвите ве„ликодушно упрямства вашего цѣпи, „кои привязывають васъ къ безславной „праздности. Откройте глаза и раз„смотрите происки сихъ властолю„бивыхъ людей, кои производя без„престанные несогласїи въ республикѣ „чтятся только уважить свои особы „во мнѣнїи невѣдущихъ своихъ послѣ„дователей. И когда вы можете пред„ставить себѣ на память ваше древ„нее мужество и непобѣдимую храб„рость, выступите изъ Рима за ва„шими Консулами: я отдаю себя на „всѣ лютѣйшїя казни, естьли въ ко„роткомъ времяни мы не прогонимъ „иноплѣменниковъ расхищающихъ Об„ласть нашу, и не покараемъ ихъ „нашими силами въ самыхъ нѣдрахъ „ихъ Отечества.

Титъ-Ливїй сказываетъ, что никогда ласкательныя слова Трибуновъ не были такъ приятны Народу, какъ строгїе выговоры сего благодѣтельнаго

Консула. Сенатъ равно возчувствоваль ихъ справедливость. Благоразумнѣйшіе изъ сего Общества признавались, что предмѣстники его въ семъ Достоинствѣ, или обманывали Народъ угождая Сенату, или предавали измѣннически свое Общество лаская Народу; но что Титъ Квинтій имѣлъ въ видѣ единственно должный союзъ между всѣми степенями Республики, и величество достойное Римскаго имени.

Консулы и Трибуны, Сенатъ и Народъ единодушно согласны были принять оружіе. Каждый старался показать наиболѣ усердія. Всѣ молодые люди шли толпами на войну записываться. Скоро войско было набрано; каждый Когортъ выбралъ себѣ Начальниковъ; надо всѣми же главными Полководцами опредѣлены двое Сенаторовъ, и все сіе исполнено было съ такою исправностью и поспѣшностью, что въ тотъ же день знамена изъ хранилища были подняты,

и

и войско успѣло десять поприщъ перейти отъ Города. На завтре Консулы встрѣтили и пошли бить неприятелей. Бой однако страшенъ былъ кровопролитіемъ. Еквы и Волски сражались съ великою храбростью; лѣвое крыло Римлянъ отступило. Фурій Агриппа, который находился главнымъ надъ сею частью, видя что стремленіе воиновъ его ослабѣвало, вырвалъ знамя изъ рукъ Чиновника носящаго оное, и бросилъ въ средину Когорта неприятельскаго. Римляне ринулись извлечь его изъ рукъ противничьихъ, а усиленіе, которое они произвели для онаго, причинило разстройку неприятелей и было началомъ побѣды Римской. Квинтій равно какъ Товарищъ его сражался не безъ успѣха. Еквы и Волски, со обоихъ сторонъ разбиты, укрывались въ свой станъ, которой Консулы вскорѣ окружили и мечемъ взяли. Великое число Еквовъ и Волсковъ на части посѣчены были, а оставшіе спасались

ѣгствомъ. Римляне завладѣвъ ихъ станомъ, приобрѣли въ немъ знатную добычу, и возвратились напослѣдокъ въ Римъ съ грузомъ неприятельскаго имѣнія, и своего собственнаго, которое на Римскихъ земляхъ похищено было.

Толь скоропоспѣшная побѣда, дала узнать Народу его силы, и нужду которую Сенатъ имѣлъ въ его дѣйствіяхъ. Потому умножилъ онъ свое честолюбіе и свои требованіи. Онъ становился часъ отъ часу болѣ гордъ и предпріимчивъ. Тѣ кои имѣли хорошій пожитокъ, или отличились своею храбростью, требовали чтобъ былъ уничтоженъ, такъ какъ остатокъ Децемвирскаго Тиранства, предосудительный Народу Законъ, который запрещаетъ ему вступать въ кровные союзы съ домами Патрикіевъ. Всегда неумолкные Трибуны вновь о раздѣлѣ земель говорить начали; другіе же изъявляли, что когда для всѣхъ Граждан положены равные Законы, то

чины

Чины и Достоинства равно для всѣхъ должны быть общими въ разпредѣлении; и многие между Народными Начальниками присвоивали себѣ и самое Консульское Достоинство, которое до того времяни ввѣряемо было особамъ только первой степени. Девятеро Трибуновъ предложили въ полномъ Собрании, чтобъ сдѣланъ былъ новой Законъ, по которому бы Плебеяне впредь допущены были къ Консульству. Кайй Канулей требовалъ къ тому, чтобъ чрезъ Народное опредѣление отставить Законъ положенный въ двенатцати Таблицахъ, запрещающий Патрикиямъ входить въ родство съ Плебеянами. Маркъ Генуций и Кайй Курций, Консулы въ ономъ году, хотѣли отвести сии новые требовании, подъ видомъ полученныхъ извѣстий, что Еквы и Волски намѣрялись вновь на Римъ итти войною. Сенатъ въ подобныхъ случаяхъ всегда предлагалъ о внѣшнихъ безпокойствахъ отъ сосѣдей; и тогда только

ко

ко былъ въ миръ съ своими Согражданами, когда могъ ихъ выманить изъ Рима и вести въ поле противу неприятелей Отечества. Консулы въ семъ видѣ учредили наборъ воиновъ, съ повелѣнїемъ чтобъ каждый готовъ былъ выступить въ поле. Но Канулей возчувствовавъ ихъ въ томъ умыслъ. „Пусть извѣстїи ваши о не-„приятельской войнѣ будутъ спра-„ведливы, говорилъ онъ къ Консуламъ, „или пусть то одни только слухи на-„рочноразсѣянные, чтобъ подъ какимъ „ни есть видомъ вывесть Народъ изъ „Города; не входя въ изслѣдованїе „вашей совѣсти, я объявляю по дол-„жности Трибуна, что сей Народъ, „которой всегда проливалъ кровь свою „для спасенїя Отечества, не отре-„чется и нынѣ слѣдовать за своими „Консулами и предводителями, естьли „возвратятъ ему его свободу, и есте-„ственное Право позволяющее всту-„пать съ вами во взаимные родства „союзы; естьли надежда Чиновныхъ

„честей

„честей и доступъ къ возвышенїю „въ первые Достоинства отверсты „будутъ равномѣрно для всѣхъ Граж„данъ имѣющихъ отличные качествы. „Но естьли вы не хотите отмѣнить „Децемвирскаго обракосочетанїя Зако„на; естьли вы будете еще посту„пать съ нами какъ съ чужеземцами „въ собственномъ нашемъ Отечествѣ; „естьли не удостоите Народъ къ „брачному съ вами сообщенїю, и не „дадите ему воли возводить въ Кон„сульство тѣхъ, коихъ онъ найдетъ „для сего наиболѣ достойными, не „имѣя принужденїя заключать свой „выборъ въ одномъ только Сенатѣ; „однимъ словомъ, естьли не будетъ „уничтожена высокомнимая различ„ность Благородныхъ съ Плебеяна„ми, всегда нетерпимая въ воль„ной Республикѣ, и естьли впредь „будетъ почитаема другая отлич„ность и знатность кромѣ той, ка„кую можетъ дать добродѣтель, приз„нанная общеполезными для всѣхъ Граж-

 „данъ

„данъ Правительствами, то говорите „себѣ объ войнахъ сколько вамъ угод„но; представте въ вашихъ обыкно„венныхъ рѣчахъ совокупленіи и силы „нашихъ неприятелей еще болѣ страш„ными; прикажите, когда за лучше „разсудите, перенесть вашъ Трибу„налъ на средину народнаго мѣста „для набора тамъ воиновъ: я объя„вляю однако, что сей презрѣнной „вами Народъ, которому вы должны „всѣми нашими побѣдами, не станетъ „служить вамъ болѣ. Объявляю что „ни кто не вызовется итти подъ „иго вашего вооруженія, и вы не най„дете ни одного Плебеянина, которой „бы желалъ искать смерти для поль„зы высоковластныхъ Господъ, ко„торые не отрицаются приобщить „насъ къ гибели въ сраженіяхъ, но „желаютъ отрѣшить отъ награжде„ній храбростью приобрѣтаемыхъ, и „отчуждаютъ вкушать сладчайшіе „плоды дарующихъ имъ оную.

Консулы устрашены были смѣлостью Трибуна, тѣмъ наиболѣ что они не смѣли сзывать Собранїе Сената, гдѣ Народъ имѣлъ явныхъ своихъ защитниковъ, кои давали вѣдать Трибуну о всѣхъ тамъ произшествїяхъ. И такъ сїи двое Правители принуждены были учреждать особенные совѣты съ тѣми только Сенаторами, которыхъ вѣрность не была сумнительна. Они представили, что не льзя долѣ сносить предприятїй Трибуновъ, и что слѣдуетъ или оставить Сенатъ безъ дѣйства, или прекратить Народное Правительство, раждающее безпрестанно между Сенатомъ и Народомъ несогласїе. Каїй Клавдїй, Децемвировъ дядя, сохраняя можно сказать наслѣдственную предковъ своихъ ненависть противу Народнаго сонмища, подавалъ въ началѣ мнѣнїе: что лучше употребить въ крайности силу оружїя, нежели уступить Народу Консульское Достоинство; и что не отличая ни просто-

людиновъ, ни Начальниковъ надлежитъ унимать, такъ какъ всенародныхъ злодѣевъ, тѣхъ кои предпримутъ перемѣнять образъ Правленія. Но Титъ Квинтій, болѣ умѣренъ, и боясь чтобъ сіи споры не обратились въ междоусобную войну, представилъ, что между Плебеянами находится великое число Чиновниковъ съ отличными достоинствами, и кои въ войнѣ приобрѣли себѣ много чести и славы; что по справедливости надлежитъ сдѣлать нѣкоторое удовольствіе толь благодѣтельному Народу, и что самая польза Сената, требуетъ при видимыхъ обстоятельствахъ, уступить часть своихъ Правъ, дабы сохранить остатокъ.

Главная часть Собранія согласилась съ его мнѣніемъ. Кай Клавдій вступилъ однако въ слово: „Я не могу, говорилъ онъ, спорить противу „главнаго числа голосовъ. И когда „вы за благо разсудили приобщить „Плебеянъ къ Правленію, то пускай

„мы

„мы сдѣлаемъ удовольствіе Народу „для его успокоенія, но такъ чтобъ „по крайней мѣрѣ Консульское Достоинство не было тѣмъ унижено. А „чтобъ согласить обѣ вещи, кои имѣютъ толь противные другъ другу „виды, я мнилъ бы вмѣсто Консуловъ „избрать военныхъ Трибуновъ, и ка„кое число ихъ положено будетъ, „брать по равну, половину отъ Об„щества Патрикіевъ, а другую отъ „Народа, съ тѣмъ чтобъ они имѣ„ли власть Консульскую. Народъ та„кимъ образомъ будетъ успокоенъ, и „Консульство въ другое болѣ благо„пріятное намъ время можетъ возвра„титься на прежнюю степень прево„сходства и высоковластія.„ Клавдій превознесенъ былъ похвалами, и всѣ присоединились къ его мнѣнію. Тогда сей старый Сенаторъ обратилъ рѣчь къ Марку Генуцію первому Консулу: „А чтобъ намѣреніе наше, говорилъ онъ „ему, могло имѣть желаемые успѣхи, со„бери Сенатъ, пригласивъ туда Народ-

„ныхъ

„ныхъ Трибуновъ; и когда Собранiе та-
„кимъ образомъ будетъ составлено,
„то объяви, что ты вызываешь всѣхъ
„истинныхъ любителей Отечества ска-
„зать свободно свое мнѣнiе о новыхъ
„Законахъ какихъ Народъ требуетъ.
„По томъ когда начнешь спрашивать
„мнѣнiй, то не начинай съ Тита
„Квинтiя ни съ меня, ни съ старыхъ
„Сенаторовъ, кои по обычаю должен-
„ствовали бы говорить во первыхъ;
„но вмѣсто насъ окажи ту честь Ва-
„лерiю и Горацiю, какъ по Консуль-
„скому званiю въ томъ ты имѣешь
„волю; а чрезъ то мы извѣдаемъ мы-
„сли сихъ народныхъ защитниковъ,
„кои продали Трибунамъ свою вѣр-
„ность. Я начну тогда опровергать
„ихъ мнѣнiи безъ наималѣйшаго съ ни-
„ми примиренiя; и всѣми силами вос-
„противлюсь какъ уничтоженiю брач-
„наго Закона, равно всякому избранiю
„изъ Плебеянъ въ Консульство. Въ
„то время потребуй мнѣнiя отъ Ти-
„та Генуцiя твоего брата, который
„подъ

„подъ видомъ того что онъ желаетъ „примирить разномысленную пользу „Народа и Сената, пускай предло„житъ, будто бы отъ себя, отло„жить избранїе Консуловъ, а вмѣсто „ихъ уставить воинныхъ Трибуновъ: „при чемъ предложитъ такъ же и о уни„чтоженїи брачнаго Закона. Я опять „стану спорить противу оныхъ пред„ложенїй; тогда ты, твой Товарищъ, „и всѣ сколько васъ здѣсь находится „изъ главныхъ въ Сенатѣ, изъявя до„казательствы вашей къ Народу бла„госклонности, скажете, что вы со„гласны съ Генуцевымъ мнѣнїемъ. На„родъ не преминетъ считать себя за „то особливо обязаннымъ твоему До„му, и Трибуны безъ всякаго сумнѣ„нїя соединятся съ тобою, хотя для „того только чтобъ торжествовать „надо мною въ спорѣ.

Всѣ единогласно похвалили сей вымыселъ: каждый выучилъ заранѣ рѣчь, которую говорить былъ долженъ. Консулы созвали Сенатъ, и повѣстили

Кану-

Канулею съ протчими Трибунами чтобъ они явились къ присудствію. Въ урѣченный день Собранія Канулей не распространялъ слова о справедливости и пользѣ Законовъ коихъ онъ желалъ установленія, но единственно приносилъ жалобы, и съ сильнымъ ожесточеніемъ, противу Консуловъ. Онъ представлялъ что они производили между собою тайные совѣты во вредъ народной пользѣ, что они отнюдь не приглашали къ тому самыхъ честныхъ людей въ Сенатѣ, а особливо Валерія и Горація оказавшихъ важную услугу Республикѣ, уничтоженіемъ Децемвирства, въ чемъ они наиболѣ всѣхъ споспѣшествовали.

Консулъ Генуцій отвѣтствовалъ ему, что они приглащали въ Совѣтъ нѣкоторыхъ старыхъ Сенаторовъ для одного только рѣшенія, созывать ли тотъ часъ Сенатъ, о предложеніи новыхъ Законовъ, или отложить разсужденіе о томъ до времяни какъ войско возвратится съ поля; что естьли Валерій

и Горацій и другіе старые Сенаторы не были на сей Совѣтъ призваны, то конечно не въ другомъ намѣреніи, какъ спасая ихъ отъ подозрѣнія Народа, которой бы могъ усумниться въ ихъ съ нами согласіи. „А въ доказательство, прибавилъ Генуцій, что мой „Товарищь и я вступаемъ въ сіе дѣло „безъ всякаго пристрастія, то мы „хотя вѣдаемъ что первыя мнѣнія „обыкновенно бываютъ болѣ уважаемы, „и что Консулы до нынѣ всегда начина-„ли спрашивать во первыхъ самыхъ ста-„рыхъ Сенаторовъ, но какъ вы находи-„те ихъ себѣ не благопріятными, „то отмѣнимъ нынѣ прежній порядокъ и „начнемъ спрашивать мнѣнія во пер-„выхъ у Валерія и Горація.„ Послѣ чего обратясь къ Валерію далъ ему знать чтобъ онъ объявилъ свое мнѣніе.

Валерій въ началѣ разпространялъ рѣчь объ оказанныхъ Народу услугахъ отъ него и отъ его дома; въ слѣдствіе говорилъ что вольность не можетъ тогда быть въ Области, когда

нѣтъ

нѣтъ совершеннаго равенства между всѣми гражданами. По томъ довелъ къ тому чтобъ Плебеяне не были отчуждены отъ Консульства; однако при семъ увѣщевалъ Народныхъ Трибуновъ, чтобъ они согласились къ вооруженію, которое Консулы произвесть за благо разсудили, съ тѣмъ чтобъ сіи Правители обязались совершить, по окончаніи войны, новое Законоданіе. Горацій, долженствуя за нимъ представить свое мнѣніе, разсуждалъ почти такъ же, и находилъ занужно чтобъ прежде итти войску противу неприятеля; но когда война благополучно будетъ кончена, тогда бы Консулы первѣе всего внесли въ Народное Собраніе Сенатусъ-Консультъ, каковъ потребенъ для вступленія въ совѣтъ о толь важномъ дѣлѣ.

Сіе мнѣніе произвело великое роптаніе въ Собраніи. Сенаторы кои не могли согласиться видѣть Плебеянъ въ Консульствѣ, находили великимъ себѣ выигрышемъ чтобъ отложить о

томъ

томъ разсмотренїе впредь до времяни. На противу того тѣ кои были стороны народной, не могли терпѣть отсрочки, и настояли чтобъ по крайней мѣрѣ Сенатусъ Консультъ подписанъ былъ прежде нежели они разстанутся.

Консулы спросили по томъ мнѣнїя отъ Каїя Клавдїя, которой какъ сказано по согласїю съ ними началъ говорить весьма смѣло и твердо противу сихъ новыхъ народныхъ требованїй. Онъ привелъ на память всѣ разные Плебеянскїе предпрїятїи противу власти Сената, начиная съ побѣга ихъ на священную гору. „Сей безпокойный и непо„стоянный Народъ, говорилъ онъ, „желалъ имѣть особливыхъ своихъ на„чальниковъ: то для благосостоянїя „тишины мы дали ему Трибуновъ. „Онъ просилъ по томъ Децемвировъ; „мы согласились и на сїе новое Вла-

„стей установленіе. ОнЪ скоро воз„ненавидѢлЪ сихЪ Правителей, и „угождая ему мы приложили руки „кЪ ихЪ уничтоженію. Мы сдѢлали „еще болѢ, когда оставили безЪ из„слѢдованія иныхЪ жестокую смерть, „другихЪ изгнаніе, и сдѢлали то „для единаго примиренія сЪ вами. „На конецЪ, вЪ сіи послѢдніе вре„мена, мы видѢли двухЪ КонсуловЪ „кои похлебствовали ПлебеянамЪ бо„лѢ самихЪ ТрибуновЪ, и пользу „своего общества жертвовали вла„столюбію Народа. Представляющіе „высочайшую власть Правители Ре„спублики, не признавающіе ни ко„го выше себя кромѢ БоговЪ и Кон„суловЪ, мы, мы сами доведены бы„ли сносить вЪ терпѢніи тиранство „ТрибуновЪ. Не только наши совѢ„ты и разсужденіи, но и особенное „наше состояніе и самая жизнь на„ша отЪ нихЪ зависятЪ; ибо сіи „Плебеянскіе Начальники самовластно

„господ-

,,господствуютъ во всѣхъ мятежныхъ ,,Собранiяхъ , гдѣ только пристра-,,стiе и злоба могутъ торжество-,,вать надъ разсужденiемъ и спра-,,ведливостью. Сего еще мало : Каiй ,,Канулей , хочетъ соединить , по-,,стыднымъ бракосочетанiемъ , име-,,нитую кровь благородства съ Пле-,,беянскимъ поколѣнiемъ. Естьли ис-,,полнится ево намѣренiе , то рожден-,,ные впредь отъ сихъ законопреступ-,,ныхъ браковъ, сами съ собою во всег-,,дашнемъ раздѣленiи не будутъ вѣ-,,дать отъ которыхъ домовъ они про-,,изходятъ, и къ которой сторонѣ при-,,лѣпиться должны, не будучи ни въ чи-,,слѣ народа, ни въ числѣ Патрикiевъ. И ,,какъ будто бы не довольно было истре-,,бить честь знаменитаго рожденiя , ,,истребить всѣ правы божества ичело-,,вѣчества, Товарищи Канулеевы Три-,,буны , сiи развратники общаго спо-,,койства , осмѣливаются взирать ал-,,чущими глазами даже на Консуль-

,,ство.

„ство. Уже мы близки къ тому что „сїе великое Достоинство похищено „будетъ въ корысть Канулеямъ и „Ицилїямъ. Но пусть вѣдаютъ сїи „новые родоначальники, продолжалъ „Клавдїй, что Боги покровительствую-„щїе Область нашу не попустятъ „совершиться оному, и что мы сами „лучше сто кратъ умереть согласим-„ся, нежели претерпимъ таковое по-„ношенїе.

Канулей нетерпѣливый нравомъ, перервалъ рѣчь его, и досадительно спрашивалъ, по чему Боги будутъ прогнѣваны, естьли избраны будутъ въ Консулы Плебеяне, имѣющїе всѣ достойные къ тому качествы? „Не „вѣдаешь ли ты, отвѣтствовалъ ему „Клавдїй, что Плебеяне не имѣютъ „Авспицїй и не могутъ производить „оныхъ? не вѣдаешь ли ты что по „сей особой причинѣ Децемвиры при-„нуждены были, въ двенатцати за-

„коно-

„конодательныхъ таблицахъ, воспре-
„тить всякой кровной союзъ не рав-
„наго степени, дабы Авспиціи произ-
„водимы были одними только Патри-
„кіями, которыхъ рожденіе было бы
„не порочно и не смѣшенно; по чему
„Священство и Консульство оба равно
„въ сей только степени пребывать
„должны.

Сей отвѣтъ хотя былъ не оспоримъ и основанъ на почитаніи Вѣры и Законовъ, но служилъ только къ пущему Народа озлобленію противу Клавдія; какъ будто бы сей Вельможа своею рѣчью доказывалъ въ поношеніе Народу, что Боги отвергли его отъ своей благодати, и что онъ не достоинъ, по низости своего произхожденія, быть причастенъ въ ихъ таинствахъ.

А дабы не дать мѣста народной свирѣпости, которая въ обуявшихъ ею

разумахъ наипаче тогда разпространялась, Консулы спрашивали мнѣнія у Тита Генуція, брата одного изъ сихъ Правителей. Вопрошенный Сенаторъ представлялъ что онъ съ огорченіемъ видитъ Республику поражаему двумя жестокими язвами, угрожающими ей совершенною погибелью: видитъ ея отъ внѣ войною истощаему, и внутрь терзаему домашними безпокойствами; что обѣ сіи напасти требуютъ не укоснительнаго облегченія, но трудно произвесть оное, когда междоусобное неудовольствіе и ослабленіе Народа безпрестанно поощряютъ дерзость неприятелей; что однако надлежитъ предпринять то или другое: или сносить терпѣливо обиды отъ Ековъ и Волсковъ, или сдѣлать нѣкоторое удовольствіе Народу, есть ли должно выступить въ поле; что по его мнѣнію, лучше въ пользу онаго отдѣлить что ни будь отъ преимуществъ Вельможъ, нежели оставить

Рим-

римскую землю на разграбленіе иноплеменникамЪ. ОнЪ велЪ свою рѣчь такЪ какЪ согласился тайно сЪ Консулами и КлавдіемЪ, и склонилЪ ее кЪ тому чтобЪ уничтожить ЗаконЪ претящій всякому родственному союзу ПатрикіевЪ сЪ Плебеянами, по колику сей ЗаконЪ разрушаетЪ согласіе, каковое долженствуетЪ быть между Гражданами единой республики. КЪ тому прибавилЪ, что естьли старые Сенаторы не могутЪ посягнуть толь много чтобЪ видѣть Консульское Достоинство вЪ ПлебеянскихЪ рукахЪ, то по крайней мѣрѣ можно сыскать посредство, которымЪ, можетЪ быть, обѣ стороны будутЪ довольны. ОнЪ представилЪ сіе посредство, кое состояло вЪ томЪ чтобЪ отмѣнить на время избраніе и имя КонсуловЪ, а вЪ мѣсто ихЪ установить шесть военныхЪ ТрибуновЪ, кои бы имѣли туже должность и туже власть какую имѣютЪ Консулы, и чтобЪ трое изЪ

нихЪ

нихъ были всегда Патрикіи, трое же другихъ могли быть Плебеяне; чтобъ на будущій годъ Сенатъ и Народъ рѣшили по большинству голосовъ въ общемъ Собраніи какіе Правители для нихъ болѣ полезны, и быть ли по старому Консуламъ, или продолжать избраніе военныхъ Трибуновъ, а сіе впредь да наблюдаемо будетъ во всѣхъ Комиціяхъ.

Сіе мнѣніе принято по большинству голосовъ, въ упоръ наружному Клавдіеву сопротивленію. Титъ Генуцій получилъ за то равныя похвалы отъ Сената и отъ Народа. Сенаторы удовольствовались отрѣшеніемъ Плебеянъ отъ Консульскаго достоинства, которое они надѣялись впредь при удобномъ случаѣ возставить со всѣми его преимуществами. Народъ съ своей стороны, не прилѣпляясь къ одному только тщетному имени, радовался безмѣрно что могъ

могъ напослѣдокъ имѣть участіе въ Правленіи Республики, подъ какимъ бы званіемъ то ни было. Большая часть вскричали что они болѣ не спорятъ итти противу неприятеля, и что они ради проливать кровь, когда ихъ не отчуждаютъ отъ награжденій.

Нѣсколько дней спустя учреждено было Собраніе для выбора сихъ новыхъ Правителей. Старые Трибуны Народные, и главные изъ Плебеянъ, ласкаясь войти въ сіи Достоинствы, явились на сборищѣ въ бѣломъ одѣяніи, чтобъ дать болѣ себя примѣтить; однако Народъ доволенъ былъ и тѣмъ что могъ получить право Достоинства въ избраніи, по чему тогда всѣми голосами избраны были одни только Патрикіи; и въ началѣ только трое произведены въ военные Трибуны, кои были: Авлъ Семпроній Апратинъ, Луцій Аттилій, и 308 годъ.

 Титъ

Тит Сецилій или Клелій, всѣ трое Патрикіи отличные какъ храбростью такъ и искуствомъ въ военнодѣйствіи.

Но сіи трое Правители принуждены были сами сложить съ себя чины, три мѣсяца спустя по ихъ избраніи, слѣдуя представленію Каія Курція, въ то время предсѣдавшаго въ Собраніи, ибо онъ представилъ что обряды въ произведеніи Авспицій не были тогда наблюдены съ точностью каковы бывали всегда при избраніи Начальствъ Курульныхъ. Римляне весьма были набожны и въ самыхъ малыхъ вещахъ гдѣ только Богослуженіе могло имѣть мѣсто; а къ тому можетъ быть что Патрикіи произвели тогда отмѣнную набожность для возстановленія Консульскаго достоинства. Въ самомъ дѣлѣ, какъ скоро военные Трибуны сложили съ себя должности, то наименованъ былъ,

междо-

междовремянный Царь, дабы Республика не оставалась безъ начальства и безъ праздленія. Но какъ сей Царь правилъ только заемно и для врученія власти годовымъ Начальникамъ, то предложено было на разсужденіе, Консуламъ ли быть или военнымъ Трибунамъ. Старшіе Сенаторы не преминули оказать склонность свою къ Консульству; Народъ изъявлялъ на противъ что онъ желаетъ военныхъ Трибуновъ. Между тѣмъ вселилась ревность между Кандидатами сей послѣдней степени; и тѣ коихъ совѣщаніе безсильно было возвысить ихъ въ желаемое Достоинство, желали лучше возставить Консульство, нежели видѣть своихъ соперниковъ въ торжествѣ съ преимущественною отличностью къ которой они не могли достигнуть. И такъ по согласію Сената и Народа Царь междовремянный наименовалъ Консуловъ и препоручилъ сіе званіе на остатокъ года

Луцію

309 годъ. Луцію Папирію Мугилану, и Луцію Семпронію Атратину, брату одного изъ тѣхъ Патрикіевъ, кои сложили съ себя военное Трибунство, какъ выше сказано.

310 или 311 годъ. Въ ихъ Консульство не произошло ничего знатнаго; но въ слѣдующее, когда правили Маркъ Геганій и Титъ Квинтій, уставлена была Ценсура, новая должность; или лучше сказать содѣлалось Начальство которое раздѣлило власть Консуловъ. Сіе новое Достоинство Ценсоровъ, маловажное въ началѣ своей бытности, стало быть напослѣдокъ, по силѣ и власти соединенной съ симъ званіемъ, высочайшею честью и самымъ страшнымъ Правительствомъ въ Республикѣ.

Римляне вообще всегда склонны были къ завоеваніямъ: по сей причинѣ изъ давна Царь Сервій установилъ,

новилъ, какъ прежде упомянуто, чтобъ каждые пять лѣтъ производилось изчисленіе всѣхъ Гражданъ Римскихъ, съ точною вѣдомостью и о стяжаніи каждаго особенно какое кто имѣетъ, дабы подкрѣпленіе силъ и изобиліе Государства могли быть надежнымъ образомъ удовлетворяемы. Государь, или Правитель, по сему изчисленію могъ всегда вѣдать сколько Римъ имѣлъ жителей, и какую подать они нести въ состояніи.

Но Консулы, находясь часто внѣ Города и почти въ безпрестанной войнѣ, не могли чрезъ цѣлые семнатцать лѣтъ изыскать время исполнить сіе изчисленіе, названное Ценсъ; и для ихъ въ томъ облегченія предложено было уставить двухъ Начальниковъ изъ общества Патрикіевъ, кои бы, въ званіи Ценсоровъ, производили каждые пять лѣтъ сію

сію общую перепись всего Римскаго Народа.

Трибуны, хотя рѣдко соглашались на предложеніи Сената, однако не воспротивились въ семъ случаи установленію новаго Начальства; не требовали такъ же чтобъ Плебеяне имѣли въ томъ участіе, или по тому какъ видѣли что власть Ценсоровъ довольно была ограничена, или какъ имъ пріятно было чтобъ отдѣленіемъ сей должности отъ Консульства, уменшилась нѣсколько власть Верховнаго Начальства, которое возбуждало всегда ихъ ненависть и ревность. И такъ Законъ установляющій двухъ Ценсоровъ принятъ безъ прекословія.

310 годъ. Въ сіе Достоинство произведены были Папирій и Семпроній Консулы предтекущаго года; и всѣ единогласно имъ вручили оное въ удовлетворе-

ніе

нїе за то что они не полной годъ были Консулами, вступя въ должность по пресѣченїи военныхъ Трибуновъ.

Въ то время какъ Консулы производили сїе изчисленїе, должность ихъ тогда заключалась только въ томъ, чтобъ имѣть въ переписи имена, стяжанїи, возрастъ, степени и званїи всѣхъ начальствующихъ въ семействѣ, по томъ имена и возрастъ ихъ дѣтей и ихъ невольниковъ.

Но когда стала быть отдѣлена отъ Консульства сїя часть Правительства и устроена особою должностью, то по естественной въ людяхъ склонности разпространять власть свою, Ценсоры присвоили себѣ исправленїе нравовъ и обычаевъ. Они увѣдомлялись о поведенїи каждаго гражданина. Ценсорству ихъ

под-

подсудны были сами Сенаторы и Рыцари равно какъ и простой Народъ. Они властны были выгонять изъ сихъ обществъ, кого они находили недостойнымъ своего званїя. Плебеяне, кои впадали въ бѣдность отъ своей роскоши или лѣности, въ страхъ другимъ теряли свои преимущества; ибо Ценсоры тогда переводили ихъ въ самую низкую степень Народа, часто къ тому лишали ихъ голоснова Права, и тогда назывались они Гражданами по тому только, что они не исключались отъ платежа положенной съ нихъ подати.

И Когда Ценсоры производили общїй осмотръ всего людства, то не было Гражданина, который бы не трепеталъ предъ ихъ Трибуналомъ; Сенаторъ боясь быть изгнанъ изъ Сената; Рыцарь въ страхѣ разжалованїя и отнятїя коня, котораго

раго Республика для него содержала; простой Гражданинъ предостерегаясь отъ изключенія изъ своей степени и вчиненія въ последнюю, или по малой мѣрѣ въ Центурію состоящую ниже той, въ которой онъ находился прежде. А сей спасительный страхъ, поддерживалъ общеполезные Законы, укрѣплялъ согласіе, и служилъ оградою воздержанія и непорочности.

Республика, въ Консульство Марка Фабія и Постума Албуція, при помощи сего новаго установленія, наслаждалась совершенною тишиною. А хотя нѣкоторые Трибуны Народные, всегда безпокойные, и старались послѣ возобновить древніе требованіи Народа, касающіяся до раздѣла владѣній, съ обыкновенными ихъ при томъ угрозами что они станутъ препятствовать всякому набору войска пока не будутъ у- 311, 312 годъ.

 доволь-

довольствованы, но какъ не было тогда нужды воевать, то и презирали ихъ препятствіе, которое въ мирномъ состояніи было безполезно и безъ дѣйствія. Власть же Сената тѣмъ паче укрѣплялась, что сія главная часть республики могла обойтись тогда безъ помощи Народа.

313 годъ. Римъ былъ въ покоѣ нѣсколько времяни. Въ слѣдующій годъ, иные сказываютъ два года спустя, въ Консульство Прокула Геганія и Луція Менёнія, воспослѣдовалъ ужасной голодъ, и произвелъ мятежи въ Народѣ; а симъ поводомъ нѣкто Градожитель, мало не достигъ къ степени Самодержавія. Сенатъ приписывалъ сей недородъ хлѣба къ праздности и лѣности Плебеянъ, кои уловлены льстивыми рѣчьми Трибуновъ безпрестанно шли къ ихъ мятежному сборищу, и вмѣсто того,

го, чтобЪ работать свои поля, проводили время вЪ безполезныхЪ разсужденiяхЪ о дѣлахЪ Государственныхъ. НародЪ же сЪ своей стороны, во всегдашнемЪ негодованiи противу главныхЪ Правителей, вопiялЪ что голодЪ послѣдовалЪ точно отЪ небреженiя КонсуловЪ. Но сiи Правители не уважая несмысленное роптанiе Народа, употребили всевозможное старанiе о привезенiи хлѣба изЪ другихЪ Областей, и препоручили исполненiе сего дѣла Клавдiю Минуцiю.

Сей неусыпный и прозорливый СенаторЪ послалЪ для того людей во всю Тосканiю; но при всемЪ ихЪ старанiи привезено было хлѣба малое количество. ОдинЪ РимлянинЪ изЪ числа Рыцарей по имяни Спурiй Мелiй, будучи весьма богатой человѣкЪ, предупредилЪ Минуцiя вЪ его старанiи, и большую часть хлѣ-

ба изъ сихъ Провинцїй закупилъ въ свои житницы.

Гордый своимъ богатствомъ и чрезмѣрно властолюбивый рыцарь ласкалъ себѣ, что во всеобщемъ бѣдствїи, Народъ не за дорогую цѣну уступитъ свою вольность. Всякой день по его повелѣнїю раздаванъ былъ хлѣбъ мѣлкому Народу и самымъ бѣднымъ людемъ; а сею щедростью, наипаче подозрительною въ Республикѣ, онъ дѣлалъ себѣ столько служителей, сколько людей кормилъ даромъ. Скоро домъ его сталъ быть пристанищемъ бѣдныхъ, праздношатающихся, разоренныхъ отъ своей роскоши, и такихъ людей, кои не признавая ни чести, ни святости охотно согласны къ испровержению цѣлаго Государства, только чтобъ они могли тѣмъ сдѣлать свое состоянїе лучше прежняго.

Мину-

Минуцїй по состоянїю порученнаго ему отъ Консуловъ дѣла, долженъ былъ имѣть нѣкоторое сношенїе, и самъ собою и чрезъ своихъ повѣренныхъ, съ повѣренными отъ Мелїя. А по сему сношенїю онъ довѣдался, что сей коварнощедрый человѣкъ, который питалъ безденежно столько бѣдныхъ сколько цѣлое Государство питало, подъ видомъ что всѣ къ нему приходятъ для народной милостины, нарочно привлекалъ къ себѣ толпу людей, дабы могъ безъ подозрѣнїя производить въ своемъ домѣ нѣкоторые собранїи. Минуцїй свѣдалъ такъ же чрезъ людей коихъ привлекъ къ себѣ отъ Мелїя, что въ домъ его, ночнымъ времянемъ, вносится великое множество оружїй.

Онъ узналъ по томъ, что Мелїй тайно производилъ заговоръ противу Правленїя, дабы перемѣнить образъ онаго; что по разположенїю сей

предприятой перемѣны Мелїй хотѣлъ сдѣлаться Самодержателемъ; что Народъ обольщенный хитрою щедростью, готовъ былъ въ подкрѣпленїе его принять оружїе; что въ томъ числѣ были и нѣкоторые Трибуны, кои склонились на корысть денегъ продать общую вольность.

Минуцїй свѣдавъ всю тайну сего заговора, немедлѣнно донесъ о томъ Сенату; по чему Консуламъ предслѣдующаго года, равно Квинтїю и Агриппѣ Менению, кои послѣдовали имъ въ семъ Достоинствѣ, сказаны были сильные выговоры, какъ виновнымъ въ томъ что они не предупредили и оставили безъ наказанїя Мелїевы злоумышленныя намѣренїи. Квинтїй отвѣтствовалъ, что его Предмѣстники, его Товарищь и онъ не оскудѣваютъ ни въ смѣлости, ни въ твердости казнить толь дерзкой умыселъ, но что знаютъ всѣ до какой крайности

Консульская власть обезсилена, чрезмѣрною властью Трибуновъ, которую они похитили; что перенесенїе суда къ Народу могло бы остановить всѣ ихъ слѣдствїи, и что естьли бы дѣло пошло въ Народное Собранїе, то Мелїй всеконечно уклонился бы отъ правосудїя потворствомъ Плебеянъ, кои его чтутъ вмѣсто Бога; что въ видимой гибели какою угрожаема Республика, нужда требуетъ Диктатора, то есть самовластнаго Правителя, которой бы принялъ верховную власть надъ Законами, Трибунами и Народомъ.

Мнѣнїе его единогласно утверждено было; въ слѣдствїе того онъ назвалъ Луцїя Квинтїя, которой и въ глубокой древности лѣтъ своихъ оказывалъ еще довольно силъ и твердости къ отправленїю сего высочайшаго Начальства.

На завтре же онъ приказалъ разставить стражевые войски во всѣхъ частяхъ Города, такъ какъ бы неприятель подступилъ уже подъ Городъ. Сія предосторожность привела въ удивленіе всѣхъ тѣхъ кои не были участниками въ заговорѣ; каждый въ умѣ искалъ причины сего нечаяннаго вооруженія, и для какой нужды при общей тишинѣ уставленъ Диктаторъ. Но Мелій легко возчуствовалъ, что сей самовластный Правитель вопреки ему былъ избранъ; по чему онъ усугубилъ свою щедрость къ неимущимъ пропитанія, дабы усилиться противу Сената Народнымъ заступленіемъ.

Диктаторъ видя, что надлежало употребить силу власти къ разрушенію толь опаснаго заговора, повелѣлъ поставить свой Трибуналъ среди Народнаго сборища, на которой возшелъ въ послѣдствіи своихъ Ликторовъ

кторовъ вооруженныхъ сѣкирами, и во всемъ великолѣпіи высочайшаго Властительства. Онъ послалъ по томъ Сервилія Военачальника конницы, понудить Мелія предстать на судилище. Мелій въ страхѣ и изумленіи, не зная что дѣлать, уклонялся отъ строгости повелѣнія и предпринималъ бѣгство, чтобъ скрыть себя отъ поисковъ. Сервилій приказалъ одному изъ Ликторовъ его взять, и Ликторъ не умедлилъ исполнить приказаніе Военачальника конницы. Мелій тогда возопилъ, что Сенатъ хочетъ погубить его по одной только ненависти, и конечно за то, что онъ жертвуя собственнымъ своимъ имѣніемъ помогалъ Народу въ бѣдномъ состояніи. Онъ вопіялъ такъ же къ предстоящему Народу, прося его помощи и заклиная друзей своихъ не попустить чтобъ онъ былъ люто умерщвленъ въ ихъ присудствіи. Народъ волнуется; сообщники Меліевы поощряя одинъ друга

гова ускоряютЪ стать за своего Начальника и вырываютЪ его изЪ рукЪ ДикторскихЪ. Мелїй бросается вЪ толпу народную, чтобЪ избѣжать отЪ сыску Сервилїева: но какЪ онЪ тамЪ вновь производилЪ бунтЪ, то Сервилїй пронзилЪ его на сквозь мечемЪ, и весь обагренЪ его кровью пришелЪ сказать Диктатору, что онЪ своею рукою казнилЪ Гражданина, который былЪ преслушенЪ его повелѣнїямЪ.

„Ты исполнилЪ то, чего я ожи„далЪ отЪ твоего усердїя, отвѣт„ствовалЪ ему сѣдинами и доброд"„телями украшенный Правитель: ты „имѣлЪ право наказать твоего и Рим„ской вольности соперника, для об„щаго всѣхЪ успокоенїя.„ По томЪ онЪ повелѣлЪ разбросать домЪ МелїевЪ; вЪ немЪ найдено еще много хлѣба, которой ДиктаторЪ приказалЪ продать Народу по самой низкой цѣнѣ, дабы

скуд-

скудныя не чувствовали утраты потерявъ Мелія. Ради той же причины, по изтребленіи Главнаго мятежника, сей благоразумный Правитель оставилъ сообщниковъ его безъ изслѣдованія, боясь найти чрезмѣрно много преступниковъ и подать вящшій поводъ къ бунту строгимъ слѣдованіемъ всѣхъ бунтовщиковъ, кои прилѣпились къ Мелію.

Но Трибуны Народные, чая что они оставлены безъ изслѣдованія по мнѣнію ихъ въ томъ невинности, возвеличились Диктаторскимъ снисхожденіемъ противу самаго Диктатора, а наипаче изощряли злобу свою противу Военачальника конницы, за то что онъ, безъ всякаго судебнаго обряда, и болѣ еще безъ повелѣнія своего Начальника, умертвилъ Гражданина въ самыхъ нѣдрахъ своихъ единожителей. Сіи Народные Правители явно угрожали

ему

ему судомЪ и казнью, какЪ скоро ДиктаторЪ выйдетЪ изЪ своего чина; они судили ему вЪ воздаянїе не менѣ какЪ свергнуть его сЪ Тарпеянской горы яко Тирана. Никогда еще вЪ обществѣ ТрибуновЪ не было примѣчено толь злобнаго устремленїя противу Сената. Они велегласно воспротивились избранїю КонсуловЪ, такЪ что должно было для избѣжанїя мятежа, приступить кЪ возставленїю военныхЪ ТрибуновЪ.

НѣкоторыеТрибуны Народные чаяли возпользоваться симЪ случаемЪ для собственнаго своего возвышенїя; однако НародЪ, не взирая на всѣ ихЪ усиленїи и происки, вЪ полномЪ удовольствїи что онЪ могЪ имѣть вЪ томЪ равное Право сЪ Патрикїями, всѣ свои голоса отдалЪ предпочтительно на особЪ изЪ Благороднаго Общества, коихЪ храбрость и способность были извѣда-

вѣданы; и между протчими почтилъ симъ выборомъ Луцїя Квинтїя Диктаторова сына, того Ди- 317
ктатора который не давно низ- годъ.
вергъ въ погибель Мелїя.

Воспослѣдовавшая война противу Веїевъ и Волсковъ укротила на время ненависть Трибуновъ къ Сенату; едино у всѣхъ было попеченїе защищаться отъ неприятеля. Слухъ носился тогда, что всѣ Тосканскїе Народы согласны были принять оружїе на помощь Веїямъ, и по сему уваженїю Маркъ Емилїй, отличный славою въ войнѣ и въ 319
мирѣ, наименованъ былъ принять годъ.
Достоинство Диктатора, которое онъ уже имѣлъ и прежде съ честью приобрѣтенною противу тѣхъ же неприятелей. Между тѣмъ открылось, что слухъ толь страшнаго соединенїя силъ не былъ правдивъ, и отнялъ у Емилїя надежду прославя-

славиться во вторичномъ Диктаторствѣ вторичною побѣдою. Въ замѣну того онъ предприялъ оставить, по крайней мѣрѣ какую нибудь память своего усердія въ пользу и для благосостоянія общей вольности. Онъ представилъ Народу въ общемъ Собраніи, что предки ихъ для сохраненія вольности не учредили въ Республикѣ ни единаго чина, котораго бы власть и отправленіе долѣ года продолжались; что сіе установленіе конечно забыто было при учрежденіи Ценсоровъ, которымъ приписано пятилѣтнее правительство; что въ толь долговремянное Начальство они легко могутъ во зло употреблять власть свою, дѣлать себѣ прислужниковъ и угнѣтать вольность своего Отечества; что онъ для таковыхъ причинъ предлагаетъ уставить Законъ, которой бы убавилъ время сего Чиноправ-

правленія, такъ чтобъ ни кто не могъ пребывать въ ономъ долѣ полутора года.

Рѣчь сія принята была съ превеликою похвалою, наипаче отъ Народа. Къ сему Закону прибавлено послѣ, чтобъ ни кто изъ Сенаторовъ не могъ пользоваться Ценсурою дважды въ жизни, хотя бы онъ отправилъ свою должность въ первой разъ со всѣми возможными похвалами отъ Сограждамъ своихъ. Въ предосторожность же чтобъ сіе Достоинство, оставаясь въ рукахъ единова, не подало поводу чрезмѣрно разпространять власть свою, еще уставлено, что есть ли одинъ изъ Ценсоровъ или умретъ, или самъ сложитъ съ себя должность, въ такомъ случаѣ другой не можетъ себѣ удержать оную, ниже прибирать къ себѣ Товарища; и что въ избраніи Ценсоровъ, хотя

тя бы кто имѣлъ и полное число голосовъ къ своему одобренію, не можетъ однако войти въ Ценсоры, естьли Товарищъ его не имѣетъ достаточнаго числа голосовъ къ равному удостоенію; что тогда избраніе одново и другова вновь производиться будетъ до тѣхъ поръ, пока они оба совокупно будутъ имѣть надлежащее число голосовъ къ выбору ихъ Ценсорами. Народъ, ревнуя къ своей вольности, такимъ образомъ чаялъ употребить всевозможныя мѣры противу умысловъ и совѣщаній Патрикіевъ.

Сенатъ внутренно злобился противу Диктатора, разумѣвая что онъ уменшилъ Начальствующую власть ему принадлежащую. Клелій Фурій и Маркъ Геганій, Ценсоры сего года, и дѣйствително произвели свое мщеніе, не взирая на достоинство и заслуги Емиліевы. Сей Диктаторъ какъ скоро

скоро сложилЪ сЪ себя свой чинЪ, то Ценсоры, данною имЪ властью, изключили сего достопочтеннаго человѣка изЪ его Триба, а вписали его вЪ последній, отняли у него, какЪ у безчестнова человѣка, право голоса, и положили на него подать, вЪ восемь разЪ болѣ, какЪ онЪ платилЪ обыкновенно. Таковое поруганіе, вмѣсто того чтобЪ унизить, еще возвысило его славу: весь позорЪ мщенія обратился на самихЪ мстителей. Раздраженный НародЪ пристигЪ ихЪ вЪ сборищѣ, и отмстилЪ бы имЪ жестокимЪ образомЪ, естьлибЪ Емилій былЪ менѣ великодушенЪ и тому не воспрепятствовалЪ.

Народные Трибуны возпользовались симЪ случаемЪ, и изощряли вновь злобу Народа противу Сената. Во всѣхЪ Собраніяхъ они представляли, что НародЪ притѣсняемый Патрикіями не можетЪ ожидать отЪ нихЪ лучшихЪ поступокЪ, когда они по единой только ненависти кЪ ПлебеянамЪ, не у-

стыдились отнять право гражданина у Сенатора, почтеннаго и Консульским и дважды Диктаторским Достоинством, за то что онъ предложилъ Законъ, который убавляя власть ихъ утверждалъ сохраненіе общей вольности. Таковые рѣчи, повторяемые Трибунами въ частыхъ Собраніяхъ, питали мятежные мысли Народа, который къ изъявленію своего неудовольствія противу Сената, не хотѣлъ отнюдь согласиться къ избранію Консуловъ. Надлежало опять возставить военныхъ Трибуновъ. Въ точности, и званіи и должности ихъ были одинаковы, хотя подъ разными именами: но изключительное отмѣтаніе Народа отъ Консульства, и власть участвующая въ избраніяхъ военнаго Трибунства, заставляли Народныхъ Трибуновъ стремившихся къ сему Достоинству, употреблять всѣ мѣры, чтобъ Народъ возжелалъ военныхъ Трибуновъ. Однако не взирая, на всѣ ихъ происки, Народъ по всегдашнему

дашнему предубѣжденію въ пользу особъ благородныхъ, находя ихъ отмѣнно способными и къ Гражданскому правленію и къ предводительству Войска, удостоилъ голосами однихъ Патрикіевъ.

Таковая преимущественная довѣренность обратила неудовольствіе и злобу Народныхъ Трибуновъ противу самихъ Плебеянъ: они явно грозили покинуть ихъ безъ заступленія. „Должно ли, произносили они въ сво„ихъ рѣчахъ, чтобъ вы почитали „всегда власть Вельможъ со страхомъ „и трепетомъ и вѣчно любили раб„ствовать? Для чего, въ избраніи воен„ныхъ Трибуновъ, когда вы могли да„вать голоса ваши, не вспомнили вы „ни о себѣ, ни о своихъ Начальникахъ? „Вѣдайте, что великодушные поступ„ки ободряются великими наградами. „И естьли не льзя васъ ни къ чему „принудить чувствомъ справедливаго „признанія и благодарности, то бой„тесь на конецъ, чтобъ нечувстви- 320 и 221 годъ.

„тель-

„тельность ваша не заставила насъ,
„предать васъ взаимно на жертву
„гордости и тиранству Патрикіевъ.

Сіи безпрестанныя во всѣхъ Собраніяхъ отъ Трибуновъ рѣчи возбудили упрямство и честолюбіе Плебеянъ. Каждый предпринималъ презирать и прозьбы и угрозы великомочныхъ. Вновь начали говорить о раздѣлѣ земель, что было всегдашнимъ источникомъ несогласія между Народомъ и Сенатомъ. Иные предлагали обложить по крайней мѣрѣ нѣкоторою податью владѣющихъ сими общими землями, и употребить ту сумму на вспоможеніе Народа и на плату войска во время военныхъ движеній. Наиболѣ знатные изъ Плебеянъ, богатствомъ или доброю славою которую они приобрѣли въ войскѣ, вознамѣрились употребить всѣ свои силы, чтобъ возвести себя на степень военнаго Трибунства, и достичь къ самодержавной власти присоединенной къ сему Достоинству. Сенатъ

же,

же, чтобъ отвесть сїю бурю востающую противу его власти, предпринялъ въ семъ случаѣ избрать неотмѣнно Консуловъ; ибо Плебеяне отрѣшены были отъ участїя въ семъ Достоинствѣ, какъ выше сказано. Къ сему предприятїю способствовала война, которую Еквы и Волски тогда объявили. Какъ не было еще Плебеянъ, кои бы прежде повелѣвали войскомъ, и по колику сїя должность принадлежала точно старымъ Полководцамъ и главнымъ въ Сенатѣ, то казалось равно Народу, чтобъ на сей годъ избраны были Консулы или Трибуны военные. Такимъ образомъ Сенатъ, сдѣлавшись властенъ въ избранїи, безпрепятственно возставилъ Кон- 321. годъ.
сульство; въ слѣдствїе же Титъ Квинтїй сынъ Луцїевъ, и Клелїй Юлїй Менто вступили въ Консульское Достоинство. Не льзя было сдѣлать лучшаго выбора, ни съ стороны породы, ни съ стороны искуства въ военнодѣйствїи. Но отъ ревности и несо-

гласія между ими, какЪ сказываютЪ, они допустили неприятеля разбить ихЪ возлѣ Алгида. СенатЪ, вЪ предупрежденіе слѣдствій могущихЪ произойти отЪ неудачи своихЪ Полководцевѣ, разсудилЪ прибѣгнуть кЪ наименованію Диктатора. Но два Консула, отЪ коихЪ зависѣло сіе наименованіе, разумѣвали, что изЪ самовластнаго Начальства какое они имѣли, надлежало имЪ унизить себя вЪ простое званіе подчиненныхЪ Намѣстниковѣ ДиктаторскихЪ, и что подЪ именемЪ КонсуловЪ они не болѣ будутЪ имѣть власти, какЪ только ту, какую имѣетЪ Главный надЪ Конницею. По чему оба сіи Начальники, не согласные другЪ сЪ другомЪ во всѣхЪ протчихЪ вещахЪ, согласились опровергать наименованіе Диктатора, которое, они почитали, предложено было на истребленіе ихЪ власти. И хотя безпрестанно получаемы были нерадостные вѣдомости о успѣхахЪ неприятелей, Сограждане не могли

однако

однако изтребовать , чтобЪ они назвали Диктатора.

СенатЪ видя, что онЪ упорства ихЪ побѣдить не можетЪ, прибѣгнулЪ кЪ способамЪ болѣ опаснымЪ вЪ послѣдствіи , нежели самое зло, кЪ отвращенію котораго способы сіи употреблены были. КвинтЪ Сервилій БрискЪ, имѣвшій прежде Консульское Достоинство, обратясь кЪ НароднымЪ ТрибунамЪ присудствовавшимЪ вЪ Сенатѣ, призывалЪ ихЪ употребить вЪ содѣйствіе власть Народную , какЪ они были главные дѣйствители оной, дабы принудить КонсуловЪ наименовать Диктатора. Сіи Плебеянскіе Начальники сЪ радостью ухватили представляемой имЪ способЪ, кЪ возвышенію ихЪ собственнаго властительства на упадкЪ Сената и КонсуловЪ. Они сдѣлали еще болѣ нежели отЪ нихЪ требовано, какЪ поступаютЪ обыкновенно всѣ тѣ, кои желаютЪ разпространить власть свою далѣ узаконенныхЪ предѣловЪ. Вмѣсто

чтобЪ нести сїе дѣло вЪ Народное Собранїе, они смѣли вЪ самомЪ СенатѣЪ, собою опредѣлить на отведенїе вЪ тюрьму обоихЪ КонсуловЪ, естьли не назовутЪ тотЪ часЪ Диктатора. Оба сїи Правители, преклонены страхомЪ тюрьмы, обѣщали исполнить требованїе.

Они жаловались однако что самЪ СенатЪ восхотѣлЪ унизить Консульское достоинство, подвергнувЪ его подЪ иго властодышущихЪ ТрибуновЪ. Безсумнительно, что сїе главное общество Республики, вЪ неудовольствїи противу своихЪ Высокоправителей, и вЪ единственномЪ намѣренїи побѣдить ихЪ упрямство, не ощущало вЪ то время удара какимЪ оно поразило свое властоначальство. На послѣдокЪ по многихЪ спорахЪ между двухЪ КонсуловЪ вЪ выборѣ Диктатора, они отдали рѣшенїе вЪ томЪ жеребью, который щастливо послужилЪ Титу Квинтїю: а сей наименовалЪ Тубертїя своего тестя.

Диктаторъ тотъ часъ повелѣлъ записать въ войско всѣхъ тѣхъ кои долженствовали служить, не приемля ни прошенїй, ни отговорокъ. То былъ старой Полководецъ, наполненъ храбростью и искуствомъ, съ природы строгъ, и въ прибавокъ жестоконравенъ въ повелительствѣ. Врученная ему съ чиномъ Диктатора власть въ животѣ и смерти, къ тому извѣстная строгость его нрава, произвели что всѣ съ глубокимъ повиновенїемъ поспѣшали въ строй къ его знаменамъ. Онъ вскорѣ выступилъ изъ Рима, пошелъ на неприятелей, разбилъ ихъ въ жестокомъ сраженїи, взялъ ихъ станъ, и возвратился въ Римъ съ побѣдоноснымъ оружїемъ.

Республика пребывала нѣсколько времяни въ совершенномъ покоѣ. Но послѣдовало въ Римѣ и почти во всей Италїи зло, кое паче войны бѣдоносно было. Чрезвычайные жары изсушили поля и причинили голодъ, послѣ 325. годъ которого пришла язва на скотовъ и

 на

на людей. Римляне, съ природы суевѣрные, употребя въ началѣ всѣ лекарствы врачебные, искали напослѣдокъ помощи въ чудодѣйствïяхъ. Появилось въ Городѣ новое богопоклоненïе; храмы и даже улицы представляли сборище иновѣрцовъ, кои невѣдомымъ Богамъ приносили жертвы, на конецъ не имѣли зазрѣнïя прибѣгать къ волшебному заклинанïю лиха, и ко всякимъ пустымъ суевѣрïямъ, слабостью людей вымышленнымъ. Сенатъ вѣдая, сколь опасно всякое новое вѣры введенïе, приказалъ Едиламъ пресѣчь пустосвятство народное, и выдалъ указъ, которымъ возпрещался всякой богослужительной обрядъ неузаконенный въ Республикѣ.

По прекращенïи сего Народнаго бѣдствïя, наступило избранïе новыхъ Правителей; и Народъ истребовалъ то, что избраны были военные Трибуны со властью какую имѣли Консулы. Но сïя перемѣна въ правленïи была неблагополучна. Въ послѣдовавшей

вавшей войнѣ противу Веіевъ, Трибуны не довольно согласные другъ съ другомъ были разбиты: что принудило Римлянъ поставить Диктатора. Къ отправленію сего высочайшаго Чина наименованъ Клелій Маркъ Емилій. Достоинствы его и общественная нужда заставили Римлянъ ввѣрить ему судьбу Республики, хотя Ценсоры, какъ выше упомянуто, постыдно изключили его изъ Триба, и прописали недостойнымъ преимуществъ Римскаго Гражданина. Успѣхъ войны сей соотвѣтствовалъ довѣренности, каковою Римской Народъ почтилъ своего Полководца. Мамеркъ Емилій въ двѣ недѣли побилъ на голову часть непріятельскаго войска, и взялъ великое множество плѣнниковъ, кои служили награжденіемъ воинамъ, или проданы были какъ невольники въ прибытокъ общаго сокровища. Диктаторъ послѣ торжественнаго Тріумфа, сложилъ съ себя Диктаторство, заставя столько же почитать 327 годъ.

свою великодушную умѣренность сколь превосходны были его заслуги и храбрость.

Сіи безпрестанные побѣды Римлянъ, способствовали наипаче къ приращенію смѣлости и гордости Начальствующихъ въ Народѣ. Они не хотѣли болѣ слышать ни о какомъ избраніи Консуловъ, по тому что они изключены были изъ Консульства, и что имъ позволено участвовать въ Трибунскомъ Достоинствѣ. И такъ противу воли Сената надлежало избрать четырехъ военныхъ Трибуновъ. Но сколько ни старались Народные Трибуны получить удостоеніе въ семъ избраніи, имѣли опять прискорбность видѣть, что одни Патрикіи, и всѣми голосами, были избраны. Не возможно изобразить весь гнѣвъ и озлобленіе, съ какимъ вопіяли тогда сіи Плебеянскіе Начальники. Они не обинуясь произносили въ рѣчахъ своихъ предъ Народомъ, что лучше вовсе уничтожить Законъ

дающій

дающій Народу участіе въ военномъ Трибунствѣ, нежели видѣть силу онаго опровержену во всѣхъ избраніяхъ происками Патрикіевъ; и что менѣ постыдно для ихъ общества быть исключенными изъ онаго Достоинства такъ какъ они исключены изъ Консульскаго, нежели, имѣя Право участія, быть отверженными въ избраніяхъ, какъ будто бы они негодны и недостойны той чести. Они произносили свои неудовольствіи противу самаго Народа, грозили не вступаться болѣ въ его пользу; и какъ будто въ отмщеніе желали изпровергнуть цѣлую республику, иные предлагали перевесть часть Народа на новые поселеніи, другіе же возобновляли древніе требованіи къ раздѣлу земель принадлежащіе. Были такіе кои требовали, чтобъ никто изъ Гражданъ не имѣлъ принужденія итти на войну безъ платы за то, каковую учредить надлежало. Однимъ словомъ, что могли только

только вымыслить сіи строптивые Начальники, все то употребили, къ отмщенію Благородному обществу, и къ возбужденію Плебеянъ, лаская ихъ сими новоизобрѣтеніями, чтобъ они возвели ихъ своими голосами въ Достоинство военныхъ Трибуновъ.

Патрикіи бывшіе тогда въ должности Началовластительства, почитали себѣ за стыдъ имѣть Плебеянъ своими преемниками. Они тайно согласились съ Сенатомъ вывесть изъ Рима начальствующихъ въ Народѣ; особливо тѣхъ, кои стремились быть военными Трибунами, подъ тѣмъ видомъ чтобъ напасть предварительно на границы Волсковъ, кои, какъ слышно будто бы, сильно вооружаются на Римлянъ: а въ то время, какъ они отдалены будутъ, предумышлено не иное какъ Консульское избраніе. Сіи Правители при отсудствіи изъ Города, поручили власть правленія, и первенство въ избраніи Аппію Клавдію своему Товарищу, Децемвирскому сыну,

сыну, молодому человѣку, смѣлому, предпрїимчивому, и воспитанному изъ младенчества въ наслѣдной ненависти противу Народнаго Начальства. Какъ только Трибуны и большая часть Плебеянъ вышли въ поле, то онъ пользуясь ихъ отсудствїемъ произвелъ избранїе Консуловъ. Въ сїе Достоинство тогда вступили Клавдїй Семпронїй Атратинъ, и Каїй Фабїй Вибуланъ. Народъ и Трибуны по возвращенїи своемъ не могли болѣ противиться сему избранїю, которое было уже твердо уставлено. Они обратили свое мщенїе противу самихъ Консуловъ, и напослѣдокъ старались поставить Семпронїю въ преступленїе то, что онъ будучи Консуломъ имѣлъ худые успѣхи въ войнѣ съ Волсками. 330 годъ.

Сей мужественный Народъ, воюя изъ давна съ Римлянами за область и властительство, въ семъ году истощилъ всѣ свои силы, чтобъ не допустить себя подпасть подъ иго древнихъ своихъ непрїятелей. Правители

вители Волсковъ вооружили великое число войска, выбрали искуснѣйшихъ Полководцевъ, и приняли всѣ благоразумные мѣры, кои можно почитать вѣрными споручниками добрыхъ успѣховъ. Римъ вопреки имъ послалъ Клавдія Семпронія перваго Консула, который былъ превосходно храбръ, обходителенъ и ласковъ съ своими воинами и любимъ чрезвычайно ими; но былъ болѣ доброй воинъ самъ своею особою, нежели великой Полководецъ, и воевалъ такъ, какъ будто бы довольно было одной храбрости къ исполненію всѣхъ должностей Полководца. Онъ приближался къ неприятелю такъ какъ бы побѣда вѣрно ему принадлежала; и шелъ съ упованіемъ какое тогда было опасно. Два войска скоро одно съ другимъ встрѣтились. Волски взяли всѣ выгоды, какіе положеніе мѣста могло имъ дозволить. Семпроній, напротиву того презирая много разъ побѣжденнаго неприятеля, пренебрегъ сіи нужныя предосторо-

досторожности. И какъ будто бы имѣлъ увѣренность побѣдить съ одною своею пѣхотою, оставилъ конницу въ такомъ мѣстѣ, откуда онъ не могъ получить себѣ помощи. Сраженіе началось съ обѣихъ сторонъ съ равною жестокостью. Римляне, хотя въ безпорядкѣ, смѣло наступали и поражали неприятелей, съ ихъ обыкновенною храбростью. Но какъ они сражались съ большимъ стремленіемъ, нежели порядкомъ, Волски же напротиву того построенные и соединенные въ ополченіяхъ защищались съ великою неустрашимостью, то и щастье наклонилось къ той сторонѣ, гдѣ военной порядокъ наблюдался. Волски предводительствуемые искусным Полководцемъ, тѣснятъ, рѣютъ и пробиваютъ Легіоны. Удивленные Римскіе воины, вмѣсто чтобъ нападать, мыслятъ только спасать себя отъ пораженій неприятельскихъ. Нечувствительно воспящаются, уступаютъ мало по малу, и на конецъ

 видятъ

видятъ себя принужденными отступать далѣ. Консулъ примѣчая оное, поспѣваетъ къ тѣмъ, коихъ видитъ въ большей опасности. Сражается своею рукою, стремится ободрить воиновъ своимъ примѣромъ и увѣщаніями, но безполезно. Онъ кричитъ и угрожаетъ: уже не дѣйствуетъ его голосъ и не внемлются повелѣнія. Устрашенные воины показываютъ дѣломъ, что они боятся только непріятеля и смерти. Напослѣдокъ Легіоны находились въ сильномъ безпорядкѣ и замѣшательствѣ, и имѣли бы конецъ гибельный, естьли бы Секстъ Темпаній, старой Предводитель Конницы, не заставилъ своихъ Чиновниковъ сойти съ коней, и пѣшимъ подоспѣть съ Легіонами на отпоръ непріятельскому усиленію.

Семпроній ласкаясь, какъ выше сказано, достичь къ побѣдѣ съ своею пѣхотою, оставилъ конницу свою въ неровномъ мѣстѣ, гдѣ она не могла сражаться. Темпаній примѣтя сію

неудоб-

неудобность и безпорядокъ въ каковомъ находились Легїоны, сошелъ на землю пѣшь со всѣмъ полкомъ своимъ. Онъ сказалъ своимъ Товарищамъ: *Слѣдуйте за моимъ копьемъ, такъ какъ бы оно васъ водило; покажемъ непрїятелямъ, что мы и пѣшїе какъ на коняхъ равно побѣждать умѣемъ.* Вся конная сила ступила на землю по его примѣру и занимъ слѣдовала. Темпанїй съ сею новою пѣхотою идетъ прямо на неприятелей и возстановляетъ сраженїе: онъ отражаетъ всѣхъ, кои ему противостать силятся. Легїоны при видѣ сей помощи ободряются и возобновляютъ сраженїе съ новою жестокостью. Полководецъ Волсковъ не могъ отгадать откуда сїе новое подкрѣпленїе пѣхоты явилось къ римлянамъ. И какъ онъ видѣлъ себя утѣсняема онымъ, то далъ повелѣнїе своимъ войскамъ раздвоиться; очистить проходъ полку Темпанїеву, пропустивъ его сомкнуть рядъ воиновъ, и тогда опять его встрѣтить,

 чтобъ

чтобъ отрѣзать сїе новое войско отъ главнаго. Воины въ исполненїе его приказанїй раздаются, какъ будто отступаютъ, очищаютъ путь и пропускаютъ Темпанїя съ его войскомъ, которое въ стремительной храбрости, чая совершить уже свою побѣду и страхъ неприятеля, не преставало въ даль слѣдовать. Но скоро однако Темпанїй примѣтилъ, что онъ отрѣзанъ неприятельскими силами, кои пропустя его совокупились и стали между двумя Римскими войсками. Темпанїй сколько могъ старался очистить себѣ обратной путь и соединиться съ Консуломъ, но не могъ продраться сквозь противныя ополченїи. Въ сей крайности онъ увидѣлъ высоту, которою онъ овладѣлъ для безопасности.

Волски ласкаясь, что онъ не могъ уйти отъ рукъ ихъ, наступаютъ брать его. Темпанїй защищается съ непобѣдимою храбростью, а сїе отдѣленїе силъ спасаетъ Консульское

войско. Легіоны менѣ тогда утѣсняемые собираются, всчинаютъ новой бой, и Консулъ предводительствуя ими стремится съ наивозможнымъ усиленіемъ выручить Темпанія и съ нимъ соединиться. Волски видятъ себя въ заключеніи со всѣхъ сторонъ, и хотя они потеряли много силъ въ семъ послѣднемъ дѣйствіи, избираютъ скорѣе смерть, нежели бѣгство. Ни одинъ не отступаетъ; цѣлой спѣшитъ на мѣсто убитаго, занимаетъ его мѣсто и защищаетъ съ равною неустрашимостью, не позволяя Римлянамъ разторгнуть сію преграду и превозмочь сіи ополченіи. Ни темнота ночи, уже довольно разпространившаяся не могла окончить сраженія, безъ рѣшительнаго еще успѣха на обѣ стороны; а только самая глубокая ночь и усталость пресѣкла бой и разлучила войски.

Семпроній и Полководецъ Волсковъ въ неизвѣстности военнаго успѣха, и боясь равно тотъ и другой быть при-

нужденными сражаться еще на завтре, оставили, какЪ будто сЪ общаго условія, ратное мѣсто, и чая быть еще вЪ опасности внутри военнаго ихЪ стана, скоропостижно удалились оттуда. Слѣдуя во всю ночь, каждой вЪ свою сторону и сЪ равнымЪ отЪ непріятеля страхомЪ, они остановились сЪ такими укрѣпленіями и предосторожностьми, какЪ будто бы они находились вЪ виду одинЪ другова.

Темпаній, ожидая по прошествіи ночи новаго нападенія отЪ непріятелей, чрезвычайно удивился, когда сЪ разсвѣтомЪ уже не видалЪ болѣ ни своихЪ, ни соперниковЪ. ОнЪ не могЪ себѣ представить куда сокрылись два большія войска, кои за нѣсколько часовЪ передЪ тѣмЪ всю окружность покрывали. ОнЪ пошелЪ сперва обозрѣть станЪ Волсковъ, а по томЪ и станЪ РимлянЪ. ВЪ обѣихЪ не найдено было никого, кромѣ нѣсколькихЪ раненыхЪ, кои не могли слѣдо-

слѣдовать обще съ своими войсками. Темпаній возжелалъ удостовѣриться самолично о толь чудномъ произшествіи: и взявъ нужныя предосторожности на случай скрытаго неприятеля и нечаяннаго нападенія, свидѣтельствовалъ свой и чужой станъ, въ которыхъ 'равное нашелъ опустеніе. Оттуда прошелъ на мѣсто сраженія, гдѣ видѣлъ только мертвыхъ и умирающихъ, и сей ужасной образъ страждущаго человѣчества, какой можетъ представиться спокойному взору на утро послѣ боя. На конецъ, не имѣя никакого извѣстія о Консульскомъ войскѣ, и опасаясь новаго окруженія отъ неприятельскихъ силъ, приказалъ побрать раненыхъ Римскихъ воиновъ и съ ними предпринялъ обратной путь къ Риму. Онъ принятъ былъ въ Городѣ съ чрезвычайнымъ удивленіемъ и съ неописанною радостью: его почитали тамъ погибшимъ со всѣми его Товарищами. Нѣкоторые бѣглецы, кои прежде его очутились

въ Римѣ, и кои видѣли его отлученнаго отъ войска въ непріятельскомъ окруженіи, непреминули разгласить, что вся Конница побита на голову. Возвратъ Темпанія съ своими Товарищами изпровергъ сіи ложные слухи. Но Трибуны Народные находили свою особенную пользу въ семъ случаѣ, которой представлялъ имъ поводъ къ суду и обвиненію Консула. Народъ былъ тогда въ Собраніи, какъ Темпаній въ Римъ появился. Они принудили его предстать передъ Собраніе не бывъ еще у своихъ домашнихъ; а Кней Юлій, одинъ изъ сихъ Плебеянскихъ Начальниковъ, громко его спрашивалъ, какъ онъ думаетъ? достоинъ ли Семпроній повелѣвать войсками Римскаго Народа? Такъ ли по его усмотрѣнію, учредилъ онъ порядокъ боя въ послѣднемъ дѣйствіи, какъ надлежало искусному Полководцу? Куда онъ девался послѣ сраженія, и гдѣ войско которымъ онъ предводительствовалъ? *Я приказываю*

тебѣ,

тебѣ, прибавилъ Трибунъ, *отвѣчать точно и безпристрастно на всѣ мои вопросы: сказывай намъ, что сдѣлалось съ нашими Легїонами, оставилиль они тебя, или ты самъ убѣжалъ отъ нихъ. Скажи намъ напослѣдокъ побѣждены ли мы, или мы побѣдили?* Темпанїй не хотя вознестись нещастьемъ Семпронїя, отвѣтствовалъ Трибуну, что ему, какъ нижнему въ войскѣ Начальнику не прилично судить о качествахъ своего Полководца, и что Народъ сдѣлавъ его Консуломъ, рѣшилъ уже его въ томъ способность; что онъ видѣлъ съ какою непреодолимою храбростью онъ сражался въ предводительствѣ Легїоновъ, и поспѣвалъ во всѣ мѣста, гдѣ опасность наиболѣ угрожала; что отдаленїе, въ которомъ онъ находился по ихъ разлученїи, и замѣшательство какое всегда бываетъ въ толь упорномъ боѣ, не позволило ему на конецъ видѣть, что произошло на мѣстѣ, гдѣ сражался Консулъ; что онъ

можетъ однако увѣрить по оставшимъ знакамъ на мѣстѣ боя, что Волски въ потерѣ людей не выиграли передъ Римлянами; и какъ онъ отлучась отъ силы Легіоновъ могъ по щастью овладѣть нѣкоторою высотою, гдѣ при всевозможныхъ неприятельскихъ на него наступленіяхъ, сохранилъ людей ввѣрившихся его предводительству, то онъ думаетъ, что Консулъ въ сей общей разстройкѣ, пробрался куда ни будь въ горы, и тамъ укрѣпился. Темпаній просилъ по томъ позволенія итти къ себѣ, чтобъ перевязать раны, кои онъ получилъ въ сраженіи. Все Собраніе похвалило его благоразуміе и умѣренность его отвѣтовъ, еще болѣ нежели его мужество и доброе разпоряженіе, съ которымъ онъ прался противу неприятелей Отечества.

Народъ нѣсколько времяни спустя, въ благодарность за его услуги избралъ его въ Трибуны съ тремя другими Чиновниками, кои подобно

какъ

какЪ онЪ отличились. ВЪ семЪ званіи онЪ далЪ новые знаки своего великодушія. Ибо Луцій Гортензій, одинЪ изЪ его Товарищей, назначилЪ Семпронію по окончаніи года его Кон- 331.
сульства, дать отвѣтЪ передЪ На- году.
роднымЪ Собраніемъ вЪ поступкахЪ его прошедшею послѣднею войною. Темпаній и трое его Товарищей смѣло за него вступились и заклинали Гортензія не обвинять совершенно храбраго Полководца, которому щастье не послужило вЪ семЪ случаѣ. *Но естьли я вамЪ докажу*, говорилЪ опять Гортензій, *что сей хвалимой вами храброй Патрикій былЪ одинЪ причиною вЪ войнѣ нашего нещастья, воспротивитесь ли вы провосудію, кое должно быть вЪ томЪ исполнено? Желаете ли вы разрушить силу Трибунства и обратить противу самаго Народа Власть, которую вы имѣете точно отЪ его кЪ вамЪ благосклонности?* Темпаній и его Товарищи отвѣтствовали ему сЪ великою умѣренностью, что они вѣда-

вѣдаютъ, сколь высокую власть имѣетъ Народъ надъ всѣми тѣми, кои носятъ имя Гражданъ Римскихъ; что они много почитаютъ его властительную силу, и никогда не употребятъ во зло могущества, коимъ Народъ благоволилъ предпочтить ихъ; но естьли прозьбы ихъ за своего Полководца отринуты будутъ единымъ изъ ихъ Товарищей, то они сами премѣнятъ одѣянїи какъ виновники, и желаютъ раздѣлить съ своимъ Предводителемъ какъ добрую, такъ и худую его участь. Гортензїй въ возчувствованїи ихъ великодушїя, вскричалъ, что не довлѣетъ Римскому Народу видѣть своихъ Трибуновъ въ преступничьемъ одѣянїи. Онъ отсталъ отъ своего иска, и объявилъ, что онъ не посягаетъ болѣ на Полководца, хотя нещастнаго противу неприятелей, но умѣющаго заслужить любовь и почтенїе отъ своихъ воиновъ.

Благосклонность оказанная четырмя Народными Трибунами къ Патрикїю

кїю и поступокЪ ГортензїовЪ, имѣли видЪ примиренїя Народа сЪ Сенатомъ. Республика являлась спокойною; но сїе согласїе не долго было. ВЪ Консульство Тита Квинтїя Капитолина 332. годЪ.
и Фабїя Вибулана произошли новые распри по причинѣ Квестуры. Квесторы были чиновники, кои имѣли вЪ храненїи общую казну; а начало сей должности произошло отЪ Публїя Валерїя Публиколы, какЪ о томЪ было упомянуто. Оный Патрикїй разсудивЪ за благо положить общее сокровище вЪ СатурновомЪ Храмѣ, избралЪ для храненїя его двухЪ Сенаторовъ, кои названы по томЪ Квесторами; выборЪ же оныхЪ предоставленЪ Народу.

Два Консула, о коихЪ настоитЪ теперь слово, вступя вЪ должность усмотрѣли, что по завоеванїяхЪ и разширенїи Республики, мало было двухЪ КвесторовЪ для множества исполненїй имЪ предписанныхЪ. ВЪ семЪ видѣ предложили прибавить число ихЪ;

ихЪ; именно же кЪ двумЪ первымЪ, кои не отлучались изЪ Рима, предложили уставить еще двухЪ, кои бы слѣдовали за Консулами и Полководцами для переписи побѣдительскихЪ корыстей отЪ неприятелей, для продажи добычи, а особливо для попеченія о пищѣ и содержаніи войска. СенатЪ и НародЪ сперва казалось равно приняли сіе предложеніе, и СенатЪ охотно соглашался, чтобЪ вЪ избраніи КвесторовЪ, какЪ и вЪ избраніи военныхЪ ТрибуновЪ, Римской НародЪ могЪ избирать, естьли захочетЪ, столько ПлебеянЪ сколько ПатрикіевЪ. Но всегда не справедливые Трибуны требовали, чтобЪ половинной выборЪ сихЪ ЧиновниковЪ производился изЪ ПлебеянЪ сЪ ненарушимою точностью; на противу чего СенатЪ отвращая представленную необходимость, которой онЪ не желалЪ себя подвергнуть, долженЪ былЪ вовсе уничтожить Консульское предложеніе. Трибуны, вЪ возмездіе возобновили требованіе о раздѣлѣ земель, всегдашнее

дашнее прибѣжище сихъ безпокойныхъ Начальниковъ. По произнесенiи многихъ злостныхъ грубостей противу Сената, они объявили, что несогласятся къ избранiю новыхъ Консуловъ, естьли не будетъ позволено Народу въ избранiи Квесторовъ, давать свои голоса равно Плебеянамъ какъ и Патрикiямъ. Сенатъ отринулъ съ твердостью таковое условiе; а упрямство съ обѣихъ сторонъ не отступать отъ своихъ мнѣнiй, привело республику въ нѣкоторой родъ Анархiи. Надлежало много разъ по необходимости прибѣгать къ избранiю *междовременнаго Царя:* къ званiю которое не болѣ пяти дней продолжалось. Часто же Трибуны препятствовали и его избранiю, боясь чтобъ онъ самъ собою не наименовалъ Консуловъ. Напослѣдокъ Луцiй Папирiй Мугиланъ, будучи междовременнымъ Царемъ, велъ разумы людей съ такимъ искуствомъ, что изтребовалъ отъ обѣихъ сторонъ согласiе къ избранiю

бранію военныхЪ ТрибуновЪ на мѣсто КонсуловЪ, и то, чтобЪ вЪ избраніи КвесторовЪ, по примѣру военно-Трибунства, НародЪ воленЪ былЪ удостоивать голосами равно ПлебеянЪ или ПатрикіевЪ.

ВЪ первое Собраніе произведенЪ выборЪ военныхЪ ТрибуновЪ; и не взирая на происки и совѣщаніи НародныхЪ ТрибуновЪ, выбраны четверо одни
333. Патрикіи: Луцій Квинтій Цинци-
годЪ. натЪ, Спурій Фурій МедулинЪ, МаркЪ Манлій, и АвлЪ Семпроній АтратинЪ двоюродной братЪ Консула того же имени. Сему послѣднему препоручено первенство при избраніи КвесторовЪ. Антистій, Народный ТрибунЪ, и Помпилій другой изЪ его же Товарищей, представили кЪ удостоенію, одинЪ своего сына, другой своего брата, и просили сдѣлать ихЪ Квесторами. Но при всемЪ ихЪ усиленіи, Патрикіи одни получили сіе Достоинство. НародЪ сколько ни былЪ отЪ нихЪ отвращаемЪ льстительными рѣчами Три-

бдовЪ,

бунов, не могъ однако по совѣсти отказать свое удостоенїе особамъ, коихъ отцы и дѣды имѣли честь Консульскаго званїя. Двое упомянутые Народные Трибуны внѣ себя отъ сего предпочтенїя, злобно кричали, что не возможно чтобъ Народъ столь мало уважалъ прозьбу и представленїе собственныхъ своихъ Начальниковъ; что есть конечно подлогъ въ голосномъ ящикѣ, и что Авлъ Семпронїй производя щотъ голосамъ былъ подозрителенъ. Но какъ праводушїе сего человѣка было всѣмъ вѣдомо, и не льзя было пристать къ нему по его точной въ томъ невинности, равно по достоинству въ которомъ онъ тогда находился, то они обратили всю свою злобу противу Клавдїя Семпронїя его родственника, о коемъ не давно упомянуто было. Они возобновили дѣло о послѣднемъ сраженїи: дѣло отъ котораго Гортензїй по прозьбѣ Темпа- 333. нїевой отступилъ; и такъ старанїемъ годъ. ихъ и Канулея, такъ же Народнаго

Трибуна, Семпроній осужденъ былъ къ платежу пятнатцати тысячь ассовъ. (*) Злоба ихъ не удовольствовалась безславіемъ, какое они старались навесть Сенату осужденіемъ прежде бывшаго Консула. Они наполнили Городъ мятежами и несогла-
334. годъ. сіями, то препятствуя избранію Консуловъ, то всчиная древнія свои требованіи, кои были семянами новыхъ раздоровъ въ Римѣ.

Нѣсколько времяни спустя, Спурій Мецилій Народный Трибунъ въ четверократномъ званіи, и Метилій другой Народный Трибунъ въ троекратномъ, возжелавъ паки остаться въ Трибунствѣ, и содѣлать себѣ тѣмъ нѣкоторую безпрестанную область надъ Народомъ, возобновили предложеніе о раздѣлѣ земель завоеванныхъ у окружныхъ неприятелей Рима. То было обыкновенною приманкою, коею наиболѣ льстивые Три-

(*) Что можетъ учинять сто пятдесятъ рублей.

Трибуны НародЪ уловляли. РимЪ, какЪ уже было сказано, построившись на чужой усадьбѣ принадлежавшей древле Городу Альбѣ, не имѣлЪ почти куска земли, которой бы не былЪ отнятЪ силою оружїя. Патрикїи и другїе особы, кои наиболѣ участвовали вЪ Правленїи, подЪ видомЪ откупа и найма нѣкоторой только части, присвоили себѣ остатокЪ, и что кЪ стати подошло кЪ ихЪ угодьямЪ: а изЪ того они сдѣлали себѣ нѣкоторые отчизны. Давнїе межи и записи прикрывали сїи похищенїи; и весьма трудно было сыскать первобытные границы, отдѣляющїя общую землю отЪ особенныхЪ помѣстей, кои каждому по удѣламЪ принадлежали. Трибуны однако хотѣли доказать неправое владѣнїе старыхЪ помѣщиковЪ, и согнать ихЪ даже сЪ тѣхЪ земель на которыхЪ они построились. Толь ябедническое изысканїе привело вЪ ужасное безпокойство первые домы Республики. Се-

натЪ

натъ неоднократно собирался чтобъ найти способъ уничтожить толь опасныя предложенiи. Сказываютъ, что Аппiй Клавдiй, хотя былъ самой младшiй и последнiй въ Сенатѣ, подалъ мнѣнiе, которое уважено было его Товарищами. Онъ говорилъ что надлежало непремѣнно искать въ самомъ Трибунствѣ способовъ, кои бы могли обуздать Тиранство Трибуновъ; что для того надобно только склонить одного изъ сихъ Плебеянскихъ Начальниковъ, которой бы взялся оспорить злоумышленiе своихъ Товарищей; что должно прибѣгнуть къ послѣднимъ изъ сего общества; что сiи новые въ должностяхъ люди, и ревнующiе присвоенному Мецилiемъ и Метилiемъ властительству не безчувствительны будутъ къ ласкамъ отъ Сената, и можетъ быть еще охотно войдутъ въ споръ, для того только чтобъ показать себя и заслужить важность въ правленiи.

Сiе

Сїе мнѣнїе принято единогласно, и Аппїй громко былъ похваляемъ, что онъ не измѣнилъ добрыхъ качествъ своихъ предковъ. Тѣ изъ Сенаторовъ, кои имѣли нѣкоторое приятельское обращенїе съ Народными Трибунами, входятъ къ нимъ въ довѣренность и представляютъ имъ въ какомъ замѣшательсствѣ будетъ вся Область, и каждой домъ особно, естьли должно войти въ разсмотренїе земель распредѣленныхъ Ромуломъ, и такихъ кои уже около четырехъ сотъ лѣтъ завоеваны у сосѣдей Республики, и кои въ разные времена достались во владѣнїе разнымъ владѣльцамъ; что намѣренїе такого Закона, которой бы установилъ совершенное равенство въ имѣнїи всѣхъ Гражданъ, истребляетъ нужное въ Государствѣ къ вышнимъ повиновенїе; и что имѣющїе достатокъ, равно Патрикїи и Плебеяне, не захотятъ такъ легко лишиться имѣнїй, кои они наслѣдовали отъ своихъ предковъ, или кои

они купили съ доброю вѣрою отъ законныхъ владѣльцевъ; что толико несправедливое изслѣдованіе необходимо произведетъ междоусобную войну, и будетъ куплено собственною кровью Республики. На конецъ прозьбы ихъ и увѣщаніи такъ были щасливы, что изъ десяти Трибуновъ они склонили шестерыхъ, кои спорили установленію новаго Закона.

Мецилій и его Товарищъ, въ чувствительной досадѣ, видя произшедшій споръ отъ своего собственнаго Трибунала и отъ своего Общества, называли Товарищей своихъ предателями, народными злодѣями и рабами Сената. Но при всемъ своемъ гнѣвѣ Мецилій съ Сообщникомъ принуждены были отступить отъ своего предприятія; ибо споръ одного только изъ Трибуновъ, по Закону, могъ препятствовать согласному предложенію девяти прочихъ: а вмѣсто одного явилось шесть, кои противились новому о земляхъ узаконенію.

Се-

Сенатъ, будучи въ согласіи съ большою частью Трибуновъ, управлялъ дѣлами опять по своей волѣ и 337. годъ. въ слѣдующемъ году. Луцій Секстій предлагалъ въ угожденіе Народу, послать часть Римлянъ на новопоселеніе въ Волесъ Городокъ недавно завоеванной; но протчіе Трибуны громко въ томъ заспорили, и объявили что они не позволятъ въ ихъ Трибунство чтобъ предлагаемъ былъ какой либо новой Законъ, безъ воли и согласія на то отъ Сената.

Но сіе согласіе Сената съ Трибу- 338. годъ. нами не долговремянно было. Послѣдовавшіе другіе Народные Начальники въ скоромъ времяни подняли тяжбу о раздѣлѣ земель съ большею еще наглостью, нежели самъ Мецилій и его Товарищь.

Еквы нечаянно овладѣли тогда Волесомъ; на противу чего посыланъ былъ надъ войскомъ Маркъ Постумій Регилензисъ военный Трибунъ того года. Сей Полководецъ въ войнѣ былъ

знающъ, но жестокъ, пышенъ, гордъ своею породою и своимъ званіемъ, мнилъ о своемъ достоинствѣ болѣ нежели надлежало въ Республикѣ, гдѣ всѣ Граждане почитали себя равными. Онъ произвелъ осаду Волеса, или лучше сказать то былъ образъ брать Городъ приступомъ. Римляне, по тогдашнему времяни, не устроевали какъ надлежитъ порядочной осады: большою же частью они окружали крѣпость со всѣхъ сторонъ, по томъ вели свои войски подъ самые стѣны, и дѣйствомъ общаго отвсюду нападенія, которое раздѣляло вниманіе и силы осажденныхъ, они старались овладѣть крѣпостью. Сей образъ осады назывался *Короною*, отъ того что крѣпость со всѣхъ сторонъ окружена являлась. Постумій передъ тѣмъ какъ повелъ свои войски на приступъ, сулилъ къ ихъ ободренію, оставить имъ всѣ корысти побѣди-
339. телей, естьли они овладѣютъ Горо-
кодъ. домъ. Волесъ былъ взятъ, Но Постумій,

стумій, по природной ненависти къ Плебеянамъ, кои большою частью составляли его войско, не сдержалъ слова, и приказалъ продать все, въ прибытокъ общаго сокровища.

Секстій Народный Трибунъ, нѣсколько времяни спустя, предложилъ въ полномъ Собраніи, чтобъ, въ замѣну того что военный Трибунъ обѣщалъ и не исполнилъ, возставлено было хотя новопоселеніе въ семъ Городѣ изъ самыхъ тѣхъ, кои своею храбростію способствовали паки взять оной. Онъ хотѣлъ, чтобъ точнымъ о томъ Плебиситомъ вся земля принадлежащая къ Волесу отдана была воинамъ. А чтобъ скорѣе заставить принять сіе предложеніе, и привесть въ робость Сенатъ, онъ возобновилъ при томъ старое требованіе о раздѣлѣ земель, которое Трибуны не упускали простирать всякой разъ, когда хотѣли тревожить Сенатъ и вырвать у него какое нибудь новое себѣ Право.

Весь Народъ похвалилъ сїе предложенїе. Постумїй приглашенъ былъ своими Товарищами, чтобъ обще съ ними сопротивляться предприятїямъ Народныхъ Трибуновъ, и такъ какъ другїе Сенаторы, находился въ семъ Собранїи. Въ толпѣ Народной были такъ же нѣкоторые изъ его воиновъ, кои требовали раздѣла земель съ великимъ крикомъ. *Я уйму васъ*, сказалъ имъ грозно Постумїй, *ежели вы молчать не станете.* Толь высокомѣрное слово, хотя изъ устъ Полководца, досадительно было не менѣ Сенату какъ и Народу. Секстїй съ своею быстротою и краснорѣчїемъ ухватился за то, чтобъ разпространить общее неудовольствїе, и обратясь къ Народу. „Слышитель вы, „говорилъ онъ, какъ грозитъ Постумїй нашимъ воинамъ, и кричитъ на „нихъ какъ на своихъ невольниковъ? „Видитель теперь какое презрѣнїе и „какую ненависть имѣютъ къ вамъ „Патрикїи? То однако тѣ самые

„такъ

„такъ злобные и такъ высокомѣрные „Патрикіи, которыхъ вы предпочти- „тельно возводите на степень до- „стоинствъ, оставляя тѣхъ кои вся- „кой день изнуряются о пользѣ ва- „шей. Послѣ толь несправедливаго „предпочтенія, не жалуйтесь естьли „на конецъ никто не захочетъ всту- „паться за неблагодарныхъ. Чего „должны мы ожидать отъ легковѣр- „наго и непостояннаго Народа, ко- „торой чтится награждать только „тѣхъ, кои имѣютъ всю возможную „суровость оскорблять его?

Рѣчь сія воздвигла общее негодованіе, которое перенеслось съ угрозами Постумія даже въ его войско. Воины были уже и такъ имъ недовольны, за то что онъ противу своего обѣщанія не далъ имъ корыстоваться Волесомъ, а услышавъ о произшествіи въ Собраніи Рима, съ лихостью вопіяли, что Республика питаетъ Тирана въ своихъ нѣдрахъ, и цѣлое войско возмутилось на подобіе явнаго бунта.

Прискъ

Прискъ Секстій, Квесторъ, приказавъ, въ отсудствіи своего Полководца, задержать одного воина болѣ всѣхъ наглова, пораженъ былъ отъ него камнемъ, другіе же вырвали его изъ рукъ у тѣхъ кои хотѣли задержать его. Постумій увѣдомясь о возмущеніи войска, поспѣшно прибылъ въ станъ; но еще умножилъ свирѣпость воиновъ строгостью изысканій и жестокостью казней. Онъ послѣ крѣпкихъ допросовъ, приказалъ утопить посадя въ лукошки тѣхъ, кои явились наиболѣ виновными. Тогда въ неукротимой уже свирѣпости товарищи вырываютъ ихъ изъ рукъ держащихъ, и пускаютъ на свободу: а того довольно было для воспаленія мятежнаго пламени, и обще весь станъ бунтуя возгорѣлся. Постумій въ изступленіи гнѣва, сходитъ съ своего Трибунала, раздѣляетъ толпу въ предшествіи Ликторовъ, и хочетъ забрать преступниковъ; но уже не находитъ болѣ ни почтенія къ своей

особѣ

особѣ, ни покорности къ приказанiямъ. Силѣ сопротивится сила, съ обѣихъ сторонъ ударяютъ другъ друга, и въ семъ смятенiи Полководецъ убитъ своими воинами. 339. годъ.

При всей однако ненависти къ Постумiю, Народъ равно какъ и Сенатъ съ ужасомъ отвращался отъ сего злодѣянiя; а новымъ Консуламъ Корнелiю и Луцiю Фурiю Медулину препоручено было судить злодѣевъ, и надъ ними примѣрную казнь исполнить. Однако Консулы поступили въ томъ съ великою умѣренностью; и чтобъ не привести разумы въ ожесточенiе, они опредѣлили къ казни малое только число воиновъ самыхъ непокорныхъ, кои между тѣмъ убили себя сами. Сiи благоразумные Правители избрали лутче поставить цѣлое войско невиннымъ, нежели ввергнуть его чрезмѣрно строгимъ изслѣдованiемъ, въ нужду явнаго возмущенiя. 340. годъ.

Желательно было бы чтобЪ СенатЪ и Консулы, кЪ совершенію толь благоразумнаго поступка, раздѢлили земли Волеса по частямЪ на воиновЪ и ГражданЪ, кои послушны были вЪ своей должности.

СимЪ средствомЪ были бы пресѢчены всѢ мятежные жалобы НародныхЪ ТрибуновЪ, и нечувствительно замолкли бы требованіи ихЪ о раздѢлѢ общевмѢстныхЪ земель, которые вЪ протчемЪ не твердо принадлежали ихЪ владѢльцамЪ, и они не могли доказать первоначальнаго Права ихЪ владѢнія. Но НародЪ примѢтилЪ сЪ негодованіемЪ, крающееся намѢреніе Сената и Вельможества содержать его во всегдашней бѢдности, для собственной своей корысти, и для приведенія его во всевозможную послушность и зависимость. Трибуны же, кЪ разпространенію его возчувствованія, кричали во всѢхЪ Собраніяхъ, что РимЪ никогда не можетЪ быть вЪ свободѢ, пока Патрикіи усильно

но владѣютъ общими землями, и присвоиваютъ себѣ всѣ чины республики.

Безпрестанныя почти войны противу Екновъ и Волсковъ, а по томъ наставшая язва и голодъ, утишили Народъ въ послѣдующіе годы, такъ что не было тогда времяни приложить вниманія ко всѣмъ ласкательнымъ рѣчамъ Трибуновъ. Но какъ скоро миръ и хлѣбородіе возстановились въ республикѣ, то другіе Трибуны произвели новыя несогласіи.

Трое изъ сихъ Плебеянскихъ Начальниковъ Ицилїева имени, свойственники, и отъ такого рода, въ которомъ питалась наслѣдная ненависть противу Патрикіевъ, предприняли похитить у нихъ Квестуру, которая доселѣ еще была не отдѣльна отъ первостепеннаго общества. Сперва они изпросили, чтобъ избраніе Квесторовъ произведено было *Комиціями* изъ Трибовъ. Между тѣмъ Народу они подали надежду и новопосе- 344. годъ.

поселенія и раздѣла земель, дая знать при томъ, чтобъ онъ не уповалъ однако получить сіи выгоды въ ихъ Трибунство, естьли изо всѣхъ Чиновъ кои долженствуютъ быть общими для всѣхъ Гражданъ единой республики, онъ не посмѣетъ чтиться по крайней мѣрѣ къ отправленію Квестуры. Народъ, подвигнутъ своими Трибунами, удостоилъ голосами Квинта Силія, Приска Елія, и Приска Пупія, кои всѣ трое были Плебеяне, и первые изъ сего общества доступили въ Квестуру. А изъ всѣхъ Патрикіевъ просившихъ сего Чина, одинъ только Цезо Фабій Амбустъ получилъ оный вмѣстѣ съ Плебеянами.

Народные Трибуны почитали сіе возведеніе, побѣдою одержанною надъ Благороднымъ обществомъ. Они ласкались что Квестура отворяла имъ путь къ военному Трибунству, къ Консульству и къ Тріумфамъ. Ицилліяне громко развѣщали, что на конецъ настало время Народу раздѣлить

лить чины республики вмѣстѣ съ Патрикіями. Въ слѣдующемъ избраніи не хотѣли и слышать о Консулахъ, по тому только, что сіе Достоинство еще сохраняемо было въ обществѣ Вельможъ и Патрикіевъ. Сенатъ принужденъ былъ согласиться къ избранію военныхъ Трибуновъ, кои по содержанію власти были то же что Консулы, но приятны Народу, по тому что онъ могъ достичь самъ къ сему Достоинству. Особливо Ициліяне не скрывали своего въ томъ желанія. Сенатъ, встревоженъ ихъ властолюбивыми намѣреніями, прибавилъ къ избранію военныхъ Трибуновъ два условія, кои нечувствительно Ицилiянъ изключали: первое, что никто Плебеянинъ не можетъ вступить въ военное Трибунство, когда онъ въ томъ году отправлялъ должность народнаго Трибуна: второе, что никто народной Трибунъ не можетъ пребывать два года сряду въ томъ же званіи.

Ицилїяне ясно видѣли, что Сенатъ имъ однимъ дѣлалъ изключенїе. Они потеряли надежду достичь къ сему первому Достоинству Республики, а потерявъ оную для себя собственно, казалось имъ не было въ томъ нужды, что другїе Плебеяне возпользуются сею честью. Можетъ быть и то имъ было бы несносно видѣть, что сїя высочайшая честь вошла бы въ другой Плебеянской родъ прежде, нежели они удостоились оной. Какъ бы то ни было, но ни одинъ знатной Плебеянинъ не выступилъ просить удостоенїя; а Сенатъ имѣлъ хитрость поставить въ число просителей нѣкоторыхъ шалуновъ самаго низкаго поколѣнїя; изъ своего же общества въ рядъ представилъ Сенаторовъ и Патрикїевъ знаменитыхъ мужествомъ.

Народъ, въ отвращенїи отъ низкихъ просителей своего общества, 345 годъ. далъ всѣ свои голоса къ сторонѣ Благородныхъ: Клавдїй Юлїй Юлъ, Корнелїй

нелій Коссъ, и Клавдій Сервилій Агала объявлены военными Трибунами; но они не долго пользовались сею высокою честью. Волски вооружили сильное войско, и Сенатъ, по своему обыкновенію, определилъ постановить на сопротивленіе имъ Диктатора. Но какъ самодержавная власть таковаго Правителя уничтожала, такъ сказать, властительство подчиненныхъ Начальниковъ, то Юлій и Корнелій военные Трибуны воспротивились его избранію, и представляли, что они сами имѣютъ довольно мужества и испытаннаго знанія предводительствовать войсками, и что несправедливо было отнять у нихъ честь, которую они получили всѣми голосами Согражданъ своихъ.

Сенатъ, раздраженъ ихъ сопротивленіемъ и отказомъ наименовать Диктатора, прибѣгнулъ къ народнымъ Трибунамъ, какъ уже и прежде бывало въ подобныхъ случаяхъ. Но Трибуны сего года оказали въ томъ

ковой поступокЪ. Хотя они радовались видя сей спорЪ между военными Трибунами и СенатомЪ, однако отвѣтствовали сЪ горькимЪ смѣхомЪ, что стыдно было такому высоковластному Обществу просить помощи у бѣдныхЪ ПлебеянЪ, у такихЪ людей, которыхЪ Вельможи едва удостоиваютЪ считать вЪ числѣ СогражданЪ своихЪ; что естьли бы чины и почести Республики были общими у всѣхЪ РимлянЪ, безЪ отличенія породы и преимущественнаго богатства, вЪ то время НародЪ сЪ своими Начальниками знали бы какЪ заставить почитать волю Сената; но пока не будетЪ того равенства, они не намѣрены мѣшаться ни вЪ какіе споры Сената сЪ военными Трибунами.

Между тѣмЪ неприятели приближались кЪ границамЪ: того ради не теряя времяни вЪ безконечныхЪ спорахЪ, Сервилій Агала третій военный ТрибунЪ при всѣхЪ обЪявилЪ,

что спасенїе его Отечества ему дороже было, нежели дружба его Товарищей, и что естьли они не захотятъ добровольно согласиться для выбора Диктатора, то онъ его назоветъ самъ собою. Въ самомъ дѣлѣ со способствующею силою всего Сената, онъ не умѣшкалъ назвать Диктаторомъ Приска Корнелїя, которой самого его выбралъ по томъ Полководцемъ Конницы.

Война была не продолжительна; Волски разбиты у Города Антїума, земли ихъ разграблены и взято множество плѣнниковъ. Послѣ сей побѣды Диктаторъ сложилъ съ себя Достоинство; но два военные Трибуны, въ прискорбности что Сенатъ лишилъ ихъ славы, которую они въ сей войнѣ приобрѣсть ласкались, вмѣсто того чтобъ предложить, для будущаго года, избранїе Консуловъ, требовали съ умыслу военныхъ Трибуновъ, какъ бы могли то сдѣлать одни только народные Трибуны.

Сенатъ, во всегдашнемъ страхѣ, чтобъ Народъ не рѣшился на послѣдокъ вручить сїе Достоинство, или своимъ Трибунамъ или кому ни будь изъ первыхъ Плебеянъ, чувствительно оскорблялся, видя что самые его единообщники измѣняютъ его пользѣ. Но какъ онъ уже не властенъ былъ уничтожить созывъ Собранїя, исполненной Правителями Республики, то онъ принудилъ первыхъ изъ своего Общества, и тѣхъ самыхъ кои за свою умѣренность или за свою храбрость наиболѣ приятны были Народу, просить Трибунства. Сїе имѣло желаемое дѣйство. Плебеянскїе Трибуны тщетно паки происквали и ласкались выборомъ; Патрикїи одни получили военное Трибунство: а
347 именно, Клавдїй Валерїй, Клавдїй
годъ. Сервилїй, Луцїй Фурїй и Фабїй Вибуланъ.

Сенатъ удержалъ честь свою и въ слѣдующемъ году; онъ былъ опять столько силенъ въ избранїи, что по его

его желанію вступили въ то же званіе Прискъ Корнелій, Луцій Валерій, Кней Корнелій, и Фабій Амбустъ, всѣ Патрикіи, и изъ первыхъ домовъ въ республикѣ.

Трудно изобразить досаду и озлобленіе народныхъ Трибуновъ, по многократномъ ихъ отрѣшеніи отъ Достоинства, въ которомъ они могли имѣть участіе. Война, которую Сенатъ умышлялъ противу Веіевъ, подала имъ случай къ отмщенію. Вейскіе жители похитили себѣ нѣкоторую добычу отъ Римлянъ, безъ всякаго предварительнаго войны объявленія. Римляне отправили Пословъ требовать у нихъ въ обидѣ удовольствія; но вмѣсто извиненія или оправданія своихъ набѣговъ, обидчики выгнали сихъ Пословъ съ презрѣніемъ. Сенатъ раздраженъ толь высокомѣрнымъ поступкомъ, болѣ нежели ихъ грабительствомъ, предложилъ Народу отмстить таковую обиду, и итти съ мечемъ въ Тосканію. Упреж- 356 годъ.

денной Народъ отъ своихъ Трибуновъ, принялъ сїе предложенїе съ великою холодностью. Онъ говорилъ, что не благоразумно вступать въ новую войну, тогда какъ старая съ Волсками еще не кончена; что Республика не имѣетъ довольно силъ противиться въ одно время двумъ военнымъ Народамъ; что и такъ въ каждомъ году они довольно воевали; что толь частые бои уже много пролили Римской крови, и дѣтей и братьевъ погубили; что однако отъ всѣхъ бывшихъ сраженїй Плебеяне, которые составляютъ Легїоны, не получили себѣ никакой прибыли.

Трибуны, съ своей стороны, кричали во всѣхъ Собранїяхъ, что Сенатъ съ умыслу заводитъ безпрестанную войну, чтобъ тѣмъ удалить Плебеянъ изъ Города, вѣдая что будучи въ Римѣ они не преминутъ докучать ему своими справедливыми Требованїями на общїе земли, и боясь конечно чтобъ множественнымъ числомъ

сломъ голосовъ они не вручили Трибунамъ первое Достоинство Республики: „кратче вамъ сказать, говорили имъ сіи мятежные Начальники, не „ищите истинныхъ вашихъ неприятелей далѣ какъ въ самомъ Римѣ. Самая жестокая война, губительная „вамъ, есть та, которую Сенатъ изъ „давна ухищряетъ противу Народа „Римскаго.

Сенатъ, видя сколько народные мысли отдалены были отъ войны съ Веіями, разсудилъ за благо ждать болѣ способнаго случая, чтобъ возвратить къ себѣ народную довѣренность и предупредить жалобы произносимыя противу всегдашнихъ сраженій. Онъ вознамѣрился поправить иждивеніе воиновъ такимъ образомъ, чтобъ они не были за то должны благодарностью Трибунамъ. Всѣ Римскіе Граждане до того времени служили въ войнѣ на своемъ иждивеніи: каждый долженъ былъ истощать свое малое имѣніе чтобъ содержать себя

какъ въ полѣ, шакъ и на зимнемъ постоѣ. Часто, отъ долговремяннаго въ полѣ пребыванія, земли, а наипаче у бѣдныхъ Плебеянъ, оставались безплодными: отъ того произошли займы, лихвы на лихвы, а напослѣдокъ жалобы и мятежи Народа. Сенатъ къ поправленію сей скудости, учредилъ самъ собою, и безъ прозьбы въ томъ отъ Трибуновъ, чтобъ впредь воины содержались общими деньгами, и чтобъ для сего платежа уставлена была новая подать, отъ которой бы никакой Гражданинъ изключенъ не былъ.

347 годъ. Народъ увѣдавъ, что вышелъ Сенатусъ-Консультъ въ помянутой силѣ, чрезвычайно былъ обрадованъ, и отъ всѣхъ сторонъ бѣжалъ къ Сенату. Одни целовали руки Сенаторовъ, другіе громко называли ихъ Отцами Народными, и всѣ кричали, что они готовы пролить кровь свою до послѣдней капли за Отечество, которое они почитали милосердою матерью

рью и щедрою утробою дѣтей своихъ.

Въ сей общей радости одни только Народные Трибуны дали примѣтить въ себѣ грызущую ихъ печаль и зависть. Союзъ всѣхъ степеней не давалъ имъ мѣста себя выказывать. И какъ они всегда получали свой блескъ отъ несогласія Республики, то и разглашали, что Сенату не дорого станетъ его щедрость; что Народъ, въ совершенной слѣпотѣ не видитъ, что онъ самъ себѣ будетъ платить жалованье; что къ тому несправедливо, чтобъ тѣ, кои служили прежде на своемъ содержаніи и кончили уреченное время службы, принуждены были платить жалованье новымъ воинамъ, заступившимъ ихъ мѣсто въ войскѣ; что надлежитъ до нихъ, они твердо намѣрились никогда не платить сей подати; и что они даютъ свое покровительство, и употребятъ всю силу ихъ званія въ защиту тѣхъ, кои захотятъ освободиться отъ оной. Они

Они ласкались, что имѣя силу надъ народнымъ разсужденіемъ, заставятъ Плебеянъ отвергнуть сію милость, которая имъ для того только была противна, что Сенатъ ее сдѣлалъ. Однако точная и настоящая польза, паче же примѣръ римскихъ Первоначальниковъ, заплативщихъ тогда же свою долю, превозмогли надъ уловляющими словами Три-
347 бунскими. Сенатусъ-Консультъ ут-
годъ. вержденъ Плебиситомъ и общимъ согласіемъ Народа. Каждый усердно приносилъ малую подать по мѣрѣ своего иждивенія: подать, которая напослѣдокъ долженствовала служить къ великому всѣхъ облегченію. Какъ не было еще тогда нарочно кованной монеты, то всякой день прибывали возы нагруженные недѣланною мѣдью, отъ разныхъ жителей въ казну на подать, которую казначеи принимали вѣсомъ и кусками.

Конецъ шестой книги.

КНИ-

КНИГА VII.

Римляне осаждают Вейю (Город), которую берут по десятилѣтней войнѣ. Одинъ Трибунъ Народной предлагаетъ сдѣлать изъ сего Города другой Римъ, пославъ туда для жительства половину Сената, Рыцарей и Народа. Сіе предложеніе стараніемъ Сената уничтожено. Камиллъ, притѣсняемъ отъ Трибуновъ, выходитъ изъ Рима и удаляется въ Ардею. Войско Галловъ подъ предводительствомъ Брена, вступаетъ въ Тосканію и осаждаетъ Клузіумъ. Тосканцы просятъ помощи у Римлянъ. Римляне отправляютъ къ Брену Пословъ, кои неосторожностью своею принуждаютъ сего Полководца объявитъ

вить войну ихъ Отечеству. Сраженіе при рѣкѣ Алліи. Римъ взятъ и выжженъ. Осада Капитолія. Камиллъ Диктаторъ. Галлы побиты на голову. Римъ вновь выстроенъ. Манлій Капитолинъ, по обвиненію что онъ хотѣлъ объявить себя Римскимъ Царемъ, сверженъ съ верьху Капитолія По многихъ проискахъ и совѣщаніяхъ, кои Плебеяне тщетно употребляли чтобъ одинъ изъ двухъ Консуловъ избираемъ былъ отъ ихъ Общества, получаютъ на конецъ толь жадно желаемую ими честь, отъ слезъ одной женщины. Секстій, первый Консулъ Плебеянинъ. Претура. Едильство Курульное. Сіи два новые чина препоручены Патрикіямъ изключительно отъ Плебеянъ. Клавдій Лициній Столонъ, издатель Закона Лициніева, первый, за нарушеніе онаго, осужденъ къ денежному взысканію.

Учре-

Учредивъ подать для содержанія войскъ, Сенатъ, сверьхъ народнаго въ томъ облегченія, имѣлъ видъ разпространить свое оружїе далѣ, и быть въ состояніи производить войну долговремяннѣе. До начала сего учрежденія, вмѣсто войны производились, такъ сказать, одни только набѣги, кои обыкновенно кончились боемъ. Сіи малыя побоищи не продолжались болѣ двацдати или тритцати дней, а часто кончились еще скорѣе; ибо воины безъ казеннаго содержанія не могли долѣ выдерживать ратной службы. Когда же Сенатъ увидѣлъ себя въ состояніи содержать во всякое время порядочное войско, то представились ему болѣ великіе виды Онъ предприняль осадить Веію, Городъ изъ самыхъ лучшихъ крѣпостей въ Италіи, который служилъ оградою отъ Тосканіи, и не уступалъ Риму ни въ воинствѣ, ни въ богатствѣ, ни въ жителяхъ.

Тосканцы жили въ образѣ Республики, какъ Сабиняне, Волски, Римляне и большая часть другихъ Народовъ Италіи. Одинъ только Городъ Веія, наисильнѣйшій изъ всего ихъ множества, избралъ себѣ Царя отъ недавнаго времяни; а сія перемѣна въ правленіи произвела, что другіе малые Области подчиненные сему Властоначальному Городу, стали быть менѣ усердны.

Римляне свѣдавъ о томъ, рѣшились начать войну съ Веіями по поводу сдѣланнаго ими грабительства на землѣ Римской. Они съ пользою окончивъ войну противу Волсковъ, употребили всевозможные старанія, къ вооруженію сильной рати, какая бы могла соотвѣтствовать великости ихъ предпріятія.

Титъ-Ливій сказываетъ, что тогда избрано было восемь военныхъ Трибуновъ, чего еще никогда не бывало въ Республикѣ; другіе же писатели означаютъ только шестерыхъ. Примѣтно

мѣтно еще другое различіе въ Писателяхъ повѣствующихъ о произшествіи сей осады: иные полагаютъ Трибунство Марка Фурія Камилла и Аппія Клавдія Красса въ 348 году Рима; другіе же показываютъ, что они получили сіе Достоинство не прежде какъ въ 350 году; вѣроятно и то что въ семъ году Камиллъ могъ быть скорѣе Ценсоромъ, нежели военнымъ Трибуномъ. Но какъ бы разно о томъ ни писали, въ послѣдствіи Исторіи показано будетъ, что сіи двое Правители наиболѣ прославились въ войнѣ оной.

Аппій былъ внукъ Аппія Децемвира, и сынъ Аппія же бывшаго военнаго Трибуна въ триста двадцать девятомъ году отъ созданія Рима. Сходство именъ и прозваній, какое можно было примѣтить въ Сенаторахъ Клавдіанскаго рода, даетъ видѣть что они всѣ были старшіе изъ дѣтей, согласно съ тогдашнимъ обыкновеніемъ въ Римѣ, гдѣ старшій

сынЪ бралЪ всегда имя своего отца; младшіе же заимствовали свои имена, или отЪ щоту по порядку ихЪ одного за другимЪ рожденія, или отЪ времяни и часа, вЪ которомЪ они были названы.

Аппій остался вЪ РимѢ, для сопротивленія ТрибунамЪ, и для воздержанія обыкновеннаго своевольства народнаго; а КамиллЪ вЪ званіи военнаго Трибуна, производилЪ помянутую важную для РимлянЪ осаду, которую онЪ послѢ щастливо кончилЪ, вЪ свое Диктаторство.

348. годЪ. Можно судить о крѢпости Города, по времени осады, которая ровно десять лѢтЪ продолжалась, сЪ разными удачами и неудачами. Римскіе Полководцы не ослабѢвали при осадѢ, ни вЪ самое зимнее время, котораго суровость превозмогали они построивЪ тамо домики для укрытія воиновЪ. СЪ начала Трибуны, какЪ скоро о томЪ свѢдали, нашли поводЪ злословить СенатЪ по ихЪ обыкновенік.

нію. Они говорили во всѣхъ Собраніяхъ, что они и прежде отгадали, что щедрость Сената имѣетъ въ себѣ тайной ядъ народной; что нововыдуманное содержаніе войска, было только приманкою, которою Патрикіи заслѣпили глаза Народу; что они не ошиблись въ цѣнѣ, когда Народъ продалъ имъ за то свою вольность; что военные Трибуны удерживая воиновъ зимою на полѣ, хотѣли только отнять у народной части силу, какую она въ голосахъ имѣетъ; что Сенатъ и Патрикіи отъ нынѣ станутъ самовластно судить и рѣшить во всѣхъ Собраніяхъ; что должно имъ дать возчувствовать, что они повелѣваютъ свободными людьми; и что Народъ имѣетъ Право приказать Полководцамъ отводить войски въ Римъ по концѣ каждаго лѣтняго времяни, за тѣмъ чтобъ бѣдные Граждане, изнуряя вседневно жизнь въ защиту своего Отечества, могли получить нѣкоторое отдохновеніе,

венíе, могли увидѣть свой домъ, увидѣть женъ и дѣтей, и дать свои голоса въ избранíи Правителей.

Аппíй, котораго военные Трибуны оставили въ Римѣ для сопротивленíя предпрíятíямъ народныхъ Трибуновъ, по донесенíи ему сихъ мятежныхъ слуховъ, учредилъ Собранíе, и во первыхъ жаловался съ кротостíю и ласкою, что народное мѣсто стало быть скопищемъ всѣхъ своевольныхъ людей, и позорищемъ всѣхъ раздоровъ; что Сенатъ, Правители и Законы явно были пренебрегаемы, и что оставалось только народнымъ Трибунамъ итти въ станъ, возмутить войско, и отвратить оное отъ повиновенíя къ своимъ Полководцамъ. Онъ укорялъ ихъ, что они безпрестанно стараются разрушать единодушíе разныхъ степеней въ Областии; что они одни производятъ всѣ несогласíи; что они ежедневно разтравляютъ ихъ своими потворными увѣщанíями; и что они, не думая

мая о успѣхѣ войны, а только стараясь обезславить своихъ Полководцевъ, являютъ себя болѣ неприятелями Риму, нежели могутъ быть сами Веіи. „Лучше было прежде не „предпринимать осады, продолжалъ „онъ, а предприявъ оную должно кон„чить. Имѣемъ ли мы выгоды оста„вить нашъ станъ, и столько тру„довъ военныхъ, наши укрѣпленіи, „кои мы во кругъ соорудили, наши „башни, окопы, защищеніи: оста„вить съ тѣмъ, чтобъ на будущее „лѣто вновь начинать всѣ работы „наши? И кто можетъ вамъ ручать„ся, что Тосканія столько имѣетъ „отвращенія къ Царю Вейскому, что „забывъ собственную пользу своей „Области, не приметъ оружія въ по„мощь Веіямъ? Можетель вы не быть „увѣрены, что Веіи, при маломъ на„шемъ отступленіи, введутъ въ Го„родъ и новые силы, и новыми за„пасеніями утвердятъ въ немъ безо„пасность своего пребыванія? Кто

Р 3 „вамъ

„вамъ можетъ сказать, что они на „будущее лѣто не будутъ сами пре„дупреждать васъ, и въ разъяренной „паче силѣ и злобѣ за разхищенїе земель „ихъ, не станутъ взаимно наши гра„бить? На конецъ можетъ ли Рес„публика не быть презираема своими „сосѣдями, завидующими величеству „Рима, когда они примѣтятъ, что „Полководцы ваши, подъ игомъ но„выхъ Законовъ Трибуновъ вашихъ, „не смѣютъ стоять въ полѣ, ни кон„чить осады, какъ скоро холодной „вѣтръ повѣитъ? На противу того „ничто столько не прославитъ непо„бѣдимость Римскаго Народа, какъ „извѣданное опытами его мужество, „толь надежное, что ни долговре„мянныя труды въ полѣ, ни суро„вость времяни, не могутъ поколе„бать его въ твердыхъ предприятї„яхъ, и что онъ хочетъ побѣдить „или умереть подъ неприятельскими „стѣнами.

Народъ, предупреждёнъ своими Трибунами, не возчувствовалъ Аппїевыхъ представленій. Но уронъ, которой Римляне претерпѣли при осадѣ, произвелъ лучшее дѣйство, нежели слова благоразумно вѣщаемыя. Веїи, сдѣлавъ вылазку, нечаянно напали на осаждающихъ, великое число ихъ побили, сожгли ихъ осадные орудїи, и разкопали большую часть работъ ихъ. Сїе извѣстїе не только не навело робости на Римлянъ, но возбудило въ нихъ большую ревность къ продолженїю осады. Рыцари, коимъ Область должна была ставить лошадей, вызвались снарядить себя своимъ собственнымъ иждивенїемъ. Народъ, по ихъ примѣру, кричалъ, что онъ готовъ итти замѣнить потерянныхъ воиновъ, и клялся не возвращаться изъ стана, пока не будетъ взятъ Городъ. Сенатъ весьма хвалилъ и тѣхъ и другихъ за ихъ усердїе. Опредѣлено было давать жалованье всѣмъ вольнослужащимъ, кои пой- 350. годъ.

дутЪ на осаду. ВЪ тожЪ время особливая плата назначена Коннымъ, и вЪ первой еще разЪ Конница стала быть платима общими деньгами.

Народные Трибуны видѣли сЪ великимЪ безпокойствомЪ и ревностью, что произшедшая вЪ войскѣ неудача, вмѣсто того чтобЪ произвесть неудовольствіе и роптаніе вЪ Народѣ, наипаче воспалила охоту и жарЪ вЪ людехЪ всякаго чина кЪ продолженію осады. Новая же неудача дала имЪ случай и поводЪ дерзко вознеистовиться противу Сената.

Капенаты и Фалиски, Народы Тосканскіе, наиближайшіе кЪ ВеіямЪ, и слѣдственно имѣвшіе наиболѣ участія вЪ ихЪ соблюденіи, скрытно вооружили силы. Они соединили свои войски, пришли нечаянно, и напали на станЪ Римской. Луцій Виргиній и МаркЪ Сергій, оба военные Трибуны, повелѣвали надЪ сею осадою. Ревность, почти всегда бываемая вЪ равновластномЪ совмѣстничествѣ, произвела

извела между ими ненависть; каждый имѣлъ половину войска въ своихъ повелѣнїяхъ, и какъ будто раздѣльно стояли каждый въ своемъ особомъ станѣ. Неприятели съ одной стороны нападаютъ на войско Сергїево, въ самое тожъ время осажденные, согласясь съ первыми дѣлаютъ вылазку, и съ другой стороны бой начинаютъ. Римскїе воины мня быть въ сраженїи противу всей Тосканской силы, не доумѣваютъ отъ нападенїя, слабо сопротивляются, паче защищая жизнь свою нежели побѣдить чая. Скоро ищутъ спасенїя въ стремительномъ бѣгствѣ; всѣ робѣютъ, и бѣгство становится общимъ. Виргинїй хотя могъ вспомоществовать войску своего Товарища, и полки его стояли въ порядкѣ готовы къ бою: но ненависть сихъ двухъ Полководцевъ была толь чрезвычайна, что Сергїй лучше хотѣлъ погибнуть, нежели просить помощи у своего соперника. Виргинїй, съ своей стороны, въ удовольствїи видя его

 не-

неудачу, отказалЪ и самымЪ своимЪ ЧиновникамЪ, посылать кЪ нему людей на выручку, естьли Сергій самЪ не пришлетЪ просить у него помощи. Неприятели воспользовались несогласіемЪ НачальниковЪ: войско Сергіево обращенное вЪ бѣгство, укрылось вЪ РимЪ, который не далЪ тритцати верстЪ отстоялЪ отЪ стана, и Сергій явился туда не столько для оправданія своего дѣйствія, какЪ для обвиненія поступка своего Товарища.

СенатЪ, при таковомЪ безпорядкѣ, приказалЪ Виргинію оставить свое войско подЪ повелѣніемЪ своихЪ НамѣстниковЪ, и немедлѣнно явиться вЪ РимЪ отвѣтствовать на жалобы, кои принесЪ на него его Товарищь. Свойство дѣла произвело ожесточительные споры, и два военные Трибуны другЪ друга язвили ругательствами.

СенатЪ нашелЪ ихЪ обѣихЪ виновными: одного по тому что войски худо были повелѣваемы и не сражались сЪ довольною храбростью; другаго

таго же за то, что онъ лучше хотѣлъ оставить въ гибели своего Товарища, нежели спасти Согражданъ своихъ. И какъ Сенатъ опредѣлилъ, чтобъ всѣ Трибуны сего года сложили чины свои, и чтобъ немедлѣнно произведено было новое избранїе. Обвиненные Трибуны въ началѣ не хотѣли повиноваться сему Опредѣленїю, подъ видомъ, что время ихъ власти еще не кончилось. Народные же Трибуны не преминули уловить сей случай, въ которомъ ихъ властительство могло разпространиться: они грозили симъ двумъ Полководцамъ задержать ихъ, естьли они не покорятся Сенатскому Опредѣленїю. Сервилїй Агала, первый военный Трибунъ, тронутъ былъ высокомѣрными словами, какими сїи Плебеянскїе Начальники унижали его Товарищей. „Вамъ „не принадлежитъ, говорилъ онъ имъ, „грозить тѣмъ, кои имѣютъ надъ „вами верьхъ въ достоинствѣ. Товарищи мои знаютъ повиновенїе, ко-

„торымъ

„торымъ мы всѣ должны Сенату; и „естьли они преслушны его опредѣ„ленiямъ, то я наименую Диктатора, „который своею самодержавною властью „найдетъ средство, безъ вашей въ „томъ помощи, принудить ихъ отре„щись отъ званiя.

Двое Трибуны не могли долѣ спорить общей волѣ Сената, отреклись отъ своего Начальства, и произведено новое избранiе.

Но Трибуны народные не удовольствовались отрѣшенiемъ сихъ двухъ Полководцевъ. Между тѣмъ какъ заступившiе мѣста ихъ съ новымъ войскомъ продолжали осаду Веiи, сiи Плебеянскiе Начальники востребовали Сергiя и Виргинiя предъ Народное собранiе. Они не упустили ничего въ семъ случаѣ, чѣмъ только могли ожесточить народные мысли, не только противу сихъ двухъ виновныхъ, но и противу цѣлаго Общества Сената.

352. Они представили съ хитрымъ зло-
годъ. умышленiемъ, что точной и един-
ственной

ственной видЪ сего Общества былЪ тотЪ, чтобЪ уменьшить число Народа, убавить власть его, пресѣчь его Собранїи, или по меньшой мѣрѣ отдалить учрежденїе оныхЪ; что послѣднюю вЪ войнѣ неудачу, не должно почитать обыкновеннымЪ нещастьемЪ, какое можетЪ случиться и сЪ самыми великими Полководцами; но что то было слѣдствїе тайнаго умышленїя народной гибели; что Полководцы по многолѣтной рати при осадѣ Веїи, нарочно для продолженїя войны попустили сжечь ихЪ орудїи, взять укрѣпленїи и разорить всѣ ихЪ работы; что на послѣдокЪ СергїевЪ станЪ проданЪ непрiятелямЪ; что сей ПолководецЪ желалЪ лутче потерять всѣхЪ своихЪ воиновЪ, нежели призвать на помощь своего Товарища; что Виргинїй смотря на истребленїе РимскихЪ ЛегїоновЪ, почиталЪ то себѣ побѣдою, которая безЪ дальняго труда освобождала его и сЪ нимЪ единомышленныхЪ, отЪ столькихЪ неприя-

приятелей, сколько было Плебеянъ въ предводимыхъ на жертву ополченіяхъ; что, послѣ толь позорнаго дѣйствія, Сенатъ чаялъ еще ослѣпить Народъ наружнымъ видомъ принужденія, по которому оба Полководцы отставились отъ повелительства въ войскахъ; но что Народъ долженствуетъ показать, опредѣля строгое наказаніе въ войнѣ виновнымъ, что его неудобно обманывать толь ощутительною хитростью; что для отвращенія впредь злоухищренныхъ слѣдствій отъ стороны Вельможей, не должно удостоевать въ военный Трибуналъ иныхъ кромѣ храбрыхъ Плебеянъ, кои бы пеклись равно о защищеніи Отечества, и особо о сохраненіи Народа.

Сергій къ извиненію своему тщетно представлялъ что успѣхъ оружія подверженъ нещастнымъ перемѣнамъ; что тогда общій страхъ напалъ на всѣхъ его воиновъ; что ему измѣнилъ его Товарищь, оставилъ, и такъ сказать, предалъ въ руки неприятелю, ко-

который съ двухъ сторонъ тѣснилъ его войско. Однако не отличая нещастья отъ злодѣянія, Народъ осудилъ Сергія къ тяжкому денежному взысканію, и такъ же Виргинія, хотя онъ представлялъ что несправедливо было наказывать его за вину Товарища.

Народные Трибуны пользуясь ожесточеніемъ, которое они произвели въ Народѣ противу Патрикіевъ, не преставали во всѣхъ Собраніяхъ твердить, что пора было освободиться отъ Тиранства Сената; что должно вышнюю власть и главные Чины Республики отнять у Сергіянъ и у Виргиніянъ, чтобъ дать сіи почтенные должности достойнымъ Плебеянамъ. 353.
Они всенародно разглашали, что воль- 354.
ность Народная угрожаема гибелью; годъ.
а между собою производили сильные заговоры. На конецъ разными образами достигли къ тому, что въ приближающееся и въ слѣдующее по томъ избраніе заставили назвать Плебе-

янъ въ военные Трибуны. А сія новая перемѣна въ правленіи республики имѣла нещастныя слѣдствіи для Области, отъ частыхъ выигрышей, каковые имѣли римскіе неприятели надъ войсками подъ Плебеянскимъ повеленіемъ.

Къ симъ нещастьямъ послѣдовала заразительная язва. Народъ въ отчаяніи прибѣгалъ къ Богамъ; храмы наполнены были денно и нощно старыми и малыми, кои призывали Божеское милосердіе. *Дуумвиры* чита-
355 годъ. ли и толковали Сивиллическіе пророчествы. Въ нихъ нашли они что надлежало произвесть *Лектистернъ*. То былъ древній обрядъ, при которомъ Кумиры Боговъ вынимались изъ своихъ кивотовъ. Тогда учреждался имъ осмидневной праздникъ, и каждой день ставились предъ ними великолѣпные столы съ кушаньями и напитками, какъ будто бы они могли довольствоваться ими. Граждане, каждый по своей силѣ, дѣлали общіе пиры; они при-

приглашали къ себѣ безъ различенія друзей и неприятелей, а преимущественно призывали чужестранцовъ; давали свободу узникамъ, и ставили себѣ въ грѣхъ опять ловить ихъ по прошествіи праздника.

Патрикіи пользуясь симъ разположеніемъ разумовъ, обратили въ священнотаинство сіи общіе казни въ Республикѣ. Они приписали ихъ ко гнѣву Божества, карающаго ихъ за то, что они въ послѣднихъ избраніяхъ оставили людей благороднаго корени, кои отлично отъ Плебеянскаго общества одни отправляютъ чинъ Богослуженія.

Таковыя доказательствы дѣйствовали въ суевѣрномъ Народѣ сильнѣе, нежели всѣ краснорѣчивыя представлении народныхъ Трибуновъ. Всѣ стали почитать бѣдствіи угнѣтающіе Республику, такъ какъ бы они возвѣщали гнѣвъ Божескій; и боясь чтобъ не раздражить наиболѣ Безсмертныхъ, 355
не преминули въ слѣдующемъ избраніи годъ.

 вру-

вручить военное Трибунство по старому однимъ Патрикіямъ.

Между тѣмъ осада производилась безъ знатныхъ успѣховъ; дѣйство римскаго оружія не простиралось далѣ какъ только что римляне могли разграбить непріятельскіе земли. Въ Слѣдующемъ году война была еще болѣ неудачна. Римляне, не довольны военными Трибунами, принудили ихъ сложить чины свои, подъ видомъ что при избраніи ихъ упущены были нѣкоторые обряды въ Авспиціяхъ. Подъ таковымъ видомъ обѣ стороны попеременно низлагали своихъ Начальниковъ, кои имъ не были благоприятны. Въ семъ случаѣ, такъ
357 какъ во всеобщей напасти, римляне
годъ. имѣли нужду поставить Диктатора. Маркъ Фурій Камиллъ возведенъ былъ на сію высочайшую степень Достоинства. Онъ получилъ сію честь отъ самой необходимости, по колику республика имѣла надобность въ великомъ Полководцѣ; и можно сказать тогда

тогда только безъ прозьбы и искания превосходные качествы достодолжно вступаютъ въ свое мѣсто. Усмотрѣно уже было, что во всѣхъ должностяхъ, въ которыхъ Камиллъ имѣлъ Товарищей, уступалась ему одному честь главноповелительства, по его рѣдкимъ дарованіямъ и отличной способности; къ тому примѣчено, что въ неоднократномъ отправленіи Диктаторства, онъ всегда поступалъ съ толикою кротостью и снисхожденіемъ, что подчиненные ему Чиновники, казалось будто раздѣляли съ нимъ его честь и властительство. Онъ назвалъ Полководцемъ Конницы Приска Корнелія Сципіона и не умѣшкалъ собрать великую силу войска. Народъ съ ревностью бѣжалъ къ его знаменамъ.

Всѣ хотѣли слѣдовать за Полководцемъ, которой всегда былъ побѣдителемъ. Союзники такъ же прислали къ нему знатную подмогу и самыхъ лучшихъ воиновъ. Диктаторъ

тотъ часъ отправился въ станъ подъ Веїю. Едино его присудствїе возстановило весь военной порядокъ, которой по несогласїи и разбитїи военныхъ Трибуновъ былъ въ крайней разстройкѣ. Онъ приказалъ подступить ближе къ Городу и соорудить вновь укрѣпленїи, кои прежде разорилъ непрїятель. По томъ шелъ на Фалисковъ и Капенатовъ, разбилъ ихъ въ порядочномъ сраженїи, а послѣ сей побѣды, которая дѣлала его свободнымъ въ полѣ, онъ возвратился къ осадѣ и жестоко приступалъ къ Городу.

Осажденные защищались съ равною храбростью. Диктаторъ видя, сколь трудно было брать приступомъ и силою такую Крѣпость, которая защищаема была храбрымъ войскомъ, употребилъ подкопы. Воины его, неусыпною работою, сверьхъ чаянїя отъ непрїятелей, прокопали тайной путь, которой ихъ ввелъ въ самую крѣпость. Они скоро оттуда

насы-

насыпались въ Городъ; часть напала на тѣхъ, кои еще защищали стѣны, другїе же бросились разломать вороты и все войско вошло кучею въ Крѣпость. Побѣдители въ ярости рубили нещадно Веїевъ, и оставили живот только тѣмъ, кои безоружны находились. Немилосердые, но еще болѣ корыстолюбивые воины. шли потомъ грабить съ дозволенїемъ своего Полководца.

Долговремянная осада, множество бывшихъ уроновъ и неизвѣстность еще успѣха, все то вмѣстѣ произвело наконецъ радостное восхищенїе въ Римѣ, когда получено было извѣстїе о взятьѣ толь труднаго Города. Всѣ Храмы наполнены были Римскими женами, и уставлено четверодневное молебствїе въ возблагодаренїе Богамъ покровителямъ Рима: что не было еще употребляемо ни въ самыхъ щастливыхъ успѣхахъ Республики. Самый Трїумфъ Диктаторовъ имѣлъ нѣчто особое. Камиллъ представился

вѣ превосходновеликолѣпной колесницѣ, и четыре бѣлошерстныхъ коня везли оную.

Сїя чрезвычайность въ торжествѣ не нравилась Народу. Въ самое то время какъ онъ возносилъ похвалами Диктатора, внутренно чувствовалъ досаду, взирая на чрезмѣрную пышность сего перваго Правителя, какову прежде только одни Цари употребляли, а по ихъ низложенїи посвященную только единому Богослуженїю. Сего довольно было, чтобъ убавить къ нему общее почтенїе и благосклонность: сопротивленїе же, которое по томъ оказалъ Камиллъ на новые предложенїи отъ одного Трибуна, совершило народную къ нему ненависть.

358 годъ. Титъ Сицинїй Дентатъ, народной Трибунъ, предлагалъ сдѣлать другой Римъ изъ Города Веи, пославъ туда для жительства половину Сената, рыцарей и Народа. Онъ представлялъ для выгодъ въ томъ положенїе

ложенїе мѣста, крѣпость, великолѣпїе зданїй, обширность и хлѣбородїе земли съ преимуществомъ предъ самымъ Римомъ: на конецъ прибавилъ что Римляне симъ способомъ удобнѣе могутъ сохранить свои завоеванїи.

Народъ всегда жадный къ новостямъ принялъ сїи предложенїи съ особливыми изъявленїями удовольствїя. Дѣло, слѣдуя обыкновенїю, въ началѣ понесено въ Сенатъ. Камиллъ, который передъ тѣмъ только вышелъ изъ Диктаторства, сильно тому воспротивился. Хотя онъ имѣлъ въ томъ особую честь, чтобъ Римляне жили въ толь славномъ Городѣ, который имъ завоеванъ, и хотя могъ такъ же мыслить, что то будутъ новые и всегдашнїе свидѣтели его побѣды, но онъ ставилъ злодѣянїемъ вести Римской Народъ въ порабощенный Городъ, и предпочесть побѣжденную землю побѣдоносному Отечеству. Онъ прибавилъ, что ему не возможно кажется, чтобъ два толь сильные Города могли

гли пребывать долго въ мирѣ, могли раздѣлясь жить подъ одними Законами и составлять одну Республику; что нечувствительно изъ сихъ двухъ Городовъ произойдутъ двѣ разные Области, кои будутъ воевать одна съ другою, и напослѣдокъ достанутся въ жертву ихъ общимъ неприятелямъ.

359 годъ. Сенаторы и первые Вельможи, подвигнуты представленїями сего перваго Гражданина Республики, объявили что они скоряе умрутъ предъ глазами Римскаго Народа, нежели оставятъ ихъ Отечество. Старые и молодые вышли на сборное мѣсто, гдѣ Народъ былъ въ Собранїи, и тамъ раздѣлясь между кучею заклинали Народъ со слезами, не покидать ихъ царствующаго Города, которой долженствуетъ напослѣдокъ повелѣвать Вселенною, и которому Боги наищастливѣйшую судьбу предзнаменовали. Они указывая по томъ руками на Капитолїй, спрашивали у Плебеянъ имѣютъ ли они ожесточенїе оставить

Юпи-

Юпитера, Весту, Ромула и протчихъ Боговъ покровителей Города, для того чтобъ слѣдовать за Сицинїемъ, который искалъ, толь нещастнымъ раздѣленїемъ, разорить республику. Напослѣдокъ сїи благоразумные Сенаторы умѣли толь сильно возбудить ощущенїе Вѣры, что Народъ не могъ воспротивиться оному. Онъ уступилъ хотя противу желанїя, сему внутреннему чувству вкорененному предразсудками отъ воспитанїя. Предложенїе Сицинїево по большинству голосовъ отвержено, и Сенатъ такъ какъ въ награжденїе Народу за его послушанїе, опредѣлилъ по Камиллову мнѣнїю, раздать Вейскїе земли на каждый домъ по семи удѣловъ; и дабы привлечь холостыхъ къ женидбѣ, такъ чтобъ они въ состоянїи были воспитать дѣтей обязанныхъ служить республикѣ, имъ такъ же опредѣлено получить участїе въ сей раздачѣ. 360 годъ.

Народъ, обрадованъ сею щедростью, превознесъ Сенатъ похвалами. Союзъ

между сими двумя степенями паки возобновился. Народъ для единаго почтенія къ Сенату согласился и на то чтобъ возставлено было Консуль-
360, ство. Въ правленіе сихъ Патриче-
361 скихъ Начальниковъ, Еквы побѣждены
годъ. были, а Фалиски уже предались Республикѣ. Всѣ сіи выгоды приписаны были благоразумію и храбрости Камилловой. То было новыми ругательствами Трибунамъ кои не могли простить ему оныхъ, по колику не терпѣли Народъ съ Сенатомъ въ союзѣ, которой они почитали произведеніемъ Камилловымъ, на пресѣченіе ихъ властительства.

Они желали бы истребить того, которой имъ былъ одинъ опаснѣе всего Сената; но трудно было напасть на человѣка почитаемаго своими Согражданами за добродѣтели, чрезвычайно любимаго воинами, и которой пользу своего Отечества почиталъ главною корыстью во всѣхъ дѣлахъ своихъ.

Бла-

Благочестіе его въ Вѣрѣ подало имъ поводъ, какого не могла вдохнуть имъ злоба и ненависть. Сей Полководецъ передъ тѣмъ какъ повелъ своихъ воиновъ на приступъ Вейской осады, обѣщался посвятить десятую часть добычи Аполлону. Но когда Городъ былъ взятъ, онъ въ тогдашнемъ замѣшательствѣ и безпорядочныхъ грабежахъ, запамятовалъ о своемъ обѣщаніи. Когда же непорочность его совѣсти привела ему на умъ то что онъ желалъ исполнить, позно уже было совершить его желаніе. Не было средства заставить воиновъ принести вещи, кои они или прожили или продали. Въ сей неизвѣстности Сенатъ приказалъ обнародовать чтобъ всѣ тѣ, кои имѣютъ истинное къ Богамъ благоговѣніе, положили сами цѣну ихъ добычи, и принесли бы десятую часть сей цѣны ко Квесторамъ, дабы сдѣлать тѣмъ приношеніе свойственное благочестію и даровитости Римскаго Народа.

Сїя дань, не во время требуемая, взволновала Народъ противу Камилла. Народные Трибуны съ жадностью ухватили сей случай, въ которомъ злоба ихъ могла розпространиться. Они привели на память день его Трїумфа, когда противу обыкновенїя онъ представился въ колесницѣ везомой четырмя бѣлыми конями. Они прибавили, что сей гордой Патрикїй имѣетъ хитрость содержать всегда Народъ въ бѣдности; что онъ нарочно вымыслилъ будто обѣщалъ Богамъ десятую часть Вейской добычи, для того чтобъ чѣмъ нибудь убавить пожитокъ воиновъ и разорить Народъ.
362 годъ. А по томъ одинъ изъ сихъ Трибуновъ, по имени Луцїй Апулей, заставилъ его явиться передъ Народное Собранїе, и показалъ на него вину что онъ похитилъ къ себѣ изъ корыстей Вейскихъ нѣкоторые мѣдные двери, кои у него видимы въ домѣ.

Камиллъ, востревоженъ симъ новаго рода обвиненїемъ, собралъ къ себѣ

отъ друзей своихъ и главныхъ изъ своего Триба, и просилъ ихъ не попустить, чтобъ для толь малой и вымышленной причины осужденъ былъ ихъ Полководецъ. Плебеяне чаямые друзья его предупреждены были Трибунами. Они, по совѣтѣ между собою, отвѣтствовали Камиллу, что они охотно хотятъ платить за него сумму, естьли онъ осужденъ будетъ къ денежному взысканію, но что не въ ихъ власти состоитъ изъ вины его вывести. Камиллъ, гнушаясь ихъ слабостью, вознамѣрился лучше самовольно изгнать себя изъ Рима, нежели видѣть позоръ осужденія постыднаго для его имяни. Выходя изъ дома онъ простился съ женою и съ дѣтьми: но не былъ провожаемъ никѣмъ изъ особъ знатныхъ. Сказываютъ, что дошедъ къ воротамъ Города онъ остановился, и возрѣвъ на Капитолій молилъ Боговъ, дабы неблагодарные его Сограждане вскорѣ раскаялись воздавъ ему зломъ за добродѣтели,

дѣтели, и чтобъ ихъ собственная напасть, заставила назадъ звать его.
362 годъ. Онъ удалился въ Ардею, Городъ въ близкомъ разстоянии отъ Рима, гдѣ онъ свѣдалъ, что онъ осужденъ къ взысканію съ него пятнатцати тысячь ассовъ, что учиняетъ около полуторасга рублей.

Думали что моленіе сего великаго мужа подвигло гнѣвъ Божеской и навлекло кровавую войну, которую Галлы произвели съ Римлянами. Сіи два произшествія такъ скоро одно за другимъ послѣдовали, что всегда суевѣрной Народъ приписалъ гибель Рима не давно бывшему изгнанію Камиллову.

Первое нашествіе Галловъ на Италію было въ царствованіе Тарквинія старшаго, въ лѣто отъ начала мира четыре тысячи четыреста шестое надесять, отъ созданія же Рима сто шестдесятъ пятое. Амбигатъ царствовалъ тогда во всей Цельтической Галліи. Сей Государь находя въ обла-

стяхъ

стяхъ своихъ излишнее число жителей, послалъ Сиговеза и Беловеза, двухъ своихъ племянниковъ, предводительствовать силами набранными изъ людей цвѣтущаго возраста, съ тѣмъ чтобъ они шли себѣ искать въ отдаленныхъ мѣстахъ твердаго поселенія. То могло быть и отъ тогдашняго обычая, которой употреблялся въ Северѣ еще въ десятомъ вѣкѣ; или какъ сказано Амбигатъ изобрѣлъ сіи военныя переведеніи въ точномъ видѣ освобожденія себя отъ прыткаго и необузданнаго юношества, которое рѣдко бываетъ въ покоѣ и слѣдственно рѣдко другихъ не безпокоитъ. Какъ бы то ни было, судьба по предвѣщанію послала Сиговеза за Реинъ, которой пустясь въ путь Герсинійскимъ лѣсомъ, пробрался въ даль силою оружія, овладѣлъ Богеміею и въ округѣ лежащими землями. Беловезъ обратился на Италію: онъ прошелъ Алпы. Тогда Сенонцы и Мансалы, кои большою частью составляли его

войско,

войско, овладѣли сими прекрасными Провинціями, кои находятся между Альпінскими горами, и Аппенинскими, между Фесиномъ рѣкою и Есіею впадающею въ море внутри Анкона. Они поселились тамо, и нѣкоторые Писатели отдаютъ имъ начало и основаніе Городовъ Милана, Вероны, Паду, Бресса, Кома и многихъ другихъ Городовъ въ сихъ мѣстахъ построенныхъ, кои и нынѣ еще остались. Первая война, которую они имѣли противу Римлянъ, была въ около трехъ тысячь шесть сотъ шестомъ надесять году мира, двѣстѣ лѣтъ послѣ ихъ переселенія въ Италію. Они осадили тогда Клузіумъ Тосканской Городъ. Жители боясь подпасть подъ область сихъ Варваровъ, просили помощи у Римлянъ, хотя они не имѣли другаго повода ожидать оной, кромѣ того что они въ послѣднюю войну не пристали помогать Веіямъ, какъ поступили большою частью другіе Етрурійскіе Народы. Сенатъ, не имѣя ни

какого

какого особливаго союза съ симъ Городомъ, удовольствовался отправить только въ Посольство трехъ братьевъ Фабїева рода, молодыхъ Патрикїевъ, для посредства въ примиренїи сихъ двухъ Народовъ. Римскїе Послы по прибытїи въ станъ Галловъ представлены были въ Совѣтъ. Они предложили посредничество Рима и спрашивали у Брена Царя, или Начальника сихъ Заалпинскихъ Галловъ, какое право имѣетъ чужеземной Народъ на Тосканїю, или какую обиду жители Клузїума ему сдѣлали? Бренъ гордо имъ отвѣтствовалъ, что онъ право свое имѣетъ въ мечѣ, и что храбрые и смѣлые люди всѣмъ владѣть могутъ; но что, не говоря о семъ первомъ естественномъ правѣ, онъ приносить справедливую жалобу на Клузїанъ, въ томъ что они имѣя много земли излишней отказали ему уступить такую которой они сами не пашутъ, и которою хотятъ владѣть безъ всякаго употребленїя.

„Они причиняют нам, прибавил „он, такіе же обиды, какіе нѣкогда „дѣлали вам Сабиняне, Албанцы и „Фиденяне, какіе дѣлают вам еще „и нынѣ Еквы и Волски и всѣ ваши „сосѣди, у которых вы сильною ру„кою отняли лучшую часть земель „их. И так перестанте вступать„ся за Клузіян, в предосторожность „чтоб вашим примѣром не на„учить нас защищать тѣх, у ко„торых вы отняли их древніе вла„дѣніи.„

Фабіи, ожесточены толь гордым отвѣтом, скрыли однако свою досаду, и под видом что будто в званіи посредников желают говорить с Правителями Клузіума, они испросили пропуск в Город. Но как скоро туда пущены были, то вмѣсто чтоб поступать по своему званію и исполнять должность мирных посредников, сіи Послы, с молодостью отнюдь неспособною к отправленію дѣла требующаго чрезвычайной

вычайной осторожности, надѣясь только на свою храбрость и стремительность лѣтъ своихъ, уговаривали жителей къ твердому защищенiю. А чтобъ дать имъ въ томъ примѣръ, они сами предводительствовали воиновъ въ выласкѣ, и Квинтъ Фабiй главный Посольства, убилъ своею рукою одного изъ первыхъ Начальниковъ надъ Галлами. Бренъ, справедливо озлобленъ таковымъ поступкомъ, предпринялъ не по обычаю варваровъ произвести мщенiе. Онъ послалъ Герольда въ Римъ, требовать чтобъ ему выданы были Послы, кои толь явно право людей нарушили; въ случаѣ же отказа, посланной имѣлъ приказанiе объявить войну Римлянамъ.

Когда Герольдъ прибылъ въ Римъ и предложилъ вину своего посланiя, Сенаторы приняли дѣло на разсмотрѣнiе въ общемъ Собранiи. Благоразумнѣйшiе въ Сенатѣ разсуждали, что надлежало наказать тѣхъ, кои толь явно Право людей нарушили;

 или

или что по крайней мѣрѣ надлежало успокоить Галловъ через деньги. Но молодые Сенаторы, по своей стремительной склонности къ оружїю отвергли сїе мнѣнїе какъ недостойное Римскаго имени. Разсмотрѣнїе о томъ перенесено было въ Народное Собранїе. Фабїй Амбустъ отецъ трехъ сказанныхъ Пословъ, хотя былъ Патрикїй, умѣлъ однако привлечь къ себѣ благосклонность Народа. По его прозьбамъ Плебеяне толь сильно стояли за дѣтей его что не только отправили Герольда назадъ безъ удовольствїя, но
363 еще сдѣлали ихъ военными Трибунами и поручили имъ предводительство войска, которое положили послать противу Галловъ. Бренъ, по возвращенїи Герольда съ отвѣтомъ, обратилъ свою злобу и оружїе на Римлянъ, и прямо пошелъ къ Риму. Войско его было многочисленно, и наводило трепетъ на мѣста, гдѣ Бренъ шествовалъ. Жители Городскїе и деревенскїе убѣгали изъ домовъ при

его

его приближенiи; но онъ не остановился нигдѣ, и объявилъ что онъ хочетъ воевать только противу Римлянъ.

Военные Трибуны выступили изъ Рима и вывели сорокъ тысячь человѣкъ войска. Силы ихъ въ количествѣ не уступали Брену, но въ войскѣ Галловъ порядокъ и послушанiе лучше наблюдаемы были. Римскiе Полководцы по нещастiи и изгнанiи Камилловомъ, не смѣли поступать съ полною властью, и принуждены были упускать самовольство и безпорядокъ своихъ воиновъ, слѣдственно и не повелѣвали съ тою точною строгостью какая необходимо нужна въ военной службѣ. Примѣчено къ тому, что сiи Трибуны, предъ выступленiемъ изъ Рима не принесли Богамъ жертвъ и упустили предзнаменованiе Авспицiй: обряды кои весьма важны были въ суевѣрномъ Народѣ, которой, можно сказать, заимствовалъ храбрость свою и упованiе отъ щастливыхъ

 знаковъ,

знаковъ, какїе предвѣщали ему Авгуры. Но болѣ всего губило Римлянъ великое множество Начальниковъ. Въ войскѣ ихъ находилось шесть военныхъ Трибуновъ, равновластно повелѣвающихъ, кои были большою частью молодые люди, и имѣли болѣ отваги нежели способности. Они шли дерзко сопрошиву Галловъ, и встрѣтили ихъ у рѣки Аллїи въ полусуточномъ пути отъ Рима. Тѣ и другїе тотъ часъ построили свои войски въ боевой порядокъ. Римляне, чтобъ неприятели ихъ не окружили, растянулись въ стороны и поставили лучшихъ воиновъ на правомъ крылѣ и на лѣвомъ, а по тому средина была слабѣе. Галлы не преминули напасть болѣ на слабое мѣсто. Они скоро пробили и разсыпали Когорты, кои средину занимали. Два крыла стали быть разрѣзаны, и видя на мѣстѣ своихъ сильное неприятельское ополченїе, не извлекая меча побѣжали. То было общее бѣгство вмѣсто сраженїя; и въ

семъ

семъ замѣшательствѣ устрашенные воины, вмѣсто чтобъ бѣжать въ Римъ, который былъ отъ нихъ только въ шестидесяти стадіяхъ, бросились въ Веію. Иные, покусившись переплыть за Тибръ, потонули; многіе въ непріятельскомъ постиженіи пали подъ мечами побѣдителей; нѣкоторые только спаслись отъ ихъ жестокости, убѣжали въ Римъ, но принесли туда страхъ и отчаяніе. Сенатъ, чая что все войско побито на голову, и не имѣя довольно силъ для защищенія Города, засадилъ въ Капитольскую Крѣпость всѣхъ людей, кои были въ состояніи оборонять оную. Онъ снабдилъ ихъ сколько могъ тогда промыслить съѣстными припасами, и чтобъ льзя было долѣ содержать себя оными, то принимаемы были въ Крѣпость тѣ только, кои могли дѣйствовать оружіемъ. Большая часть стариковъ, женъ и дѣтей, въ безпомощномъ состояніи, скрылись по лѣсамъ и въ ближніе Города. Но пре-

363 годъ.

 ста-

старѣлые Сенаторы предпочли лучше погрести себя подъ развалинами своего Отечества и окончить жизнь въ Городѣ, котораго они не могли защищать болѣ, нежели влачить свое бѣдство и изнемогшую древность въ чужихъ покровахъ. Многїе Жрецы къ нимъ присовокупились и великодушно преподавали себя на смерть, по примѣру сихъ удрученныхъ старостью Сенаторовъ. Таковой родъ преподаянїя былъ частью ихъ Богоугодности; Римляне вѣровали, что самопроизвольная смерть, которую Начальники ихъ приносили въ жертву преисподнимъ Богамъ, наводила страхъ и смятенїе на враговъ Республики. Сїи почтенные и сѣдинами украшенные старцы, одни въ священныхъ своихъ облаченїяхъ, другїе въ одѣянїяхъ Консульскихъ со всѣми знаками своего достоинства, сѣли при вратахъ домовъ своихъ въ костеныхъ сѣдалищахъ, гдѣ они съ твердостью ожидали неприятелей и смерти.

Естьли бы, послѣ побѣды при Алліи, Галлы прямо пошли въ Римъ, республика была бы въ конецъ изпровержена, и имя бы Римлянъ прекратилось. Но сіи дикіе воители, провели около трехъ дней въ раздѣлѣ своей добычи, а тѣмъ временемъ какъ они забавлялись надъ корыстями побѣдъ своихъ, упустили главную ихъ пользу. Римляне между тѣмъ успѣли вывесть своихъ женъ и дѣтей; Сенаторы же и всѣ кои годны были къ сраженію, засѣли въ Капитоліи, гдѣ трудно было взять ихъ. Бренъ вошелъ въ Римъ и овладѣлъ онымъ въ около триста шездесятъ третьемъ году отъ его основанія. Вороты были отворены, стѣны безъ защищенія и домы безъ жителей. Такая пустота во многолюдномъ Городѣ, подавала ему страхъ какой нибудь потаенной засады. Но какъ онъ искусенъ былъ въ своей должности, былъ доброй воинъ и Полководецъ, то для безопасности своего завоеванія, разпредѣлилъ до-

вольную часть людей, стеречь сборные мѣста и главные улицы.

Первое зрѣлище, которое представилось глазамъ его, и которое наиболѣ привлекло его вниманіе, было то что онъ увидѣлъ тѣхъ почтенныхъ старцевъ о коихъ сказано, что они преподавали себя на смерть, и ожидали оной при вратахъ домовъ своихъ. Ихъ великолѣпныя одѣяніи, бѣлые власы и бороды, величественной и твердой взоръ, къ тому молчаніе которое они хранили, все то вмѣстѣ привело сперва въ недоумѣніе Галловъ, и возбуждало въ нихъ то же почтеніе, какое они къ Богамъ имѣли. Они не смѣли къ нимъ приближиться, но нѣкто изъ воиновъ отважнѣе протчихъ, любопытствуя хотѣлъ притронуться къ бородѣ одного древняго Сенатора: тогда сей мужественный старецъ, за дерзское къ себѣ прикосновеніе, ударилъ его по головѣ костеною своею палицею. Воинъ во отмщеніе тотъ часъ его убилъ; а въ

тоже

тоже время и другїе старики и Жрецы посѣчены были въ своихъ сѣдалищахъ. Всѣ жители, кои не могли укрыться, пали подъ жестокостью оружїя, безъ пощады ни пола ни возраста. Бренъ облегъ по томъ во кругъ Капитолїя, и послалъ обьявить держащимся въ Крѣпости, чтобъ они сдались добровольно. Но видя ихъ въ томъ непоколебимое упорство, покусился брать Крѣпость лѣсницами. Римляне имѣя выгоды въ сраженїи, отогнали сїи войски и знатное число ихъ побили. Бренъ увидѣлъ, что не льзя было овладѣть Крѣпостью защищаемою естественнымъ ея положенїемъ, какъ развѣ только поморить осажденныхъ голодомъ. А чтобъ отмстить Римлянамъ за сопротивленїе, онъ вознамѣрился разорить Римъ до основанїя. Воины по повелѣнїю его зажгли домы, разорили Храмы, разломали общенародные зданїи, и загладили стѣны. И такъ изъ прекраснаго Города, славнаго уже во всей

Италїи,

Италіи, оставались только развалины, пригорки, и чистое поле, на которомъ Бренъ учредилъ станъ своего войска, коего часть окружала Капитолій, другая же послана была искать припасовъ.

Сіи посланные войски чаяли, что они страхомъ своего оружія уже всю Область покорили, и въ слѣдованіи своемъ не наблюдали ни порядка ни должности. Воины безпрестанно отлучались для грабежа, оставшіе же цѣлые дни проводили въ пьянствѣ. Ни Чиновники, ни подчиненные не думали чтобъ могли имѣть другихъ неприятелей кромѣ тѣхъ, кои заперлись въ Капитоліи.

Камиллъ по своемъ изгнаніи удалился въ Ардею, какъ было сказано. Сей великой мужъ, оскорбляясь нещастьемъ своего Отечества, болѣ нежели собственнымъ своимъ изгнаніемъ, предприялъ отмстить разорителямъ Рима. Онъ легко уговорилъ Ардейскихъ молодыхъ воиновъ за нимъ

послѣ-

последовать; и по согласїю съ Правителями онъ вышелъ изъ Ардеи во время темной ночи, и напалъ на Галловъ погруженнымъ въ снѣ и пьянствѣ. 363
Онъ ужаснымъ образомъ посѣкъ ихъ годъ.
силу, а тѣ кои въ темнотѣ скрылись, на утро попали въ руки земледѣльцевъ, которые такъ же не сдѣлали имъ пощады.

Вѣдомость о семъ произшествїи, скоро разнеслась во всей Италїи. Римляне, кои убѣжали въ Веїю, и тѣ кои по ближнимъ деревнямъ скрылись, шли въ совокупленїе. Не было ни единаго, которой бы не укорялъ себя изгнанїемъ Камилловымъ, какъ бы онъ былъ причиною онаго; и почитая сего великаго человѣка единственною своею подпорою по разоренїи Рима, они всѣ вознамѣрились избрать его своимъ Начальникомъ. „Для чего, „говорили они, Ардейцы иноплеменники имѣютъ славу побѣждать подъ „предводительствомъ Камилловымъ, „въ то время какъ его Сограждане,

„стран-

„странствуютъ, какъ нещастно изгнанные, въ собственной своей Области.„ Всѣ хотятъ ему повиноваться, всѣ хотятъ служить подъ его знаменами. Тотъ часъ посылаютъ къ нему Повѣренныхъ, кои заклинаютъ его принять въ свое покровительство безприютныхъ Римлянъ и оставшихъ отъ побоища при Аллїи.

Камиллъ сперва отговаривался отъ всякаго повелительства, тѣмъ что онъ былъ изгнанъ. „Римъ уже не су„ществуетъ болѣ, отвѣтствовали ему „сїи Повѣренные, и мы не можемъ бо„лѣ почитаться Гражданами такого „Города, которой разоренъ до осно„ванїя. Возри человѣколюбно на не„щастные остатки Области процвѣ„тавшей болѣ трехъ вѣковъ въ сла„вѣ и величествѣ. Едино только по„боище премѣнило судьбу ея, и съ „нею нашу участь: намъ не оста„лось индѣ прибѣжища какъ въ тво„емъ станѣ.

Камиллъ,

Камилл, всегда повинуясь Законам, и по том еще не склонился, а приговорил прежде послать в Рим увѣдать, был ли сохранен Капитолій, и естьли оной еще держится Римлянами, взять на то повелѣніе от Сената, которой заперся тамо. Предприятіе однако имѣло великіе трудности, по тому что Крѣпость окружена была со всѣх сторон неприятельскими силами. Но не взирая на то один молой Римлянин, по имени Понтій Коминій, пустился в путь, и сквозь множество опасностей достиг в Капитолій. Сенат немедлѣнно собрался: посланной возвѣстил собранію побѣду Камиллову, и требовал от него, именем всѣх Римлян совокупленных из своего разсѣянія, чтоб сей великой Полководец был им дан в Начальники. Не было о том много разсуждаемо: Сенат и воины кои представляли в себѣ Народ, всѣ в один голос объявили ево Диктатором.

ромъ. Тотъ же часъ Понтiй отправленъ съ наказомъ его наименованiя; и сей молодой человѣкъ возвратился въ станъ, такъ щастливо какъ прежде прокрался въ Капитолiй.

Камиллъ отъ изгнанiя перешелъ въ первое Достоинство Республики. Онъ названъ Диктаторомъ и самодержавнымъ Правителемъ Римлянъ. Для всякаго другаго Полководца то было бы тщетнымъ только титуломъ, ибо при семъ званiи не дано ему ни войска, ни денегъ чтобъ можно было набрать оное. Онъ однако все то нашелъ въ своей отличной храбрости, и въ сей высокой славѣ которую онъ приобрѣлъ наисправедливѣйшимъ образомъ. Едва увѣдали о его новомъ Достоинствѣ, какъ со всѣхъ сторонъ воины въ станъ его являлись, и не въ долгомъ времени онъ увидѣлъ у себя болѣ сорока тысячь войска, и Римлянъ и союзниковъ, кои всѣ почитали себя непобѣдимыми подъ предводительствомъ толь великаго Полководца.

Тѣмъ

Тѣмъ времянемъ какъ онъ готовилъ вооруженіе и предпринималъ освободить Капитолій отъ осады, нѣкоторые Галлическіе воины примѣтили по горѣ, на коей стояла сія Крѣпость, слѣды Понтіева прохода. Они донесли о томъ Брену, которой тотъ часъ принялъ намѣреніе водраться въ стѣны тою же дорогою. Онъ выбралъ въ своемъ войскѣ такихъ изъ воиновъ, кои жительствовали на горахъ и изъ дѣтства обыкли проворно лазить. Сіи воины получа повелѣніе пускаются ночью, въ укрывающей ихъ темнотѣ, въ верхъ пробираться съ камня на камень; и такъ съ превеликимъ трудомъ, а съ наибольшею еще опасностью, другъ другу подая руки, они всходятъ мало по малу, и подбираются на конецъ подъ самую стѣну которая съ той стороны не высоко была взведена, по уваженію толь крутаго мѣста, какъ оное казалось неприступно.

Часовой уснулъ на ту пору, и Галлы начали приставя лѣсницы взбираться на стѣну; тогда гуси, посвященные Юнонѣ, кои питаемы тамъ были по правилу Вѣры, яко Божеству принадлежащіе пернаты, встрепенулись на слухъ Галловъ и крикъ подняли. Маркъ Манлій нѣкогда бывшій Консулъ пробужается ихъ крикомъ, прибѣгаетъ туда, и первый бросается отрѣвать отъ стѣны неприятелей. Онъ одинъ противу ихъ воюетъ, усѣкаетъ тотъ часъ руку одному Галлу, которой занесъ было мечь поразить его; въ тоже время другаго отрѣваетъ толь сильно щитомъ своимъ, что сей катился съ верьху горы до самаго низа. Все воинство охраняющее крѣпость на то же мѣсто поспѣваетъ въ минутное время. Римляне рѣютъ и тѣснятъ Галловъ; Манлій предводительствуя опрокидываетъ однихъ на другихъ въ кучу; нѣтъ удобности бѣжать отъ пораженія. Большая часть спасаясь отъ неприятельскаго меча низвергаются въ про-

пропасти, такъ что мало осталось людей, кои могли возвратиться къ стану.

Первое, что сдѣлали осажденные по спасенiи себя отъ конечной гибели, было то что они свергли съ высоты горы часоваго, заснувшаго во время подступленiя Галловъ. По томъ они совѣтовали о награжденiи Марка Манлiя, которой своею неусыпностью и храбростью спасъ республику. Каждой воинъ далъ ему полфунта муки и небольшую мѣру вина изъ своего припаса. Такое награжденiе велико было по причинѣ скудости припасовъ, кои тогда почти къ концу истощены были. Бренъ отчаялся тогда взять Капитолiй инымъ образомъ какъ только развѣ голодомъ, по чему содержалъ его въ толь крѣпкой осадѣ, что въ седмимѣсячное продолженiе оной, римляне не могли имѣть никакой себѣ подмоги.

Равной недостатокъ чувствовали и сами Галлы. Съ тѣхъ поръ какъ

Камиллъ поставленъ былъ Диктаторомъ, сей искусной Полководецъ, овладѣвъ полемъ, занялъ всѣ проходы: Галлы не могли отдаляться для промысла припасовъ, не подвергая себя совершенной гибели. Такимъ образомъ Бренъ державъ въ осадѣ Капитолій, осажденъ былъ самъ, и претерпѣвалъ равную скудость какую заставлялъ терпѣть заключенныхъ Римлянъ.

Въ сей общей бѣдности часовые у Капитолія, и часовые у непріятельскаго войска, начали говорить о примиреніи. Рѣчи ихъ нечувствительно дошли до Начальниковъ, кои отъ того не отрицались. Сенатъ, не имѣя отъ Камилла никакого извѣстія, со времяни поставленія его въ Диктаторы, и къ тому принуждаемъ голодомъ, вознамѣрился вступить въ договоры. Сулпицій, военной Трибунъ, посланъ былъ для переговоровъ, и онъ согласился съ Бреномъ дать ему тысячу фунтовъ золота, съ тѣмъ только чтобъ онъ отступилъ отъ Города,

и немедлѣнно сошелъ съ земель Республики. Принесено было золото; но когда надлежало его вѣсить, то Галлы неправильные вѣсы употребили. Римляне вознегодовали противу сего подлога. Но Бренъ вмѣсто чтобъ отвратить толь видимую несправедливость, положилъ свой мечь съ поясомъ, въ прибавокъ къ вагѣ, которая противовѣсила золото. Сулпицій, въ нетерпѣніи отъ толь безчестнаго налога, спрашивалъ у него, какое онъ имѣетъ Право въ своихъ чрезмѣрныхъ требованіяхъ. „Какому быть другому, отвѣтствовалъ варваръ, кромѣ „того что побѣдители имѣютъ власть „надъ побѣжденными?„

Между симъ споромъ Камиллъ подступилъ подъ самый Римъ съ войскомъ. Свѣдавъ же что происходили между Бреномъ и Римлянами договоры, онъ взялъ съ собою главныхъ своихъ Чиновниковъ и знатную часть охраняющаго войска, съ которыми предприялъ явиться къ присудствію договари-

ривающихся. Онъ самъ хотѣлъ посредствовать тамъ для соблюденія пользы своего Отечества, или какъ вѣроятнѣе кажется, хотѣлъ дать знать посланнымъ отъ сидящихъ въ осадѣ, что онъ въ состояніи ихъ выручить, и заставить неприятелей скоро отступить отъ Крѣпости.

Войско его, по данному повелѣнію, слѣдовало за нимъ медленнымъ приближеніемъ; и Галлы полагаясь на вѣру мирнаго условія, допустили въ близость передовые полки сего войска безъ сопротивленія.

Какъ скоро Камиллъ явился въ Собраніе, посланные отъ Сената разступились дать ему мѣсто какъ первому Правителю Республики. По донесеніи ему о договорѣ какой они учинили съ Бреномъ, они жаловались на несправедливость, которую сей Государь оказалъ въ исполненіи. „Отнесите золото назадъ въ Капитолій, „сказалъ Камиллъ посланнымъ отъ „Римлянъ; а вы, Галлы, прибавилъ „онъ

„онъ, спрячте свои ваги и вѣсы. Рим„ляне единымъ только оружїемъ до„лжны искупить свою землю.„ Бренъ, въ удивленїи отъ произнесеннаго высокорѣчїя, какого онъ не слыхалъ еще ни отъ кого изъ Римлянъ, представилъ ему, что онъ поступаетъ противу заключеннаго договора. Но Камилъ отвѣтствовалъ, что онъ имѣетъ честь быть Диктаторомъ, и что не надлежитъ ничего постановлять безъ его воли. Споръ разгорячился и скоро дошелъ до того что надлежало рѣшить его оружїемъ. Камилъ, предвидѣвъ то заранѣ, приказалъ ближе подойти своимъ войскамъ; обѣ силы начали рубиться съ жестокостью. Римляне не взирая на плохость мѣста которое для нихъ безвыгодно было въ сраженїи, напослѣдокъ гонятъ по всѣмъ сторонамъ Галловъ. Бренъ собираетъ ихъ, покидаетъ осаду, и учреждаетъ станъ за нѣсколько верстъ отъ Рима. Камиллъ слѣдуетъ за нимъ, съ тою же пыл-

костью, нападаетъ на него вновь и въ конецъ его разбиваетъ; большая часть Галловъ побиты на мѣстѣ, или въ бѣгствѣ отъ жителей ближнихъ населеній.

363 годъ. Симъ образомъ Римъ, бывъ взятъ противу всеобщаго чаянія, освобожденъ на конецъ храбростью одного изгнанника, которой жертвовалъ своимъ мщеніемъ пользѣ своего Отечества. Но содѣлавъ ему спасеніе въ войнѣ сильною бранью, онъ въ другой разъ, можно сказать, сохранилъ его во время мира, и по очищеніи отъ непріятелей.

Городъ былъ разоренъ, домы превращены въ пепелъ, и стѣны Городскіе изпровержены, какъ выше сказано: трудно было, такъ сказать, найти Римъ въ самомъ Римѣ. Въ толь общемъ опустошеніи Народные Трибуны возобновили старое предложеніе селиться въ Веїѣ, и требовали чтобъ переведенъ былъ туда Сенатъ и Народъ и чтобъ тамъ учреждена была Столица Области.

Онъ

Они представляли во всѣхъ Собраніяхъ, горькую бѣдность Народа, почти наго избѣжавшаго отъ гибели, изнуреннаго толикими нещастьями, безъ силъ, безъ денегъ, безъ покрова, и немогущаго вновь построить цѣлой Городъ, отъ котораго не осталось ничего кромѣ развалинъ. На противу того Веія, говорили они, представляетъ Римлянамъ укрѣпленной Городъ отъ естества и искуства, прекрасныя строенія, здоровой воздухъ, и плодородную землю.

Сенатъ же поставлялъ себѣ въ правило Богоугодности, не покидать никогда Римъ, и толь основательныя Трибуновъ требованіи убѣждалъ одними прозьбами и ласками. Самые достопочтенные люди изъ Сенаторовъ показывали Народу гробы ихъ предковъ; другіе приводили на память простонароднымъ умамъ Храмы посвященные Ромуломъ и Нумою; не позабыли такъ же вспомнить о человѣчьей головѣ, найденной нѣкогда подъ

основанїемъ Капитолїя: о сей головѣ которая по пророческому извѣщенїю предзнаменовала что сей Городъ будетъ обладать Вселенною и содѣлается царствующимъ Престоломъ надъ всѣми Народами.

364. Камиллъ, имѣя въ семъ произше-
годъ. ствїи болѣ власти и уваженїя нежели весь Сенатъ, спрашивалъ у однихъ, почто же они сохраняли Капитолїй, а у другихъ, почто же они сражались въ полѣ не щадя себя для Рима, естьли они намѣрены были послѣ его оставить. „Представьте себѣ, говорилъ „онъ имъ, что вы переселясь въ Вейю, „должны восприять имя побѣжденнаго „Народа, и оставить славное назва„нїе Римлянъ: оставить событїе на„ищастливѣйшихъ судебъ, кои Боги „предзнаменовали Риму, кои съ име„немъ вашимъ достанутся первымъ „пришельцамъ. Они не преминутъ во„цариться въ Капитолїи, и сею пе„ремѣною можетъ быть напослѣдокъ „содѣлаются вашими Господами и ва-

„шими

„шими тиранами.„ Сіи доказательствы основанные на Благочестіи и славѣ, сильно дѣйствовали надъ суевѣрнымъ и славолюбивымъ Народомъ, которой едину только надежду всемирнаго владычества, предпочиталъ настоящимъ въ жизни выгодамъ. Къ тому нѣкоторое случайно услышанное слово, довершило его въ томъ увѣренность. Сенатъ былъ тогда въ чрезвычайномъ Собраніи для разсужденія о толь важномъ дѣлѣ. Луцій Лукрецій первый долженствовалъ сказать свое мнѣніе. Какъ сей Сенаторъ отворилъ только уста, нѣкто изъ военныхъ Чиновниковъ разпоряжая смѣну караула, закричалъ Знаменосителю, чтобъ онъ остановился, и тутъ поставилъ свое знамя; къ тому произнесъ сіе слово: *здѣсь быть надобно.*

Сей голосъ услышанной въ самое то время, когда всѣ были въ нерѣшимости предприятія, казался быть съ небеси посланъ. *Я приемлю слово предвѣденія*, вскричалъ Лукрецій, *и пови-*

повинуюсь Божескимъ судьбамъ, кои низпосылаютъ намъ совѣтъ толь благоприятной. Сенатъ доволенъ былъ его мнѣнiемъ. Чудо сего произшествiя разнеслось въ Народѣ и премѣнило мысли людства. Слово вышедшее изъ устъ безъ намѣренiя, но обращенное въ пророчество, содѣйствовало болѣ, нежели самые твердые доказательствы Сената. Тотъ часъ забыто было о переселенiи въ Вейю. Каждый началъ строить себѣ домъ, не разбирая на своей или на чужой землѣ строился. Республика подарила домъ состоящiй въ Капитолiи, Марку Манлiю въ потомственной знакъ его храбрости и благодарности СограждANъ его. Но при награжденiи толь важной услуги, она почитала за достодолжно
364 годъ. наказать Квинта Фабiя Амбуста, которой нарушилъ Право людей, и привлекъ мстительную войну Галловъ.

Клавдiй Марцiй Рутилъ, народной Трибунъ, востребовалъ его передъ Народное Собранiе, дать отвѣтъ въ поступкѣ

ступкѣ какой онъ сдѣлалъ во время своего Посольства. Сенатъ чувствуя зло, въ которое онъ ввергъ республику, защищать его не вступался: Вся повѣренность, которую отецъ его имѣлъ въ Народѣ не могла ему способствовать. Свойственники его объявили, что къ препятствію послѣдняго о немъ рѣшенія, нечаянная смерть его застигла: какъ то всегда случалось съ тѣми, кои имѣли силу духа предупредить свое осужденіе и позоръ казни.

Между тѣмъ другіе Граждане, разсѣянные по округамъ, кои во время плѣненія Рима Галлами, убѣжали въ Веію и въ другіе ближніе Городы, Жрецы, жены, дѣти, всѣ въ Римъ возвратились. Едино у всѣхъ попеченіе было о твердомъ пристанищѣ. Всюду производилось строеніе; позволено было брать камни, гдѣ бы они ни были найдены. Кровельные плиты дѣлались иждивеніемъ Области безъ покупки, и работа текла съ такимъ успѣ-

спѣхомъ, что скорѣе года Городъ со всѣмъ былъ выстроенъ.

Римъ, можно сказать, выродился вновь изъ своего пепела. Но едва жители его вкусили отдохновенiе, и уже новые войны принуждали ихъ къ
395 годъ. вооруженiю. Тосканцы, Еквы, и Волски, равно сосѣди Рима и слѣдственно его непрiятели, совокупились угнѣтать его прежде нежели онъ получитъ свои силы. Латиняне и Герники, хотя союзники Римскаго Народа, но всегда завидуя его разпространенiю, вошли въ предприятiе первыхъ, и дали на помощь свою часть войска. Тѣ и другiе ласкались, что послѣ толь великихъ уроновъ Городъ найденъ будетъ безъ защищенiя. Они напали по согласiю въ едино время и съ разныхъ сторонъ на его землю; а пограбя окружности и соединя свои войски пошли прямо на Римъ. Оттуда высланы были военные Трибуны съ Легiонами, чтобъ не допустить непрiятелей къ ближнему подступленiю.

нїю. Но сїи Полководцы, не входя вЪ сраженїе дали себя запереть вЪ ущелинахЪ и тѣсныхЪ проходахЪ. Они не могли ничего другаго тогда сдѣлать, какЪ только выбраться на верьхЪ Марсовой горы, гдѣ они стоять разположились. Правда, что станЪ ихЪ находился вЪ безопасности отЪ неприятеля, но не было туда приступа для подвоза нужныхЪ вещей, и войско могло тамЪ помереть голодомЪ.

ВЪ сей крайности надлежало паки прибѣгнуть кЪ Полководцу, которой преодолѣвалЪ всѣ напасти и трудности: КамиллЪ вЪ третїй разЪ названЪ былЪ ДиктаторомЪ. ТотЪ часЪ онЪ повелѣлЪ всѣмЪ ГражданамЪ, не изключая стариковЪ, взять оружїе. ОтЪ единаго слуха его имени и приближенїя, неприятели пришли вЪ робость. Они не мыслятЪ болѣ о побѣжденїи, думаютЪ только о томЪ чтобЪ не быть побѣжденными; они закапываются вЪ своемЪ станѣ, которой

торой они укрѣпляютъ околомъ и многими засѣками. Камиллъ туда подошелъ и обозрѣлъ ихъ положеніе; между тѣмъ примѣтилъ, что по утрамъ всегда подымался великой вѣтръ съ стороны горъ. По сему примѣчанію онъ скрытно умыслилъ и произвелъ нѣкоторое предпріятіе. Часть войска его съ одной стороны учинила подложное нападеніе; между тѣмъ съ другой стороны воины, по данному повелѣнію отъ своего Полководца, пустили въ помянутую деревянную загороду съ огнемъ стрѣлы и горючіе матеріи, кои при вѣтрѣ какой обыкновенно подымался, скоро зажгли ихъ околы и засѣки. Пламя охватило палатки; воины, ужасаясь и не ждавъ повелѣнія отъ своихъ Чиновниковъ, стремительно бѣгутъ вонъ изъ стана. Всѣ въ кучѣ и въ замѣшательствѣ попадаютъ на Римлянъ, кои производятъ тогда страшное посѣчище надъ бѣгущими. Камиллъ послалъ по томъ потушить огонь, чтобъ спасти добычу,

бычу, которую онъ отдалъ въ награжденіе своимъ воинамъ.

Съ равнымъ щастьемъ онъ воевалъ 365 годъ. противу Еквовъ и Тосканцовъ. Онъ продолжалъ съ ними войну въ теченіе безъ мала четырелѣтняго времени, то Диктаторомъ, то въ званіи военнаго Трибуна; и во всѣхъ сраженіяхъ имѣлъ благополучные успѣхи, возвращаясь всегда побѣдителемъ.

Но я не буду остановливаться надъ множествомъ славныхъ дѣлъ его, кои не принадлежатъ къ моему повѣствованію; долженъ примѣтить только что онъ, не менѣ благоразуміемъ своимъ какъ и мужествомъ, получилъ отъ Сограждан своихъ почтительное названіе возобновителя Отечества и втораго основателя Рима.

Изъ всѣхъ Римлянъ одинъ только Маркъ Манлій, имѣвшій нѣкогда честь Консульскаго Достоинства, противорѣчилъ сему общему Камилла почитанію. Правда, что онъ былъ изъ самыхъ храбрѣйшихъ Полководцевъ ка-

кїе только могли родиться въ Римѣ, но его гордость и тщеславїе превосходили степени и самой его храбрости. Для него несносно казалось, что Камиллъ предпочтенъ ему былъ въ предводительствѣ войска. *Ежелибъ я не сохранилъ крѣпости и Капитолїя,* сказывалъ онъ, *могъ ли бы Камиллъ взять Римъ возвратно? И когда онъ выгналъ Галловъ, всѣ знаютъ, что онъ напалъ на нихъ въ переговорѣ, и въ то время какъ они полагались на вѣру торжественнаго условїя.*

Таковыми и тому подобными рѣчами онъ облегчалъ грызущую его зависть, и старался помрачить славу человѣка котораго онъ почиталъ своимъ Соперникомъ. Терзаемъ желанїями властолюбїя и безмѣрнаго тщеславїя, онъ шелъ путемъ какой обыкновенно выбираютъ тѣ, кои любятъ Тиранствовать. Онъ приложилъ старанїе улестить Народъ, такъ какъ бы могъ дѣлать Плебеянской Трибунъ. Онъ возобновилъ мятежныя предложенїи о

раздѣлѣ

раздѣлѣ земель: источникъ и поводъ всѣхъ возмущеній. Но того еще не довольно, онъ произвелъ и другїе требованїи, подъ видомъ народнаго облегченія, желая будто бы дать способъ людемъ расдѣлаться съ долгами, въ какіе большая часть Плебеянъ вошли при построеніи домовъ своихъ. Онъ за иныхъ платилъ, за другихъ ручался; продалъ свои земли для заплаты долговъ ихъ, и объявилъ что онъ отдастъ послѣднюю копѣйку въ своемъ домѣ, а не будетъ терпѣть, чтобъ Сограждань его за долги ковали. Нѣсколько разъ онъ вырывалъ ихъ изъ рукъ заимодавцевъ и не допускалъ сажать въ остроги. Таковымъ усильнымъ и обольстительнымъ поступкомъ онъ скоро сдѣлалъ себѣ послѣдующую за нимъ, и такъ какъ стрегущую его толпу, изъ всѣхъ помянутыхъ людей, кои большою частью расточили свое имѣнїе въ роскошахъ, и напослѣдокъ были всюду его спутниками, производя безпрестанно кромолы на сборищѣ.

Онъ представлялъ имъ, иногда всенародно, иногда особенно, что Вельможи не только что довольствуются одни владѣнiемъ земель принадлежащихъ въ равной раздѣлъ между всѣми Согражданами, но еще присвоили себѣ золото собранное въ дань Галламъ, которое добровольно вмѣстѣ сложили всѣ тѣ, кои заперлись въ Капитолiи. Къ тому прибавилъ, что тѣ же Патрикiи набогатились еще добычею побранною въ Бреновомъ станѣ, которая одна стоитъ такихъ денегъ, чемъ можно заплатить всѣ долги народные.

Таковые рѣчи, повторенные во многихъ случаяхъ и искусно внушенные его сообщниками, взволновали людство. Всѣ другiе требованiи престали; толь великой нажитокъ, и надежда видѣть всѣ долги жителей заплаченными, занимали всѣ мысли и разжигали желанiе извлечь помянутые богатствы изъ рукъ Патрикiевъ. Возмущенiе день ото дня возрастало, и

творецъ

творецъ онаго дѣлалъ его еще наиболѣ сильнымъ. Сенатъ, въ семъ смятеніи, предпринялъ прибѣгнуть къ обыкновенному средству, то есть поставить Диктатора. Видъ онаго поставленія прикрытъ наружностью новой войны противу Волсковъ. Но всѣ вѣдали, что сей Правитель долженствовалъ пряться съ другими неприятелями въ Городѣ, болѣ опасными нежели могли быть внѣшніе. Достоинство сего чина пало на Авла Корнелія Косса, которой назвалъ Квинта Капитолина Полководцемъ Конницы.

Волски были разбиты; но возмущеніе вседневно умножалось, и Диктаторъ принужденъ былъ въ Римъ возвратиться. Онъ согласился съ Сенатомъ въ поступкѣ какой имѣть ему надлежало; послѣ того предсталъ на сборище окруженъ Сенаторами и множествомъ Патрикіевъ. А возшедъ на свой Трибуналъ послалъ Ликтора повѣстить Манлію чтобъ онъ передъ него явился. 368 годъ.

Ф 3 Манлій

Манлій получа призывъ стать предъ лице самовластнаго Правителя республики, велѣлъ слѣдовать за собою на сборное мѣсто всѣмъ своимъ сообщникамъ. Онъ подступилъ къ Трибуналу Диктатора съ толикимъ множествомъ людства, что онъ могъ навесть скорѣе страхъ судьямъ своимъ, нежели испугаться отъ ихъ власти. Сенатъ и Народъ раздѣлены были на двѣ противные стороны, кои готовы были къ дракѣ, каждая имѣя своево предводителя.

Тогда Диктаторъ повелѣвъ быть молчанію и обратясь къ Манлію. „Я „знаю, говорилъ онъ ему, что ты „обвиняешь главныхъ въ Сенатѣ по„хищеніемъ золота собраннаго въ дань „Галламъ, и похищеніемъ добычи най„денной въ ихъ станѣ; знаю и то „что ты поселилъ въ Народѣ надеж„ду, что сею одною послѣднею сум„мою можно заплатить всѣ долги его. „Я повелѣваю тебѣ назвать сію мину„ту тѣхъ, коихъ ты знаешь винов-

„ными

„ными въ похищенiи сей части обща-
„го сокровища. Естьли же ты мнѣ
„того не скажешь, то, дабы ты не
„обманывалъ болѣ народъ своими кле-
„ветами и обнадеживанiями, я при-
„казываю чтобъ ты сей часъ поса-
„женъ былъ въ темницу, яко народ-
„ный клеветникъ и возмутитель.„

Манлiй, въ недоуменiи отъ толь высоковластнова и строгова Диктаторова спроса, и не вступая въ доказательство сего важнаго дѣла, отвѣтствовалъ ему, что онъ спрашиваетъ его о такой вещи, о которой онъ конечно самъ вѣдаетъ; и къ тому продолжалъ. „Но я вижу что болѣ
„всего вамъ досаждаетъ, тебѣ Авлъ
„Корнелiй, и всѣмъ сколько васъ есть
„въ Собранiи Господъ Сенаторовъ и
„Патрикiевъ: то конечно людство
„которое за мною слѣдуетъ. Для
„чего же вы не перебили у меня на-
„родной благосклонности, когда вы
„къ ней ревнуете? Или по крайней
„мѣрѣ для чего вы не стараетесь раз-

„дѣлить ее со мною? Помогайте бѣд-
„нымъ Гражданамъ кои стонутъ отъ
„безмѣрной лихвы ихъ истощающей;
„не допускайте чтобъ они страдали
„въ оковахъ; удостойте своего покро-
„вительства сихъ благодѣтельныхъ
„Плебеянъ, кои по примѣру моему
„сохранили Капитолій; Защищайте
„тѣхъ, кои не щадя своей жизни,
„возвратили вамъ то самое мѣсто,
„на которомъ Трибуналъ вашъ и Пре-
„столъ вашей области поставленъ;
„за иныхъ платите ваши деньги, за
„другихъ ручайтесь: и вы увидите
„что людство такъ же будетъ за
„вами слѣдовать, и возчувствуетъ
„равную къ вамъ благодарность и при-
„вязанность.

Диктаторъ отвѣтствовалъ ему что онъ не принимаетъ отъ него посторонныхъ изъясненій, а приказываетъ ему говорить безъ всякаго уклоненія, и прямо назвать тѣхъ коихъ онъ знаетъ виновными въ похищеніи золота и добычи отъ Галловъ, или признаться

знаться предъ всѣмъ Народомъ что онъ лгалъ и клеветалъ напрасно. Манлїй, оторопленъ и въ смятенїи, сказалъ только что онъ не намѣренъ дѣлать удовольствїя своимъ неприятелямъ. По чемъ Диктаторъ велелъ чтобъ онъ веденъ былъ въ темницу. А какъ скоро Ликторы Манлїя взяли, то онъ для возмущенїя Народа призывалъ въ помощь всѣхъ Боговъ кои почитаемы были въ Капитолїи и въ Римѣ. Обратясь же къ Народному множеству: „Можетель вы терпѣть храбрые Римляне, вскричалъ онъ, чтобъ „вашъ защитникъ толь безчестно притѣсняемъ былъ неприятелями завидующими его славѣ.„

Но не взирая на его восклицанїи; Диктаторовъ приказъ былъ исполненъ. Манлїй отведенъ былъ въ темницу и никто защитить его не покусился. Великое число его сообщниковъ удовольствовались только изъявить свою прискорбность въ печальныхъ одѣянїяхъ, какїе употребляемы

были въ наивеличайшихъ нещастіяхъ; нѣкоторые же въ прибавокъ къ тому отпустили себѣ бороды и растрепали волосы.

Диктаторъ, по одержаніи побѣды надъ Волсками и по Тріумфѣ, сложилъ свое Достоинство. Народъ въ день торжества далъ примѣтить въ себѣ грызущее его неудовольствіе. Нѣкоторые выговаривали что къ сему великолѣпному Тріумфу недоставало главнаго украшенія, и что удивительно имъ было не видѣть тутъ же Манлія въ оковахъ привязаннаго къ колесницѣ Диктаторовой. Иные для возмущенія людства, представляли что Манлій имѣлъ довольно храбрости одинъ защищать цѣлой Народъ противу Галловъ; но что въ толь великомъ Народѣ нѣтъ ни одного которой бы осмѣлился защищать Манлія противу Сената; что постыдно видѣть человѣка имѣвшаго Консульское Достоинство, въ безчестномъ поруганіи, и что должно расторгнуть

узы

узы защитника общей вольности. Сенатъ, боялся чтобъ Народъ въ неистовствѣ не пришелъ ломать дверей темничныхъ, и чтобъ Манлій получа свободу сими наглыми средствами, не разпространилъ далѣ свою дерзость, по чему за благо разсудилъ уничтожить сіе дѣло, и выпустилъ его по своему собственному изволенію. Но чая утишить возмущеніе сею робкою предосторожностью, онъ далъ возмутителямъ Начальника, и наипаче озлобленнаго безчестіемъ темницы, которой по томъ отнюдъ не способенъ былъ къ умѣренности.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ скоро Манлій былъ выпущенъ, то вмѣсто усмиренія по своемъ нещастіи, подущалъ вновь Народъ возобновить древніе свои требованіи. Онъ не преставалъ говорить въ особыхъ сборищахъ, о правосудіи по которому надлежало произвесть раздѣлъ общихъ владѣній, и о должности возставить справедливое равенство между всѣми Гражданами

единой республики. „Но вы никогда „не исполните толь важнаго пред„приятія, продолжалъ онъ обратясь „къ самымъ усерднымъ своимъ сооб„щникамъ, естьли вы въ сопротивленіе „гордости и ненасытства Патрикіевъ „будете только произносить жалобы, „твердить роптаніи и безполезно пло„дить рѣчи. Пора уже вамъ освобо„дить себя отъ ихъ тиранства: на„добно пресѣчь Диктаторствы и Кон„сульствы. Поставте Начальника ко„торой бы повелѣвалъ равно Патри„кіямъ какъ и Народу. Естьли вы „меня находите достойнымъ сего зва„нія, то чѣмъ болѣ вы мнѣ дадите „власти, тѣмъ лучше можете на„дѣяться приобрѣсть во владѣніе то „чего вы изъ давныхъ времянъ тре„буете. Я желаю получить власть „только для того чтобъ васъ сдѣлать „изобильными и щастливыми„

Сказываютъ что таковыми и тому подобными лъстивыми словами, онъ желалъ привести своихъ прислужни-

ковѣ кѣ намѣренію возставить вѣ своей особѣ Воцареніе. Но неизвѣстно какихѣ людей онѣ хотѣлѣ употребить кѣ исполненію толь труднаго предприятія, ни того какѣ далеко онѣ простиралѣ властолюбивые свои виды. Наиболѣ же достовѣрно кажется то что онѣ вѣ своемѣ домѣ стоявшемѣ вѣ Капитоліи производилѣ тайныя Собраніи; что онѣ не призывалѣ туда ни Авла Манлія ни Тита Манлія своихѣ братьевѣ, а напротиву того примѣчено у него было сборище людей только вѣ долгахѣ погибающихѣ, или потерявшихѣ честное имя безпутнымѣ поведеніемѣ.

Сенатѣ, вѣ ужасѣ отѣ сихѣ тайно производимыхѣ Собраній, выдалѣ Опредѣленіе и Сенатусѣ-Консультѣ, по которому предписано было военнымѣ Трибунамѣ бывшимѣ вѣ лицѣ Консуловѣ, *крѣпко наблюдать дабы Республика какого либо вреда не претерпѣла*: таковой образѣ предписанія употреблялся только при самыхѣ великихѣ

опа-

опасностяхъ въ республикѣ, и давалъ симъ Правителямъ власть мало отличную отъ Диктаторской. Предложены потомъ разные средства къ предупрежденїю злостныхъ намѣренїй Манлїевыхъ. Нѣкоторые Сенаторы вскричали что республикѣ въ семъ случаѣ нуженъ другой Сервилїй Агала, который бы смѣлымъ поступкомъ и смертью худова Гражданина возставилъ общую тишину и спокойство.

Но Маркъ Менїй и Квинтъ Петилїй, хотя оба Народные Трибуны, представили себя Сенату и подали мнѣнїе болѣ способное и болѣ приличное умѣренности сего Общества. Сїи два Начальники предвидѣли что слѣдуемое истребленїе ихъ властительства не далеко отстояло отъ истребленїя вольности. Они представили что въ видимомъ разположенїи разумовъ, не льзя коснуться къ Манлїю явнымъ насилїемъ, такъ чтобъ Народъ за него не вступился; что насильные способы всегда опасны и могутъ произвесть

весть междоусобную войну; что должно съ начала отдѣлить Народные выгоды отъ Манлїевыхъ; что они готовы показать на него вину, какъ на человѣка которой дѣлался тираномъ; что Народъ, хотя заступалъ сперва Манлїя, строго и непреклонно судить его станетъ, какъ скоро услышитъ что онъ умышлялъ и производилъ заговоръ противу вольности; что къ тому обвиняемый имѣетъ въ глазахъ Народа нѣкоторую уже вину быть Патрикїемъ: обвинители же его будутъ Народные Трибуны. Сенатъ одобрилъ сей Совѣтъ. Манлїй призванъ былъ на судъ; и какъ дѣло состояло въ главномъ преступленїи, то онъ предсталъ передъ судей своихъ въ печальномъ одѣянїи. Но тогда онъ явился одинъ; ни кто изъ его родственниковъ не хотѣлъ препроводить его, ни вступаться въ его нещастье: толико любовь вольности и страхъ рабства превозмогали въ сердцахъ Римлянъ надъ всѣми обязательствами родства и природы.

Обви-

Обвинители его показали что онѣ развращалѣ Народѣ возмутительными рѣчами; что онѣ предлагалѣ перемѣнить образѣ правленія; что онѣ злоумышленною щедростью кѣ бѣднымѣ хотѣлѣ произвесть бунтѣ вѣ Народѣ; что напослѣдокѣ ложнымѣ доносомѣ обидѣлѣ цѣлое общество Сената. Манлій, не отрицая показанія сихѣ разныхѣ винѣ его, отвѣтствовалѣ только единымѣ изчисленіемѣ заслугѣ своихѣ, и свидѣтельствами кои онѣ вѣ томѣ получилѣ отѣ своихѣ Полководцевѣ. Онѣ показалѣ нарукавники, копьи, два золотыхѣ вѣнца за то что онѣ первый вошелѣ вѣ проломѣ неприятельской крѣпости; восемь Сивическихѣ вѣнцовѣ за то что онѣ спасѣ жизнь вѣ сраженіяхѣ толикаго же числа Согражданѣ своихѣ; тритцать снарядовѣ отѣ неприятелей, коихѣ онѣ убилѣ своею рукою вѣ особныхѣ другѣ сѣ другомѣ побоищахѣ. Вѣ то же время онѣ растегалѣ грудь покрытую рубцами отѣ ранѣ, кои онѣ получилѣ

вѣ

въ сихъ сраженіяхъ. Напослѣдокъ онъ призывалъ Юпитера и другихъ Боговъ къ себѣ въ помощь, и обратясь къ Собранію заклиналъ Народъ возрѣть на Капитолій прежде его осужденія.

Народъ, тронутъ толь умилительнымъ зрѣлищемъ, не возмогъ рѣшиться на поступленіе по всей строгости законовъ, противу человѣка, которому Республика должна своимъ спасеніемъ. Видъ Капитолія, гдѣ онъ съ рѣдкою храбростью сражался противу Галловъ, дѣлалъ обвиненіе слабымъ, и производилъ жалость въ людствѣ. Трибуны видѣли тогда, что естьли они не отдалятъ Народъ отъ вида сей Крѣпости, то она будетъ такъ какъ защитою преступнику въ глазахъ Народа, сколь бы ни были велики и доказательны его преступленіи. И такъ, боясь чтобъ онъ не вышелъ изъ рукъ ихъ, они отложили вершеніе сего дѣла до другова дня, и назначили мѣсто Собранія за Флументанскими воротами. Избавляющій его видъ не

 былъ

370 былъ тамъ въ глазахъ его Судящихъ;
годъ. и тогда Народъ осудилъ свергнуть Манлія съ высоты того же Капитолія, который бывъ мѣстомъ свидѣтельствующимъ его славу, содѣлался напослѣдокъ позорищемъ его казни и безславія. Съ того времяни, ни кто изъ его потомковъ, не принималъ имяни Марка. Домъ его, въ которомъ производились тайныя Собранія, разоренъ, и къ тому было уставлено чтобъ ни кто Патрикій не имѣлъ жительства въ Капитоліи: въ предосторожность чтобъ выгодное положеніе Крѣпости стоящей выше всего Города, не произвело намѣренія и не подало способа овладѣть оною.

Народъ, которой сожалѣетъ безъ разбора о всѣхъ нещастныхъ, не отличая преступниковъ отъ невинныхъ, не долго пребылъ безъ сокрушенія о смерти Манліевой. Онъ позабылъ скоро его властолюбіе; вспоминалъ только его храбрость и мужество, наипаче же прилѣпленіе которое онъ оказы-

валъ къ народной пользѣ. Тѣ кои получали отъ нево благодѣянiи укоряли людство, что покровители ихъ не жили долговремянно, и что Народъ всегда безчестно предавалъ ихъ злобѣ Сената; что сiе первостепенное Общество не можетъ терпѣть превосходныхъ достоинствъ; что Спурiй Кассiй, другой имѣвшiй нѣкогда Консульское достоинство, за то что предлагалъ о раздѣлѣ земель, Мелiй же за то что во время голода великодушно помогалъ бѣднымъ, нещастно пострадали отъ зависти Патрикiевъ; что такими же хитростями они погубили Манлiя, которой виновенъ только тѣмъ, что онъ по свойству великодушнаго Гражданина хотѣлъ освободить Народъ отъ изнуряющей его чрезмѣрной лихвы.

Язва приключившаяся мало времяни спустя, приписана была простымъ Народомъ Божескому гнѣву за неправедную казнь ихъ Покровителя. Въ разговорахъ ихъ слышно было что 371 годъ.

Юпитеръ, отмститель толь достославной крови, не могъ оставить людей безъ наказанія за убійство защитника его Храма.

Новыя войны, одна за другою, противу Волсковъ, Цирцеянъ и Пренестянъ, продолжавшіяся около шести лѣтъ, утишили сіи простонародныя роптанія. Но наставшій потомъ миръ ввелъ опять новые раздоры, какъ будто такова была судьба Рима, что онъ не могъ наслаждаться вмѣстѣ внутреннимъ и внѣшнимъ спокойствомъ.

Великое число Плебеянъ отличились въ сихъ войнахъ храбростью, и къ тому приобрѣли богатствы кои давали имъ новую знаменитость. Сіи Плебеяне имѣя духъ высокаго мужества, осмѣлились простирать свои виды къ Консульству и повелительству войскъ. Къ достиженію же онаго они вмѣшали во всѣхъ своихъ рѣчахъ и во всѣхъ Собраніяхъ, что никогда совершеннаго согласія не будетъ

въ

въ Республикѣ, пока чины принадлежатъ однимъ Патрикіямъ; что равенство есть наикрѣпчайшее основаніе союза, и что должно приобщить въ Консульство безъ различенія Плебеянъ какъ и Патрикіевъ; что надежда къ полученію всѣхъ честей Республики произведетъ благородную ревность между двумя степенями Области, и что тогда ни одинъ Плебеянинъ не станетъ щадить жизни, вѣдая что достоинствы, чести, благорожденіе и слава принадлежатъ обще всѣмъ Гражданамъ.

Мѣлкой Народъ, занятъ единственно недостаточною жизнью, не приставалъ къ симъ высокимъ требованіямъ. Патрикіи, съ другой стороны, спорили тому всегда съ великою смѣлостью и твердостью. То былъ въ теченіе многихъ лѣтъ безпрестанной споръ между Сенатомъ и Народными Трибунами. На конецъ слезы одной женщины исхитили то чего Трибуны не могли получить со всѣмъ

своимъ краснорѣчїемъ, ни происками ни заговорами: и такъ должно удостовѣриться что сей хитрой полъ тогда имѣетъ наиболѣ силы, когда употребляетъ собственную свою слабость къ успѣху своихъ намѣренїй. Слѣдующее произшествїе свойственное къ Исторїи, которую я писать предпринялъ, докажетъ оное.

382 годъ. Маркъ Фабїй Ам[illegible]устъ, сверьхъ трехъ сыновей упомянутыхъ при описанїи войны съ Галлами, имѣлъ еще двухъ дочерей, изъ коихъ старшая была въ замужествѣ за Сергїемъ Сулпицїемъ Патрикїемъ породою, и которой тогда былъ военнымъ Трибуномъ; младшая же вышла за богатаго Плебеянина по имени Клавдїя Лицинїя Столона. Въ одинъ день какъ жена сего Плебеянина случилась быть у сестры своей, Ликторъ предшествуя Сулпицїю возвращающемуся въ домъ изъ Сената, стучалъ въ двери своимъ жезломъ съ прутьями, дая тѣмъ знать что самъ Правитель къ себѣ

себѣ идетъ. Нечаянной стукъ въ двери испугалъ жену Лициніеву; Сестра успокоила ее въ томъ нѣкоторою гордою усмѣшкою, которая дала чувствовать испуганной различность ихъ состояній. Тщеславіе Плебеянки жестоко тронуто было унижающимъ ее различіемъ, и произвело въ ней унылую задумчивость. Отецъ ее, и мужъ часто спрашивали ее о причинѣ унынія, но не могли довѣдаться. Она упрямымъ молчаніемъ долго оставляла ихъ въ неизвѣстности. Сіи двое Римляне, кои безмѣрно ее любили, усугубили свои прозьбы и всячески старались вывѣдать ее тайну. На конецъ, по долгомъ сопротивленіи какое она употребила нарочно къ возбужденію ихъ любопытства, показала видъ какъ будто не могла отказать имъ въ требованіи. Она призналась имъ со слезами и съ нѣкоторымъ смятеніемъ, что печаль ее въ гробъ вгонитъ, естьли она происходя отъ одной крови съ своею

 сестрою,

сестрою, не увидитъ своего мужа въ томъ же достоинствѣ какое имѣетъ его шуринъ.

Фабій и Лициній, къ утѣшенію ее, дали крѣпкіе ей обѣщаніи употребить всѣ силы чтобъ возвести домъ ее на туже степень чести какою пользуется сестра ее; и не умѣривая себя въ исканіи одного только военнаго Трибунства, они нацѣлили свое желаніе вдругъ на самое Консульство. Тесть, не взирая что былъ Патрикій, присоединился къ своему зятю; и частью въ угожденіе своей дочери, частью же въ отмщеніе за смерть сына котораго Сенатъ оставилъ, онъ вступилъ въ подкрѣпленіе прозьбы, противу пользы своего Общества. Лициній и онъ подговорили на свою сторону Луція Секстія Плебеянина же породою, равно почтеннаго и мужествомъ своимъ и краснорѣчіемъ, твердаго защитника правъ Народныхъ, и которому, по собственному признанію Патрикіевъ,

недо:

недоставало только знатной породы къ полученїю всѣхъ высокихъ чиновъ въ Республикѣ.

Клавдїй Лициний и Луцїй Секстїй согласились въ началѣ просить Трибунство Плебеянское, чтобъ тѣмъ сдѣлать нѣкоторой шагъ для лучшаго доступленїя къ высочайшему Началовластїю. Прозьба ихъ безъ затрудненїя была исполнена. Едва они ступили на сїю первую степень Начальства, то начали стараться содѣлать Консульство общимъ между обѣими частьми Республики. Къ достиженїю же онаго, и дабы воспрепятствовать чтобъ Сенатъ, своею повѣренностью въ Народѣ, не поставилъ двухъ Патрикїевъ вдругъ на оба мѣста Консульскїя, они умыслили составить Законъ въ такой силѣ, чтобъ въ одно изъ сихъ двухъ мѣстъ не могъ входить другова состоянїя человѣкъ кромѣ Плебеянина.

Надлежало поступить такъ чтобъ все Народное Общество находило въ

томъ свою пользу, что неудобно было по тогдашнимъ обстоятельствамъ, поколику людство болѣ напоено было надеждою поземельнаго раздѣла и заплаченія долговъ, нежели прельщалось Консульскимъ Достоинствомъ, которое могло приносить пользу однимъ только знатнымъ и богатымъ домамъ между Плебеянами. И такъ оба Трибуны согласились связать вмѣстѣ, такъ сказать, сіи разные предложеніи, и произвесть въ дѣйство Законъ о Консулахъ при установленіи и подъ защитою другова Закона о поземельномъ раздѣлѣ: къ тому прибавили они третій не менѣ выгодный людству, который бы прекратилъ тягостное Народу лихоимство. Ради того они умыслили предложеніе: вычесть изъ суммы долговъ ту часть, которая слѣдовала займодавцамъ по начоту безмѣрной лихвы, истинные же деньги заплатить имъ въ три года и въ три равные времена.

Пред-

Предписанїе втораго Закона содержало раздѣлЪ завоеванныхЪ земель: всегдашнїй корень несогласїя между СенатомЪ и НародомЪ. Трибуны предусмотрѣли что все Общество Патрикїев, и такЪ же богатые Плебеяне владѣя изЪ давна землями, не преминутЪ востать противу сего предложенїя, и что ихЪ спорЪ можетЪ воспрепятствовать успѣху Закона касающагося до Консульства; по сей причинѣ они ограничили свое требованїе такЪ чтобЪ по меньшей мѣрѣ запрещено было впредь владѣнїе земель болѣ пяти сотЪ удѣловЪ, или десятинЪ; чтобЪ излишняя за тою мѣрою отрѣзана была у богатыхЪ, и разпредѣлена на тѣхЪ кои не имѣютЪ никакова вЪ земляхЪ владѣнїя.

На послѣдокЪ вЪ третьемЪ Законѣ наиважнѣйшемЪ для ТрибуновЪ, было написано не избирать болѣ военныхЪ ТрибуновЪ, а возставить Консульство со всѣми его преимуществами, и единЪ изЪ КонсуловЪ да будетЪ всегда постав-

ставленъ отъ Плебеянскаго Общества.

Сiи два Трибуны, предложили означенные Законы въ Первомъ собранiи. Ни когда раздѣленiе, происки и заговоры не были производимы съ такимъ жаромъ. То былъ ударъ вмѣстѣ и Сенату и Вельможеству, уязвляющiй самыя стремительныя желанiи человѣческiя, равно ударъ богатству и чести. Цѣлое Общество Патрикiевъ крѣпко восстало противу сихъ предложенiй; Народъ съ своей стороны подкрѣплялъ Трибуновъ ревностно. Въ обѣихъ же обществахъ нашлись и такiе которые оставя свою перебѣгали на другую сторону. Богатый Плебеянинъ, измѣнивъ пользѣ своего Общества, притяжанiемъ богатства, боялся чтобъ не отняли у него часть имѣнiя; знатной человѣкъ или Патрикiй напротиву того имѣя во владѣнiи малую частицу Закономъ предписанную, охотно соглашался на предложенiе, по колику чаялъ угодить

дить тѣмъ Народу, и достичь его помощью къ первымъ достоинствамъ республики. Городъ наполненъ былъ смяшенїемъ и раздоръ всюду Царствовалъ; домы и роды стали быть сами съ собою въ раздѣленїи. Каждый бралъ сторону по своимъ видамъ и пользѣ, и Римъ находился въ семъ волненїи, какое обыкновенно предслѣдуетъ бунту и междоусобной брани.

Собранїе распущено и ни чево въ немъ рѣшено не было. Двое же Трибуны Начальники неудовольствованной стороны, употребили время прошедшее до будущаго Собранїя въ скопахъ и заговорахъ, чтобъ имѣть въ подпору болѣ голосовъ отъ людства. Сенатъ, съ своей стороны производилъ множество Совѣтовъ и обще и особенно. Напослѣдокъ прибѣгнулъ къ средству какое онъ уже употреблялъ съ великою пользою: то есть преклонилъ на свою сторону нѣкоторыхъ Народныхъ Трибуновъ. Сїи, ревнуя что Лицинїй и Секстїй захватывали

подъ

подъ себя всю власть ихъ Общества, скрытно обнадѣжили Сенатъ ихъ сопротивленіемъ. Лициній и Секстій не вѣдая о семъ согласіи, созвали Собраніе въ твердомъ чаяніи что Законы ихъ приняты будутъ безпрепятственно. Они приказали ихъ прочесть, и въ самое то время приглашали всѣхъ Трибуновъ дать свои голоса. Но Трибуны подговоренные Сенатомъ, встали тотъ часъ и объявили что они точнымъ обр омъ тому сопротивляются.

Сказано уже было что ни какое предложеніе Трибуновъ не могло быть принято, есть ли хотя одинъ изъ ихъ Общества воспротивится оному, и спорящій сохранялъ право и власть свою симъ только Латинскимъ словомъ, вето, *не позволяю*: словомъ которое толь сильно было изъ устъ Плебеянскихъ Начальниковъ, что не имѣя нужды доказывать по чему они спорятъ, они могли симъ останавливать равно опредѣленіи Сената какъ и предложеніи другихъ Трибуновъ. И

И такъ Законы были отринуты къ удовольствію Сената. Но Секстій, хотя пораженъ былъ невѣрностью своихъ Товарищей, не уронилъ однако своей твердости и тотъ часъ предприявъ свои мѣры: „Боги да сохра-„нятъ меня, говорилъ онъ, чтобъ я „нарушилъ наилучшее право Народа, „хотя Товарищи мои употребляютъ „его нынѣ вопреки оному. Но когда „сопротивленіи имѣютъ столько силы, „то я взаимно стану пользоватъ-„ся ими.„ По томъ обратясь къ Сенату и Патрикіямъ: „Дѣлайте Го-„спода, продолжалъ онъ, столько Со-„браній сколько вамъ угодно для из-„бранія военныхъ Трибуновъ; я вамъ „покажу что сіе слово ВЕТО, которое „вамъ толь пріятно нынѣ изъ устъ „моихъ Товарищей, не будетъ нравно „въ моемъ произношеніи.

Сіи угрозы самымъ дѣломъ исполнены были; ибо когда надлежало избирать новыхъ военныхъ Трибуновъ, Лициній и Секстій велегласно проти-

тивились всякому избранію, и умѣли къ тому утвердить себя въ безсмѣнномъ Плебеянскомъ Трибунствѣ. Они производили всегда равное сопротивленіе пять лѣтъ сряду, такъ что республика безъ Правителей отъ упрямства обоихъ сторонъ, премѣнилась въ нѣкоторой родъ Анархіи, которая прерывалась только поставленіемъ много разъ междовремяннаго Царя, но и сіи опыты, для изысканія средства къ примиренію, безполезны были.

Между тѣмъ внѣшняя война, но не столько опасная какъ домашнее несогласіе, приспѣла такъ сказать въ помощь къ Сенату. Велитрскіе жители произвели набѣги на земли республики, и напослѣдокъ осадили Тускулъ союзный Городъ Римскаго Народа. Какъ надлежало неминуемо послать войско на супротиву неприятельскаго нашествія, то два помянутые Народные Трибуны принуждены были отмѣнить свое сопротивленіе,

ленïе, и произведено избранïе военныхъ Трибуновъ долженствовавшихъ выступить въ поле.

Непрiятели были разбиты и Тускулъ освобожденъ отъ осады. Потомъ Римляне съ своей стороны осадили Велитръ: но какъ сей Городъ не былъ взятъ Полководцами начавшими осаду, то должно необходимо было избрать новыхъ военныхъ Трибуновъ. Лицинïй и Секстïй въ невозможности тому препятствовать, употребили способъ вмѣстить въ сïе избранïе Фабïя Амбуста, тестя Лицинïева.

Сïи два человѣка, искусны, предпрïимчивы и подкрѣпляемы военнымъ Трибуномъ, самовластно господствовали во всѣхъ Собранïяхъ. Они представляли Народу, что въ Республикѣ всѣ чины долженствуютъ быть равнымъ награжденïемъ достоинства, безъ предпочтенïя породы или богатства. Секстïй же имѣя съ природы даръ краснорѣчïя, и указывая на Сенатъ и Патрикïевъ, гордо спрашивалъ

 валъ

валъ у нихъ, могутъ ли они не быть довольны пятью стами десятинъ, когда предки ихъ не имѣли болѣ какъ по двѣ десятины на каждую семью, и когда большая часть Народа и нынѣ такимъ же малымъ удѣломъ довольствуются. „Но сей, говорилъ „онъ, не равной раздѣлъ между Гра„жданами единой Республики, произ„водитъ то, что Народъ стонетъ „отъ лихоимства, и что мы видимъ „вседневно свободныхъ людей въ око„вахъ, влачимыхъ въ темницу какъ „невольниковъ. И не можно, продол„жалъ онъ, никакъ ласкать себя, „чтобъ богатые умѣрили свою жад„ность, ни чтобъ Патрикіи отсту„пили сколько нибудь отъ своей Ти„ранской власти, которую они раз„простираютъ надъ нашимъ имѣні„емъ и надъ нами; не можно, повторю „я, безъ сего единаго способа, чтобъ „Народъ имѣлъ довольную твердость „учредить и ставить одного Консу„ла изъ своего общества, которой „былъ

„былъ бы попечителемъ его въ нуж-
„дахъ и покровителемъ его вольности.

Въ то же время какъ Секстій таковыми и тому подобными рѣчами поощрялъ ожесточеніе Плебеянъ противу Сената, друзья его и сообщники преклонили къ нему противныхъ его Товарищей, кои напослѣдокъ ему не спорили. Секстій преодолѣвъ сіе препятствіе созвалъ Народное собраніе. Сенатъ, пораженъ измѣною Трибуновъ не сдержавшихъ своего слова, прибѣгнулъ, какъ въ наивеличайшемъ нещастіи республики, къ поставленію Диктатора. Всѣ Сенаторы единодушнымъ выборомъ вручили сіе Достоинство Камиллу. То уже было въ четвертый разъ, что его наименовали Диктаторомъ. Но въ сихъ обстоятельствахъ онъ съ нуждою принялъ таковое званіе. Не будучи пристрастенъ ни къ Вельможамъ, ни къ Народу, и единственно прилѣпленъ къ цѣлому обществу республики, онъ не былъ склоненъ пристать къ ко-

торой либо сторонѣ; но всѣ люди столько ожесточены были, Трибуны же столько упрямы и дерзостны, что не льзя было надѣяться привести ихъ въ должность добрыми совѣтами. Два Трибуна привлекши къ себѣ своихъ Товарищей, кои болѣ имъ не спорили, чаяли что Законы ихъ конечно будутъ приняты. Между тѣмъ Диктаторъ, чтобъ помѣшать Трибунамъ и выиграть по крайней мѣрѣ время, приказалъ обнародовать Указъ повелѣвающїй римскому народу собраться на Марсово поле, и на войну за нимъ слѣдовать.

Сей Указъ произшедшїй отъ Начальника властнаго въ животѣ и смерти Согражданъ своихъ, сильно Народъ востревожилъ. Трибуны, чтобъ успокоить людство, имѣли дерзость грозить Диктатору, что онъ осужденъ будетъ къ взысканїю пятидесяти тысячь драхмъ (*), естьли не оста-

(*) Драхма, Греческая монета, стоила около того какъ гривна.

оставитъ своего Указа. А между сими спорами прошелъ день, настала ночь, и тѣ кои не взирая на Указъ Диктаторовъ находились въ Собраніи съ Трибунами, принуждены были возвратиться ничего неуставя: Диктаторъ же того и желалъ во первыхъ. Онъ сложилъ по томъ свое Достоин- 385. ство; можетъ быть чувствуя уста- годъ. рѣлость возраста, и можетъ быть помня къ тому свое изгнаніе, онъ не хотѣлъ завезаться вновь съ неистовыми; или, что достовѣрнѣе полагаетъ Титъ Ливій, какъ сказано ему было, что примѣченъ нѣкоторой недостатокъ въ обрядѣ Авспицій при поставленіи его Диктаторомъ. Извѣстно сколь далеко простиралось суевѣріе Римлянъ въ сихъ набожныхъ примѣчаніяхъ. Грубость и невѣжество равно какъ храбрость были главнымъ ихъ свойствомъ. Естьли Авгуръ въ своихъ предварительныхъ возглашеніяхъ ошибся въ какомъ либо словѣ; естьли покровъ спадывалъ у него съ голо-

вы; естьли онъ самъ вставалъ или садился не по предписанной точности и не во время: упущенїе наималѣйшаго изъ сихъ обрядовъ между безчисленнымъ множествомъ другихъ, уничтожало всѣ вершенїи или избранїи производимыя послѣдственно сему Богодухновенному отправленїю, и тотъ кто оказывалъ небреженїе къ Авгурамъ почитался Богоотступникомъ и святоборцемъ. По чему не удивительно, естьли толь набожный Правитель каковъ былъ Камиллъ, не возжелалъ болѣ продолжать своего званїя, которое было ему ввѣрено противу правила и предразсудковъ его Вѣры. Къ увѣренїю же, что онъ не отъ страха народныхъ Трибуновъ оставилъ свое Достоинство, въ послѣдствїи видно, что мало времяни спустя, онъ вновь принялъ оное, и въ ту пору, когда споръ о Консульствѣ не былъ еще конченъ.

Между тѣмъ Сенатъ въ толь важномъ обстоятельствѣ, о каковомъ выше сказано, не могъ обойтись безъ

Дикта-

Диктатора, коего власть была потребна къ прекращенію происковъ и заговоровъ Трибунскихъ; по чему онъ вручилъ сіе Достоинство Приску Манлію, который до того времяни казался быть усерденъ къ пользѣ своего Общества. Но сей Правитель выборомъ Полководца надъ Конницею далъ примѣтить свою скрытную склонность къ сторонѣ Народной; ибо названный имъ въ сей чинъ былъ Плебеяниномъ по имени Клавдій Лициній. Истинна проницала сквозь завѣсу наружности, хотя сему чрезвычайному и небывалому еще наименованію, онъ далъ видъ нѣкоторой справедливости, представя, что сей Клавдій Лициній былъ уже прежде въ Достоинствѣ военнаго Трибуна (чемъ онъ виденъ отъ другаго Клавдія Лицинія Столона, которой былъ простымъ только народнымъ Трибуномъ.) И еще къ извиненію своего выбора Диктаторъ уважалъ нѣкакой союзъ бывшій между его и Лициніевымъ домами. Сіе доказы-

казываетъ сколь рѣдко бываетъ постоянна вѣрность людей въ Государственныхъ возмущенїяхъ, по причинѣ тайныхъ согласїй между Гражданами одного Города, хотя разныхъ степеней. Секстїй не имѣя опасности отъ Диктатора ни отъ Полководца Конницы, ласкался щастливо достигнуть къ концу всѣхъ своихъ намѣренїй. Онъ распространялъ свое краснорѣчїе во всѣхъ Собранїяхъ, дабы вдохнуть Народу свое властолюбїе. Но людство желая только жадно раздѣла земель и нѣкотораго облегченїя въ долгахъ, оказывало совершенное равнодушїе для приобрѣтенїя Консульства. Сей Народъ почиталъ всегда въ породѣ Патрикїевъ знаменитую кровь толь многихъ Полководцевъ, подъ предводительствомъ которыхъ онъ обыкъ сражаться и побѣждать.

Двое Трибуны, въ оскорбленїи отъ сей холодности, притворились что будто не хотятъ болѣ въ дѣла вступаться. Они отрекались такъ же оба

представлять себя въ число избираемыхъ при избранiи какое слѣдуетъ быть для поставленiя на будущiй годъ новыхъ Трибуновъ. Секстiй твердилъ во всѣхъ Собранiяхъ, что онъ и Товарищь его безполезно состарѣлись въ семъ званiи; что девять лѣтъ они имѣютъ безпрестанную тяжбу съ Сенатомъ за пользу Народа, которой не далекъ отъ того, чтобъ ихъ оставить; что Плебеяне охотно желаютъ войти въ раздѣлъ земель и такъ же имъ любо отъ долговъ избавиться, но что когда доходитъ дѣло до чести ихъ Начальниковъ и до награжденiя какое имъ принадлежитъ за ихъ услуги, то всѣ оказываютъ холодность и равнодушiе. Напослѣдокъ Секстiй безъ закрытiя своего намѣренiя: „знайте, говорилъ Народу, „что наши предложенiи одно съ другимъ не раздѣльны. Должно, чтобъ вы „рѣшились одобрить ихъ вмѣстѣ; и „естьли мы вашими голосами не можемъ получить Консульства, то вы

„не будете имѣть ни завоеванныхъ „земель, ни сбавки долговъ вашихъ; „объявляю же вамъ къ тому, что мой „Товарищь и я откажемся тогда отъ „должности, отъ которой мы не получили ничего, кромѣ неблагодарности.„

Бывшіе при томъ Сенаторы и Патрикіи чрезмѣрно удивились наглости, съ которою сей дерзновенной Трибунъ всенародно давалъ знать свое властолюбіе. Аппій Клавдій внукъ Децемвировъ вступилъ въ рѣчь обратясь къ Народу: „можетель вы, говорилъ онъ, хотя сколько нибудь „примѣтить, что Трибуны ваши про„изводили всѣ возмущеніи для своей „пользы? Вы видите, что сіи новые „Тарквиніи безстрашно грозятъ вамъ, „что вы не будете имѣть земель, ни „республика Правителей, естьли они „не получатъ Консульства.

Народъ хотя чувствовалъ всю гордость и позоръ сего поступка, но поздно уже было отступать ему отъ своего обязательства. Простое людство,

ство, боясь потерять своихъ защитниковъ, обѣщалось клятвенно слѣдовать слѣпо ихъ волѣ. Съ таковымъ только условіемъ сіи два Начальника снисходительно согласились ко вступленію паки въ Трибунство. Гордые властолюбцы имѣли хитрость содѣлать себѣ еще новое достоинство продолженіемъ ихъ власти и начальства.

Сенатъ и Вельможество почувствовали нѣкоторой ужасъ отъ сей дерзновенности двухъ человѣкъ, кои безсмѣнно вступали въ прежніе должности. Хотя они долженствовали по установленію отправлять ихъ въ одно только годовое время, но они содѣлывали ихъ наслѣдственными въ родѣ. Сенаторы укоряли себя въ своей слабости и не могли мыслить безъ огорченія, съ какимъ ущербомъ власти они оставятъ потомкамъ сіе Достоинство, которое они получили отъ своихъ предковъ. Весь Городъ былъ въ движеніи, и жители готовы были принять оружіе одни противу дру-

другихъ; но вдругъ принуждены стали обратить оное встрѣчу Галламъ, кои отъ берега Адріатическаго моря приближались къ Риму, на отмщеніе за своихъ разбитыхъ прежде единоземцовъ.

Толь страшные неприятели прекратили на время несогласіи, кои раздирали Республику. Не было болѣе спора о способности и храбрости между Патрикіями и Плебеянами. Общая гибель, наивѣрнѣйшая споручница истиннаго достоинства, соединила всѣ желаніи, и Трибуны Народные
386 просили Камилла въ Диктаторы, столь
годъ. доброхотно какъ и Сенатъ. Онъ былъ уже тогда въ пятой разъ возведенъ на сію высочайшую степень Достоинства. Побѣда, подъ предводительствомъ толь великаго Полководца, была не многотрудна и несомнительна. Галлы побѣждены; великое число ихъ пало подъ мечемъ на мѣстѣ побоища, остатокъ же разсыпанный бѣгствомъ, и внѣ состоянія паки

соеди-

соединиться, избитЪ земледѣльцами. КонецЪ сей войны былЪ началомЪ новаго смятенія внутри Области, и старые споры вновь возродились. Помянутые безсмѣнные Трибуны Лицинїй и Секстїй, вознамѣрились исхитить Консульство во что бы то ни стало. Они созвали для того Народное Собранїе, и не теряя времяни вЪ обыкновенномЪ ихЪ разпространенїи рѣчей приказали собирать голоса. ДикταторЪ вЪ послѣдованїи всего Сената, прибывЪ на сборищное мѣсто, хотѣлЪ воспрепятствовать оному; но Трибуны, не имѣя болѣ подобострастїя ни кЪ ЗаконамЪ, ни кЪ первому Достоинству Республики, послали Ликтора взять Камилла и весть вЪ темницу. Таковое покушенїе противу Высочайшаго Правителя, подвигло все благородное Общество: ни когда еще не было вЪ Римѣ толь великаго смятенїя. Патрикїи отталкиваютЪ Ликтора, а вЪ тоже время Плебеяне подкрѣплять его нудятся. Обѣ стороны

стро-

строятся каждая къ одной сторонѣ сборища, и въ малѣ не начали боя. Въ толь крайнемъ смятенiи, Диктаторъ повелѣваетъ сказать Трибунамъ, чтобъ они на минуту прекратили свое звѣрство. Онъ призываетъ къ себѣ всѣхъ Сенаторовъ, и отводитъ ихъ въ ближнiй Храмъ, чтобъ тамъ предприять послѣднiя мѣры. Но предъ вступленiемъ въ оный, онъ обратился къ Капитолiю, и призывая въ помощь Боговъ положилъ обѣщанiе, построить Храмъ Богинѣ согласiя, естьли онъ можетъ возставить союзъ между своими Согражданами.

Сенаторы имѣли жестокiе споры о мѣрахъ какiе принять надлежало; но какъ опасность превозмогала надъ спорами и Народъ въ неистовствѣ угрожалъ оставить Римъ, то наиболѣ примирительное и наиболѣ приличное по обстоятельству мнѣнiе, принято было по большинству голосовъ. Напослѣдокъ общимъ согласiемъ уступлено одно изъ Консульскихъ мѣстъ

Наро-

Народу. Секстій былЪ первый Плебеянинъ, который возшелЪ на степень сего Достоинства, а мало времяни спустя и Лициній вступилЪ вЪ его мѣсто. Патрикіи же сЪ своей стороны, изтребовали установленіе двухЪ новыхЪ Должностей, кои имЪ особо были преповѣрены, изключительно отЪ Народа, и такЪ какЪ бы вЪ замѣну потеряннаго Консульства.

Первая была *Претура*, уставленная для отправленія суда вЪ Городѣ: Должность сія встарь принадлежала Консульству, но Консулы имѣли много неудобностей исполнить оную, наипаче лѣтомЪ, когда они обыкновенно прибывали вЪ полѣ надЪ войсками. И такЪ Претура почиталась подмогою Консульства и вторымЪ ДостоинствомЪ Республики. Спурій Фурій сынЪ ДиктаторовЪ, былЪ первый ПреторЪ Римской, и вЪ семЪ званіи ему позволены были, чиновная одежда, то есть сЪ красными по краямЪ отворотами, *Курульные кресла* и шесть

Дикто-

Ликторовъ, кои носили передъ нимъ прутья: чемъ онъ отличался отъ Консула, ибо сей имѣлъ двенатцать Ликторовъ. И какъ Диктаторъ имѣлъ при себѣ подчиненнаго Намѣстника Полководца Конницы, Консулы же имѣли своихъ особыхъ Намѣстниковъ, равно такъ и Преторъ имѣлъ въ своихъ повелѣніяхъ Квесторовъ, кои особо отъ него зависѣли, и на которыхъ онъ полагалъ частное дѣлъ отправленіе.

Вторая должность уставленная въ пользу Патрикіевъ была, *верхнее Едильство*, такъ названное для отличенія отъ Плебеянскаго Едильства учрежденнаго въ одно время съ Народными Трибунами, кои почитали сихъ Едиловъ такъ какъ Намѣстниками подчиненными Трибунству. Называлась еще сія должность Курульнымъ Едильствомъ, потому что имѣвшіе оную могли, равно какъ Консулы и Преторы, велѣть носить себя въ нѣкоторомъ сѣдалищѣ украшенномъ

бѣлою

бѣлою костью и рѣзьбою, что называли *Курульными креслами.*

Первые Едилы Патрическіе были, Кней Квинтій Капитолинъ, и Прискъ Корнелій Сципіонъ. Подъ ихъ вѣдомствомъ состояли Храмы, Театры, Игры, Народные мѣста, рынки, судебные Трибуналы, и содержаніе Крѣпости. Они имѣли должность смотрѣть, чтобъ не было въ Вѣрѣ какого либо новаго введенія: равно надзирать надъ Книгами и Театральными сочиненіями, кои въ Свѣтъ выходили. Сія должность, отправляемая всегда двумя Патрикіями, была нѣкоторою степенью къ полученію Претуры и Консульства.

На конецъ, по установленіи Консуловъ, Претора и Курульныхъ Едиловъ, Законъ касающійся до общихъ земель былъ принятъ, по колику то было одно средство къ утишенію Народа и возстановленію союза въ Области.

Сей Законъ, названный *Лициніевъ*, отъ Клавдія Лицинія Столона составившаго оный, содержалъ въ себѣ слѣдующее предписаніе.

Никто изъ Гражданъ, подъ какимъ бы то видомъ ни было, впредь да не можетъ имѣть во владѣніи болѣ пяти сотъ десятинъ завоеванной земли; остатокъ же за сею мѣрою да будетъ розданъ безденежно или проданъ за малую цѣну бѣднымъ Гражданамъ.

Въ сей раздачѣ земли, да будетъ опредѣлено, по меньшей мѣрѣ семь десятинъ поголовно на каждаго Гражданина.

Работники или невольники да будутъ содержаны не болѣ нѣкотораго ихъ числа, какое предпишется для обработанія земель оныхъ.

Число скота да будетъ равномѣрно ограничено, по количеству земель каждаго, и самымъ богатымъ запрещается содержать или высылать на общія паствы болѣ ста скотовъ рогатыхъ,

ратыхъ, и болѣ пяти сотъ овецъ.

Да будутъ немедлѣнно наименованы три Комисара, для дѣйствительнаго исполненія сего Закона, но тотъ, который составлялъ оной, да не будетъ названъ въ число Триумвировъ, то есть въ число исполнителей составленнаго имъ Закона.

Въ заключеніе же Сенатъ, рыцари и Народъ да обяжутся клятвеннымъ обѣщаніемъ соблюдать Законъ сей; естьли же кто нарушитъ оный, да будетъ осужденъ ко взысканію десяти тысячь ассовъ, или десяти тысячь римскихъ копѣекъ.

Законъ въ началѣ соблюдаемъ былъ съ крайнею точностію, какъ большою частью исполняются новые установленіи. Самъ издатель Закона, Клавдій Лициній Столонъ, первый изъ римлянъ осужденъ къ платежу должной суммы за нарушеніе онаго. На него доказано было, что онъ болѣ тысячи десятинъ имѣлъ земли за собою; и хотя избывая отъ строгости За-

коновъ,

коновъ, онъ раздѣлилъ ее съ своимъ сыномъ, которому далъ особое владѣнie въ семъ видѣ, но таковая особность почтена неправильною, и учиненною хитро во вредъ Закона. Половина земель его отмѣжевана и раздѣлена на части бѣднымъ Гражданамъ; сверьхъ того взыскано съ него въ казну десячь тысять копѣекъ (*). Онъ узналъ собственнымъ опытомъ, что въ вольномъ правленiи люди не терпятъ, чтобъ Начальники освобождали себя отъ наблюденiя Закочовъ, кои они подчиненнымъ предписываютъ. Но какъ нѣтъ такихъ строгихъ наказанiй, отъ коихъ бы корыстолюбiе и любостяжанiе человѣческое не избывало, то наиболѣ богатые и знатные между Римлянами, нашли послѣ способъ укрѣпить себѣ общiе

(*) У Римлянъ золотая копѣйка имѣла тысячу Сестерсовъ, а каждой Сестерсъ стоилъ четверть Динарiя или Сребреника; Динарiй же содержалъ въ себѣ двенатцать Ассовъ, какъ бы сказать около десяти копѣекъ.

общїе поля и завоеванные земли подъ чужими именами. Послѣдовавшїе войны противу Латинянъ, Самнитянъ, Галловъ и Карфагенянъ, способствовали симъ похищенїямъ. Законы начали терять свою силу въ ратныхъ обстоятельствахъ. Правители, отъ взаимнаго лакомства должны были прикрывать сїи уставонарушительствы; а на конецъ и не скрывали подлогъ имянъ въ стяжанїяхъ, какъ видно будетъ въ послѣдствїи. Вельможи открыли завѣсу своего притворства, и Законъ Лицинїевъ впалъ напослѣдокъ въ презрѣнїе, Народъ же впалъ въ прежнюю бѣдность.

То было поводомъ къ новымъ возмущенїямъ; онѣ тѣмъ наиболѣ опасны были, что Народъ прибавился въ числѣ и силѣ, и что Вельможи находили случай защищать его пользу, дабы тѣмъ содѣлать себѣ власть въ республикѣ. Но прежде нежели должно вступить въ подробность сихъ раздоровъ, я за необходимо почелъ пред-

ставить прежде, какимъ образомъ Римляне разпространили свое владычество въ Италіи, Сициліи, Гишпаніи, и надъ частью Африки и Азіи. Я опишу оное наивозможно краткимъ повѣствованіемъ, и не отдаляясь отъ Рима, сколько мнѣ позволитъ цѣпь постороннихъ обстоятельствъ быть ближе къ оному, дабы только показать причины разныхъ перемѣнъ произшедшихъ въ Правленіи Республики: въ чемъ состоитъ главная цѣль моего сочиненія.

Конецъ седьмой Книги.

КНИГА. VIII.

Луцій Манлій обвиненъ предъ Народнымъ Собраніемъ въ жестокомъ поступкѣ противу своего сына Тита Манлія. Смѣлый поступокъ Титовъ для избавленія отца своего. Онъ убиваетъ одного Галла чрезвычайной величины, и прозванъ Торкватъ. Валерій Корвъ. По чему онъ такъ названъ. Самнитяне объявляютъ Римлянамъ войну, которая кончится въ пользу послѣднихъ. Первая война Карѳагенянъ съ Римлянами. Послѣ разныхъ со обоихъ сторонъ успѣховъ, Карѳагеняне принуждены просить мира, но получаютъ его съ весма тяжкими для нихъ договорами. Они исправляютъ свои уроны и всчинаютъ вновь войну. Анибалъ воюетъ на Италію,

талію, и приводитъ Римъ въ страхъ близкаго его паденія. Онъ принужденъ возвратиться въ Африку, для обороны своего Отечества. Сципіонъ побиваетъ на голову его войско и беретъ Карѳагенъ. Завоеваніи Римлянъ въ Греціи и Азіи. Трибунство Тиверія Гракха съ безпрестанными Народными возмущеніями. Смерть Трибуна.

Республика наслаждалась внутрь и внѣ Области совершеннымъ спокойствомъ, и Народъ почиталъ изходатайствованное Консульство знатною одержанною побѣдою надъ Сенатомъ и Патрикіями. Но Трибуны не могли возвышать себя не производя новыхъ несогласій въ Республикѣ; по чему разглашали, что Патрикіи за одну только Курульную должность уступленную Народу, получили себѣ три новыхъ Начальства; что они нарочно, и въ свою только пользу уставили Преторское Достоинство, кото-

которое дѣлаетъ ихъ самовластными въ судебномъ отправленіи; что они имѣютъ двухъ Курульныхъ Едиловъ, которыхъ власть уничтожаетъ Право Едиловъ Плебеянскихъ. Они требовали, чтобъ всѣ чины и должности Государственные были общими между Народомъ и благороднымъ Обществомъ; чтобъ одно Достоинство личное имѣло верьхъ въ избраніяхъ, и чтобъ не взирая на степень или породу люди могли избирать безпристрастно, такъ Плебеянъ какъ и Патрикіевъ, во всѣ не только градскіе должности, но и въ самые должности Богослуженія. Таковы были обыкновенные рѣчи, коими сіи безпокойные Трибуны увѣщевали людство въ своихъ Собраніяхъ. При томъ они не упускали возносить высокими похвалами наималѣйшіе добрые дѣла Плебеянъ, и въ то же время старались унизить и недостойно огласить все то, что Патрикіи дѣлали въ сущую пользу Республики. Старались такъ

 же

же развѣдывать и о томъ, что во внутренности домовъ ихъ произходило; и всякому ихъ поступку дая отвратительные виды, а къ тому прилагая и ложь, они дѣлали ихъ, сколько могли, презрительными въ глазахъ Народа.

391 годъ. Симъ образомъ, въ Консульство Квинта Сервилія Агалы, и Луція Генуція, одинъ народный Трибунъ по имени Маркъ Помпоній востребовалъ къ суду Луція Манлія, передъ тѣмъ только оставившаго Диктаторство: подъ видомъ, что сей Патрикій поступалъ съ однимъ изъ сыновей своихъ съ чрезмѣрною жестокостью. Оный сынъ Манліевъ по имени Титъ былъ отъ рожденія косноязыченъ; и какъ изъ самого своего дѣтства онъ не подавалъ надежды въ снисканіи разума, то отецъ его сослалъ въ одинъ загородной домъ, гдѣ онъ упражнялся въ земледѣліи и протчихъ полевыхъ работахъ: что было еще въ то время въ обычаѣ у Римлянъ. Однако Помпоній

поній хотѣлъ поставить то въ преступленіе Манлію, который сверьхъ сего не былъ приятенъ Народу, отъ строгости какую онъ употреблялъ, когда имѣлъ Гражданское или военное Началовластіе. Доносъ произведенъ былъ съ такимъ усиленіемъ, что всѣ почитали Манлія какъ будто уже осужденнымъ къ знатному денежному взысканію.

Титъ Манлій свѣдавъ о нещастьи, въ какомъ отецъ его находился по причинѣ его ссылки, выходитъ одинъ изъ своей деревни рано по утру, является въ Римъ, и идетъ къ воротамъ Трибуна которой лежалъ еще на постелѣ. Онъ приказываетъ ему сказать что Манліевъ сынъ хочетъ съ нимъ говорить о такомъ дѣлѣ которое не терпитъ замедленія. Трибунъ чаялъ что онъ пришелъ, или благодарить его за милость съ какою онъ вступился въ его ссылку, или можетъ быть предъявить ему еще новые доказательствы противу жесто-

стокости своего отца, а потому и велѣлъ впустить его. Манлій поклонясь ему, просилъ чтобъ онъ позволилъ поговорить съ собою безъ людей; Трибунъ выслалъ тотъ часъ вонъ своихъ домашнихъ. Тогда сей молодой человѣкъ приставилъ ему кинжалъ къ горлу, и пригрозилъ его зарѣзать, естьли онъ не обѣщается самыми священными клятвами отстать отъ иска которой онъ произвелъ противу отца его. Трибунъ устрашась предстоящей ему смерти, далъ всѣ клятвы въ угодность Манлію. Но какъ скоро сей молодой человѣкъ его оставилъ, то онъ пошелъ принесть въ томъ жалобы передъ Народнымъ Собраніемъ, и просилъ чтобъ разрѣшенъ былъ отъ учиненной имъ клятвы. Народъ имѣя болѣ великодушныя чувства, судилъ о томъ инымъ образомъ: онъ запретилъ Трибуну, доброхотствуя къ сыну, тревожить отца своимъ судебнымъ искомъ; и въ награжденіе толь истинной сыновней любви къ

роди-

родителю молодой Манлій названъ былъ Легіоннымъ Трибуномъ: въ тотъ чинъ, которой прежде раздавали главные Полководцы, и которымъ послѣ Народъ разполагалъ по своему выбору.

Титъ Манлій скоро оказалъ себя дѣлами достославнаго мужества, сколь онъ достоинъ былъ помянутой чести. Сиз-Альпинскіе Галлы поправясь въ силахъ къ отмщенію своего разбитія, разположили свой станъ за пятнатцать верстъ отъ Рима, не далеко отъ моста на рѣкѣ Теверонѣ, въ Консульство Луція Сулпиція, и Клавдія Лицинія Калва, того самого который во время своего Трибунства вспомоществовалъ Секстію ввести Консульство въ Плебеянское Общество. 392 годъ.

По слуху приближенія сихъ страшныхъ неприятелей, тотчасъ наименованъ былъ Диктаторъ; то былъ Титъ Квинтій Пенъ, и онъ выбралъ въ Полководцы надъ Конницею Сергія Корнелія Малугинензія. Римляне подъ пред-

предводительствомъ сихъ Полководцевъ были скоро такъ же на берегу Теверона: одна только рѣка раздѣляла ихъ съ неприятелями. Нѣкто Галлъ чрезвычайной величины, которой болѣ походилъ на Гиганта, нежели на человѣческой образъ, вышелъ на мостъ и вызывалъ къ себѣ на бой самого храбраго изъ Римлянъ. Ужасная огромность его тѣла приводила въ страхъ и самыхъ безстрашныхъ: одинъ только Манлій почиталъ сей бой достойнымъ своего мужества. Онъ просилъ на то позволенія у своего Полководца: „Я надѣюсь, говорилъ онъ, „показать сему чудовищу; что я „произхожу изъ рода опаснаго всѣмъ „Галламъ, изъ такого рода, котора„го Начальникъ давно уже бросалъ Гал„ловъ съ верьху Капитолія.„ *Ступай*, сказалъ ему Диктаторъ, *и покажи столько смѣлости для славы твоего Отечества, сколько явилъ ты ее въ защищеніе отца своего.* Двое богатыри скоро въ бой вступили, и Титъ Ман-

лій

лій соединяя проворство съ храбростью убилъ своего страшновиднаго непріятеля. Когда же сей поверженъ былъ мертвъ къ ногамъ побѣдителя, то онъ снялъ златую цѣпь у него съ шеи, и надѣлъ на свою какъ знакъ одержанной имъ побѣды. Отъ сего случая онъ получилъ названіе *Торквата*, которое послѣ приняли себѣ въ честь и его потомки.

Неуспѣхъ сего богатырскаго побоища былъ толь худымъ предзнаменованіемъ въ войнѣ для Галловъ, что они оставили ночью свой станъ и поспѣшно вспять возвратились.

Нѣсколько лѣтъ спустя новое войско Галловъ появилось на земляхъ Римскихъ. Консулъ, Луцій Фурій Камиллъ, сынъ Диктаторовъ, вышелъ вопреки онымъ, и Маркъ Валерій имѣлъ равное щастье какъ и Манлій, поразить другаго Галла въ особомъ побоищѣ. Сказываютъ, что въ семъ послѣднемъ сраженіи прилетѣлъ воронъ, сѣлъ на шлемъ Валеріевъ, и носомъ и 404. годъ.

кое

когтями помогалъ ему одолѣть неприятеля: а по тому Валерій получилъ названіе Корва, потомки же его приняли названіе Корвиновъ. Но оставимъ то что было чудесно въ семъ произшествіи, а упомянемъ только, что въ сей второй войнѣ общее сраженіе послѣдовало за особеннымъ съ равнымъ окончаніемъ. Галлы были разбиты, и тѣ кои унесли животъ свой отъ сего побоища, попрятались съ земли Римской, и нѣсколько времяни туда не возвращались.

Не одинъ сей Народъ завидывалъ силѣ и завоеваніямъ Римлянъ. Всѣ другіе малые Народы, кои подъ разными именами обитали въ *Латіумѣ* и Тосканіи, вели почти безпрестанную войну съ ними. Самнитяне объявили себя по томъ противу ихъ же, и Римляне никогда не преодолѣли бы тѣхъ и другихъ, естьли бы не имѣли искуства привесть ихъ между собою въ несогласіе. Къ удержанію же на своей сторонѣ наиближайшихъ

жайшихЪ НародовЪ кЪ Риму, они льстили ихЪ названіемЪ союзниковЪ Римскаго Народа; а когда они взяли себѣ подЪ область самые дальніе земли, то обольщенные названіемЪ СоюзниковЪ, сдѣлались нечувствительно завоеванными. Хотя и тогда они сохраняли свое названіе, но Римляне называя ихЪ любезными союзниками поступали сЪ ними какЪ сЪ подданными. Они не смѣли вступать вЪ войну безЪ согласія на то отЪ Римскаго Сената, и принуждены были давать нѣкоторую должную часть войска на вспоможеніе РимлянамЪ, когда оные разпространяли свои границы и свое владычество. ТаковЪ былЪ всегдашній поступокЪ сихЪ хитрыхЪ властолюбителей. Можно видѣть вЪ военныхЪ ихЪ успѣхахЪ цѣль, которую они по своей любоначально предумышленной системѣ никогда не роняли; и должно особо примѣтить, что сіи всегдашніе защитники вольности, были сами нарушители есте-

393 ственнаго Права и Тираны всей Ита-
годъ. лїи. Герники, кои были уже около вѣка въ ихъ подданствѣ, первые предприняли освободить себя отъ сего ига. Всѣ, и даже самые старики приняли оружїе для возвращенїя своей вольности. Имъ вопреки въ началѣ посланъ былъ Генуцїй Консулъ Плебеянской. Онъ былъ первый изъ сего Общества, который повелѣвалъ надъ войсками. Патрикїи и Плебеяне въ разныхъ видахъ съ безпокойствомъ ожидали какой успѣхъ война сїя окажетъ. Генуцїй попалъ на засаду, и тамъ убитъ, равно такъ же большая часть его войска потерена.

Патрикїи возпользовались нещастьемъ Плебеянскаго Консула. Они къ жестокому уязвленїю Трибуновъ, и къ уменьшенїю ихъ началоводства укоряли Народъ, что Боги напослѣдокъ видимо отмстили за оскверненїе Авспицїй, и наказали преступника, который возмѣрясь несправедливымъ Закономъ, дерзнулъ недостойно присвоить

своить себѣ Авспицiи, не будучи Патрикiемъ.

Народъ и его Трибуны въ смятенiи и отчаянiи ничего не отвѣтствовали; надлежало въ сей напасти прибѣгнуть къ поставленiю Диктатора. По желанiю Патрикiевъ названъ былъ въ сiе Достоинство Аппiй Клавдiй внукъ Децемвировъ. Изъ всѣхъ Патрикiевъ онъ наиболѣ сохранялъ отличность своей породы и преимущества своего Общества. Онъ тотчасъ набралъ новое войско, пошелъ на неприятелей, и по долгомъ и кровопролитномъ сраженiи, славную одержалъ побѣду. Я не буду говорить о другихъ малыхъ сраженiяхъ произшедшихъ послѣ съ Привернатами, Фалисками, Тарквинiянами и Велитернiянами. Всѣ сiи Народы не войну производили съ Римлянами а только одни набѣги на ихъ земли; и всегда или побиты были, или просили мира, или запирались въ своихъ Городахъ, не отваживаясь болѣ вновь показыватся. Тосканцы напослѣдокъ за-

заступили ихъ мѣсто и произвели въ сїе время войну противу Римлянъ. То были, какъ уже сказано, совокупные и общїе силы двенатцати Народовъ или двенатцати малыхъ Областей, коихъ вооруженїе могло быть опасно въ общемъ ихъ соединенїи. Сїе вооруженїе имѣло столько важности, что Римляне за необходимо почли назвать Диктатора, которой бы предводительствовалъ ихъ силами; и не взирая на всѣ усиленїи Сената и Патрикїевъ, Клавдїй
397 Марцїй Рутилъ, хотя Плебеянинъ, из-
годъ. бранъ въ сїе Достоинство: онъ назвалъ Полководцемъ Конницы другаго Плебеянина, по имени Клавдїя Плавцїя.

Сенатъ не могши возпрепятствовать избранїю Диктатора Плебеянина, старался всячески послѣ мѣшать его силовооруженїю, и отнять у него способы приобрѣсть славу побѣдителя. Народъ въ противныхъ тому чувствахъ, ревностно другъ предъ другомъ бѣжалъ въ строй къ его знаменамъ: онъ скоро имѣлъ сильное войско.

ско. А какъ онъ былъ доброй воинъ и Полководецъ, то и разбилъ Тосканцевъ, побилъ на голову ихъ войско, взялъ восемь тысячь плѣнниковъ, и по возвращенiи своемъ, не смотря на Сенатъ, получилъ честь Трiумфа. Такимъ образомъ Народъ нечувствительно вступилъ въ раздѣлъ съ Вельможами всѣхъ честей и всѣхъ достоинствъ республики. Онъ имѣлъ уже въ своемъ Обществѣ честь Курульнаго Едильства, хотя Историки не означаютъ имянъ двухъ первыхъ Плебеянъ, кои получили оное. Ѳилонъ, другой Плебеянинъ, нѣсколько времяни спустя вошелъ въ Претуру, и тотъ же Марцiй, о которомъ недавно упомянуто, храбростью своею и добродѣтелью возвелъ себя даже въ Достоинство Ценсора. Съ того времяни, хотя разность между Патрикiями и Плебеянами всегда состояла, но уже не порода, а Курульные чины дѣлали имя Благородiя; и въ послѣдствiи окажутся Плебеяне на ряду съ первыми и высокороднѣйши-

ми въ республикѣ, произходя отъ предковъ, кои возведены были въ сіи Курульные достоинствы.

Римляне, торжествовавъ въ войнѣ надъ Сабинянами, Тосканцами, Латинянами, Герниками, Еквами, Волсками и другими мѣлкими Народами сосѣдственными къ Риму, обратили свое оружїе противу Самнитянъ обитавшихъ въ сей странѣ, которая называется нынѣ Абруза. Сей Народъ былъ свирѣпъ и ратолюбивъ, не уступалъ Римлянамъ ни въ храбрости, ни въ добропорядочномъ содержанїи войска, и равно какъ Римъ, имѣлъ подданныхъ и союзниковъ прилѣпленныхъ къ его благосостоянїю.

410 годъ. Между двумя равномочными и сосѣдственными Областьми, безполезно было бы искать иной причины къ войнѣ, кромѣ взаимнаго соперничества и зависти. И такъ причина, или лучше сказать прицепка къ оной, произошла отъ того только, что Самнитяне предприняли привесть въ подданство Сидисянъ

сянъ и Каповянъ, и что Римляне завидуя усиленїю Самнитянъ, воспротивились ихъ завоеванїямъ.

Война началась отъ Сидисянъ, отъ сей малой Области, которую Самнитяне покорить себѣ хотѣли. Сидисяне просили помощи у Каповянъ, кои вступились за нихъ съ великимъ тщеславїемъ и съ малыми силами. Граждане Капскїе, въ самомъ дѣлѣ, имѣли плодоносную землю, и къ тому торговля умножала каждый день ихъ богатство. Но сїи обогащенїи особыхъ людей производили слабость вообще всей Области. Домы были великолѣпны, но Городъ безъ крѣпости. Роскошь вездѣ господствовала; Купцы гордясь своими деньгами, почитали пышность вмѣсто храбрости и презирали неприятелей, кои не имѣли ихъ богатства.

Сїя надмѣнность и оплошное небреженїе силъ неприятельскихъ привели ихъ въ гибель. Самнитяне уразумѣли, что они побѣдою ихъ приобрѣ-

обрѣтутъ болѣ славы и корысти, нежели могутъ получить отъ войны съ Сидисянами, по чему и обратили свое оружїе противу богатой Области. Сраженїе вскорѣ послѣдовало. Каповяне разбиты были въ двухъ великихъ побоищахъ, въ которыхъ они потеряли всѣхъ своихъ молодыхъ воиновъ. Ничто тогда не воспящало побѣдителямъ подступить къ Городу, который защищаемъ былъ одними только худыми стѣнами и отчаянными жителями.

Правители въ семъ бѣдствїи прибѣгли къ Риму. Они отправили знатное Посольство просить союза и помощи у Римлянъ. Послы ихъ представили Сенату всѣ нужды, какъ для славы его, такъ и для пользы, какїе только могли подвигнуть Республику за нихъ вступиться; представили крайность, въ которую они ввергнуты, и опасную неприятелей ихъ Область, коей силы могутъ еще страшно разпространиться завоеванї-

емъ

емъ толь богатаго Города каковъ Капу. *Такова участь*, прибавили сїи Послы, *теперешняго нашего состоянїя, что естьли союзники наши не подкрѣпятъ насъ своею скорою помощью, то мы должны подпасть подъ иго нашихъ неприятелей. Естьли вы насъ защитите, то получите себѣ союзниковъ, кои навсегда почитать васъ будутъ, не менѣ какъ возобновителями нашего Отечества и вторыми основателями нашего Города. Естьли вы насъ оставите, Капу пропасть долженъ, или на самой лучшїй конецъ, быть у Самнитянъ въ подданствѣ.*

Сенатъ обстоятельно вѣдалъ о всемъ томъ, что они предлагали; но онъ желалъ получить отъ своего вспомоществованїя выгоды вѣрнѣе и основательнѣе, нежели пустое имя союзниковъ, и безприбыльные похвалы и благодарности; по чему Консулъ отъ имени Сената просто отвѣтствовалъ симъ Посламъ, что состоянїе ихъ конечно достойно жалости, и что Римляне желали бы вспомоществовать имъ

 бла-

благопристойнымЪ образомЪ; но что республика имѣетЪ издревле сЪ Самнитянами союзЪ, которой не позволяетЪ имЪ вступать вЪ другой союзЪ сЪ ихЪ непрїятелями; что однако СенатЪ непреминетЪ отправить вЪ станЪ кЪ СамнитянамЪ ДепутатовЪ, кои будутЪ за нихЪ стараться, и уговаривать побѣдителей кЪ заключенїю мира на такихЪ договорахЪ, какїе могутЪ быть сносны побѣжденнымЪ.

Главный Посольства имѣлЪ полное наставленїе на всѣ случаи. ОнЪ увидѣлЪ, что надлежало сдѣлать болѣ приманчивые предложенїи, дабы побудить СенатЪ кЪ защищенїю, какое Капу требовалЪ. Правители Капскїе при отправленїи его предвидѣли, что имЪ не останется предпринимать другихЪ мѣрЪ, кромѣ какЪ, на самый лучшїй конецЪ, выбрать себѣ тѣхЪ или другихЪ повелителей. И какЪ они желали лучше быть вЪ подданствѣ у отдаленныхЪ, нежели у сосѣдей,

сѣдей, то и наказали помянутому главному Послу, что естьли онъ не можетъ истребовать для нихъ званія Римскихъ союзниковъ, въ такомъ случаѣ просилъ бы принять ихъ хотя въ подданство, только чтобъ Капу не подпалъ подъ Область Самнитянъ. И такъ онъ отвѣтствовалъ Консулу, что когда Каповяне не могутъ ничего получить отъ Римлянъ такъ какъ союзники, то онъ надѣется, что Сенатъ не попуститъ Самнитянамъ завладѣть такимъ Городомъ и такою Областью, отъ коихъ онъ уполномоченъ вручить ихъ въ подданство Римлянамъ. „Того ради, продолжалъ сей „Посолъ, мы вамъ отдаемся нынѣ, и „подвергаемъ подъ ваши Законы Го„родъ Капу, наши земли, домы, Храмы „и насъ самихъ: мы васъ признаваемъ „нашими повелителями, и обѣщаемся „предъ лицемъ Боговъ и человѣковъ, „сохранять къ вамъ ненарушимую вѣр„ность.

Сенатъ

Сенатъ приведя договоръ къ концу по своему желанїю, восприялъ торжественно Каповянъ въ свое подданство. А какъ онъ желалъ во всѣхъ дѣлахъ показывать справедливость, или по крайней мѣрѣ показывать сїю добродѣтель въ наружности, то отправилъ Пословъ къ Самнитянамъ съ объявленїемъ о семъ новомъ договорѣ, прося ихъ въ то же время по древнему съ ними союзу, вывесть ихъ войски изъ Области, которая принадлежитъ Римскому Народу.

Самнитяне услышали съ несказанною досадою, что Римляне хотятъ препятствовать успѣху ихъ оружїя, и такъ сказать, вырывать у нихъ изъ рукъ Городъ Капу. Они жестоко вопїяли противу сего договора, которой они почитали истиннымъ плутовствомъ. Правители ихъ отвергли съ негодованїемъ предложенїе Пословъ Римскихъ; и выходя изъ Совѣта, они, при самыхъ Послахъ приказали своему Полководцу истреблять мечемъ

и

и огнемъ землю Капскую; а сїе ясно подавало видѣть сколь они несклонны были слушать Римлянъ. Новые же ихъ ратные дѣйствїи скоро были послѣдуемы объявленїемъ войны между сими двумя Народами. Со стороны Римской, Сенатъ поручилъ предводительство войска Марку Валерїю Корву 410
и Авлу Корнелїю Коссу. Война сїя годъ.
началась въ 411 году отъ созданїя Рима. Она продолжалась отъ обоихъ сторонъ съ равнымъ упорствомъ; и хотя иногда прерывалась на время перемирїями, но по томъ всегда возобновлялась съ прежнею жестокостью, Сиз-Альпинскїе Галлы, Тосканцы, Тарентяне, Латинцы, даже Греки и Африканцы присовокупились къ оной. Пирръ, Царь Епирской, наиславнѣйшїй воинъ своего вѣка, переѣхалъ море, на помощь къ Тарентянамъ. Такъ же Карфагенцы, кои начали селиться въ Сицилїи и Область свою усиливать, присылали къ нимъ многїе подмоги, чтобъ не дать Римлянамъ распро-

пространить свои завоеванiи. Лютая брань, на подобiе пламени переходя изъ одного мѣста въ другое, разлилась по всей Италiи, и потушалась только рѣками крови. Произведены были великiе сраженiи съ обоюднымъ успѣхомъ и неуспѣхомъ. Римляне бывъ сперьва побѣдителями, по томъ побѣжденными, всегда не утомимы въ сраженiи, и можно сказать равнодушны при собственномъ уронѣ, не переставали всчинать бой съ новою храбростью. Бѣгство чуждо было въ ихъ войскѣ. Каждый воинъ хотѣлъ побѣдить или умереть, и нашлось болѣ Римлянъ наказанныхъ за то, что сражались безъ повелѣнiя, нежели такихъ кои наказаны были за отступленiе и утрату своего мѣста. На конецъ по безпрестанной почти войнѣ, и которая продолжалась болѣ семидесяти лѣтъ, непоколебимость Римлянъ, Геройская храбрость и Чиновниковъ и подчиненныхъ, терпѣливость въ трудахъ, доброй порядокъ въ войскѣ, наипаче

иначе же любовь ихъ къ Отечеству, дали имъ торжествовать надъ своими неприятелями. Самнитская Область была почти изтреблена; Пирръ выгнанъ изъ Италїи; Тарентъ (городъ) взятъ и стѣны онаго заглажены. Напослѣдокъ, Консулъ Луцїй Фурїй Камиллъ, донося Сенату до какой крайности онъ довелъ Латинянъ, сказалъ Сенаторамъ: *Боги содѣлали васъ толь сильными, что въ вашей волѣ состоитъ нынѣ продолжить бытность Латїума, или въ ничто обратить оную.* 417 годъ.

Римляне заключали миръ съ побѣжденными Народами на такихъ договорахъ, какїе ихъ въ конецъ разоряли. Сенатъ по своему обыкновенному правилу, отнялъ у каждаго Народа часть земли. Но сїе политическое правило обращенное во злоупотребленїе, подрывало вообще Государство, такъ что напослѣдокъ произвело въ Римѣ опасные возмущенїи. Вельможи, по взаимному между собою лицепрїимству, завладѣли частью земель оныхъ

оныхъ. Поместьи ихъ содѣлались нечувствительно малыми Областьми, кои они населили великимъ множествомъ невольниковъ, взятыхъ въ полонъ въ теченіе помянутой долговремянной брани; природные же Римскіе хлѣбопашцы, лишась земель своихъ насильствомъ Вельможей, оставляли жилищи не имѣя чемъ кормиться.

Народъ и его Трибуны возобновили свои жалобы противу злоупотребленія, толико древняго какъ основалась Республика. Они желали привести опять въ дѣйство Законъ *Лициніевъ*, по которому предписана самая большая мѣра владѣнія только пять сотъ десятинъ земли Римскому Гражданину кто бы онъ ни былъ; но въ ратныхъ замѣшательствахъ Законы были менѣ уважаемы. Число нарушителей сего Закона, съ стороны Патриціевъ и Плебеянъ, было такъ велико, что не льзя было надѣяться привесть ихъ въ должность, и такое поку-

покушенїе было бы тщетно. Главные въ войскѣ, и главные въ Правительствѣ были сообщники сего отчиннаго похищенїя, и власть ихъ превозмогала всѣ справедливыя жалобы; а къ тому послѣдовавшїе, противу Карѳагенянъ войны привели еще болѣ въ забвенїе домашнїе разпорядки.

Доселѣ мы видѣли, что оружїе Республики не далѣ простиралось какъ только на обширности твердой земли въ Италїи. Римляне воевали около пяти сотъ лѣтъ прежде нежели могли покорить Латинянъ, Тосканцевъ, Самнитянъ и ихъ союзниковъ. Но какъ скоро они основали свое владычество въ сихъ великихъ Провинцїяхъ, кои простираются отъ Рубикона до края Италїи, то помышляли уже переѣхать потомъ за море. Вспоможенїе учиненное отъ Карѳагенянъ Терентянамъ было къ тому наружнымъ поводомъ; но истиннымъ ихъ побужденїемъ было завоеванїе Сицилїи. Римъ и Карѳагенъ вооружились другъ про-

тиву друга: близость и зависть сихъ двухъ великихъ республикъ произвели кровопролитную войну, которая въ началѣ открылась въ Сициліи. Война двинулась по томъ въ Африку, а оттуда распростерлась въ Гишпанію и Италію. Я кратко упомяну о разныхъ успѣхахъ оной, дабы не отдалиться отъ истиннаго намѣренія въ семъ сочиненіи.

Карѳагенъ построенъ былъ Финикійскими пришельцами на Африканскомъ берегѣ, близъ того мѣста гдѣ виденъ теперь Городъ Туніусъ, за 137 лѣтъ до созданія Рима: Ливія была подъ его Областью. Сей Городъ во всѣ времяна содержалъ сильной флотъ, которой давалъ ему особую область въ морѣ и въ торгахъ, и которой распространилъ оную даже на Гишпанскихъ берегахъ, и на Островахъ Сицилійскихъ, Корсиканскихъ и Сардинскихъ.

Всѣ жители онаго были купцы; всегдашній торгъ дѣлалъ ихъ столько

богатыми, что оні презирали военную службу. А когда случались противу ихъ вооруженіи, то они нанимали войски и часто нанимали такъ же къ нимъ и Полководцевъ. Сія купеческая республика чаяла все найти въ своихъ деньгахъ.

Римъ на противу того содержалъ у себя знатное воинство. Всѣ его Граждане были воины; никто не изключался изъ военной службы. Надлежало выслужить или двадцать лѣтъ въ пѣхотѣ, или десятъ лѣтъ въ конницѣ, чтобъ получить отъ службы увольненіе, и мало было такихъ, кои просились въ отставку. При выступленіи въ поле, отставные являлись на войну съ такимъ же жаромъ какъ молодые, и всѣ хотѣли побѣдить или умереть.

Таково было состояніе сихъ двухъ республикъ, въ то время какъ они въ войну вступили. Одна сильна была своими Легіонами и сухопутными войсками; другая не менѣ была ука-

сна своимЪ флотомЪ и морскими силами. Римляне пребывая на твердой землѣ вЪ Италіи не имѣли ни каковыхЪ опытовЪ вЪ мореплаваніи. Кон-
489 годЪ. сулЪ, Аппій Клавдій, сынЪ недавно упомянутаго Диктатора, и братЪ Аппія Клавдія слѣпаго, былЪ первый, которой способомЪ нѣсколькихЪ плотовЪ переправилЪ войско вЪ Сицилію: отЪ чего и названЪ *КавдексЪ*, какЪ изобрѣтенникЪ искуства связывать вмѣстѣ деревья и дѣлать воденые суда. Сіи плоты скоро сдѣлались Кораблями и Галерами у прилѣжнаго, искуснаго и трудолюбиваго Народа, который всѣмЪ пользовался, и перенялЪ отЪ самыхЪ своихЪ непріятелей искуство и способЪ побѣждать ихЪ. Карѳагенская Галера занесенная вѣтромЪ на Италїянской берегЪ, дала РимлянамЪ образецЪ у себя строить подобные. Они толь прилѣжно надЪ ними работали, что вЪ два мѣсяца времяни, Дуиллій поставилЪ вЪ морѣ флотЪ, которой разбилЪ другой флотЪ

Кар-

Кареагенской. При сей первой морской 495
побѣдѣ, радость Римлянъ толь была годъ.
чрезвычайна, что въ память оной они уставили, такъ сказать, безпрерывной Тріумфъ: то есть Дуиллій, соизволеніемъ Сената, во весь свой вѣкъ, когда возвращался послѣ ужина отъ друзей своихъ, провождаемъ былъ всегда со свѣчами и съ музыкою.

Я не буду говорить о послѣдствіяхъ сей войны, кои не принадлежатъ къ моему сочиненію, ни о сраженіяхъ, ни объ осадахъ произшедшихъ въ Сициліи: объявлю только, что Римляне завладѣвъ Агригентомъ и главными Городами сего Острова, взявъ Алерію, столицу Острова Корсиканскаго, и Олбію въ Сардиніи, напослѣдокъ обратили войну и страхъ своего оружія къ Городу Кареагену.

Консулы, Луцій Манлій и Квинтъ Седицій назначены были предводительствовать сею войною. Но Седицій

умерѣ во время своего Консульства, а на мѣсто его поставленъ Маркъ Аттилій Регулъ, имѣвшій прежде Консулькое Достоинство, и который былъ великій Полководецъ, порядоченъ въ нравѣ, строгъ равно къ самому себѣ какъ и другимъ, и онъ сохранялъ еще умѣренность и безкорыстіе древнихъ Римлянъ.

Сіи два Полководца пустились въ море, съ флотомъ состоявшимъ изъ трехъ сотъ сорока Кораблей, на которыхъ посажено было сто сорокъ тысячь человѣкъ войска. Карѳагенцы выслали противу ихъ столько же сильной флотъ, но ихъ корабли были легче и лутче были въ мореплаваніи. Однако Карѳагенскіе воины отнюдь не могли равняться съ Римлянами въ мужествѣ. Сраженіе происходило долго и упорно, такъ что щастье не однажды клонилось на ту и на другую сторону. Покамѣстъ, такъ сказать, одни корабли сражались безъ людей, Карѳагенцы брали

верьхъ

верьхъ своею поворотливостїю и искуствомъ въ мореплаванїи, но Римляне посаженные на весьма худопостроенныхъ корабляхъ, тяжелыхъ и неповоротливыхъ, сцепились крючьями съ Карѳагенцами, и тогда начали бой смѣлѣя, и такъ какъ на твердой землѣ. Храбрость Римлянъ сражавшихся передъ глазами своихъ Консуловъ, скоро превозмогла надъ наемными и вспомогательными войсками, кои воевали, такъ какъ то былъ ихъ промыселъ, единственно для прокормленїя, и не были побуждаемы ни любовью къ славѣ, ни любовью къ Отечеству. Флотъ Карѳагенской разсыпался въ бѣгство, и очистилъ путь Римлянамъ, кои приставъ къ Африканскому берегу, взяли приступомъ Городъ Клупею, по томъ разграбили неприятельскую землю, и взяли двадцать тысячь плѣнныхъ.

Консулы дали Риму извѣстїе о сей побѣдѣ и требовали новыхъ повелѣнїй. Сенатъ писалъ къ нимъ, что

онъ желаетъ, чтобъ Манлій возвратился въ Италію съ нѣкоторою частью флота, для сохраненія завоеванныхъ Городовъ въ Сициліи, и чтобъ Регулъ остался въ Африкѣ для продолженія тамъ войны. И хотя время его Консульства кончилось, онъ оставленъ однако въ той же должности съ титуломъ Проконсула. Но мало времяни спустя, онъ просилъ другаго на свое мѣсто и увольненія отъ службы, получивъ извѣстіе, что крестьянинъ, которой подрядился пахать семь десятинъ его земли, умеръ, и что крестьянской работникъ покралъ нужные рухляди для хлѣбопашества, въ чемъ состоялъ весь достатокъ сего Полководца. Регулъ представилъ Сенату въ своихъ письмахъ, что жена его и дѣти принуждены будутъ умереть съ голоду, естьли онъ возвращеніемъ своимъ и собственною работою самъ не поправитъ свой домашній упадокъ. Сенатъ, дабы не помѣшать теченію побѣдъ

Регу-

Реguловыхъ, приказалъ чтобъ жена его и дѣти снабжены были пищею, чтобъ земля его пахалась общественными деньгами, и чтобъ ему куплены были новые рухляди потребные къ пашнѣ. Таковое награжденіе не было щедро, по колику оно мало денегъ стоило, но приноситъ сему добродѣтельному Римлянину болѣ чести и достославной памяти, нежели всѣ пышные титулы даваемые владѣніямъ сихъ нововыползшихъ Господъ, кои обогатились одними только грабительствами, и которыхъ имена въ потомствѣ не будутъ извѣстны какъ только по причиненнымъ отъ нихъ бѣдствіямъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они въ насыщеніе своего корыстолюбія, а не въ пользу Отечества воевали.

Манлій привелъ обратно на Италійской берегъ часть флота со многою добычею, и двадцать семь тысячь плѣнниковъ. Регулъ же получа повелѣніе отъ Сената, продолжалъ свои завоеванія. Карѳагенцы собрали силы

 ему

ему на сопротивленіе, но когда вступили въ бой, то были разбиты и потеряли лучшіе свои войски. Сія вновь одержанная побѣда произвела во всей Области совершенное отчаяніе: болѣ осмидесяти Городовъ сами здались Римлянамъ. Нумидяне, древніе Карѳагенскіе данники, взбунтовали въ то же время и поля грабили. Земледѣльцы бѣгая отъ всюду въ Карѳагенъ укрывались, гдѣ отъ множества своего и отъ бѣдности причинили голодъ и заразительные болѣзни.

Карѳагенцы не находя у себя ни главныхъ, ни нижнихъ довольно искусныхъ Полководцевъ въ сопротивленіи Регулу, послали даже въ Лакедемонъ предложить повелительство надъ своими войсками Ксантипу, славному Полководцу въ своей землѣ и во всей Греціи; и въ то же время отправили главныхъ отъ своего Сената, просить мира у Регула. Сей Полководецъ желая содѣлать себѣ славу добрымъ окончаніемъ войны оной, не отрекся войти въ мирные

ные договоры. Но какъ онъ содержалъ Карѳагенъ въ осадѣ, окружа его со всѣхъ сторонъ войсками, и какъ не было у Карѳагенянъ готоваго войска, которое бы могло принудить его отступить отъ Города, то онъ хотѣлъ предписывать Законы въ договорѣ. Онъ требовалъ, чтобъ Карѳагенцы отдали ему Города, кои остались у нихъ въ Сициліи и Сардиніи; чтобъ они отдали безъ выкупу республикѣ плѣнныхъ Римлянъ, кои имъ попали въ руки, и чтобъ сверьхъ выкупу за своихъ плѣнниковъ, заплатили бы Риму издержки войны, и еще платили бы дань ежегодно; а сверьхъ того Регулъ требовалъ, чтобъ Карѳагенцы не могли вступать ни въ войны, ни въ союзы безъ соизволенія на то отъ Сената Римскаго; чтобъ они имѣли одинъ только военный корабль, и на случай полученнаго повелѣнія отъ Рима долженствовали бы имѣть въ готовности пятдесятъ галеръ съ войскомъ и военными снарядами, для службы въ тѣхъ мѣ-

мѣстахъ, гдѣ польза Республики востребуетъ.

Кароагенскіе Депутаты представили Римскому Полководцу чрезмѣрность его требованій. Но Регулъ чая быть полнымъ властителемъ въ Области, гордо имъ отвѣтствовалъ, что *имѣя дѣло съ неприятелями, должно или побѣдить, или принимать Законы отъ побѣдителей.* Депутаты возвратились безъ всякаго въ договорахъ заключенія, и Кароагенскіе Правители съ озлобленіемъ услышали такіе требованіи, кои вели ихъ почти къ рабскому состоянію; въ слѣдствіе того приказали, чтобъ всѣ жители приняли оружіе. Ксантипъ Лакедемонецъ прибылъ въ тоже время къ ихъ предводительству, и собравъ оставшіе отъ разбитія войски, выступилъ совершенно въ поле на сраженіе съ Римлянами. Онъ выбралъ въ станъ себѣ ровное мѣсто, способное для битвеннаго дѣйствія слонамъ, коихъ онъ имѣлъ въ своемъ войскѣ, и каковое мѣ-

мѣсто удобнѣе было для Конницы, которою онъ преимуществовалъ предъ Римлянами. Регулъ же бывъ сильнѣе пѣхотою, долженствовалъ, для своей выгоды, искать гористыхъ мѣстъ и высокихъ; но воины его, презирая Греческаго Полководца, и такое войско которое они многократно побѣждали, просили съ превеликимъ крикомъ, итти прямо на неприятеля не взирая на мѣстоположенїе. Регулъ не имѣлъ твердости отказать имъ въ 493
ономъ. Сраженїе произведено на ровномъ мѣстѣ; онъ былъ побѣжденъ; годъ.
пѣхота его не могла противиться неприятельской Конницѣ. Римляне потеряли тогда болѣ тритцати тысячь человѣкъ, какъ своихъ такъ и союзниковъ, а въ плѣнъ былъ взятъ и самъ Полководецъ. Карѳагеняне поступили съ нимъ весьма жестоко, содержа его не какъ военноплѣнника, но какъ важнаго преступника. Они оковавъ его вергли въ темницу, гдѣ онъ сидѣлъ въ заключенїи около четырехъ

тырехъ лѣтъ. Онъ бы тамъ и животъ свой кончилъ, естьли бы Карѳагенцы, между тѣмъ времянемъ, не были разбиты на землѣ и на морѣ въ главныхъ сраженїяхъ. По тому только они выпустили Регула изъ заключенїя и послали его въ Римъ для изходатайствованїя мира, или по крайней мѣрѣ, размѣны плѣнниковъ. Правители при отправленїи Регула, взяли отъ него слово, что естьли онъ ничего не получитъ отъ Римлянъ, то онъ возвратится въ Карѳагенъ къ своимъ оковамъ: сверьхъ того сказано ему было, что и жизнь его зависитъ отъ успѣха какой онъ будетъ имѣть въ своемъ посланїи.

Сенатъ не имѣлъ отвращенїя отъ мира: или по крайней мѣрѣ готовъ былъ къ размѣнѣ военноплѣнниковъ, только чтобъ могъ купить тѣмъ свободу и сохраненїе такого Гражданина каковъ былъ Регулъ. Но самое великое препятствїе къ миру произвелъ тотъ, которой былъ посланъ

его

его изходатайствовать. Регулъ прибывъ въ Римъ, изъявилъ Сенату, что нужно имѣть только малую твердость не отставая отъ продолженія войны, дабы Карѳагенцы имъ совершенно покорились; что въ прочемъ, размѣнъ военноплѣнниковъ былъ полезенъ только неприятелямъ, кои имѣли въ Римѣ своихъ главныхъ Чиновниковъ и лучшихъ воиновъ; что на противу того у Карѳагенянъ находилось не великое число Римлянъ, и тѣ всѣ были старики или люди безъ храбрости, отъ коихъ не льзя ждать ни какой помощи. Напослѣдокъ сей добродѣтельный Римлянинъ, говорилъ съ такимъ убѣжденіемъ противу собственной своей пользы, что заставилъ Сенатъ утвердиться въ продолженіи брани. И такъ онъ, не входя въ домъ, и не видавъ ни жены ни дѣтей своихъ, которыхъ слезы могли бы поколебать его твердость, возвратился въ Карѳагенъ по данному отъ 506
него слову, гдѣ онъ умерщвленъ былъ годъ.
наижесточайшею казнью. Вой-

Война возобновилась со обоихЪ сторонЪ сЪ прежнею лютостью. Щастье той и другой стороны было перемѣнно: на конецЪ Римляне одержали верьхЪ вЪ двухЪ морскихЪ сраженiяхЪ, одно подЪ предводительствомЪ Консула Марка Фабiя Бутея, а другое
511 при повелительствѣ Клелiя Лутацiя
годЪ. Катула; и сiи двѣ побѣды принудили КарѳагенянЪ просить вновь мира. РимЪ не отказалЪ имЪ вЪ прозьбѣ: но РимЪ былЪ не преклоненЪ, иль паче иногда жестокосердЪ былЪ противу побѣжденныхЪ неприятелей. ОнЪ вступилЪ сЪ Карѳагенцами вЪ мирЪ на весьма строгихЪ договорахЪ. Требовано отЪ нихЪ, чтобЪ они отдали РимлянамЪ Лилибейскую Крѣпость и Пристань вЪ Сицилiи; чтобЪ они не имѣли болѣ Области вЪ семЪ островѣ; чтобЪ они возвратили плѣнниковЪ безвыкупно; чтобЪ они выдали бѣглецовЪ отЪ войска, и простыхЪ РимскихЪ выходцевЪ; чтобЪ они заплатили чистыми деньгами тысячу талантовЪ за военные издерж-

издержки, и двѣ тысячи двѣстѣ таланшовъ въ десять лѣтъ, образомъ дани. Кароагенцы въ истощеніи силъ на все согласились, и миръ былъ заключенъ, въ Консульство Квинта Лутація, и Авла Манлія, въ 512 году отъ созданія Рима.

Но то было одно только времянное перемиріе вмѣсто твердаго мира. Кароагеняне, приведены въ слабость, искали мира для того только чтобъ имѣть время поправить свои силы. Но какъ скоро пришли въ состояніе воевать, то приняли вновь оружіе съ свирѣпою жестокостью. Наружною причиною войны была осада которую они въ началѣ произвѣли надъ союзнымъ съ Римлянами Гишпанскимъ Городомъ Сагунтомъ, а въ точчости творецъ лютой брани былъ Анибалъ. Сама природа произвела его воиномъ, а безпрестанное упражненіе въ военнодѣйствіи содѣлало его великимъ Полководцемъ. Въ сей войнѣ наиболѣ онъ оказалъ свои превосходные да-

рованіи, кои давали ему всегда верьхЪ надЪ Римскими Полководцами. Предпріятіи его были разсмотрительны, виды пространны. ОнЪ имѣлЪ отмѣнной разумЪ исполнять во время свои намѣреніи, расторопную хитрость вЪ дѣйствіяхЪ непроницаемую другими, неистощимую остроту вЪ употребленіи разныхЪ способовЪ, совершенное искуство отвращать отЪ себя гибель и ввергать другихЪ вЪ оную; вЪ протчемЪ ни вѣрность, ни богоугодность, ни человѣчество не были его добродѣтелями, которыхЪ наружность однако онЪ умѣлЪ оказывать, естьли они служили вЪ его пользу.

ТаковЪ былЪ славный АнибалЪ, предпріявшій наиотважнѣйшее намѣреніе, какое только могло представиться когда нибудь смѣлому воителю: намѣреніе единымЪ послѣдствіемЪ оправданное. ИзЪ нутри Гишпаніи, онЪ вознамѣрился итти воевать вЪ Италію, и напасть на РимлянЪ вЪ самыхЪ нѣдрахЪ ихЪ владѣнія,

нія, не имѣя тамъ ни Крѣпостей, ни запасеній, ни вѣрныхъ подмогъ, ни надежнаго убѣжища. Онъ проходитъ чрезъ Гишпанію и Галлію, перебирается за Альпы, и смѣло приходитъ разполагать свой станъ даже на берегахъ Ѳесинскихъ. Тамъ произведено первое сраженіе. Римляне были разбиты, и Консулъ Прискъ Корнелій Сципіонъ ихъ Полководецъ, попалъ бы въ руки непріятелямъ, естьли бы Публій Сципіонъ, сынъ его, не ускорилъ подать ему помощь. Сей молодой человѣкъ имѣя только семнатцать лѣтъ отъ роду, видя же отца своего въ многочисленномъ непріятельскомъ окруженіи, пробился одинъ силою меча сквозь толпу его окружающихъ, и выручилъ ево въ то самое время какъ ево хотѣли взять или убить.

Подробность сей войны не принадлежитъ къ моему повѣствованію. Я объявлю только что Римляне, въ Консульство и подъ предводитель-

ствомъ Тиверія Семпронія Товарища
535 Сципіонова разбиты были во вторич-
годъ номъ сраженіи у рѣки Тревіи. Фла-
миній у Тразименскаго озера имѣлъ
еще большую неудачу, а сраженіе
подъ Каномъ привело Римъ къ самому
537 краю гибели. Республика потеряла
годъ. пятьдесятъ тысячь человѣкъ, и побѣ-
дитель послалъ въ Кароагенъ двѣ кади
золотыхъ колецъ, дая изъ того ви-
дѣть невѣроятную безчисленность по-
битыхъ Римскихъ воиновъ въ семъ
сраженіи. Можно сказать, что тотъ
день былъ бы послѣднимъ днемъ для
Римлянъ, естьлибъ Анибалъ умѣя по-
бѣдить, умѣлъ къ тому воспользо-
ваться своею побѣдою. Ему остава-
лось только подступить къ Городу,
которой онъ завоевалъ бы безъ на-
ималѣйшаго усиленія, при общемъ
всѣхъ отчаяніи какъ въ Римѣ такъ
и въ его окружностяхъ. Но Кароа-
генской Полководецъ позванъ былъ
однимъ изъ его Чиновниковъ, на у-
жинъ въ Городъ Капу, гдѣ упоенъ
сладо-

сладострастіями, желалъ остаться нѣсколько времяни. И такъ послѣ своей побѣды, онъ остановился въ Кампаніи, подъ видомъ чтобъ дать отдыхновеніе своему войску. Можно бы было тогда подумать, что онъ или не желалъ скоро войну кончить, или поступалъ по согласію съ Римлянами чтобъ дать имъ время выйти изъ своего отчаянія. Замедленіе съ стороны неприятелей давало всегда Римлянамъ способъ поправиться. Молодой Сципіонъ умѣлъ воспользоваться времянемъ, и тотъ который спасъ жизнь своего отца въ Ѳесинскомъ сраженіи, былъ спаситель всей Италіи послѣ Канскаго побоища.

Онъ былъ тогда не болѣ какъ Трибуномъ въ Легіонѣ, и на вечеръ послѣ сраженія, со многими другими Чиновниками, уклонился въ одинъ близкой Городъ которой еще не отпалъ отъ Римлянъ. Сципіонъ свѣдалъ что сіи Чиновники, кои происходили изъ первыхъ домовъ Римскихъ, и были единственною подпорою республики,

лики, собравшись у нѣкотораго называемаго Метелла, и отчаявшись въ спасенïи Области, намѣрялись уйти на ближнюю морскую пристань, и на первыхъ корабляхъ оставить Италïю. Толь недостойное намѣренïе чувствительно его тронуло. Онъ предпринялъ воспротивиться оному, хотя бы то ему и самой жизни стоило; и обратясь къ другимъ Чиновникамъ кои у него случились: *тотъ*, сказалъ онъ, *кто любитъ Римъ и свое отечество, пойдетъ за мною.* Онъ идетъ по томъ прямо въ томъ домъ, гдѣ производился совѣтъ намѣряющихся измѣнниковъ, а вошедъ къ нимъ и вынувъ свой мечь: „Я присягаю говорилъ онъ, что никогда не оставлю „республику, и не потерплю чтобъ „кто нибудь изъ Гражданъ нашихъ „ее оставилъ.„ Потомъ обратясь къ Метеллу: „должно, продолжалъ онъ, „чтобъ ты и всѣ кои здѣсь находятся, равно со мною присягнули, или „я васъ всѣхъ переколю какъ измѣн-

„ни-

„никовъ.„ Сїе угроженїе, гнѣвъ и ярость пылающая въ глазахъ его, ревность его къ отечеству, смѣлость и твердость, все то совокупно принудило бывшихъ въ томъ домѣ тутъ же присягнуть по его примѣру. Къ тому стыдъ что они найдены были въ толь безчестномъ умышленїи, заставилъ ихъ вспомнить свою прежнюю храбрость. Они взаимно клялись другъ другу, и обѣщались лучше погрести себя подъ развалинами своего Отечества нежели его оставить. Каждый на утро шелъ исполнять свою клятву: иные явились въ Римъ, защищать его въ случаѣ естьли неприятель подступитъ къ Городу; другїе разошлись, или собирать разбѣжавшихся воиновъ или вновь набирать другихъ для ополченїя противу неприятеля. Римскїе жители, ожидая всеминутно Анибала въ Городъ, но видя на конецъ его замѣдленїе, нѣсколько отдохнули. Сенатъ сталъ мыслить о спасенїи Области,

 мѣл-

мѣлкой Народъ ободрился; и хотя не было въ Римѣ ни людей ни денегъ, но все то нашлось въ истинной любви къ Республикѣ, которая свойственна была каждому Римлянину. Иные отдали безъ всякаго требованія своихъ невольниковъ для употребленія ихъ въ число воиновъ; другіе приносили, ревностно другъ передъ другомъ сколько имѣли золота или серебра, и выняты были изъ Храмовъ старые оружіи, кои тамъ какъ трофеи висѣли подъ сводами, и кои частью служили нужными снарядами, сему новонабранному войску.

Война начата съ новымъ жаромъ. Сенатъ поручилъ предводительство оной Квинту Фабію Максиму, который уклоняясь отъ сраженія нашелъ способъ побѣдить Аннибала. Карѳагенской Полководецъ, не могъ инако, такъ сказать, какъ безпрестанными въ войнѣ успѣхами содержать себя въ отдаленной землѣ отъ своей Области, и гдѣ часто онъ находился безъ

денегъ,

денегъ, безъ пищи и безъ всякаго вспоможенія отъ Африки. Вся его подпора была одна только слѣпая привязанность къ нему его воиновъ, кои ево безмѣрно любили. Достойно великаго удивленія, что въ войскѣ составленномъ изъ разнаго зброда, Нумидовъ, Гишпанцевъ, Галловъ, Лигуріянъ, кои часто не имѣли въ войнѣ хлѣба, едино Анибалово присудствіе заставляло ихъ забывать всѣ труды и нужды. И что еще удивительнѣе: большая часть не разумѣя языка одинъ другова, взаимно способшествовали къ успѣху предприятій своего Полководца.

Но при всемъ его искуствѣ на конецъ осторожность и щастье Римлянъ превозмогли надъ его способностью. Они взяли свой верьхъ, которой они было потеряли въ перьвыхъ сраженіяхъ. Анибалъ узналъ тогда, что въ военныхъ дѣйствіяхъ бываютъ щастливые и рѣшительные минуты, кои послѣ не возвращаются. Моло-

дой Сципіонъ уже Полководецъ, показалъ ему жестокимъ опытомъ, что онъ могъ быть побѣжденъ какъ и другіе.

541 годъ. Корнелій Прискъ Сципіонъ отецъ его, и Кней его дядя потеряли жизнь въ Гишпаніи, гдѣ они повелѣвали надъ войсками Республики. А смертью сихъ двухъ братьевъ Гишпанія была бы совершенно отъ Римлянъ очищена, естьлибъ одинъ простой Конной воинъ, по имени Луцій Марцій, не собралъ разбѣжавшихся и не разбилъ одного изъ двухъ Аздрубала, который въ сихъ Провинціяхъ повелѣвалъ надъ Кароагенскими войсками. При всемъ томъ однако, ни кто въ Римѣ не осмѣливался представить себя къ предводительству войны, въ такой землѣ гдѣ неприятели еще были въ страшныхъ силахъ. Молодой Сципіонъ, хотя едва только вступилъ на двадцать четвертый годъ своего возраста, вызвался къ оному, и мнилъ что ему особо принадлежало отмстить а смерть своего отца и дяди. Онъ

посланъ

посланъ въ Гишпанію съ титуломъ Проконсула, побилъ тамъ неприятельскихъ Полководцевъ во многихъ случаяхъ, и въ пять лѣтъ по его туда прибытіи, не осталось ни одного Карѳагенца въ Гишпаніи. 542 годъ.

Оттуда онъ прошелъ въ Африку, почти противу воли Сената; и какъ предприятіе его казалось дерзновенно, то Республика не хотѣла сперва давать ему ни войска ни денегъ. Но его слава, храбрость и ласковость привлекли къ нему отвсюду воиновъ. Каждый, ревностно другъ предъ другомъ, приставалъ въ службу подъ повелѣніемъ толь великаго Полководца. Вскорѣ онъ имѣлъ у себя многочисленное войско. То былъ другой Анибалъ: онъ имѣлъ всѣ его добрые качества не имѣя его пороковъ. Сципіонъ вступилъ въ Африку въ то время какъ Карѳагенцы продолжали войну въ Италіи.

Онъ подговорилъ съ начала къ сторонѣ Республики Царей Сифакса и Масиниссу. 551 годъ.

сиписсу. Перьвый перекинулся послѣ къ неприятелямъ, но былъ разбитъ вмѣстѣ съ Кареагенскимъ Полководцемъ Аздрубаломъ въ жестокомъ побоищѣ, къ тому имѣлъ нещастье попасть въ руки Лелїю Мудрому: такъ называетъ Цицеронъ сего военнаго Чиновника, который былъ крайнїй другъ и подручный вождь Сципїоновъ.

Я не буду входить въ подробность сей войны. Сципїонъ одержавъ вторичную побѣду надъ Кареагенцами, заставилъ ихъ взаимно трепетать отъ приближенїя силъ его къ стѣнамъ ихъ Города. Анибалъ отозванъ былъ на помощь къ своему Отечеству, и перешелъ назадъ въ Африку на шестнатцатомъ году войны оной. Сперьва предлагаемо было объ мирѣ, и Сципїонъ съ Анибаломъ сошлись на свиданье, но не могли въ томъ согласиться. Надлежало единымъ оружїемъ рѣшить судьбу двухъ Республикъ.

ВЪ

ВЪ скоромЪ времени произведено сраженіе: мѣсто побоища было возлѣ Цамы. ОтЪ сего сраженія зависѣли область и вольность одного и другова Народа. Оба Полководцы употребили при семЪ случаѣ все свое искуство, какЪ вЪ занятіи способныхЪ мѣстЪ, такЪ и вЪ разпоряженіяхЪ войскЪ во время сраженія. Воины, сЪ своей стороны, сражались такЪ какЪ люди напоенные духомЪ и храбростью сихЪ двухЪ Повелителей. Щастье обоихЪ долго колебалось; на конецЪ побѣда обратилась кЪ Сципіону. Карѳагенцы потеряли двадцать тысячь человѣкЪ на мѣстѣ сраженія, толикое же число взято было военноплѣнниковЪ.

МирЪ послѣдовалЪ такЪ какЪ плодЪ 552
сей побѣды. Карѳагенцы вЪ истощеніи силЪ просили онаго, сЪ волею на то отЪ самаго Анибала. Римляне вступили вЪ мирЪ на такихЪ договорахЪ, что можно почесть ихЪ второю побѣдою. Они отняли у Карѳа-

генянЪ

генянъ ихъ флоты и слоновъ; принудили ихъ возвратить военноплѣнныхъ, и выдать бѣглецовъ. Къ тому взяли съ нихъ необъятные суммы денегъ; и что наиболѣ имъ было чувствительно, то запретили имъ посылать Пословъ: равно запретили входить въ какіе либо союзы съ другими Народами, или предпринимать какую либо войну, безъ согласія и безъ точнаго на то позволенія отъ Сената Римскаго.

Толь крайняя и раболѣпная зависимость предписанная Карѳагенянамъ неудовольствовала еще властолюбіе Римлянъ. Карѳагенъ бытностью своею приводилъ имъ всегда на память Тразименское и Канское сраженіи. Онъ наводилъ Риму страхъ для будущаго времяни; почему Римляне предприняли разорить сей Городъ. То было причиною третіей Пунической войны. Сципіонъ Младшій, сынъ Павла Емилія, но усыновленный восприятымъ образомъ отъ Сципіона, сына

шого который прозванЪ Африкан- 607
скимЪ, разорилЪ совершенно сей гор- годЪ.
дой ГородЪ, который смѣлЪ спорить
Риму во Владычествѣ надЪ Вселенною.
Жители онаго разсѣлены по другимЪ
мѣстамЪ, и КарѳагенЪ сталЪ быть
однимЪ только пустымЪ именемЪ.

Покоренїе, и послѣ разоренїе сего
Города, возгордило РимлянЪ. Тѣ кои
за нѣсколько лѣтЪ прежде сражались
для спасенїя Рима, стали тогда
помышлять о завоеванїи цѣлаго Свѣ-
та. Они разпространили свое оружїе
на Востокѣ и на Западѣ. АнтїохЪ
великїй, который царствовалЪ надЪ
большою частью Азїи, уже принуж-
денЪ былЪ удалиться по ту сторону
горы Тавра. Инсубрїяне и Лигурїяне
побѣждены были. Македонїя, по мно-
гихЪ войнахЪ, коихЪ подробность не
принадлежитЪ кЪ моей матерїи, об-
ращена была вЪ Провинцїю, и такЪ же
Иллирїя. Греки, желая выйти изЪ
подданства у АкеянЪ, подпали подЪ
область РимлянЪ, кои мѣнѣ вѣка вре-
мянемЪ,

мянемъ, простерли свои завоеванiи въ трехъ частяхъ Свѣта. Вся Италiя всѣ Гишпанскiе Области, Иллирiя до самаго Дуная, Африка, Грецiя, Фракiя, Македонiя, Сирiя, всѣ Области нижней Азiи, составляли сiе обширное Владычество; и Римляне прошли даже къ самымъ дикимъ Народамъ, поселить страхъ своего оружiя, и почтенiе къ своему началовластiю.

Роскошь отъ Востока перешла въ Римъ съ корыстями полученными отъ сихъ завоеванныхъ великихъ Провинцiй. А дабы удовольствовать сiю роскошь, Римляне начали разными происками доставать Чины въ Републикѣ, кои сугубо приносили прибыль, по мѣрѣ разпространенiя надъ Свѣтомъ Владычества Римскаго. Нравы ихъ перемѣнились вмѣстѣ съ переменою щастiя, и кажется что по совсемъ другой Народъ на зрѣлище представился. Правда что сiи послѣднiе Римляне имѣли болѣ познанiя

въ

въ военодѣйствїи, болѣ искусныхъ Полководцевъ, болѣ исправные войски, и что все то предводимо было твердою, проницательною и всегда одинаковою политикою, но въ совѣтахъ ихъ находилось менѣ истинны. Страсть побѣждать и властвовать скоро развратила въ Римлянахъ сїю неизмѣняемую честность, которую почитали и сами ихъ непрiятели. Любоначальство заступило мѣсто правосудїя въ ихъ предприятїяхъ; постыдная алчность къ воинству и особенная корысть, мѣсто прилѣпленїя къ общему благосостоянїю; любовь къ Отечеству премѣнилась въ прислужничество развратнымъ Начальникамъ. На конецъ общая надъ всѣми побѣда, миръ и изобилїе рушили прежнее соучастїе Вельможъ съ Народомъ, храненное во всегдашнихъ дѣйствїяхъ каковыми Пуническїе войны ихъ упражняли. Къ тому двое Гракхи, возобновя справедливые въ наружности предложенїи, но неприличные по

тогдашнему состоянїю республики, воспалили искры междоусобныхъ браней, о коихъ я говорить стану.

Тиверїй Гракхъ, и Каїй Гракхъ были дѣти Тиверїя Семпронїя Гракха, бывшаго нѣкогда въ Консульскомъ Достоинствѣ. Сей отецъ двухъ Гракховъ, кромѣ что былъ великой Полководецъ и почтенъ двумя Трїумфами, украшалъ себя еще добродѣтельнѣйшими свойствами и совершеннымъ безкорыстїемъ: таковые качествы тѣмъ болѣ почтенны были, что они тогда рѣдко являлись между римлянами. Родъ Семпронїевъ, хотя Плебеянскаго произхожденїя, былъ однако изъ самыхъ знаменитѣйшихъ въ республикѣ, съ тѣхъ поръ какъ Народъ приобщенъ, равно съ Благородными, къ первымъ Государственнымъ Достоинствамъ.

Мать помянутыхъ Гракховъ, по имени Корнелїя, была дочь Сципїона великаго. Тиверїй старшїй изъ дѣтей ея женился на дочери Аппїя

Клавдїя,

Клавдія, главнѣйшаго въ Сенатѣ; Кайй же взялъ за себя дочь Публія Красса; а сестра ихъ была за мужемъ за Сципіономъ младшимъ сыномъ Павла Емилія. Такимъ образомъ сіи двое братья, по разнымъ родственнымъ союзамъ, соединены были съ первыми Домами Республики.

Сіи родственные преимущества подкрѣпляемы были въ особѣ Тиверія, благороднымъ видомъ, привлекательною Физіономіею, и всѣми наружностьми отъ природы, кои служатъ такъ какъ споручниками достоинства. Онъ приобрѣлъ къ тому, сказываетъ одинъ древній Историкъ, всѣ качествы какіе свойственны превосходному воспитанію, отмѣнное благоразуміе, умѣренность, воздержаніе и безкорыстіе. Разумъ его въ протчемъ украшенъ былъ самыми рѣдкими познаніями; и въ тритцать лѣтъ возраста, онъ почитался первымъ Ораторомъ своего вѣка. Слогъ его былъ чистъ, слова избранны, выраженія 620 годъ.

 просты,

просты, но всегда благородны, и толь убѣдительны, что онъ вселялъ свои мысли въ разумы всѣхъ тѣхъ, кои его слушали.

Неприятели его разглашали, что онъ подъ своими приманчивыми наружностьми, скрывалъ неограниченное властолюбіе, непреоборимую ненависть противу Сената, и преданнѣйшее усердіе къ Народной пользѣ, которая служила ему поводомъ или опорою во всѣхъ его предпріятіяхъ.

Сіе прилѣпленіе къ Народной пользѣ, и можетъ быть желаніе содѣлать себѣ славу, заставило его возобновить предпріятіе поземельнаго раздѣла. Римскіе Вельможи почитали сіе древнее требованіе во все забытымъ и заглаженнымъ, по силѣ учиненной послѣ поземельной переписи. Не взирая на то, Тиверій вознамѣрился возстановить оное требованіе, хотя совершенно предвидѣлъ сопротивленіе, какое нашелъ отъ стороны Сената, и отъ стороны такъ же самыхъ богатыхъ людей

въ

въ Народѣ. Сказываютъ, что онъ побужденъ былъ къ сему предпріятію отъ Корнеліи своей матери тщеславной женщины, которая къ поощренію сыновняго честолюбія, выговаривала ему укорнымъ образомъ, что ее называли въ Римѣ Сципіоновою тещею, а не называли матерью Гракховъ. Она безпрестанно ему твердила, что ему и самому пора было оказатся въ Свѣтѣ; что хотя Сципіонъ шуринъ его почитается между первыми воинами и Полководцами Республики, но онъ съ своей стороны, можетъ другою дорогою, то есть полезными Народу Законами, содѣлать себѣ славное имя; что ему остается одинъ только сей способъ сверстать себя нѣкоторымъ образомъ съ побѣдителемъ Карѳагена; и что призывомъ Народа къ раздѣлу общихъ земель, онъ не менѣ будетъ славенъ, какъ шуринъ его своими завоеваніями.

Но Кайй Гракхъ писалъ въ нѣкоторой Исторіи повѣствуемой Плутархомъ, что братъ его самъ собою умыслилъ сіе предприятіе, и что онъ путешествуя въ Италіи, прежде своего Трибунства, получилъ сіи мысли отъ разныхъ представившихся ему обстоятельствъ. Помянутый Историкъ изъявляетъ, что Тиверій примѣтилъ съ удивленіемъ деревни, обитаемыя прежде богатыми жителями, и кои снабжали Республику годными воинами, на конецъ населенные одними только невольниками, изключенными, по свойству ихъ степени, изъ военной службы; что толь вредная перемѣна въ разсужденіи пользы Республики произвела въ немъ намѣреніе привести въ дѣйство Законъ *Лициніевъ*, и вновь подозвать людство къ поземельному раздѣлу, въ томъ видѣ, чтобъ поправить бѣдность Народа, и дать ему способы воспитать дѣтей, кои бы напослѣдокъ могли быть въ Легіонахъ. Но какое бы ни было

было сокрытое къ тому побужденіе, собственное ли властолюбіе или усердность къ общему благу, Тиверій едва только вступилъ въ Трибунство, какъ далъ знать, что онъ намѣренъ возобновить силу Закона *Лициніева.* Однако онъ предложилъ оный со всею бережливостью, какою только могъ уласкать похитителей общихъ владѣній.

Упомянуто уже было, что сей Законъ воспрещалъ всякому Римскому Гражданину, кто бы то ни былъ, стяжать болѣ пяти сотъ уроковъ или десятинъ земель оныхъ, подъ страхомъ платежа десяти тысячь Ассовъ. Надлежало бы по самой строгости Закона, принудить нарушившихъ оный, внесть въ прибытокъ общаго Сокровища, такъ же и корысти съ земли, которая превосходила предписанную Закономъ мѣру. Но Тиверій казался быть доволенъ и тѣмъ, естьли могъ только утвердить Законъ для будущаго исполненія, и

предлагалъ оставить прошедшее безъ всякаго взысканія.

Римскіе же Вельможи и всѣ богатые люди, кои почитали себя тогда выше Законовъ, осмѣяли съ презрѣніемъ таковое въ пользу ихъ предложеніе, и не признавали Закона, которой они почитали старыми и брошеными бреднями. Большая часть въ полномъ Собраніи называли Трибуна мятежникомъ и возмутителемъ общаго покоя. Тиверій, не выходя изъ свойственной ему кротости, спрашивалъ у нихъ съ умѣренностью, могутъ ли они смотрѣть безъ жалости на состояніе полевыхъ жителей, кои не имѣютъ ни собственной, ни наемной земли для работъ своихъ? Жалѣютъ ли они хотя о тѣхъ Согражданахъ, кои отъ всѣхъ завоеваній приобрѣтенныхъ Республикою, не получили ничего кромѣ ранъ и увѣчья въ сраженіяхъ? На конецъ спрашивалъ у нихъ, что они хотятъ дѣлать съ симъ безконечнымъ множествомъ невольни-

вольниковъ, которыми они наполнили Италїю, и которые равно какъ безполезны въ военное время, такъ по великому ихъ числу опасны въ мирномъ состоянїи? По томъ обратясь къ Народному людству, онъ представлялъ ему его собственные бѣдствїи самымъ убѣдительнымъ образомъ, чѣмъ только можно было разтрогать простую его чувствительность. „И „дикїе звѣри, говорилъ онъ имъ, и„мѣютъ пещеры и обиталїи для сво„его покоя, тогда какъ Римскїе Граж„дане не имѣютъ ни кровли, ни хи„жины укрыть себя отъ всякой не„погоды; безъ твердаго жилища, „безъ надежнаго пристанища, скита„ются какъ нещастно изгнанные въ „самыхъ нѣдрахъ своего Отечества. „Называютъ васъ, продолжалъ онъ, „Господами и Властителями надъ Все„ленною. Вотъ Господство! Вотъ Вла„стительство! Вамъ не оставили ни„же сажени земли для могилы по „смерти вашей.„

 Хотя

Хотя Тиверій думалъ болѣ объ умноженіи жителей, нежели о поправленіи Народной скудости, въ чаяніи конечно что благосостояніе Республики зависѣло отъ приращенія обитателей, однако онъ, частымъ повтореніемъ обыкновенныхъ рѣчей своихъ, привлекъ отъ людства себѣ и похвалы и благосклонность. Каждый почиталъ себѣ щастьемъ, что толь разумный и усердный къ Народной пользѣ Трибунъ управлялъ ими. А основавъ свою повѣренность, и приведши людей въ должную ревность и движеніе, какое потребно было для исполненія его намѣреній, Тиверій созвалъ Собраніе, чтобъ въ немъ обнародовать, или точнѣе сказать, возобновить Законъ *Лициніевъ*.

Тиверій представилъ справедливость своего предложенія съ такимъ краснорѣчіемъ, изобразилъ толь живо бѣдность Городскихъ и деревенскихъ жителей, при чемъ изъявилъ въ толико гнусномъ видѣ упомянутое похищеніе

хищенiе общихъ земель, и сiи не изчетные богатствы, корыстолюбiемъ и жадностью Вельможъ накопленные, что Народъ, такъ какъ въ изступленiи отъ злобы, требовалъ съ великимъ крикомъ, чтобъ розданы были билетцы для подания голосовъ отъ сборища.

Богатые, чтобъ помѣшать обнародованiю Закона, скрали искусно сосуды, въ которыхъ хранились билетцы, а сiе плутовство привело Трибуна въ досаду и Народъ въ раздраженiе. Смятенной шумъ возсталъ въ Собранiи. Богатые стараясь наконецъ хотя только провести время безъ всякаго исполненiя, послали двухъ Сенаторовъ бывшихъ нѣкогда въ Консульскомъ Достоинствѣ къ Тиверiю, просить его, чтобъ онъ утишилъ Народъ, и возставилъ спокойство въ Городѣ.

Трибунъ спросилъ у нихъ, какой они находятъ способъ, чтобъ онъ могъ употребить его не нарушая своей

ей должности, ни своей чести, „Отмѣнить сего дня, отвѣтствовали ему „посланные Сенаторы, предложенiе „Закона; дать волнующимся разумамъ „время помыслить правдивѣе и разсудительнѣе: а между тѣмъ Сенатъ „изыщетъ способы удовольствовать „обѣ стороны.„ Тиверiй на то согласился, и Собранiе было разпущено. На другой день произведено было Собранiе Сената. Тиверiй имѣлъ надежду на обыкновенное снисхожденiе сего Общества, и ласкалъ себѣ, что страхъ возмущенiя принудитъ Сенаторовъ уступить на конецъ нѣкоторую часть спорныхъ владѣнiй. Въ самомъ дѣлѣ нашлось нѣсколько особъ, кои по правилу безпристрастной истинны соглашались, чтобъ сколько нибудь уважены были Трибунскiе требованiи и Народная скудость. Но тѣ кои находили въ томъ ущербъ своей пользы, будучи въ превосходномъ числѣ, противились всякому въ томъ снисхожденiю. Богатые боясь потерять

рять часть земель своихъ, на которыхъ они выстроили великолѣпныя зданіи, отъ одного только Тиверіева имени отвращались съ досадою и озлобленіемъ. Иные говорили, что они получили земли отъ своихъ предковъ, что тамъ почиваютъ ихъ прахъ и кости, и что они будутъ защищать до своей смерти покой усопшихъ тѣлъ ихъ. Другіе требовали, чтобъ имъ возвращено было приданое ихъ женъ, потраченное на приобрѣтеніе сихъ владѣній, и нѣкоторые показывали обязательствы истинные или подложные въ займѣ ими денегъ, съ превеликою лихвою, для покупки земель, коихъ они лишиться принуждаемы были. Они предпринимали разные мѣры для воспрепятствованія выдаваемаго Закона. Нѣкоторые подавали мнѣніе истребить Трибуна, котораго они называли Тираномъ; другіе съ большею умѣренностью предлагали различные способы, чтобъ помѣшать Народному Собранію. На конецъ же избрано было

ло средство сопротивленія отъ стороны другихъ Трибуновъ: средство, которое Сенатъ неоднократно употреблялъ съ пользою. Для сего надлежало только подговорить одного изъ сихъ Народныхъ Начальниковъ, которой по силѣ своего званія, имѣлъ Право, какъ было сказано, оспоривать предложеніи своихъ Товарищей. Богатые прибѣгли для сего къ Марку Октавію. Сей хотя былъ другъ Тиверіевъ, но склонился безъ многихъ прозьбъ и обѣщаній, къ сторонѣ достаточныхъ. Собственная польза заставила его войти съ ними въ совѣщаніе; и онъ далъ слово спорить Тиверію, тѣмъ тверже что онъ имѣлъ тогда во владѣніи удѣлы завоеванныхъ земель, сверьхъ предписанной Закономъ мѣры. И такъ споръ отъ него подавалъ несумнительную надежду въ сопротивленіи Тиверію.

Сіе особое условіе не было произведено толь тайно, чтобъ Тиверій частью того несвѣдалъ; онъ зналъ

такѣ же что размышляемо было о разныхѣ способахѣ для уничтоженія Народнаго Собранія, или для воспрепятствованія, чтобѣ не послѣдовало вѣ немѣ каковаго либо положительнаго рѣшенія. Таковые способы не трудны были вѣ Городѣ, гдѣ суевѣріе сильно вѣ Народѣ царствовало, и гдѣ не льзя было уставить Законовѣ, безѣ предварительнаго произведенія Авспицій, безѣ вопрошенія Жрецовѣ и Авгуровѣ, кои обыкновенно давали отвѣты согласные сѣ пользою той стороны которая была сильнѣе.

Тиверій увѣдалѣ сѣ озлобленіемѣ о препятствіяхѣ, какіе предумышляемы были противу исполненія его намѣреній. Но какѣ онѣ при ласковыхѣ и привлекательныхѣ своихѣ поступкахѣ, сохранялѣ смѣлость и непоколѣбимую твердость, то и не могло ничто отвратить его отѣ предпріятія Онѣ сперва началѣ уговаривать своего Товарища, или точнѣе сказать заклиналѣ его общею должностью ихѣ

званія и союзомъ древняго дружества, не препятствовать благополучію Народа, такъ какъ они въ Трибунствѣ суть ихъ Начальники и Покровители. А дабы лучше преклонить его, онъ предложилъ наградить ущербъ его собственнымъ своимъ иждивеніемъ, сколько бы ни стоили земли, коихъ онъ долженъ будетъ лишиться. Октавій не скрывалъ отъ него, что онъ намѣренъ произвесть споръ противу Закона, который непремѣнно долженъ привести въ безпорядокъ и замѣшателство всѣ Римскіе домы. Къ тому прибавилъ, что Тиверій найдетъ въ томъ болѣ препятствія, нежели чаетъ. А чтобъ не уступить въ щедрости своему Товарищу, онъ не принялъ корыстныхъ его предложеній, и оказывалъ непоколебимость въ предпріятомъ намѣреніи.

Тиверій, по размышленіи о томъ что онъ услышалъ отъ своего Товарища, изыскалъ способъ, какимъ онъ твердо надѣялся уничтожить его сопроти-

противленіе. Онъ желалъ къ тому пресѣчь умышленные отсрочки, кои въ таковыхъ случаяхъ бывали дѣланы, нарочно съ тѣмъ чтобъ украсть время Народныхъ Собраній, или чтобъ не допускать людей до положительнаго ихъ рѣшенія. Того ради онъ нововыданнымъ Опредѣленіемъ запретилъ всѣмъ Правителямъ отправлять свои должности, пока Законъ не будетъ принятъ или отринутъ голосами Народа. Онъ запечаталъ самъ своею печатью двери Сатурнова Храма, гдѣ поставлены были сокровищные хранилищи; и такъ Квесторы ни Казначеи не могли входить въ оный. А тѣхъ Правителей, кои преступятъ его Опредѣленіе, онъ подвергалъ подъ страхъ тяжкаго денежнаго взысканія.

Употребивъ сіи мѣры, онъ назначилъ вновь Народное Собраніе, и въ день когда оное учреждено было, приказалъ Секретарю прочесть въ слухъ Законъ, которой онъ предлагалъ къ принятію. Октавій непре-

минулъ воспротивиться сему Закону, и запрещалъ Секретарю читать оный; а сїе разногласїе произвело жестокїе споры между двумя Трибунами. Однако примѣчено, что при всей горячности, съ которою каждый утверждалъ свое мнѣнїе, ни одинъ изъ нихъ не произнесъ такого слова, которое могло бы оскорбить противу спорщика. Тиверїй увѣщевалъ своего Товарища, сими ласковыми образами, коими онъ привлекъ отъ всѣхъ общую къ себѣ благосклонность, и заклиналъ его древнимъ между ими дружествомъ, не противиться болѣ Народной пользѣ, но великодушно пожертвовать своими особенными обязательствами благосостоянїю многихъ бѣдныхъ семей, коимъ препиналъ онъ въ ихъ облегченїи. Октавїй отвѣтствовалъ ему, что предлагаемый Законъ не можетъ быть исполненъ безъ разоренїя главныхъ Домовъ, кои наиболѣ держатъ республику, и безъ заведенїя въ Городѣ безчисленныхъ

ныхЪ тяжебЪ, у купившихЪ земли сЪ тѣми кои продали ихЪ сЪ ручательствомЪ вЪ вѣчное владѣніе. ОнЪ прибавилЪ, что когда бы и возможно было безЪ труда отрѣзать у ВладѣльцевЪ излишніе сверхЪ пяти сотЪ удѣловЪ земли, то сіи излишки вЪ раздѣлѣ на безконечное число бѣдныхЪ ГражданЪ являющихся вЪ Римѣ, принесли бы имЪ весьма малую помощь; что вѣдая то, онЪ ни когда не согласится выдать ЗаконЪ, на разореніе богатыхЪ безЪ обогащенія бѣдныхЪ.

Вельможи Римскіе казалось выигрывали верьхЪ симЪ споромЪ. Но Тиверій былЪ болѣ искусенЪ и болѣ смѣлЪ, нежели всѣ бывшіе его Предмѣстники вЪ Трибунствѣ. ОнЪ удержалЪ свое требованіе новымЪ и необыкновеннымЪ предпріятіемЪ.„ Когда „такЪ введено вЪ обычай, говорилЪ „онЪ обратясь кЪ Собранію, что ни-„кто ТрибунЪ не можетЪ предлагать „новыхЪ ЗаконовЪ, естьли хотя о-„динЪ изЪ его Товарищей заспоритЪ

 „на

„на предложеніе, то справедливо я „долженъ уважить споръ отъ Октавія. Но какъ Трибунство учреждено „для того только чтобъ помогать „Народу, и естьли находится теперь Трибунъ, который отступая „отъ сего учрежденія, рушитъ самое „основаніе своей должности, то я „требую, чтобъ Народъ рѣшилъ своими голосами, кто изъ насъ, я ли „или Октавій, болѣ противенъ Народной пользѣ; и тотъ изъ двухъ который найденъ будетъ въ небреженіи своей должности, или употребляетъ во зло Право своего сопротивленія, да будетъ теперь же отрѣшенъ отъ Чина. Естьли, продолжалъ Тиверій, Римской Народъ возчувствовавъ безстыдность и наглость человѣческую, могъ свергнуть „съ престола Царя, и во все уничтожить Царское Достоинство заключающее самодержавно въ себѣ „власть всѣхъ Чиноначалій, то можно „ли сомнѣваться, чтобъ тотъ же са-

„мой

„мой Народъ не могъ уничтожить Три-
„бунства, когда бы оно содѣлалось
„противнымъ его вольности, а коль-
„ми паче отрѣшить Трибуна, когда
„онъ употребляетъ во зло Право своего
„званія, и обращаетъ противу самаго
„Народа, власть ему врученную един-
„ственно для Народнаго вспоможенія.„

Народъ находя всегда справедли-
вость въ томъ что ему полезно,
много хвалилъ Тиверіево разсужденіе,
хотя оное было болѣ остроумно не-
жели основательно. Требованіе его
единогласно было принято, и Народъ
положилъ рѣшить завтре, котораго
изъ двухъ Трибуновъ должно отста-
вить отъ Трибунства. Тиверій умѣвъ
соединить свою пользу съ общенарод-
ною, спокоенъ былъ въ ожиданіи рѣ-
шенія. Но какъ онъ боялся чтобъ
Октавій не отрекся замѣшать себя
въ дѣло не приличное его Достоин-
ству, то онъ, дабы подвлечь его
подъ судъ Народной, предложилъ ему,
чтобъ онъ самъ созвалъ Собраніе, и

въ немъ первенствовалъ. И дабы скорѣе къ тому подозвать его, онъ прибавилъ съ наружнымъ равнодушіемъ, что онъ съ своей стороны оставитъ Трибунство съ лучшимъ удовольствіемъ, нежели могъ получить его вошедъ въ Трибуны.

Октавій не дался въ обманъ. Онъ зналъ совершенно, сколь много Народъ любилъ Тиверія, и сколь сей властвовалъ надъ его голосами. Въ протчемъ, онъ не хотѣлъ созывать Собранія ни первенствовать въ ономъ, боясь симъ поступкомъ оправдать Приговоры, о которыхъ онъ не сумнѣвался, что онъ будетъ ихъ жертвою. Тиверій, за симъ отказомъ, созвалъ самъ Собраніе для другаго дня. Никогда еще не было толь многочисленнаго Собранія въ Римѣ Гражданъ его. Богатые и бѣдные, Сенатъ, Вельможи, Знатные въ городѣ и мѣлкое людство, всѣ туда явились. То было со всѣмъ новое зрѣлище, чтобъ видѣть споръ предъ Народомъ двухъ Трибуновъ; и такое зрѣлище было бы не про-

противно Сенату, естьли бы въ семъ славномъ споръ, межеванїе общихъ земель не было соединено съ нещастьемъ Октавїя. Тиверїй, возшедъ на Витїйственный Трибунъ, увѣщевалъ вновь своего Товарища отстать отъ своего сопротивленїя. Но видя, что онъ пребывалъ въ томъ твердо, Тиверїй предложилъ Собранїю, кого изъ нихъ, его или Октавїя, Римской Народъ желаетъ отрѣшить отъ должности: и тотчасъ билетцы были розданы. Изъ тритцати пяти Трибовъ, кои составляли Римское Собранїе, семнатцать уже дали свои голоса противу Октавїя; надлежало только чтобъ одинъ Трибъ еще далъ свои голоса, и по томъ объявить его отрѣшенїе. Однако Тиверїй желая еще убѣждать его словами, приказалъ остановить сборъ голосовъ, и увѣщевая вновь Октавїя заклиналъ его нацсильнѣйшими изрѣченїями, чтобъ онъ не навлекалъ себѣ упрямствомъ своимъ толь великаго стыда, и ему

 са-

самому прискорбности, въ принужденіи обезчестить своего Товарища и своего друга.

Примѣчено было, что Октавій не могъ слышать сихъ словъ, безъ внутренняго чувствъ его движенія, такъ что слезы появились на очахъ его; но возрѣвъ къ сторонѣ Сенаторовъ, онъ стыдился солгать имъ въ своемъ словѣ, и отвѣтствовалъ на конецъ смѣло Тиверію, что онъ можетъ совершить свое предпріятіе. Тиверій, раздраженъ прилѣпленіемъ его къ обществу богатыхъ, приказалъ по томъ продолжать голосовъ Собираніе. Октавій отрѣшенъ. Онъ вытолканъ былъ изъ своего Трибунала, и Народъ въ разъяреніи поругалъ бы его еще болѣ, естьлибъ Вельможи, коимъ онъ себя жертвовалъ, не помогли ему сохранно выйти.

Когда же на конецъ уничтоженъ былъ споръ, низверженіемъ самаго Начальника который произвелъ оный, то Законъ *Лициніевъ* возставленъ едино-

единогласнымъ желанiемъ. Въ слѣдствiе сего избраны были трое Повѣренные или Трiумвиры для скорѣйшаго въ томъ исполненiя. Народъ препоручилъ Тиверiю первое мѣсто въ семъ Званiи, и онъ имѣлъ еще силу въ Народѣ заставить дать себѣ въ Товарищи Аппiя Клавдiя своего тѣстя, и Каiя Гракха своего брата, хотя сей молодой Римлянинъ не болѣ двадцати лѣтъ имѣлъ отъ роду, и тогда находился въ первой разъ на службѣ, при осадѣ Нуманса, подъ предводительствомъ Сципiона своего шурина. А еще дѣйствомъ равнаго ему угожденiя, Народъ отдалъ мѣсто Октавiя, Муцiю, нискому человѣку, который не имѣлъ другова достоинства кромѣ Тиверiева въ томъ представленiя. Такимъ образомъ сей Плебеянской Начальникъ, содѣлавшись совершеннымъ властителемъ въ Трибунствѣ, и имѣя, силою своею въ управленiи Народныхъ разумовъ, верьхъ надъ цѣлымъ Сенатомъ, обладалъ о-

динъ, такъ сказать, республикою: то есть, протчіе Начальники не могли ничего исполнить противу его воли; а онъ, не завися отъ другихъ, всегда былъ увѣренъ въ успѣхѣ всѣхъ своихъ предприятій.

Сіе самовластное владычество въ республикѣ, привлекало ненависть отъ Сената и даже отъ Плебеянъ. Тиверіевы неприятели не приминули поджигать оную. Они внушали, что онъ совершенно опасенъ былъ для римской вольности; и многіе въ слухъ говорили, что Кассій и Мелій за подобную вину умерщвленные, были менѣ подозрительны. „Не вѣдаютъ ли всѣ, „сказывали они, что въ дѣлахъ ка-„сательныхъ до Государственнаго бла-„гостоянія, одно только подозрѣніе „дѣлаетъ не простительную вину? „Того ли намъ дожидаться должно, „чтобъ сообщники Тиверіевы возло-„жили на него Корону?„ Таковые лукавосплетенные рѣчи уменьшали его въ Народѣ повѣренность; въ прибавокъ,

вокъ, онъ лишился одного вѣрнѣйшаго своего единообщника. И какъ сей другъ его умеръ скоропостижною смертью, безъ всякой извѣстной тому причины, то былъ поводъ думать, что лихость злодѣевъ пресѣкла жизнь его.

Богатые и бѣдные учиняли тогда двѣ стороны злобные другъ противъ друга, кои взаимно искали вредить своимъ неприятелямъ. Тиверій, стараясь умножить Народное озлобленіе, давалъ знать что онъ ожидалъ смерти отъ своихъ злодѣевъ, и показывалъ подъ плащьемъ спрятанной кинжалъ. Онъ воздѣлъ на себя печальную одежду, какая употреблялась въ наивеличайшихъ нещастьяхъ; приказалъ принесть дѣтей своихъ еще въ младенчествѣ на сборное мѣсто посреди Собранія, гдѣ онъ препоручалъ ихъ Народу съ таковыми прозьбами, кои являли его отчаяніе въ спасеніи своей жизни. Народъ, при семъ зрѣлищѣ, отвѣтствовалъ ему гнѣвными

воскли-

восклицаніями и угрозами противу богатыхъ. Никогда ненависть Плебеянъ противу Сената не пылала съ толикою ревностью. Тиверій питалъ сіе Народное къ Вельможамъ омерзѣніе, иногда возбуждая Общество ихъ къ жалости, иногда же возжигая мщеніемъ, или привлекая новыми видами ихъ пользы. Искусный Трибунъ производилъ сіи разные чувствы попеременно, смотря по разположенію разумовъ и по теченію дѣлъ Народныхъ.

Смерть Атала Филопатора Царя Пергамскаго дала ему новый случай привлечь еще болѣ къ себѣ людство. Сей Государь, по духовной своей сдѣлалъ Римской Народъ своимъ наслѣдникомъ. Тиверій слѣдуя всегда единому правилу, предложилъ выдать новый Приговоръ, по которому бы вся казна Пергамскаго Царя раздѣлена была на бѣдныхъ Гражданъ, долженствовавшихъ получить по нѣкоторому себѣ удѣлу отъ раздачи общихъ земель, дабы они могли на тѣ деньги завестись ско-

скотомъ и нужною рухлядью для обработыванія малыхъ своихъ помѣстьевъ. „Что же касается до Городовъ „и земель къ нимъ принадлежащихъ, „прибавилъ Тиверій, я буду представлять Народу, когда получу о томъ „подробные свѣденіи, и онъ въ своихъ Собраніяхъ станетъ судить объ „нихъ, такъ какъ то ему по духовной оставлено.„

Плутархъ пишетъ что изъ всѣхъ Тиверіевыхъ предприятій, ни которое не разтрогало толь чувствительно цѣлое Общество Сената, какъ сіе на послѣди предложенное, кое отдая Народу рѣшеніе толь важнаго дѣла, вручало ему всю власть Правленія, и лишало Сенаторовъ знатной корысти, которую они надѣялись получить отъ разпредѣленія Областей помянутаго умершаго Государя. Властолюбіе и жадность къ богатству воздвигли мщеніе Первоначальныхъ въ Римѣ. Явно укоряли Тиверія, что онъ отдавалъ Народу разпредѣленіе Аталовыхъ

ловыхъ Областей единственно въ томъ видѣ чтобъ возложить на себя Корону. Его обвиняли къ тому, что онъ желалъ содѣлаться тираномъ своей отечественной Области; и нѣкоторые разглашали, что онъ заранѣ похитилъ къ себѣ Царской вѣнецъ и порфиру Аталову. Но сіи несправедливые слухи произшедшіе отъ злобы Вельможъ, ни мало не сходствовали со нравомъ Тиверія. Ни когда ни кто республиканинъ не могъ имѣть большей любви къ республикѣ, какую сей Трибунъ доказывалъ. Все что онъ произвелъ касаясь до раздѣла земель, имѣло едину только цѣль, чтобъ приближить состояніе бѣдныхъ къ состоянію богатыхъ, и возставить нѣкоторое равенство между всѣми Гражданами.

Правда то что напослѣдокъ онъ вышелъ изъ мѣры своего правила; ибо примѣтивъ что Законы его навлекали ему непримиримую ненависть отъ стороны Вельможъ, умышляю-

шляющихъ его гибель, онъ не чтился болѣ о приобрѣтенїи ихъ благосклонности; единственно же стремился испровергать власть Сената, и содѣлывать себѣ спасенїе въ Народной силѣ. Въ семъ видѣ онъ предлагалъ на всякой день новые Законы. Иногда предлагалъ убавить предписанные годы для службы воиновъ; иногда, переносить въ Народное Собранїе рѣшенїи всѣхъ Правителей, по возтребованїю отъ судимыхъ. Но всево жесточе для власти Сената было новое его предложенїе, опредѣлять столько же Рыцарей какъ и Сенаторовъ въ разные Трибуналы Римскїе.

Тиверїй представлялъ толь ласкательные Законы Народу въ томъ видѣ, что онъ оставитъ его и на будущїй годъ въ Трибунствѣ, для установленїя сихъ Законовъ. Сенатъ же, приведенъ въ наибольшую злобу сими новыми предприятїями, составилъ сильной заговоръ противу продолженїя его Трибунства. Правители, Вельможи, бога-

богатые люди въ Римѣ, и даже Народные Трибуны ревнующїе его силѣ, вошли въ заговоръ къ нещастью Тиверїя. И когда насталъ день избранїя, они вступили въ споръ съ Муцїемъ поставленнымъ въ Трибуны отъ Тиверїя, о правѣ по какому онъ первенствовалъ въ Собранїи и слѣдственно имѣлъ великую силу надъ голосами, хотя сїе право прямо ему слѣдовало по низверженїи Октавїя, на мѣсто котораго онъ былъ поставленъ.

Сей споръ отъ Трибуновъ былъ для Тиверїя худымъ знакомъ. Онъ возчувствовалъ, что противу его востаетъ сильное совѣщанїе. А дабы узнать силу и намѣренїи своихъ неприятелей, онъ провелъ нарочно все время Собранїя въ спорахъ съ своими Товарищами о помянутомъ первенствѣ; и наступившая ночь заставила отложить избранїе до слѣдующаго дня.

Онъ употребилъ всю оную ночь въ старанїе приклонить къ себѣ главныхъ

ныхъ въ Народѣ. Единообщники его, раздѣлясь во всѣхъ частяхъ Города, подговаривали Плебеянъ приходить ранѣ на сборище: и сїи къ изъявленїю своей ревности, большою частью пришли туда прежде нежели день показался. Вельможи и богатые, свѣдавъ что Народъ, такъ сказать овладѣлъ сборнымъ мѣстомъ, вознамѣрились выгнать его оттуда хотя жестокою силою, но не попускать, чтобъ Тиверїй оставленъ былъ по прежнему въ Трибунствѣ. Они приказали слѣдовать за собою своимъ Клїентамъ, служителямъ и невольникамъ съ палками, кои велѣли спрятать, и ждать себя у дверей Сената.

Тиверїй, не вѣдая о ихъ намѣренїи, готовился итти на мѣсто сборища. Но онъ имѣлъ нещастные предзнаменованїи, кои отвращали его отъ начинанїя, и кои по тогдашнему суевѣрїю и предразсудкамъ почитаемы были вѣрнѣйшими провозвѣстниками судебъ Божескихъ.

Ему донесено было, что священные Куры не хотѣли ѣсть симъ утромъ. Выходя же изъ своего дома онъ ушибъ себѣ ногу о порогъ дверей, а не много отошедъ увидѣлъ падшую къ ногамъ своимъ черепицу, которую два ворона въ дракѣ между собою отломили. Въ тогдашнее время такое предзнаменованіе довольно было чтобъ отвратить самыхъ смѣлыхъ людей отъ ихъ предприятія. Трибунъ, устрашенъ сими худыми знаками, хотѣлъ въ домъ возвратиться; но нѣкоторой Греческой Философъ, (Блоссій) искренній другъ Тиверіевъ, съ посмѣяніемъ сихъ простонародныхъ примѣтъ, представилъ ему сколь было бы постыдно для Тиверія Гракха, Трибуна Римскаго Народа, сына знатнаго Консульствомъ родителя, и внука великаго Сципіона, естьли бы онъ укоренъ былъ, что содержа въ рукахъ своихъ сильное Народа единообщество, отъ крику двухъ вороновъ остановился въ произведеніи своего предприятія.

Сіи

Сїи слова подстрекнули честолюбїе Трибуна; и къ тому нѣкоторые изъ его единообщниковъ, прибѣжавъ изъ Собранїя туда звать его, сказывали ему, что онъ найдетъ большую часть голосовъ соединенно желающихъ его въ Трибуны. Тиверїй пошелъ за ними, и въ провожденїи особыхъ своихъ друзей явился въ Капитолїй.

Народъ, какъ скоро его увидѣлъ, произнесъ радостные и ласкательные ему восклицанїи. Но едва онъ взялъ мѣсто въ своемъ Трибуналѣ, какъ одинъ Сенаторъ изъ его друзей, протѣснясь сквозь толпу Народа, и подступя къ нему увѣдомилъ его что есть умышленїе противу его жизни, и что Римскїе Вельможи, особливо тѣ кои участвовали въ потерянїи земель, вознамѣрились притти явно напасть на него, въ самомъ его Трибуналѣ.

Друзья Трибуновы, приемля участїе въ предстоящей ему гибели, становятся во кругъ его, подтыкаютъ долгїе свои платьи, и схватя Ли-

которскіе оружіи приготовляются защищать его и отревать силу силою. Тиверій сказывалЪ вЪ слухЪ Народу, какую онЪ получилЪ вЪ тотЪ часЪ вѣдомость: но ропотЪ, шумЪ и буесловіе раздѣленныхЪ на двѣ стороны людей, заглушали слова его. ВЪ сей неудобности онЪ клалЪ обѣ руки себѣ на голову, дая знать тѣмЪ людству, что жизнь его была вЪ опасности. Неприятели же его, по сему видимому знаку, не упустили случая кричать, что онЪ требуетЪ Короны; и самые злобные бѣжали доносить Сенату, что НародЪ коронуетЪ Тиверія, естьли то на скоро отвращено не будетЪ.

То было выдумано, дабы понудить СенатЪ оставить всѣ судебные обряды, и тотчасЪ прописать Тиверія общимЪ злодѣемЪ. Большая часть СенаторовЪ, у коихЪ исполненіе Закона *Лициніева* долженствовало отнять часть земель ихЪ, лихо возопіяли противу Тиверія. Но никто столько

не изъявилъ злобы, какъ СципіонъНазика, его родственникъ. Сей Сенаторъ, обратясь къ первому Консулу преставлялъ ему, что всѣ введенные отъ Трибуна въ Правленіе новости, служили ему нѣкоторыми степенями для достиженія къ Престолу; что не должно терять ни минуты времяни, а тотъ часъ истребить Тирана для сохраненія вольности. Но сей благоразумный Консулъ, не хотя быть орудіемъ нѣкотораго числа людей въ ихъ мщеніи, отвѣтствовалъ ему, что онъ не можетъ, равно какъ принять новыхъ Законовъ, такъ погубить Издателя оныхъ, противу обыкновенныхъ обрядовъ правосудія.

Толь осторожной и умѣренной отвѣтъ, служилъ только къ пущему раздраженію ярящейся злобы въ сердцахъ полныхъ мщеніемъ. Сципіонъ сердито всталъ съ своего мѣста, и обратясь къ Сенаторамъ, кои какъ онъ учавствовали въ будущей земель утратѣ: „А когда главной Правитель,

 „го-

„говорилъ онъ, въ безмѣрно крѣпкомъ „соблюденіи обыкновенныхъ обрядовъ „Правосудія, отказывается вспомоществовать республикѣ, то тѣ кои „вольность предпочитаютъ самой жизни пусть пойдутъ за мною.„ Выговоря сіе и подогнувъ платье, онъ ведетъ за собою Сенаторовъ своихъ единообщниковъ, кои въ злобѣ бѣжатъ къ Капитолію, съ помянутою кучею Кліентовъ, слугъ и невольниковъ, ждавшею ихъ у дверей Сената. Сіе грубое людство, вооруженное одними дубинами и долбнями, предслѣдовало Сенаторамъ, и ломило не разбирая все то что въ пути имъ препятствовало.

Народъ устрашается, бѣжитъ отъ сборнаго мѣста, каждой спасаетъ себя отъ боя; друзья Тиверіевы его покидаютъ. Онъ на конецъ принужденъ спасаться какъ и другіе: сбросываетъ съ себя епанчу свою, дабы легче бѣжать было можно. Но въ семъ неразлучномъ отъ страха оторопленіи,

нїи, спотыкается и на бѣгу́ упадаетъ. Онъ хочетъ встать; но тогда Публїй Сатурей, одинъ изъ его Товарищей, тайный завистникъ и непрїятель его славы, ударяетъ его по головѣ скамейкою. Отъ сего удара онъ паки падаетъ: а между тѣмъ набѣжавшїе его неприятели прекращаютъ вовсе жизнь его.

Смерть Тиверїева не кончила однако смятенія: равная свирѣпость совершалась въ разныхъ частяхъ Города. Болѣ трехъ сотъ друзей и единообщниковъ Тиверїевыхъ погибли въ семъ возмущенїи. Примѣчено, что ни одинъ изъ нихъ не былъ умерщвленъ желѣзомъ, но всѣ побиты или каменями, или дубинами. Тѣла́ ихъ, вмѣстѣ съ Тиверїевымъ, потомъ въ Тибръ были брошены.

Совѣщатели и единообщники Вельможъ распространили мщенїе на всѣхъ тѣхъ кои казались быть участниками или споспѣшителями Тиверїевыхъ предприятїй. Многїе преданы

были смерти; многихЪ же изгалЪ изЪ рима Попилій, тогдашній ПреторЪ; и все что можно употреблено было для поселенія страха, вЪ тѣхЪ людѣхЪ кои отважились бы вновь предпринимать то же требованіе.

КонецЪ осьмой Книги.

КНИГА IX.

Кайй Гракхъ, братъ Тиверіевъ, Народомъ возведенъ въ Трибуны, противу воли Вельможъ. Предлагаетъ разные Законы и производитъ многіе перемѣны въ Правленіи, кои учиняютъ его почти самовластнымъ въ Римѣ и во всей Италіи. По окончаніи года его Трибунства, онъ опять оставленъ въ семъ званіи, безъ его въ томъ исканія. Сенаторы на конецъ достигаютъ къ тому что его повѣренность въ Народѣ упадаетъ. Сцииіонъ Еміліанинъ, разоритель Карѳагена и Нуманція, споритъ откровеннѣйшимъ образомъ противу поземельныхъ Законовъ. Его находятъ мертваго въ своей постелѣ. Кайй палъ въ подозрѣніе что онъ соучаствовалъ въ его убивствѣ. Товарищи его, завиствуя

его власти, не допускаютъ его на третій годъ въ Трибунство. Сенаторы видя Кайя въ прежнемъ его простомъ состояніи, препоручаютъ Консулу Опимію уничтожить всѣ его Законы, и особливо тѣ кои касались до раздѣла поземельныхъ владѣній. Опимій созываетъ общее Собраніе для рѣшенія сего важнаго дѣла. Одинъ изъ Консульскихъ Ликторовъ до смерти убитъ отъ Плебеянъ, хотя Кай старался спасти его; а сіе подало поводъ Сенату заставить Опимія, чтобъ онъ приказалъ равно бить Плебеянъ своимъ прислужникамъ. Кай убитъ, и голова его принесена къ Консулу, который заплатилъ за нее семнатцать фунтовъ съ половиною золота. Вельможи доходятъ напослѣдокъ до своего желанія: то есть они признаны Законными владѣтелями земель полученныхъ отъ завоеванія, съ обязательствомъ платить нѣкоторую дань, отъ коей они скоро по томъ отлагаются. Югурта. Кто онъ таковъ.

ковъ. Первые его военодѣйствіи. Деньги его даютъ ему силу въ Римѣ на нѣсколько времяни; но подъ конецъ жестокости его принуждаютъ Римлянъ послать въ Нумидію противу его войско. И такъ улотребивъ противу сихъ страшныхъ неприятелей деньги, хитрость и силу съ недолговремяннымъ успѣхомъ, Югурта преданъ отъ Бокха въ руки своимъ соперникамъ, приведенъ въ Римъ, влеченъ какъ невольникъ окованъ за тріумфальною Колесницею, на послѣдокъ вверженъ чрезъ палача въ погребъ, гдѣ умеръ отъ голода. Марій Силла.

Римъ увидѣлъ у себя въ первой еще разъ междоусобную войну возженную внутри самого Города. Всѣ прежде бывшіе возмущеніи, каковы побѣгъ на священную Гору, уничтоженіе долговъ, возстановленіе Трибунства, и учрежденіи разныхъ Законовъ, словомъ, всѣ прошедшіе споры кончи-

кончились всегда примирительными способами, безъ пролитія человѣческой крови: иногда по почтенію какое Народъ имѣлъ къ Сенату, часто же по снисхожденію отъ Сената къ Народу. Но въ послѣдне помянутомъ произшествіи насильство рѣшило ссору; и то былъ самый Трибунъ Народный, который, забывъ важность свято почитаемаго Трибунскаго достоинства, первымъ ударомъ поразилъ своего Товарища.

Народъ опамятовавшись отъ страха, порицалъ себя за смерть его, какъ будто бы онъ самъ былъ убійцею того котораго къ защищенію онъ не имѣлъ довольно смѣлости. И такъ злобу свою онъ обратилъ по томъ противу Сципіона Назики начальника возмущенія. Плебеяне всякой разъ какъ встрѣчались съ нимъ на улицахъ, явно называли его душегубцемъ и врагомъ святости. Иные въ злобномъ разъяреніи грозили убить его; другіе же представляли чтобъ онъ требо-

ванъ былъ на судъ передъ Народное Собранїе. Сенатъ, боясь чтобъ присудствїе его въ Городѣ не произвело новаго возмущенїя, за благо разсудилъ удалить его изъ Рима; и онъ посланъ въ Азїю, съ наружнымъ порученїемъ ему нѣкотораго дѣла, чѣмъ прикрыта была точная его ссылка. А дабы совершенно утишить Народъ, Сенатъ согласился къ исполненїю Закона. Онъ позволилъ чтобъ на мѣсто Тиверїя поставленъ былъ другой повѣренной, которой бы для раздѣла земель вступилъ въ туже должность; и такъ же не спорилъ чтобъ сїя должность препоручена была Публїю Крассу, котораго на дочери женатъ былъ Кайй Гракхъ братъ Тиверїевъ. Но Сенатъ манилъ только Народъ симъ наружнымъ снисхожденїемъ. Законы Тиверїевы всегда равно ненавистны были вельможамъ. Къ тому смерть Аппїя Клавдїя, одного изъ Трїумвировъ, дала имъ новую отговорку, по которой они еще впредь отсрочили испол-

исполненіе оныхъ. И уже начали почитать раздѣлъ земель такимъ дѣломъ, кое люди желали привести мало по малу въ безсиліе, и напослѣдокъ въ совершенное забвеніе.

Оставался одинъ Каій Гракхъ отъ котораго Народъ могъ ожидать помощи. Но кромѣ того что онъ былъ еще весьма молодъ для вступленія въ должности, имѣя въ ту пору какъ братъ его кончилъ жизнь только двадцать четыре года отъ роду, примѣтно было что онъ по смерти брата давалъ знать удаленіе свое отъ всѣхъ Народныхъ сборищь: такъ какъ или справедливо боялся неприятелей своего Дома, или какъ хотѣлъ ихъ сдѣлать еще болѣ ненавистными Народу симъ притворнымъ страхомъ. Не въ долгомъ времяни однако открылось, что онъ самъ себя изгналъ отъ сообщенія съ Свѣтомъ, для того чтобъ явиться въ немъ съ большею отличностью, и въ состояніи отмстить за смерть своего брата.

Ко

Ко всѣмъ достоинствамъ въ Республикѣ были только два пути, равно открытые для людей ищущихъ отличности: то есть краснорѣчїе, и великое мужество. Кайй уже отличился въ Нуманской войнѣ, подъ повелѣнїемъ младшаго Сципїона своего Полководца и шурина. Тиверїева смерть и истребленїе его единообщниковъ принудили его жить въ неизвѣстности; а сїе время онъ употребилъ на изощренїе себя въ краснорѣчїи, и на совершенїе словеснаго дарованїя необходимо нужнаго въ Республическомъ Правленїи. Онъ затворился въ своемъ кабинетѣ: ни молодые Римляне его сверстники, ни друзья его дома не могли его видѣть. Вскорѣ позабыли Тиверїева брата, и внукъ великаго Сципїона не извѣстенъ былъ въ Римѣ. Вельможи съ удовольствїемъ смотрѣли на его удаленїе отъ свѣта, почитая то дѣйствомъ отчаянїя, въ которое онъ былъ вверженъ смертью своего брата, и какъ нѣкоторымъ

рымЪ изЪявленіемЪ, что онЪ не смѣлЪ принимать участія вЪ Правленіи.

Не вЪ долгомЪ времяни однако всѣ увидѣли, что онЪ удалясь отЪ дѣлЪ, мыслилЪ только о томЪ чтобЪ приобрѣсть нужные знанія и способность кЪ произведенію оныхЪ. ОнЪ вышелЪ изЪ своего уединенія защищать одного друга своего брата, по имени Вектія, котораго противное единообщество погубить желало, подЪ видомЪ многихЪ преступленій коими онЪ былЪ обвиняемЪ. Кайй предпринялЪ за него говорить. ОнЪ вЪ первый разЪ еще возшелЪ на Витійственный ТрибунЪ. НародЪ увидѣлЪ его тамЪ сЪ восклицаніями и восторгомЪ вЪ безмѣрной радости. ОнЪ чаялЪ видѣть вЪ его особѣ втораго Тиверія, и новаго покровителя поземельныхЪ ЗаконовЪ. Сія благосклонность отЪ Народа, толь доказательно изЪявляемая, вдохнула вЪ него упованіе, и смѣлость рѣдко видимую вЪ тѣхЪ людехЪ кои вЪ первый разЪ предпринимаютЪ говорить

передЪ

передъ Народомъ. Онъ защищалъ своего Кліента съ такимъ краснорѣчіемъ, что сей освобожденъ отъ суда всѣми голосами Собранія.

Испытавъ же первымъ своимъ появленіемъ, свои силы и расположеніе разумовъ, онъ за нужно разсудилъ, прежде совершеннаго вступленія въ дѣла, приобрѣсть себѣ нѣкоторую славу, получаемую отъ мужества и воинскихъ добродѣтелей. Онъ испросилъ себѣ чинъ Квестора въ войскѣ, которое находилось тогда въ Сардиніи 627 годъ. подъ повелѣніемъ Консула Ореста: то былъ первый чинъ которымъ надлежало начинать службу, для произведенія себя въ вышніе Достоинствы Республики. Плутархъ, въ жизни Каія пишетъ, что ни кто въ войскѣ не оказалъ болѣ храбрости противу неприятеля, ни болѣ прилѣпленія къ строевымъ порядкамъ какъ сей молодой Чиновникъ. Наиболѣ удивляя онъ людей, въ юношескихъ лѣтахъ, своею умѣренностью и зрѣлостью му-

 жествен-

жественнаго своего разума. Но къ строгости его нрава присоединена была вѣжливость и снисходительность. Чиновники и простые воины, кои имѣли до него дѣло, по отправляемой имъ должности, всѣ равно хвалились его кротостью, исправностью, и особливо его честностью и безкорыстїемъ. Постоянное совокупленїе толикихъ добродѣтелей не въ одномъ только станѣ Римлянъ заключено было. Кайй поступалъ равно человѣколюбиво со всѣми кои по его должности къ нему прикосновенны были. Гражданинъ, земледѣлецъ и воинъ равно прославляли его Правосудїе. Слава его скоро простерлась за море, и когда Мисипса Нумидїйской Царь сынъ Масиниссы, посылалъ даромъ хлѣбъ въ войско Римлянъ стоявшее въ Сардинїи, то Послы сего Государя бывшїе тогда въ Римѣ, обьявили въ полномъ Сенатѣ, что Царь ихъ Самодержецъ оказываетъ сїю щедрость точно для Кайя Гракха, котораго онъ почитаетъ добродѣтели.

Сїе

Сїе объявленїе возбудило ревность и ненависть Вельможъ. Весьма славные добродѣтели имъ были ненавистны и опасны. И дабы унизить нѣкоторымъ образомъ славу Квестора и ввести его въ презрѣнїе, они постыдно выгнали изъ Сената помянутыхъ Пословъ, такъ какъ невѣжъ, кои симъ предпочтенїемъ дѣлали пренебреженїе ихъ Обществу.

Таковой безчестной поступокъ, которой нарушалъ право людей, скоро извѣстенъ сталъ въ Сардинїи. Каїй услышалъ съ чувствительнымъ оскорбленїемъ сїе доказательство непримиримой къ нему отъ Вельможъ ненависти. Онъ почиталъ тогда нуждою возвратиться въ Римъ, для удержанїя своей повѣренности, и для отраженїя отъ себя безчестья, которое прямо до него касалось, и было сдѣлано въ томъ только видѣ чтобъ онъ остался въ презрѣнїи у Народа и у чужихъ Областей. Онъ уѣхалъ никому не сказавшись, и явился на

сборномъ мѣстѣ тогда какъ его считали въ Сардиніи. Неприятели его дома хотѣли поставить ему въ преступленіе возвратъ его въ Римъ прежде своего Полководца. Онъ требованъ былъ предъ Ценсоровъ; но представъ предъ оныхъ, онъ легко себя вывелъ изъ вины ему приписанной.

Онъ показалъ что онъ находился три года неотлучно при своемъ Полководцѣ, хотя Квестору позволено возвратиться въ Римъ послѣ года службы, и что онъ такимъ образомъ служилъ два года лишнихъ сверьхъ Законнаго предписанія. Онъ прибавилъ, что онъ возвратился изъ Сардиніи безъ всякаго прибытка, вмѣсто того что всѣ другіе его Предмѣстники въ сей должности, содѣлались тамъ чрезмѣрно богатыми, и привезли съ собою не только мѣшки свои набиты серебромъ и золотомъ, но еще наполнили имъ кувшины и крушки, кои были съ виномъ когда они въ сей Островъ прибыли. Можно легко себѣ представить

вить, что по таковыхъ представленіяхъ онъ безъ труда освобожденъ былъ отъ истязанія. Неприятели же его непрестанно стараясь препятствовать ему въ полученіи вышнихъ Чиновъ, къ коимъ онъ близокъ былъ по доброхотству къ нему отъ Народа, умыслили новое противу его обвиненіе. Они покусились возложить на него вину бывшаго возмущенія въ Городѣ Фрегесѣ, которой не хотѣлъ болѣ оставаться въ подданствѣ у Республики. Преторъ Опимій, человѣкъ суровой и жестокосердой, прекратилъ тогда сіе возмущеніе не инымъ способомъ, какъ совершеннымъ разореніемъ Города, и истребленіемъ главныхъ его жителей. Сей Преторъ, явный неприятель Тиверіевой памяти и его Дома, донося Сенату о своемъ поступкѣ и о всемъ произхожденіи по сему дѣлу, старался всячески вывесть, что Кайй стороною производилъ помянутое возмущеніе. Онъ прибавилъ, что по его усмотренію, Кайй имѣлъ тайные

ные сообщенія съ главными сего Города; что не льзя думать чтобъ они предприняли выйти изъ подчиненія у Сената, естьли бы не были тайно въ томъ подкрѣпляемы покровительствомъ Народа Римскаго; и что естьли бы первое ихъ преслушаніе получило щастливый успѣхъ, то за тѣмъ можетъ быть послѣдовалъ бы и точной бунтъ противу державной власти Республики. Но какъ всѣ доносы отъ сего пристрастнаго Сенатора противу Кайя были безъ доказательствъ, то они и не были уважены. Молодой Гракхъ не могъ ни чѣмъ жесточе отмстить своимъ неприятелямъ, какъ тѣмъ что онъ откровенно требовалъ себѣ Чина Народнаго Трибуна. То было для Сената самое чувствительное пораженіе. Отъ единаго имени Гракхова; Вельможи, и особливо тѣ кои имѣли причину бояться возобновленія поземельныхъ Законовъ, пылали злобою. По чему они произвели нѣкоторой заговоръ для воспреяятствованія Кайю въ

Трибунствѣ. Но весь Народъ объявилъ себя въ его сторону. И даже изъ деревень, чтобъ дать ему голоса свои, явилось въ Городѣ толико множественное число Плебеянъ, что сборное мѣсто ни какъ не могло умѣстить всего собраннаго людства. Многіе взлѣзши на кровли домовъ, единодушнымъ желаніемъ, и восклицая похвалы Каію, требовали его въ Трибуны. И какъ въ таковыхъ избраніяхъ голоса считались поголовно, то Народъ превосходя Вельможъ во многочисліи, сильно одержалъ верьхъ, и сдѣлалъ Каія своимъ Трибуномъ. Какъ 630 годъ.
скоро онъ получилъ сіе Достоинство которое давало ему неограниченную власть, то онъ умыслилъ, по разположенію своего Брата, предпріятія еще болѣ отважные, и въ исполненіи ихъ поступалъ съ большимъ жаромъ передъ Тиверіевымъ.

Равной духъ и равные виды являлись въ обѣихъ братьяхъ, хотя свойствы ихъ были разны. Тиверій, какъ

было сказано, скрывалъ непреклонную твердость подъ наружною гибкостью. Краснорѣчїе его было приятно и проницательно. Онъ желалъ нравиться и привлечь къ себѣ отъ всѣхъ повѣренность, иль паче старался приводить въ чувствительность слушателей. И когда онъ отрѣшилъ Октавїя отъ Трибунства, то казалось, что онъ равно съ нимъ оскорблялся его нещастьемъ; и какъ будто едина только должность правосудїя и любовь къ Народу, принудили его къ нещастной необходимости содѣлать стыдъ своему Товарищу.

Кайй же былъ откровеннѣе. Онъ равно былъ краснорѣчивъ, но болѣ скоръ въ изреченїяхъ, и болѣ смѣлъ нежели братъ его. Рѣчи его украшены были риторскими фигурами; онъ вмѣшивалъ при томъ колючїя слова въ свои доводы и доказательствы. Ревность его къ Народной пользѣ обращалась въ злобу противу Сената. Можно сказать, что онъ поражалъ

Вель-

Вельможъ на подобіе грома быстрымъ теченіемъ своего языка, и поселялъ глубокой страхъ въ своихъ слушателяхъ. Въ прочемъ твердость сихъ двухъ Братьевъ, прилѣпленіе ихъ къ Правосудію, безпристрастіе, умѣренность, удаленіе отъ роскошей, ненарушимая привязанность къ Народной пользѣ, были въ обоихъ одинаковы.

Примѣчено только, что Кайй оказывалъ болѣ склонности къ мщенію. Сей порокъ почитаемъ былъ у Римлянъ добродѣтелью, и они называли его Величествомъ сердца, такъ какъ мы приписываемъ величество души нѣкоторымъ людемъ. И какъ должность обязывала его говорить часто къ Народу, то онъ во всякую рѣчь свою о чемъ бы то ни было, включалъ жестокой и безчеловѣчной образъ, которымъ Сенатъ погубилъ его брата. „Полезно ли было Тиверію, го„ворилъ онъ многажды, что онъ ро„дился Римляниномъ, и въ нѣдрахъ

„Республики, гдѣ всѣ Законы воспре„щаютъ умерщвлять послѣдняго Гра„жданина, безъ точнаго доказатель„ства его преступленія? Но Сенатъ, „Патрикіи, Вельможи и самые бога„тые люди, убили дрекольемъ, по по„добію разбойниковъ, не простаго „только Гражданина, а Трибуна на„роднаго, и таковаго Начальника ко„тораго особа священна. Злоба ихъ „не удовольствовалась прекратить „жизнь его; но они оказали свое о„стервененіе и надъ мертвымъ его тѣ„ломъ, влача его по улицамъ; и еще „къ усугубленію ихъ варварства бро„сили его въ Тибръ, дабы отнять у „него и по смерти честь достойнаго „погребенія„ Таковыми уразительными и равно жалостными словами, онъ привлекалъ къ себѣ соучастіе Народа, а тѣмъ самымъ поощрялъ его ненависть и злобу противу Сената и Вельможества. Когда же онъ довольно посѣлилъ въ разумахъ пламя вкорененной ненависти, то началъ произво-

изводить свое собственное мщенїе, предложивъ изданїе двухъ новыхъ Законовъ. Первый, объявлялъ непотребнымъ человѣкомъ всякаго Начальника, который будетъ низложенъ отъ своего Чина судомъ Народа. Видимо было, что сей Законъ умышленъ противу Октавїя, того Трибуна коего Тиверїй заставилъ отрѣшить отъ должности. Но Плутархъ повѣствуетъ, что Кайй по прозбѣ Карнелїи своей матери, съ которою Октавїй имѣлъ нѣкоторое свойство, не усиливалъ своего требованїя для изданїя сего Закона.

Вторымъ Закономъ, который по волѣ его былъ принятъ, предписано, что всякой Правитель, который учинитъ изгнанїе Римскаго Гражданина, безъ предписанныхъ Законами судебныхъ обрядовъ, долженствуетъ дать въ томъ отвѣтъ передъ Народнымъ Собранїемъ. Сїе второе установленїе предложено было въ единственномъ видѣ погубить Попилїя, который

который во время своего Преторства изгналъ друзей и единообщниковъ Тиверіевыхъ. Попилій не ждалъ чтобъ его на судъ звали. Какъ онъ вѣдалъ что Кай дѣйствовалъ по своему желанію голосами Народными, и что онъ будетъ судимъ своимъ соперникомъ и непріятелемъ, то боясь строжайшаго отъ него осужденія, изгналъ самъ себя изъ своего Отечества.

Кай симъ опытомъ своей силы увидѣлъ, что всякое его предпріятіе могло быть исполнено, по чему возъимѣлъ болѣ великіе намѣреніи, кои стремились перевести изъ Сената въ Народное Собраніе всю власть Правительства. Въ семъ видѣ онъ уставилъ новый Законъ, который давалъ Право Мѣщанства, и названіе Римскихъ Гражданъ всѣмъ жителямъ Латіума: и по томъ онъ разпространилъ сіе право даже и на Альпинскихъ обитателей. Въ тожъ время предложилъ, чтобъ и тѣ мѣста кои населены будутъ Латинянами имѣли равные

ные преимущесшвы какими пользуюшся новопоселенiи Римлянъ. Сверьхъ шого прибавилъ, чтобъ сiи поселенiи неимѣвшiе прежде голоснаго права, могли впредь однако давашь свои голоса, когда оные собираемы будушъ для пришятiя новыхъ Законовъ. Чрезъ шаковые предложенiи онъ увеличивалъ число голосовъ Народныхъ: а сiи новые Граждане, кои обязаны ему были за шоль великое преимущесшво, были можно сказашь въ его повелѣнiяхъ, и слѣдовали его волѣ какъ его Клiеншы и угождашели.

Кайй, дабы содѣлашь себя еще болѣ пряшнымъ Народу, учредилъ навсегда въ его пользу продажу хлѣба по цѣнѣ самой умѣренной. Нѣкоторые же Исшорики пишушъ, что онъ произвелъ безденежную раздачу хлѣба извлеченнаго изъ общихъ жишницъ. Народъ всегда склоняешся подъ правленiе шѣхъ, кои умѣюшъ спосшѣшесшвовашь къ его изобилiю; по чему онъ не пресшавалъ возносишь похвалами Началь-

чальника, который по его чаянію старался единственно о его снабженіи. Но сіи старанія являлись опасными Сенату, который не инако почиталъ таковые новости, какъ предварительными средствами, употребленными для испровержения на конецъ его власти. Къ дополненію же ихъ ненависти противу Трибуна, наиболѣ споспѣшествовало то, что онъ ввелъ перемѣну въ Трибуналахъ, гдѣ давалась судебная расправа жителямъ.

До того времяни судебные Начальники определяемы были изъ Общества Сената: и сіе высочайшее Право содержало Рыцарей и Народъ въ победострастіи, какое всегда люди чувствуютъ ко властителямъ надъ ихъ благополучіемъ. Кайй, по примѣру Тиверія своего брата, вознамѣрился отнять у Сената сію часть его властительства. Адабы достигнуть къ концу своего намѣренія, онъ предъявилъ, что Аврелій Котта и Маній Аквилій, изъ числа первыхъ въ Сенатѣ, обвиненные,

ненные, по точнымъ и яснымъ доказательствамъ, разными несправедливыми рѣшенїями, при всемъ томъ уклонились отъ строгости Законовъ, купя благосклонность Судей своихъ. По сему поводу онъ представилъ по томъ Плебеянамъ, что Народъ не можетъ никогда ожидать себѣ правосудїя въ Трибуналахъ, гдѣ засѣдаютъ сами преступники, или по меньшой мѣрѣ ихъ родня и соучастники. Въ заключенїе требовалъ, чтобъ отправленїе частнаго правосудїя поручено было Рыцарямъ, или по крайней мѣрѣ чтобъ отобраны были триста человѣкъ наиболѣ отличныхъ изъ ихъ Общества, кои служили бы Ассесорами, то есть помощниками Сенату, и кои судили бы всѣ дѣла равносильно въ голосахъ и властительствѣ.

Народъ принялъ сїе предложенїе съ похвалами, какїе онъ обыкновенно изъявлялъ при всякомъ случаѣ когда что либо было представляемо отъ Трибуна:

буна. И такъ въ стыдѣ, отъ несправедливаго рѣшенія Судей по дѣлу Котты и Аквилія, что Каій доказалъ тогда точно, Сенатъ не смѣлъ воспротивиться предложенному Закону. Онъ одобренъ былъ единогласно; и Народъ будучи сильнѣе Сената числомъ голосовъ своихъ, по особливой своей преданности къ Каію, препоручилъ ему одному выборъ трехъ сотъ Рыцарей, кои долженствовали вступить въ Градскіе Чиноначаліи. Каій же выбралъ къ тому однихъ своихъ друзей и угождателей. Сими разными перемѣнами введенными въ Правленіе, онъ содѣлался самовластнымъ въ Римѣ и во всей Италіи. Однако должно признаться, что онъ употреблялъ сію власть, толь независтную Сенату и толь справедливо опасную въ Республикѣ, для единой только славы своего Отечества и пользы Соградданъ своихъ. Онъ препятствовалъ иногда самъ чтобъ другіе Чиноначальники не простирали

чрезъ

чрезъ мѣру ихъ Народу угожденія; и когда Фабій, Пропреторъ въ Гишпаніи, усильно отобралъ отъ Городовъ своего правленія, хлѣбъ который они давать не были должны, и который онъ однако послалъ въ Римъ, въ угожденіе мѣлкому Народу, тогда Кайй, отвращая неправосудіе и насиліе въ Правленіи, заставилъ тѣмъ же самымъ Народомъ приговорить, чтобъ помянутый хлѣбъ былъ проданъ, и чтобъ деньги по продажѣ отосланы были въ Городы и въ Обществы кои сей хлѣбъ поставили. Въ томъ же Опредѣленіи прописано было учинить Пропретору выговоръ, за сіе неправедное отъятіе, которымъ онъ навлекъ на Республику жалобы и неудовольствіе, отъ ея подданныхъ и отъ ея союзниковъ.

Сіе Опредѣленіе, коего онъ одинъ былъ виновникъ, подало доброй случай друзьямъ его провозвѣщать его любовь къ правосудію. Но неприятели его вопреки изъявляли, что они

находили въ семъ поступкѣ едино только дѣйство ревности и тщеславія; что Кайй, собственно для себя и изъ хитрости, не допустилъ чтобъ другіе Начальники вступались выслуживать благосклонность Народа, и раздѣляли съ нимъ преданность и благодарность какую онъ привлекъ отъ всего людства.

Кайй, не взирая на таковые слухи, не преставалъ подтверждать введенныя имъ новости другими новыми предпріятіями, кои онъ прикрывалъ всегда искусно наружностью общаго благосостоянія. Онъ предложилъ построить общенародные Амбары, для запасенія довольнаго количества хлѣба, на случай голода естьли будетъ земля безплодна. И когда предложеніе его было принято, то онъ взялъ на себя исполненіе онаго: чѣмъ онъ обыкновенно заключалъ всѣ представляемые отъ него учрежденіи. Онъ самъ былъ строителемъ помянутаго Зданія, и украсилъ оное великолѣпіемъ

тїемъ достойнымъ величества римскаго. Всѣ дѣла, такъ сказать, текли чрезъ его руки; онъ хотѣлъ все учредить собою. И подъ видомъ попечительства чтобъ не сдѣлано было чего ни будь противу Народной пользы, онъ присоединялъ къ себѣ всю власть Правленія. Онъ всегда былъ окруженъ Послами, Градскими и Военными Чиновниками, Сочинителями, Художниками и Мастеровыми людьми, но число ихъ и различіе дѣлъ никогда его не отягощало. Всѣ удивлялись его въ дѣлахъ поворотливости, и сами его неприятели признавались, что пространство и способность его разума были отмѣнны.

Но сіи самые дарованіи, и особливо употребленіе ихъ въ пользу Народа, содѣлывали его часъ отъ часу болѣ ненавистнымъ въ глазахъ Сената и Вельможъ римскихъ. Они нетерпѣливо ожидали окончанія его Трибунства и его власти. На конецъ пришло время Комицій; учреждено

Собранїе для поставленїя на будущїй годъ Трибуновъ. Кайй не оказалъ ни малѣйшаго исканїя дабы имѣть въ выборѣ ихъ участїе; но Народъ, ласкаясь получить новые вы-
631 годы отъ его искуства, назвалъ
годъ. его Трибуномъ во вторый разъ; и примѣчено что онъ былъ первый Гражданинъ, который вошелъ въ сїе Достоинство не искавъ онаго.

Сенатъ видѣлъ съ чувствительною прискорбностью, что поручено было вновь Трибунское Начальство человѣку который нечувствительно похитилъ всю власть его. Много о томъ было совѣтывано. Самые жестокїе приговаривали истребить Кайя, и учинить съ нимъ какъ поступлено было съ его братомъ. Но боясь произвесть тѣмъ возмущенїе, Сенатъ изыскалъ другой способъ который можно почитать вымысломъ самой тонкой политики. Разсуждено, прежде нежели должно будетъ употребить насильные средствы къ погу-

губленію Каія, стараться всячески убавить и отвлечь отъ него народную любовь и преданность. Самые искусные въ Сенатѣ начали говорить о томъ Ливію Друзу Каіеву товарищу. Сей оказывалъ въ себѣ свойствы благонамѣреннаго человѣка, имѣлъ правдивую душу, но разумъ его не далеко простирался. Онъ не приклоняясь ни къ которой сторонѣ, желалъ примирить толь сопротивные виды и согласить два разномысленные обществы. Но толико важное предприятіе, въ которомъ польза особыхъ людей превозмогала надъ общею выгодою, превосходило его разумъ и силу. Прибѣгнувшіе къ нему Сенаторы, поимали его слабость, то есть ласкали его славою, какую онъ получитъ возставя тишину въ республикѣ. Друзъ охотно взялся помогать имъ. „Мы не требуемъ отъ „тебя, говорили ему сіи разумные „Сенаторы, чтобъ ты объявилъ себя „противнымъ пользѣ Народа, который

„избралъ тебя въ число своихъ На-
„чальниковъ, ни того чтобъ ты по
„примѣру Октавія спорилъ новымъ
„уставамъ кои вседневно Каій вво-
„дитъ. Сенатъ предумыслилъ болѣ
„великодушное намѣреніе; онъ тре-
„буетъ отъ тебя однихъ стараній,
„какъ отъ Трибуна котораго Респу-
„блика имѣетъ къ особливому своему
„благополучію: требуетъ только
„чтобъ ты возставилъ миръ и союзъ
„между разными степенями Области.
„Предложи, естьли за благо разсу-
„дишь, новые Законы, и болѣ благо-
„приятные Народу нежели Каіевы,
„Сенатъ охотно ихъ восприметъ. Еди-
„наго только отъ тебя мы требу-
„емъ, чтобъ ты изъявилъ всенарод-
„но, что предлагаемые тобою Зако-
„ны и Опредѣленіи, тебѣ внушены
„отъ Сената: чтобъ ты сказалъ къ
„тому, что Сенатъ вседушно и един-
„ственно печется о пользѣ и щастьи
„Согражданъ своихъ.„

Сей

Сей хитрый вымыселЪ имѣлЪ весь успѣхЪ каковаго ожидать было можно. ДрузЪ, не находя вЪ семЪ предложенiи ни чего противнаго ни своей ни Народной пользѣ, вошелЪ во всѣ предприятiи, какiе ему внушены были. Кайй какЪ скоро предложилЪ послать часть Народа на поселенiе вЪ нѣкоторые два Города состоявшiе подЪ Республикою: то ДрузЪ, для поправленiя великаго числа бѣдныхЪ дворовЪ, представилЪ вмѣсто двухЪ двенатцать ГородовЪ кЪ ихЪ населенiю, сЪ тѣмЪ чтобЪ вЪ каждый изЪ сихЪ ГородовЪ послать по три тысячи ГражданЪ самыхЪ бѣдныхЪ. Кайй отсудилЪ ПлебеянамЪ нѣкоторые непахатные земли обложа ихЪ нѣкоторою податью: тогда ДрузЪ, чтобЪ еще лутче угодить Народу, отдалЪ бѣднымЪ земледѣльцамЪ столько же земель безЪ всякой отЪ нихЪ подати. Кайй изходатайствовалЪ ЛатинянамЪ, какЪ было уже сказано, право голосовЪ вЪ избранiяхЪ: ДрузЪ новымЪ у-

ставомЪ прибавилЪ кЪ тому, что какЪ сіи люди содѣланы были Гражданами Республики, то Римскіе Военачальники не имѣютЪ болѣ власти приказывать сѣчь прутьями воиновЪ получившихЪ сіе право. ДрузЪ при каждомЪ отЪ себя предложеніи не преминулЪ изъявить, какЪ было отЪ него требовано, что онЪ былЪ только повѣреннымЪ отЪ Сената, который поручилЪ ему представить о томЪ Народному Собранію. Сей поступокЪ утишилЪ людство; ненависть кЪ Сенату уменшилась; двѣ разномысленные стороны стали быть согласнѣе. ДрузЪ пріобрѣлЪ благосклонность Народа своими новостьми, и раздѣлялЪ Каїеву повѣренность: вЪ томЪ состояло главное намѣреніе Сената. Каій взиралЪ со внутреннею прискорбностью на соперника который похитилЪ у него часть любви Народной. ОнЪ называлЪ его покорнѣйшимЪ слугою Сената; а сія его ревность не понравилась добродѣтельнымЪ

нымъ людемъ въ Народѣ. Поступокъ же его со Сципіономъ Емиліяниномъ своимъ шуриномъ, наипаче заставилъ сумнѣваться, была ли добродѣтель его столь нелицемѣрна какъ почиталась до того времяни.

Сказано уже что Корнелія мать его была дочь Сципіона Африканскаго, то есть перваго Сципіона; упомянуто такъ же что второй Сципіонъ, сынъ Павла Емилія, восприятый въ Патрикійской родъ Сципіоновъ, женился на Семпроніи сестрѣ двухъ Гракховъ. Но не взирая на сей двоекратный союзъ, разномысліе и ревность несогласныхъ частей, точнѣе же всегдашняя распря между Патрикіями и Плебеянами по причинѣ поземельнаго раздѣла, безпрестанно разрушали доброй союзъ между помянутыми двумя Домами. Сципіоны объявляли себя во многихъ случаяхъ неприятелями Семпроніева рода. Гракхи съ своей стороны не довольны были сверьхъ всего тѣмъ, что млад-

шїй Сципїонъ худо поступалъ съ Семпронїею своею женою, подъ видомъ ея неплодности; и вообще всѣ Сципїоны, кои вооружались противу Тиверїева Закона, подозрѣваемы были въ сообществѣ съ людьми причинившими смерть его.

Сїя безпрерывная ссора въ Республикѣ, которая, какъ показано было, всегда возобновлялась изъ одного вѣка въ другой и переходила отъ отцовъ къ дѣтямъ, видима была въ пущей жестокости по смерти старшаго Гракха. Кайй всегда твердо слѣдовалъ правилу и намѣренїямъ своего брата; и неудовольствовавшись тѣмъ что похитилъ у Сената его Трибуналы и его властительство, онъ предприялъ отнять у первыхъ Домовъ Римскихъ тѣ завоеванные земли, кои они имѣли хотя по правдѣ большою частью хищнымъ образомъ, но толь изъ древлѣ какъ заведена и основана Республика.

Кайй мнилъ что онъ долженъ былъ сею великою жертвою тѣни своего брата, и что самая честь его обязывала привесть къ исполненію Законы, коихъ предложеніе стоило ему жизни. Онъ приобщилъ къ своему предприятію Фулвія Флакка, бывшаго нѣкогда въ Консульскомъ достоинствѣ, но въ протчемъ человѣка безчестнаго и порочнаго повѣденія, человѣка котораго союзы и обязанности навлекали худую славу его имени. Къ тому Папирій Карбо Народный Трибунъ, человѣкъ смѣлый и хитрый, представилъ себя къ нему въ сообщество, желая отличить себя въ Свѣтѣ прилѣпленіемъ своимъ къ сторонѣ Каіевой. А онъ заставилъ назвать ихъ съ собою вмѣстѣ *Тріумвирами* для раздѣла владѣній. И такъ исполненіе сего дѣла поручено было самымъ поворотливымъ и предпріимчивымъ людемъ, кои всѣ трое были явные неприятели Сената, и безсовестно льстили самому нискому Народному сборищу.

Сіи Тріумвиры, какъ скоро приняли должность общимъ Определеніемъ, то съ трубнымъ гласомъ требовали отъ всѣхъ помянутыхъ земель владѣльцовъ, чтобъ они предъявили въ ихъ Трибуналъ Правы своего владѣнія, съ точною вѣдомостью сколько они земель имѣютъ, дабы сдѣлать учрежденіе о тѣхъ кои принудили уставить Законъ *Лициніевъ*, то есть кои занимаютъ болѣ пяти сотъ удѣловъ. Не было почти ни кого изъ Вельможъ въ Римѣ, кто бы не имѣлъ подъ собою земли болѣ помянутой мѣры; и большою частью они находились при томъ въ тяжбахъ о межахъ похищенныхъ ихъ владѣній. Сіи Господа, содѣлавшись болѣ великомочными нежели приличествовало имъ быть въ Республикѣ, явно вооружились сильною рукою, и поставили ополченіи на земляхъ своихъ для ихъ защищенія. А тѣ кои не отважились поступить на сію дерзость, просили обороны у младшаго

Сципі-

Сципіона, который въ то время наиболѣ славился храбростью между Римлянами. Но сколько ни былъ онъ почитаемъ въ своемъ Отечествѣ, однако не отважился замѣшаться съ Народомъ, ни прямо опровергать Законы Гракховъ своихъ шуриновъ. Онъ взялъ болѣ искусные мѣры, чтобъ на худой конецъ отвратить ихъ исполненіе. То есть искусною рѣчью онъ представилъ въ одномъ Собраніи, что Тріумвиры опредѣлены были только для изслѣдованія Гражданъ, кои въ противность Законовъ имѣютъ болѣ пяти сотъ удѣловъ земли подъ собою, а во вторыхъ для того чтобъ они излишекъ за сею мѣрою разпредѣлили бѣднымъ Гражданамъ; что ихъ повѣренность и власть заключались въ сихъ двухъ предписаніяхъ. Онъ прибавилъ, что прежде начатія сего изслѣдованія, надлежитъ освидѣтельствовать подлинныя и вѣрные грани, какіе находятся въ межахъ помѣстей. Но что какъ вла-

дѣльцы имѣютъ разные споры въ сихъ межахъ, то розысканіе и судъ ихъ разногласныхъ требованій превосходятъ данную власть Тріумвирамъ; и что надлежитъ для того уставить другихъ Судей, или по крайней мѣрѣ учредить Повѣренныхъ съ наказомъ болѣ пространнымъ для ихъ должности.

Предложеніе его по большинству голосовъ принято. Сципіонъ чрезъ свою силу въ Народѣ, отнялъ сію часть исполненія изъ рукъ Тріумвировъ, и заставилъ вручить ее Тудитану тогдашнему Консулу, который, показывая наружное безпристрастіе къ обѣимъ сторонамъ, таилъ совершенное угожденіе волѣ Сената и привязанность свою къ пользѣ Вельможества. Сей Правитель, дабы блеснуть глазамъ Народа, упражнялся нѣсколько времяни съ великимъ тщаніемъ въ разсмотрѣніи Владѣльческихъ Правъ каждаго владѣльца, и въ разпоряженіи граней надъ ихъ помѣстьями.

Тріум-

Тріумвиры смотрѣли съ удовольствіемъ на его въ томъ прилѣжаніе, въ надеждѣ что онъ скоро дастъ имъ свободу исполнить ввѣренное имъ дѣло; но нѣсколько времяни спустя, онъ оставилъ Римъ безвремяннымъ отсудствіемъ, по полученному извѣстію, которое онъ приказалъ дать себѣ нарочно, что будто особа его нужна была въ Илліріи, гдѣ Римляне тогда войну производили. Отсудствіе его оставило въ нерѣшимости всѣ владѣльческіе тяжбы, и слѣдственно уничтожило должность Тріумвировъ, кои не преставали злобиться противу Сципіона, за то что онъ рушилъ ихъ предприятіи, и заставилъ бросить ввѣренное имъ исполненіе. Они укоряли его въ Собраніяхъ, что онъ, бывъ обязанъ всею своею славою Народу Римскому и получивъ отъ него дважды сряду Консульство, противу всѣхъ Законовъ, и наипаче противу воли Сената и Вельможества, не устыдился въ угожденіе симъ высокомѣрнымъ

мѣрнымъ людемъ, препятствовать установленію поземельнаго Права, необходимо нужнаго къ пропитанію бѣднаго Народа, Права запечатлѣннаго Тиверіевою кровію.

Въ слѣдствіе онаго Карбо, тотъ наглый Трибунъ о которомъ сказано выше, требовалъ отъ него чтобъ онъ въ полномъ Собраніи и въ слухъ передъ всѣми сказалъ свое мнѣніе, какъ онъ почиталъ тотъ образъ которымъ умерщвленъ Тиверій. А симъ хитрымъ вопросомъ онъ чаялъ принудить его отвѣтствовать необходимо въ обвиненіе Народа или Сената, по чему онъ содѣлался бы ненавистнымъ тому или другому.

Но Сципіонъ не задумавшись отвѣчалъ ему, что естьли въ самомъ дѣлѣ Тиверій имѣлъ намѣреніе учинить себя Тираномъ своего Отечества, то онъ почиталъ его смерть справедливою. Услышавъ сіи слова, весь Народъ, который обожалъ имя Тиверіево, изъявлялъ съ великими во-

плями досаду, какую онъ чувствовалъ при семъ отвѣтѣ. *Что вы кричите? говорилъ имъ Сципіонъ*, съ симъ величественнымъ видомъ какой ему былъ природенъ, *думаете ли вы вашимъ крикомъ устрашить Полководца, которой обыкъ никогда не трепетать отъ шума и самыхъ грозныхъ непріятельскихъ ополченій?* Кайй не приставалъ къ сему спору, и пребывалъ въ задумчивомъ молчаніи. Но Фульвій Флаккъ, по свойственной ему нетерпѣливости и жестокости, произнесъ множество угрозъ Сципіону; и назавтре сей достославный Римлянинъ найденъ былъ мертвъ въ своей постелѣ, съ синелами во кругъ шеи, кои означали что онъ былъ удавленъ.

Никто не вѣдалъ, кто былъ Творецъ толь великаго злодѣянія. Первые подозрѣніи пали на Флакка, который въ вечеру передъ тѣмъ грозилъ ему Народнымъ мщеніемъ. Другіе подозрѣвали, что убивство произведено

было съ ближайшей стороны; то есть обвиняли въ томъ Корнелїю мать Гракховъ, и разглашали что сама Семпронїя ее дочь, а Сципїонова жена, дабы избавиться отъ неприятеля отческаго Дома и отъ мужа который ее презиралъ, ввела ночью убїйцевъ въ его спальню.

Народъ, чтобъ Кайй не нашелся сообщникомъ сего злодѣйства, не хотѣлъ чтобъ о томъ было слѣдовано. Кайй самъ ни мало не старался вывесть то въ наружу; и сей толь строгой Начальникъ, который желалъ слыть защитникомъ Законовъ, и явнымъ противоборцемъ всѣхъ тѣхъ кои умышляютъ во вредъ общей вольности, сей мнимодобродѣтельный человѣкъ, оставилъ убїйство достославнаго мужа въ злопричастномъ молчанїи, кое заставило справедливо подозрѣвать что онъ или его единообщники не имѣли довольно чистой совѣсти для произведенїя всяческаго въ томъ сыска.

Тако-

Таковое молчанїе отъ Кайя, еще болѣ злодѣйственное, нежели самое убїйство, произвело сильные жалобы отъ всего Благороднаго Общества. Честные люди, и въ самомъ Народѣ, возымѣли крѣпкїе подозрѣнїи противу его добродѣтели. Но Кайй, дабы привести въ забвенїе толь гнусное злодѣйство и занять Народъ другими дѣлами, употребилъ въ содѣйствїе Квинта Рубрїя своего Товарища, котораго онъ уговорилъ предложить новые въ пользу Народа учрежденїи. Сей Трибунъ началъ говорить Народу о построенїи вновь Карфагена разореннаго отъ Сципїона, и чтобъ послать туда знатную часть Римлянъ на поселенїе. Кайй сильно подкрѣплялъ его предложенїе, и всячески старался во всѣхъ Собранїяхъ привести Народъ къ дѣлу сего предпрїятїя. Онъ выхвалялъ тамошнее плодородїе земли, близость моря, безопасность и способность пристани. И какъ онъ находилъ, что въ видимыхъ обстоятель-

ствахъ отсудствіе его изъ Рима вмѣстѣ съ Фульвіемъ Флаккомъ будетъ не безполезно, для пресѣченія вредительныхъ его чести слуховъ, то онъ просилъ и получилъ себѣ отправленіе для помянутаго дѣла, которое общимъ Приговоромъ ввѣрено было ему вмѣстѣ съ Флаккомъ, коего равно подозрѣвали въ убійствѣ Сципіона.

Они перевели въ Африку шесть тысячь семей изъ Рима, коимъ отдали во владѣніе Карфагенъ и его землю. Но между тѣмъ какъ Кайй возстановлялъ тамъ стѣны, или лутче сказать между тѣмъ какъ онъ разрушалъ трофеи Сципіоновы, Друзъ поступая во всемъ по совѣтамъ отъ Сената, возпользовался его отсудствіемъ, чтобъ сдѣлать Флакка болѣ ненавистнымъ въ Римѣ. Онъ вптверживалъ въ мысли людей всѣ признаки, по которымъ онъ могъ быть подозрѣваемъ въ убійствѣ Сципіона. А тѣмъ онъ обвинялъ, хотя не прямо, и самого Кайя, который былъ въ тѣсной

дружбѣ

дружбѣ съ симъ подозрѣваемымъ Сенаторомъ. Друзъ, во всѣхъ своихъ рѣчахъ, представлялъ его человѣкомъ наглымъ и имѣющимъ неспокойный разумъ, словомъ, такимъ человѣкомъ который искалъ своего щастья въ Государственныхъ возмущенїяхъ. Его обвиняли такъ же, что онъ покушался возмутить Народъ въ Италїи; и напослѣдокъ разсуждаемо было произвесть надъ нимъ судъ. Повѣренность Каїя Покровителя Флаккова и уваженїе къ его особѣ, уменьшались въ его отсудствїи; Народъ началъ забывать Каїя, и всю свою благосклонность обратилъ къ Друзу, котораго добрая слава была безпорочна и повѣденїе умѣренно. Каїй, судя о упадкѣ своей повѣренности, по приготовляемой гибели его другу, поспѣшно въ Римъ явился, чтобъ ободрить своихъ единообщниковъ. Прибывъ туда онъ за благо разсудилъ оставить и Домъ свой, который стоялъ на Горѣ Палатинской, а учредилъ свое жилище возлѣ

рынка, въ такой части Города гдѣ мѣлкой народъ жительствовалъ въ безчисленномъ множествѣ. Онъ предложилъ по томъ новые Законы, кои всѣ стремились къ уменьшенїю Сенатской власти. Они долженствовали быть приняты въ первомъ Собранїи; но какъ онъ сумнѣвался въ успѣхѣ, по колику видѣлъ что число его сообщниковъ не довольно велико было, и не имѣло той ревности которую онъ обыкновенно производилъ въ Народѣ, то для сихъ причинъ онъ созвалъ въ Римъ знатное множество людства отъ тѣхъ Народовъ Италїи, коимъ онъ изходатайствовалъ голосное Право.

Сенатъ, въ безпокойствѣ отъ сей толпы чужеземцевъ, кои наполнили весь Городъ, какъ будто пришли туда давать Законы, заставилъ Консула Фанїя повелѣть всѣмъ имъ, кто не имѣлъ жительства въ Римѣ, немедлѣнно выйти вонъ изъ Города. Кайй, чтобъ не дать видѣть упадокъ своей повѣренности и власти, которая

по

по возвращенїи его изъ Африки перемѣнилась, приказалъ обнародовать со всѣмъ противное тому объявленїе, чрезъ которое призывалъ пришедшее людство остаться въ Городѣ, обѣщая всѣмъ помощь Законовъ и Народное Покровительство противу Сенатскаго Приговора.

Однако онъ видѣлъ по томъ что Фанїевы Ликторы повлекли въ тюрьму одного изъ сихъ чужестранцевъ, который еще былъ его другъ и гость въ его домѣ, но взятъ былъ нарочно въ досаду и поношенїе Каїю. Онъ смотрѣлъ на нещастье и обиду своего приятеля безъ всякаго отъ себя сопротивленїя: какъ можетъ быть боялся произвесть междоусобную войну, или можетъ быть чувствуя послѣ Сципїоновой смерти упадокъ своей повѣренности, не хотѣлъ показать слабости своего Общества. Онъ имѣлъ еще неудовольствїе видѣть себя оставленнымъ, въ послѣдовавшемъ спорѣ съ другими Трибунами своими Товарищами,

рищами, и отъ главныхъ людей, кои до сего раздѣленія были ему совершенно преданы.

Римскіе Вельможи приказали построить возвышенные мѣста на площади, чтобъ способнѣе имъ видѣть нѣкоторые зрѣлищи и бой Гладіаторовъ, что все долженствовало быть представлено въ скоромъ времени. Между тѣмъ Плотники построили еще отъ себя великое число мѣстъ, которые они отдавали въ наймы самымъ знатнымъ и богатымъ людемъ въ Городѣ. Кайй, проходя чрезъ площадь, и увидѣвъ что она загорожена была сими нарочнопостроенными мѣстами, приказалъ ихъ разбросать, для того чтобъ Народъ имѣлъ болѣ мѣста, и пользовался представленіемъ безъ всякой за то платы. Вельможи употребили въ пользу свою власть его Товарищей, кои въ угодность для первыхъ Домовъ Римскихъ приказали чтобъ мѣста были оставлены. Можно такъ же думать что сіи Народные

ные Начальники сами пользовались нѣкоторымъ прибыткомъ получаемымъ отъ мѣстъ, кои отдавались въ наймы желающимъ. Кайй, не терпя сопротивленія въ томъ что онъ почиталъ справедливымъ, взялъ съ собою множество плотниковъ кои находились въ его повелѣніяхъ, и въ вечеру передъ днемъ Народныхъ зрѣлищь приказалъ разломать всѣ мѣста, и далеко отнести доски, такъ что на завтре площадь была свободна для зрителей. Народъ хвалилъ его твердость и смѣлость; но его Товарищи, досадуя что онъ поступилъ въ томъ съ безмѣрнымъ самовластіемъ, и въ протчемъ завидуя сей силѣ которую онъ приобрѣлъ въ Римѣ, отдѣлились отъ его общества. Они присовокупились скрытно къ его неприятелямъ чтобъ исключить его изъ Трибунства, и въ слѣдующихъ *Комиціяхъ*, когда Кайй долженствовалъ вступить третій разъ въ сіе Достоинство, хотя Народъ по большинству голосовъ, его избралъ,

 но

но Трибуны, кои по Праву своего званія имѣли должность перещитывать голоса, надобно думать въ отмщеніе ему, утаили часть билетцевъ и показали несправедливое ихъ число: а симъ обманомъ Каій былъ изключенъ изъ Трибунства.

Какъ скоро Каій сталъ быть въ званіи простаго Гражданина, то Сенатъ предпринялъ уничтожить всѣ его Законы, и препоручилъ оное Консулу Опимію, тому самому который во время своего Преторства доносилъ на Каія, яко бы онъ былъ заводчикъ возмущенія въ Фрегелѣ. Сей Консулъ, какъ уже сказано, былъ явный неприятель Гракховъ, и въ протчемъ человѣкъ высокомѣрный, надменъ своею породою и Достоинствомъ своего чина, и пренебрегателенъ къ Народу. Онъ, безъ всякихъ судебныхъ обрядовъ показывалъ себя готовымъ кончить порученное ему дѣло, отъятіемъ самой жизни у Каія.

Онъ самъ собою вычернилъ въ началѣ Приговоръ которой сдѣланъ былъ для строенія вновь Карѳагена, и назначилъ общее Собраніе чтобъ отмѣнить такъ же всѣ прочіе Каіевы Законы. А дабы имѣть на своей сторонѣ болѣ силы и подкрѣпленія, онъ ввелъ въ Городъ войско Кандіотовъ, кои служили на содержаніи Республики.

Онъ употребилъ сіе войско вмѣсто пристава къ своей особѣ, показываясь въ Народѣ всегда подъ охраненіемъ сихъ чужеземцевъ, и въ послѣдованіи всѣхъ вельможъ Римскихъ, кои имѣли особенную пользу въ уничтоженіи Законовъ Гракховыхъ. Сверьхъ того сіи Вельможи сами всегда были окружены толпою служителей и Кліентовъ, кои по обыкновенію ходили за ними и принимали ихъ повелѣніи.

Консулъ, имѣя толикое число охранителей, всенародно поносилъ Каія во всѣхъ мѣстахъ гдѣ съ нимъ встрѣчался. Онъ язвилъ его ругательными

словами

словами, чтобъ начать съ нимъ ссору и имѣть поводъ его бить и умертвить. Кай, будучи его умѣреннѣе, или чувствуя передъ нимъ свою слабость, скрывалъ сїи досады внутри своего сердца. Но Флаккъ, не имѣя въ себѣ равнаго терпѣнїя, и раздраженъ нахальствомъ Вельможъ, представилъ ему что онъ умѣренностью своею потеряетъ всю славу полученную въ двукратномъ его Трибунствѣ, и что неприятели его почитаютъ его умѣренность не инако какъ подлостью. Представленїе его толь было сильно что Кай предприняль на конецъ противиться силѣ силою.

Онъ подговорилъ къ себѣ самыхъ ревностныхъ Плебеянъ, и въ то же время привлекъ въ Городъ великое число Латинянъ и протчихъ Италїйскихъ жителей, кои нарочно нарядились въ работничье платье, такъ какъ люди которые ищутъ работы и прокормленїя. Весь Римъ раздѣленъ былъ на сїи два противные ополченїи.

нїи. Общество Каїево казалось быть сильнѣе, по тому что онъ преимуществовалъ во многочисленности. Но съ другой стороны страшны были въ соединенїи главный Правитель, Законная власть, къ тому болѣ порядочные учрежденїи и болѣ вѣрныя исполненїи въ предприятїяхъ, нежели могли быть въ Каїевомъ Обществѣ.

На послѣдокъ насталъ день который долженъ былъ рѣшить, останутся ли Гракховы Законы въ своей силѣ, или будутъ уничтожены. Обѣ спорящїе стороны собрались весьма рано въ Капитолїй. Консулъ по обычаю началъ тѣмъ что принесъ должную Богамъ жертву. Пишутъ что одинъ изъ его Ликторовъ, по имени Квинтъ Антилїй, вступился представлять Каїю, до какихъ нещастїй онъ доведетъ свое Отечество, естьли не отстанетъ утверждать Законовъ имъ изданныхъ; что Каїй на сїи слова, далъ знать не удовольственнымъ

нымъ и пренебрегательнымъ мановенїемъ, что ему досадны были представленїи отъ толь нискаго служителя; и что сей Ликторъ тотъ часъ былъ убитъ нѣкоторыми Плебеянами. Другїе же Историки повѣствуютъ о семъ инымъ образомъ: то есть что помянутый Ликторъ ввелъ себя въ гибель своею наглостью; что онъ неся внутреннїя закланнаго Консуломъ въ жертву животнаго, громко кричалъ обратясь къ Флакку и его единообщникамъ: „дайте дорогу, Граждане ни къ чемугодные„ Пишутъ такъ же что къ симъ досадительнымъ словамъ, онъ безчестно и презрительно къ Плебеянамъ замахивался рукою; и что сїи, въ отмщенїе за таковую наглость, прокололи его остроконечными древками и тотъ часъ убили.

Народъ показывалъ, что онъ не былъ доволенъ симъ жестокимъ поступкомъ; Кай же, предвидя слѣдствїи онаго, болѣ прочихъ за то досадывалъ. Онъ укорялъ своихъ единообщниковъ;

никовъ, что они сами неприятелямъ своимъ подали поводъ, котораго они издавна искали къ пролитію крови.

Въ самомъ дѣлѣ Сенатъ тотъ часъ учредилъ Собраніе; и по причиненной смерти простому служителю, такъ какъ бы Республика находилась въ самыхъ величайшихъ бѣдствіяхъ, онъ опредѣлилъ, *чтобъ Консулы приняли мѣры для предохраненія Области отъ гибели.* Чрезъ таковое Опредѣленіе, по чрезвычайности случая, Консулы получали отъ Сената самую полную силу. Они имѣли Право послѣ сего, набирать столько войскъ сколько за благо разсудятъ, сокращать всякими образами Гражданъ преслушныхъ, производить войну съ неприятелями: словомъ, они могли управлять всемъ самовластно, какъ въ Городѣ такъ и въ войскѣ.

Опимій, по силѣ сего Опредѣленія, приказалъ всѣмъ Сенаторамъ и Рыцарямъ принять оружіе, и назавтре собраться на площадь; къ тому приказалъ

казалъ чтобъ каждый привелъ съ собою по меньшой мѣрѣ двухъ вооруженныхъ невольниковъ. Флаккъ съ своей стороны старался возмутить людство и заставить Народъ принять оружїе. Но онъ нашелъ во всѣхъ разумахъ великое отчаянїе и робость. Кайй отходя въ домъ остановился на площади, передъ статуею своего отца которая была тамъ въ честь ему поставлена. Онъ посмотрѣлъ на нее съ прискорбнымъ видомъ, и слезы показались на очахъ его: такъ какъ съ горестью предвидѣлъ кровопролитное слѣдствїе, какого онъ ожидалъ отъ своей ссоры на завтрѣ. Тѣ кои съ нимъ тогда находились, тронуты были его прискорбностью. Они говорили одинъ другому, что безчестно и подло оставить толь великаго человѣка, которой шелъ на страсть за ихъ спасенїе. Нѣкоторые во всю ночь не отходили отъ воротъ его, по крайней мѣрѣ для изъявленїя ему своей ревности и усердїя, есть-

ли

ли не могли служить ему великою помощью. Луцій Флаккъ употребилъ сіе время чтобъ собрать всѣхъ своихъ единообщниковъ и главныхъ въ Народѣ. На конецъ онъ собралъ довольно великое число людей вооруженныхъ, и при началѣ дня построился нарядным дѣломъ на Горѣ Авентинской.

Кайй приготовился тотъ часъ за нимъ слѣдовать, но не хотѣлъ взять оружія: не для того чтобъ онъ чувствовалъ робость, но единственно избѣгая вступить въ смертной бой съ своими Согражданами. Онъ надѣлъ на себя обыкновенное платье, и вложилъ только за пазуху не большой кинжалъ, для защищенія себя въ случаѣ естьли кто на него нападать станетъ. Когда же онъ готовъ былъ итти изъ своего дома, то жена его, обливаясь слезами, бросилась удержать своего мужа. „Куда идешь ты „Кайй, говорила она обнимая его съ „горячностью? какое имѣешь ты на„мѣреніе? и для чего такъ рано выхо-

„дишь изъ твоего дома? Развѣ ты „не знаешь что убiйцы, которые „погубили твоего брата, равно и„щутъ и твоей смерти? Вспомни „что у тебя нѣтъ другова защище„нiя кромѣ подлаго людства, кото„рое отъ малѣйшаго страха оста„витъ тебя одного на жертву. Вспом„ни что Римъ ужъ теперь не тотъ „которой былъ прежде; добродѣтель „изъ него изгнана: одною только „наглостью и насильствомъ здѣсь все „дѣлается. Какую надежду можешь „ты имѣть на силу Законовъ? и мож„но ли уповать на правосудiе самихъ „Боговъ, слѣпыхъ, глухихъ и ничего „не могущихъ, Боговъ которые по„пустили злодѣямъ погубить Тиве„рiя?

Каiй въ жестокомъ огорченiи, не имѣя силы ей отвѣтствовать, вырвался изъ рукъ ее и явился къ Флакку, который предводительствовалъ собраннымъ своимъ ополченiемъ. Онъ не нашелъ въ семъ народномъ скопи-

щѣ

щѣ ни порядка, ни строя, а видѣлъ только звѣрство вмѣсто силы. На противу того Сенатъ, и все Благородное общество, съ своими Кліентами и служителями, составляли страшное вооруженіе. Кайй, видя что онъ не въ состояніи имъ сопротивиться, уговорилъ Флакка отправить къ Консулу Депутата, который долженъ былъ просить его объ мирѣ, и заклинать чтобъ онъ пощадилъ кровь Сограждань своихъ. Для сего дѣла отправленъ младшій изъ дѣтей Флакковыхъ, который предсталъ предъ Консула съ Меркуріевымъ жезломъ въ рукахъ, и предложилъ миръ между двумя противоополченными силами.

Многіе Сенаторы, любители добраго согласія, подали голосъ чтобъ принять сіе предложеніе, и войти въ договоръ съ Начальниками Народнаго противообщества. Но Опимій, судя по сему поступку отъ Народа о его слабости, отвѣтствовалъ Флаккову

 сыну,

сыну, что они не могутъ помириться инымъ образомъ какъ только тѣмъ, чтобъ главные преступники подверглись суду Сената и строгости Законовъ. И тотъ часъ отослалъ назадъ юнова Флаккова сына, съ суровымъ запрещенїемъ и угрозами, чтобъ онъ опять къ нему не возвращался, естьли отецъ его съ сообщниками не покорятся Сенату, во всемъ какъ ему угодно будетъ поступить съ ними. Въ то же время приказалъ всѣмъ объявить, что естьли кто принесетъ Каїеву голову, тому заплачено будетъ по ее вѣсу столько золотомъ. А чтобъ ослабить Каїевы силы и произвесть въ нихъ раздѣленїе, онъ приказалъ обьявить, съ трубнымъ гласомъ, всѣхъ его сообщниковъ на казнь прописанными: съ обѣщанїемъ однако простить вины людемъ тѣмъ, кои тотъ часъ его оставятъ. Сїе обьявленїе произвело дѣйство какова только могъ ожидать Консулъ отъ щастливой въ томъ удачи. Большая часть мѣлкихъ

кихъ людей кои подговорены были слѣдовать за Флаккомъ пришли въ страхъ, воротились назадъ одинъ за другимъ, и измѣнили своимъ Начальникамъ. Едва оставалось съ ними четыре или пять тысячь человѣкъ въ нестройномъ ополченіи. Кайй, будучи не въ состояніи спорить силамъ противной стороны, а можетъ быть и для того чтобъ не дойти до междоусобнаго кровопролитія, хотѣлъ самъ итти дать отвѣтъ Сенату въ своемъ поступкѣ; но его сообщники, боясь потерять своего Начальника, отвели его отъ толь смѣлаго предпріятія; и разсуждено было залучше послать въ другой разъ юнова Флаккова сына, просить опять мира.

Опимій не выслушавъ посланнаго, приказалъ его взять подъ стражу, за то что онъ отважился притти въ другой разъ противу сдѣланнаго ему запрещенія; и не дая времени Народу оправиться, онъ пошелъ проти-

ву мятежниковъ, велѣлъ своимъ Кандіотамъ на нихъ ударить, а сіи пустя стрѣлы, въ маломъ времяни разогнали Народное скопище. Тогда Сенаторы и Рыцари бросились съ мечми въ рукахъ въ толпу бѣгущихъ, и побили ихъ великое множество. Пишутъ, что тогда погибло три тысячи человѣкъ съ стороны Народной. Флаккъ въ семъ побѣжищѣ скрылся въ нѣкоторую старую хижину, гдѣ однако былъ найденъ и убитъ вмѣстѣ съ своимъ старшимъ сыномъ. Кайй убѣжалъ въ Діаннинъ Храмъ, гдѣ хотѣлъ было самъ себя убить, но Помпоній и Лициній, двое друзья его, ему въ томъ воспрепятствовали, а уговорили его чтобъ онъ скрылся. Сказываютъ, что передъ выходомъ изъ Храма онъ молилъ Богиню, да будетъ приведенъ въ вѣчное рабство Народъ Римской, которой безчестно и подло оставилъ своихъ защитниковъ. Онъ пустился по томъ въ бѣгство, всегда вмѣстѣ съ двумя своими вѣрны-

вѣрными друзьями, и съ однимъ невольникомъ, по имяни Филократомъ. Неприятели Кайевы уже близко его настигали; но какъ онъ прибѣжалъ къ мосту, то Помпоній и Лициній, способствуя ему убѣжать отъ погони, остановились у моста съ мечьми въ рукахъ на сопротивленіе, и на нѣсколько времяни пресѣкли путь гонящимъ, такъ что они не могли перейти за мостъ прежде пока не убили сихъ двухъ великодушныхъ Римлянъ.

Кайй между тѣмъ имѣлъ время спрятаться въ небольшой лѣсъ посвященный Фуріямъ. Но какъ онъ видѣлъ что не могъ спастись отъ своихъ неприятелей, кои окружили сіе мѣсто, то сказываютъ что велѣлъ умертвить себя Филократу, и что сей вѣрный слуга умертвилъ по томъ и себя надъ тѣломъ своего Господина. Другіе же пишутъ, что когда Кайй постигнутъ былъ своими злодѣями, то Филократъ, обхватя своего Господина, защищалъ его отъ ударовъ

ровъ своимъ тѣломъ, такъ что погонщики не могли къ нему прикоснуться, пока не убили сего вѣрнаго служителя. По томъ отсѣчена была голова Каїева, которую убiйцы его на конецъ копья взоткнули. Нѣкто по имени Септимулей, угождатель Опимїевъ, отнялъ сїю голову у тѣхъ кои несли ее на подобїе Трофеи. Онъ потаенно вынялъ изъ нее мозгъ, и въ то мѣсто налилъ свинцомъ, чтобъ сдѣлать ее на вѣсу тяжелѣ; и такъ Консулъ заплатилъ ему по вѣсу головы, семнатцать фунтофъ съ половиною золота.

Тѣло его брошено въ Тибръ, а съ нимъ равно и другїе тѣла, то есть Флакково и всѣхъ протчихъ болѣ трехъ тысячь Гражданъ погибшихъ въ семъ смятенїи. Консулъ, въ непримиримой ненависти и ненасытномъ мщенїи, не удовольствовался пролитїемъ толь многой крови, но еще приказалъ по томъ забрать подъ стражу и умертвить въ темницахъ всѣхъ коихъ онъ могъ при-

признать друзьями и сообщниками Гракховъ. Имѣнія ихъ были въ казну описаны, и оставшимъ ихъ женамъ запрещено надѣвать по нихъ печальное платье; а Лицинія, Каїева жена, должна была лишиться и той части имѣнія которая ей послѣ мужа слѣдовала. Опимій, не преставая истреблять нещастные остатки казненныхъ противообщниковъ, показалъ свое безчеловѣчіе даже надъ симъ юнѣйшимъ отрокомъ, который посланъ былъ къ нему съ прошеніемъ мира: онъ такъ же приказалъ уморить его въ темницѣ.

Сей жестокосердый Правитель, обагривъ весь Городъ кровью Согражданъ своихъ, не устыдился воздвигнуть послѣ Храмъ, подъ имянемъ Храма *Согласія*, такъ какъ бы онъ миролюбными попеченіями привелъ на конецъ въ соединеніе Римлянъ. Народъ съ ужасомъ взиралъ на Храмъ сей, почитая его не Храмомъ кроткаго Божества, но зданіемъ оставляющимъ

вѣчную память Опиміевой гордости и его свирепства. Опимій же презирая безсильную ненависть людей, умыслилъ истребить и память Законовъ Гракховыхъ. Въ семъ видѣ, нѣкто Народный Трибунъ, должно думать подкупленный отъ него и отъ другихъ Римскихъ Вельможъ, представилъ въ Собраніи, что онъ находитъ непреодолимые трудности въ разобраніи и раздѣлѣ земель; но что онъ вмѣсто того предлагаетъ для пользы Народа, чтобъ каждый владѣлецъ помянутыхъ земель платилъ нѣкоторую дань, по мѣрѣ количества его владѣнія; чтобъ собираемые за то деньги раздавались бѣднымъ Гражданамъ, особливо тѣмъ кои не имѣли въ сихъ общихъ земляхъ ни каковой части. Къ тому онъ прибавилъ, что въ разсужденіи сей платимой дани, надлежитъ по его мнѣнію, утвердить во владѣніи законнымъ образомъ, всѣхъ помѣщиковъ кои до того владѣли помянутыми землями: такъ

такъ чтобъ они впредь никогда тревожены не были; и что должно имъ дозволить по томъ, хотя продавать сіи владѣнія, хотя инымъ образомъ поступаться ими, только чтобъ они всегда были подъ платежемъ дани, какая уложена будетъ.

Народъ, обольщенъ помянутою данью, и вѣря въ томъ своему Трибуну, принялъ сей Законъ, который вовсе уничтожилъ всѣ Законы Гракховы. Богатые Граждане, не боясь по томъ ни каковаго изслѣдованія въ своихъ владѣніяхъ, разпространили грани по своей волѣ. Каждый одинъ передъ другимъ старался купить себѣ земли бѣдныхъ сосѣдей. Всѣ помѣстьи перешли въ руки Вельможъ, и мѣлкой Народъ снова впалъ въ бѣдность, которую двое Гракхи предупредить желали.

Скоро позабыто было объ узаконенной дани, и объ употребленіи оной въ пользу бѣдныхъ. Богатые Граждане и Вельможи Римскіе отложились

по

по согласію отъ платежа поземельныхъ денегъ. Другой Трибунъ, столько же невѣрный своему Обществу какъ и первый о которомъ говорено было, уничтожилъ нечувствительно исполненіе сей статьи Закона, подъ тѣмъ видомъ что Вельможи платятъ и безъ того довольную дань Республикѣ, своею службою въ разныхъ Чинахъ и должностяхъ, кои отъ Правительства на нихъ наложены были. Таковыми безпрестанными хитростями подкрѣпляемыми властью и насильствомъ, главные Вельможи стали быть наконецъ Владѣтелями сихъ общихъ земель, кои они содѣлали себѣ добычею, такъ какъ бы они то особо для себя завоевали.

Не должно сему удивляться, въ разсужденіи того что Плебеяне не находили болѣ прежней подпоры, которую они имѣли во всегдашней враждѣ Трибуновъ съ Вельможами и Благороднымъ Обществомъ. Сіи двѣ противные силы, коихъ порода содер-

жала всегда въ непримиримости, перемѣнились въ два другїе Общества: то есть бѣдные отдѣлились отъ Богатыхъ, въ какомъ бы Чинѣ или степени они ни были. Тогда неимущїй Гражданинъ, оставленъ отъ Богатыхъ Плебеянъ присоединившихся къ Сенату, видѣлъ еще себя оставленнымъ отъ своихъ собственныхъ Начальниковъ, соучаствующихъ въ похищенїи сихъ земель, коихъ Народъ безплодно требовалъ. Послѣ нещастной смерти Гракховъ, не появился ни какой Трибунъ, столько безкорыстный или столько великодушный чтобъ отважился защищать Народъ явно. Корыстолюбїе, особенная польза, исканїе произойти чрезъ милость Знатныхъ, послѣдовали вмѣсто ревности и усердїя къ общему благу; пышность роскоши, вмѣсто сего благороднаго безкорыстїя и сей любви къ Отечеству, отъ коихъ Римъ получилъ свое величество и силу.

Вѣ семѣ, такѣ сказать, общемѣ поврежденіи нравовѣ, дѣло сѣ Югуртою возбудило Народѣ отѣ унынія и отчаянности, вѣ коей онѣ находился по потеряніи Гракховѣ. Онѣ сѣ радостью возпользовался симѣ случаемѣ, чтобѣ показать свое мщеніе противу Консула Опимія, и противу гнуснаго корыстолюбія Главныхѣ вѣ республикѣ.

Масинисса, славный Государь Африканской, извѣстный по оказанной кѣ нему дружбѣ отѣ двухѣ Сципіоновѣ, и по отмѣнной своей привязанности кѣ Римлянамѣ, возставленѣ былѣ ихѣ оружіемѣ на царство вѣ Нумидіи, вѣ возмездіе за помощь которую онѣ имѣ сдѣлалѣ противу Карфагенянѣ. Онѣ при смерти оставилѣ Область свою подѣ Покровительствомѣ Римлянѣ Мисипсѣ своему наслѣднику. Сей Государь имѣлѣ двухѣ дѣтей: старшій назывался Адгербалѣ, а младшій Гіемпсалѣ. У него былѣ еще племянникѣ, именемѣ Югурта, сынѣ Манастаба-

стабала его брата скончавшагося до Масиниссиной смерти, но Масинисса оставилъ его безъ присмотра, и не хотѣлъ признать его своимъ внукомъ, по тому что онъ былъ незаконнорожденный.

Мисипса, увидя въ немъ хорошую стать и добровидность, извлекъ его изъ низкаго состоянія въ которомъ онъ былъ брошенъ, и приказалъ воспитывать его съ Царевичами своими дѣтьми, хотя Югурта былъ ихъ старѣ. Югурта, пишетъ Салустій, вникъ въ ученіе совершенно по желанію Царя своего дяди и по наставленіямъ своихъ учителей. Никто изъ молодыхъ Господъ его возраста не превосходилъ его ни въ стрѣляніи изъ лука, ни въ конномъ рысканіи, ни въ спорномъ бѣгу при предположенныхъ за то награжденіяхъ. Естьли онъ ходилъ на охоту и встрѣчался со львомъ, или другимъ лютымъ звѣремъ, то непремѣнно бѣжалъ къ нему на переди всѣхъ охотниковъ, и первую давалъ ему язву.

Когда

Когда же убивъ звѣря получалъ за то себѣ похвалы, то отъ гордости или отъ умѣренности, презиралъ толь малые побѣды, кои не заслуживали уваженія, говорилъ онъ, по мѣрѣ того что должно быть ожидаемо отъ Государской смѣлости и храбрости.

Нумидійской Царь сперва видѣлъ съ удовольствіемъ успѣхи своихъ попеченій въ его воспитаніи, и ставилъ молодаго Югурту украшеніемъ Двора своего. Но скоро сей молодой Царевичь далъ въ себѣ примѣтить господствующую страсть властолюбія, при тонкомъ, вкрадчивомъ, невѣрномъ и коварномъ разумѣ. Удовольствіе Мисипсы обратилось тогда въ страхъ, наипаче по разсужденію устарѣлыхъ лѣтъ его и молодости его дѣтей. Онъ примѣтилъ съ оскорбленіемъ, что питалъ въ своемъ домѣ тайнаго врага, которой можетъ быть содѣлается его истребителемъ. Чтобъ избавить себя отъ страха, онъ вознамѣрился послать его на войну,

ну, въ надеждѣ что онъ неудачею битвы можетъ погибнуть и его оставить въ покоѣ. Онъ далъ ему подъ предводительство войско, съ которымъ онъ его послалъ къ Сципіону Емиліянину, осаждавшему тогда Нуманцію въ Гишпаніи.

Но Югурта умѣлъ всячески воспользоваться предпріятіемъ умышленнымъ на его погубленіе. Онъ въ началѣ привлекъ въ любовь къ себѣ воиновъ и Чиновниковъ, ласками, подарками, и особливо дѣйствіями удивительной храбрости. Самые Римляне, совершенно умѣя судить о военныхъ достоинствахъ, признавались, что не льзя было сыскать молодова Государя его возраста, кто бы подобился ему въ храбрости и военномъ знаніи. Сіе общее признаніе содѣлало ему великое число друзей, и сверьхъ протчихъ онъ вошелъ въ короткіе обязательствы съ нѣкоторыми Чиновниками, коихъ онъ находилъ наиболѣ властными въ Сенатѣ и во всемъ Ри-

мѣ. Хитрой Африканской Полководецъ, уразумѣвая колико власть сихъ главныхъ Чиновниковъ могла быть полезна для его возвышенія, всячески старался привлечь ихъ къ себѣ по своимъ видамъ. Онъ легко купилъ ихъ способомъ даровъ; и сіи корыстолюбивые люди, для полученія отъ него новыхъ подарковъ, поощряли его властолюбіе. Они внушали ему, что не взирая на дальность родства, онъ долженствовалъ требовать Престола открытымъ образомъ; и только чтобъ были у него деньги, а съ ними онъ легко найдетъ друзей и сильныхъ Покровителей въ Римскомъ Сенатѣ, гдѣ большою частью голоса были, такъ сказать, отдаваемы на откупъ.

Сципіонъ, свѣдавъ о сихъ потаенныхъ совѣщаніяхъ, и негодуя что разумъ сего молодаго Государя обольщенъ былъ толь пагубными совѣтами, отвелъ его къ себѣ на очи, и ласково уговаривалъ, чтобъ онъ не искалъ никогда дружества Римлянъ

инымъ образомъ, какъ только средствами какіе могутъ быть приличны честному человѣку, и дѣйствіями достойными его храбрости и его рожденія. Къ тому представилъ, показывая ему что онъ извѣстенъ былъ о всѣхъ его скрытыхъ намѣреніяхъ, всегдашнюю опасность покупать у нѣсколькихъ людей то, что принадлежитъ цѣлому Обществу; и что съ такою храбростью, какую онъ въ себѣ оказываетъ, онъ долженъ и безъ того достигнуть къ Престолу; но что естьли онъ, въ скоропостижномъ желаніи царствовать, употребитъ безчестные способы, то онъ предувѣдомляетъ его дружески, что по напрасну потеряетъ онъ и время и деньги безплодною куплею голосовъ, а напослѣдокъ и самъ себя потеряетъ. Югурта, котораго уклонистой и хитрой разумъ могъ легко поддѣлываться ко всѣмъ притворнымъ видамъ, оказалъ тогда что онъ почитаетъ себѣ въ законъ Сципіоновы представленіи. Онъ

обѣщалъ слѣдовать данному отъ него совѣту; и по окончанiи полевыхъ дѣйствiй, взялъ отпускъ отъ сего Полководца, который въ его пользу писалъ къ Нумидiйскому Царю, что онъ весьма доволенъ службою Югурты, и что сей молодой Царевичь, во всѣхъ случаяхъ гдѣ былъ въ сраженiи, оказывалъ наивозможную храбрость и доброе распоряженiе, какъ надлежитъ искусному Полководцу.

Югурта, по возвращенiи въ Нумидiю со всею славою какую онъ приобрѣлъ въ войскѣ, и приобрѣвъ дружбу Римлянъ, началъ умышлять о возведенiи себя на Царство. Онъ дѣлаетъ себѣ новыхъ друзей; закупаетъ угождателей; склоняетъ на свою сторону нѣкоторыхъ Правителей; другихъ стращаетъ; и разными способами и умыслами заставляетъ внушить старому Царю, что онъ долженъ его усыновить, и приобщить къ дѣтямъ такъ какъ третьяго брата который бы служилъ имъ Опекуномъ

и Правителемъ Области. Легкоумной Царь, котораго разсужденїе удручено было старостью, усыновилъ его всенароднымъ объявленїемъ. Онъ надѣялся, что толь великое благодѣянїе заслужитъ ему дружбу отъ Югурты, котораго онъ не могъ довести къ погибели. Но едва онъ скончался, какъ Югурта показалъ, что ухищренная политика не ставитъ благодарность въ число добродѣтелей. Властолюбїе и собственная польза заставили его обратить противу Дома Мисипсы то самое властительство, которое онъ получилъ для Покровительства сего Дома. Нумидїя раздѣлена была на три Области. Въ единомъ Государствѣ, и такъ сказать, на единомъ Престолѣ стали быть три Царя, независимые одинъ отъ другаго, хотя всѣ трое равно были въ зависимости и подъ покровительствомъ Римлянъ. Югурта, желая одинъ быть Царемъ въ Нумидїи, предпринялъ умертвить двухъ молодыхъ

Государей. Онъ сперва сплетаетъ ковы противу младшаго, и заставляетъ заколоть его спящаго: сей былъ первою нещастною жертвою его властолюбія.

Старшій же братъ, устрашенъ таковымъ злодѣйствомъ, немедлѣнно спасая себя уѣхалъ въ Провинцію на его часть принадлежащую; и хотя онъ не былъ воинъ, однако не умѣшкалъ вооружить силы, какъ для защищенія себя отъ предприятій Югуртиныхъ, такъ и для отмщенія за смерть своего брута. Югурта съ своей стороны набралъ войски. Область раздѣлилась на двѣ части: каждый приставалъ къ одному или другому Начальнику въ семъ междоусобномъ ополченіи. Большая часть Нумидійскихъ Вельможъ взяли сторону Адгербалову; но лучшіе воины и главные Военачальники присоединились къ Югуртѣ. Вскорѣ послѣдовало сраженіе; Адгербалъ побѣжденъ, и большою частью его войско, по разбитіи, передалось

въ

вѣ службу кѣ его неприятелю. Лучшіе крѣпости вѣ Нумидіи отворили ворота Побѣдителю. Адгербалѣ, спасая жизнь свою, принужденѣ былѣ укрываться подѣ чужимѣ именемѣ; и сей Государь, странствуя нѣсколько времяни вѣ своемѣ собственномѣ Владѣніи, какѣ изгнанной преступникѣ, убѣжалѣ напослѣдокѣ на земли Римской республики, а оттуда вѣ Римѣ, вручая себя подѣ защищеніе и Покровительство Сената.

Прибытіе сего молодаго Государя, лишеннаго Престола и наслѣдства, кѣ тому смерть его брата, умерщвленнаго по хищному повелѣнію отѣ Югурты, произвели общее кѣ сему омерзѣніе, какѣ вѣ Сенатѣ Римскомѣ, такѣ и вѣ простомѣ Народѣ. Вѣ Римѣ не преставали говорить о необходимой нуждѣ отправить немедлѣнно войско вѣ Африку, чтобѣ наказать Югурту. Сей хитрый государь имѣлѣ вѣ Римѣ своихѣ подглядчиковѣ; и боясь силы и мщенія Республики,

 отпра-

отправилъ тотчасъ туда Пословъ къ оправданію своего поступка. Онъ снабдилъ ихъ богатыми дарами и несчетною суммою денегъ, наказавъ имъ сыскивать въ Римѣ друзей, или такъ сказать, покупать всѣхъ тѣхъ кои могутъ продавать свою совѣсть. Нумидійскіе Послы прибывъ въ Римъ, тотъ часъ начали сыпать во всѣ стороны золото. Малое только число Сенаторовъ не ослѣпились блескомъ онаго; а большая часть Вельможъ тайно закупленныхъ подговорили еще другихъ, тѣмъ же способомъ, въ свое сообщество. И такъ прибытокъ обще всѣми предводительствовалъ. Посланные отъ Югурты нашли въ корыстолюбіи Вельможъ надежное покровительство своему Государю. Сенатъ не сдѣлалъ другаго Опредѣленія какъ только приговорилъ наименовать десять Повѣренныхъ и послать ихъ въ Африку, для изслѣдованія о всемъ произшедшемъ, и для произведенія, естьли они найдутъ за спра-

справедливо, вновь раздѣла между Югуртою и Адгербаломъ, въ Государствѣ Мисипсиномъ.

Главный между сими Повѣренными былъ Опимїй, который приобрѣлъ себѣ великую знатность въ Сенатѣ и между Вельможами римскими, съ тѣхъ поръ какъ истребленъ былъ Каїй и его сообщники. Какъ скоро онъ и его Товарищи прибыли въ Африку, то Югурта, надѣясь болѣ на свои деньги нежели на правду въ своемъ дѣлѣ, не упустилъ предупредить его великолѣпными дарами. Сей главный между Повѣренными Правитель продалъ ему свою совѣсть и свою честь: Товарищи его такъ же не оказали своего удаленїя отъ корысти имъ представленной. Когда же торгъ былъ заключенъ, то Югурта найденъ невиннымъ: Гїемпсалъ написанъ былъ зачинщикомъ ссоры, и смерть его представлена необходимымъ слѣдствїемъ его дерзости. Раздѣлъ Мисипсиныхъ Областей произведенъ былъ по томъ

толь неправедно какъ самъ предписалъ Югурта. Повѣренные къ стыду Римскаго имени, отдали ему самые лучшïе Крѣпости, и самые богатые Провинцïи, кои достались ему точно въ награду за его злодѣйство и куплю правосудïя.

Сей любоначальный Государь, по отъѣздѣ Повѣренныхъ не имѣя болѣ страха съ стороны Рима, предпринялъ овладѣть усильно Адгербаловою Областью. Но какъ онъ имѣлъ нужду сохранять всегда на своей сторонѣ нѣкоторый видъ правосудïя, то сперва удовольствовался одними только набѣгами на его границы, чтобъ тѣмъ принудить Адгердала ко взаимному ополченïю, а по защищенïи отъ него чтобъ онъ могъ будто бы по необходимости вооружить силы. Таковымъ умысломъ онъ вознамѣрился произвесть войну со всею жестокостью, и къ тому оправдать оную въ Римѣ, естьли будетъ въ томъ нужда.

Адгер-

Адгербалъ чувствовалъ свой недостатокъ и въ войскахъ и въ способности какая потребна предводительствовать ими; по чему хотѣлъ лучше снести малые обиды нежели начать явную и сущую войну. Югурта заманивалъ его нѣсколько времени, но не могъ принудить тѣмъ къ вооруженїю. На конецъ, презирая его слабость, и не выискивая болѣ ни какихъ причинъ, онъ вошелъ въ его Область со многочисленнымъ войскомъ, осадилъ и взялъ главные Города, и большую часть Провинцїй отхватилъ къ себѣ подъ владѣнїе.

Послѣ толь хищнаго поступка, Адгербалу не оставалось предпринимать другихъ средствъ, какъ только или опять уйти изъ своей Области, или не взирая на неравенство силъ, храбро защищать ее своимъ оружїемъ. Сей молодой Государь, по совѣту своихъ Министровъ, предпринялъ наконецъ сопротивиться силѣ силою. Онъ собираетъ свои войски, умно-

умножаетЪ ихЪ новыми наборами воиновЪ, кои напослѣдокЪ составляютЪ многочисленную силу, но недостаточную вЪ храбрости. Не взирая на то онЪ отваживается итти на неприятеля, дабы сопротивиться успѣхамЪ его оружія.

Югурта умышленно далЪ волю Адгербалу разположить станЪ свой. ОнЪ притворился кЪ тому что будто и не могЪ надѣяться на силы войскЪ своихЪ, дабы тѣмЪ умножить упованіе Адгербалово. Нѣсколько дней прошло безЪ сраженія; но вЪ одну ночь, пользуясь темнотою оной, Югурта тихо подшелЪ кЪ стану Адгербалову, окружилЪ его со всѣхЪ сторонЪ, взялЪ укрѣпленіи, и порубилЪ на части всѣхЪ кои ему сопротивились. ОнЪ всюду искалЪ Адгербала, котораго желалЪ умертвить, чтобЪ тѣмЪ вдругЪ прекратить бранные дѣйствіи. Но сей Государь имѣлЪ щастье, вЪ своемЪ неблагополучіи, спастись отЪ злобы своего неприятеля.

ля. Онъ какъ скоро увидѣлъ Адгербалову силу въ своихъ укрѣпленiяхъ, то побѣжалъ въ Цирөу, столицу своей Области, гдѣ заперся съ остатками своего войска, и оттуда отправилъ Пословъ въ Римъ, просить вновь вспоможенiя отъ Республики.

Югурта, почитая его истребленiе лучшею себѣ побѣдою, слѣдуетъ за Адгербаломъ, подступаетъ подъ Цирөу со всѣми своими силами, окружаетъ Городъ ближайшимъ образомъ, и заклинается не отступать отъ стѣнъ онаго, покамѣстъ не возметъ и Городъ и самого Адгербала. Сей нещастный Государь, видя себя при концѣ своей погибели, отправляетъ въ Римъ гонцовъ безпрерывно. Сенатъ, поступая по внушенiю друзей Югуртиныхъ, показываетъ что онъ недовѣряется Посольскимъ представленiямъ, и дѣлаетъ Опредѣленiе послать только въ Африку трехъ молодыхъ Римлянъ чтобъ увѣдать истинну произшествiя; и въ случаѣ войны повелѣ-

велѣваетъ обоимъ Нумидійскимъ Государямъ пресѣчь оную. Югурта, по прибытіи помянутыхъ трехъ Римлянъ, забавляетъ ихъ безпрестанными Послами отъ своей стороны, потомъ обольщаетъ, закупаетъ ихъ знатными суммами денегъ, кои посылаетъ подъ видомъ даровъ какъ будто слѣдуя въ томъ обычаю. И когда Послы его допущены были предъ Римлянъ для изъясненія дѣла, то они доказывали, что Адгербалъ первый произвелъ нападеніе явнымъ насильствомъ, и покушался безчестными и хитрыми образами противу самой жизни ихъ Государя, который принужденъ былъ вооружиться въ необходимости справедливаго защищенія. Посланные Римляне, убѣждены сими доказательствами, кои силою Нумидійскихъ денегъ приняты были за самые справедливые, возвратились въ Римъ: а между тѣмъ Югурта приступалъ къ Городу съ новымъ усиленіемъ.

Адгер-

Адгербалъ, приведенъ въ крайность, пишетъ вновь къ Сенату, и заклинаетъ Римлянъ услугами Мисиниссы своего дѣда, спасти по малой мѣрѣ жизнь его: *Пускай будетъ въ вашей волѣ Нумидiйская Область*, говоритъ имъ сей слабый Государь въ писмѣ своемъ, *не попустите только чтобъ я впалъ въ руки Тирана и кровнаго моего убiйцы.*

Добродѣтельные люди въ Сенатѣ, и тѣ кои не были Югуртою закуплены, желали чтобъ немедлѣнно послано было войско въ Африку, для освобожденiя Цирты отъ осады, и для наказанiя такъ же Югурты, за то что онъ не повиновался первымъ повелѣнiямъ даннымъ ему отъ Республики. Но сообщники его не допустили чтобъ сiе мнѣнiе имѣло свою силу, подъ тѣмъ видомъ, что таковое вооруженiе причинитъ безполезную потрату денегъ. Они предложили только послать въ Африку другихъ Повѣренныхъ, для разобранiя ссоры двухъ

Царей;

Царей; и сїе послѣднее мнѣнїе превозмогло надъ честью и славою Республики. Емилїй Скавръ поставленъ былъ Главнымъ между сими Повѣренными. Онъ былъ Старшиною въ Сенатѣ: то есть что Ценсоръ дѣлая списокъ имянъ Сенаторскихъ ставилъ его въ заглавїи; и сїе преимущество зависѣло отъ выбора Ценсора, такъ какъ онъ имѣлъ должность надзирать надъ поведенїемъ и вѣдать о качествахъ каждаго. Обыкновенно сїе почтительное преимущество давано было всегда не инако какъ старому кому либо Сенатору, который былъ бы уже почтенъ Консульскимъ или Ценсорскимъ названїемъ: и сей выборъ оставался на всю жизнь его.

Скавръ, знаменитый своею породою, и искусный Правитель, но при томъ властожелательный и корыстолюбивый, скрывалъ до того времяни свои пороки, подъ наружнымъ видомъ противооказываемыхъ добродѣтелей. Ибо сколь онъ ни былъ пристрастенъ къ коры-

корыстолюбію, однако имѣлъ догадку не принять предложенное ему золото отъ Повѣренныхъ въ дѣлахъ Югуртиныхъ: конечно для того что они дарили всѣхъ весьма явно. А сей притворный поступокъ, его лѣта, Чинъ и заслуги заставили его наименовать Главнымъ помянутаго въ Африку Посланія. Онъ немедлѣнно туда отправился съ своими Товарищами, и присталъ въ Утику, откуда пославъ объявить Югуртѣ вину его прибытія, и повелѣніе отъ Сената чтобъ онъ тотъ часъ прекратилъ осаду и отступилъ отъ Цирѳы.

Югурта, оставя свои войски при осадѣ, не преминулъ самъ явиться къ Римскихъ Повѣреннымъ. Онъ изъявилъ имъ что онъ почитаетъ повелѣніи Сената самымъ священнымъ себѣ Закономъ; но въ тоже время представлялъ, что Адгербалъ хотѣлъ лишить его жизни, и пришелъ къ нему нападательно съ войскомъ; что онъ принужденъ былъ тогда вооружиться, за-

щищая свою жизнь и свои Области; что онъ надѣется на правосудіе Римлянъ, и не чаетъ быть обвиненъ за употребленіе естественнаго права всѣмъ людемъ позволеннаго: ни того не чаетъ чтобъ они запретили ему оборонять себя въ нападеніи. Таковыми и тому подобными увѣреніями, или лучше сказать знатными суммами денегъ потаенно розданными, вѣроломный Африканецъ умѣлъ уничтожить настоящее дѣло Римскаго Посланія. Скавръ и его Товарищи безстыдно возвратились въ Римъ, не сдѣлавъ ни чего въ пользу Адгербалову. Югурта, освободясь отъ единственнаго препятствія которое ему могло быть страшно, возвращается къ осадѣ, производитъ оную съ наибольшею жестокостью, и принуждаетъ напослѣдокъ Адгербала, еще болѣ отъ голода нежели отъ нападенія, отдаться ему въ руки. Сей нещастный Государь, безъ всякихъ другихъ условій, просилъ только чтобъ ему жизнь была

была оставлена, а въ протчемъ предавалъ себя на судъ Сената Римскаго. Югурта льстилъ ему всѣми обѣщаніями, и потомъ впущенъ былъ въ Городъ. Но какъ скоро онъ увидѣлъ себя безъ сопротивленія въ ономъ, то приказалъ порубить на голову Нумидійскіе войски находившіеся въ Крѣпости. Онъ пощадилъ однихъ только Италійцевъ, по видимому изъ уваженія къ Республикѣ: Адгербала же приказалъ умертвить самыми жестокими мученіями. Вѣдомость въ Римѣ о семъ новомъ убивствѣ, и посрамное пристрастіе Повѣренныхъ, произвели общее людей озлобленіе. Наипаче Народъ крѣпко кричалъ въ Собраніяхъ, что продали сему варвару кровь его брата. Сенатъ, боясь чтобъ ненаказанное злодѣйство не привело Народъ напослѣдокъ въ возмущеніе, повелѣлъ, не смотря на старанія Югуртиныхъ Сообщниковъ, чтобъ Луцій Бестія Калпурній, бывшій тогда Консуломъ, шелъ въ Африку съ вой- 641 годъ.

войскомъ, для приведенія Югурты къ послушанію. Калпурній былъ храбръ и искусенъ въ военодѣйствіи, но сіи добрые въ немъ качествы помрачены были гнуснымъ корыстолюбіемъ. Казалось что онъ служилъ на войнѣ какъ будто въ подрядѣ, и только для того чтобъ достать болѣ денегъ. Онъ почиталъ отправленіе свое въ Африку случаемъ получить доброй нажитокъ, и всякой способъ къ обогащенію не былъ для него позоренъ.

Но какъ онъ вѣдалъ что онъ имѣлъ въ томъ общее дѣло съ Римскимъ Народомъ и съ Трибунами, кои послѣ могутъ потребовать отъ него строго отвѣта въ его поступкѣ, то онъ употребилъ хитрость подговорить съ собою въ отправленіе Скавра, и нѣкоторыхъ Сенаторовъ изъ самыхъ знатныхъ. Онъ требовалъ ихъ въ подручные Полководцы, подъ тѣмъ видомъ что онъ имѣетъ нужду въ Особахъ совершенно испытанныхъ въ военномъ искуствѣ. А въ точности, онъ

желалъ

желалъ приобщить ихъ къ своимъ грабительствамъ, дабы прикрыть себя, подъ ихъ именемъ и ихъ повѣренностью, отъ всякаго изслѣдованія.

Между тѣмъ Югурта извѣстился о семъ вооруженіи, съ великимъ удивленіемъ и безпокойствомъ. Онъ всегда ласкалъ себя что убійство Адгербала будетъ ему стоить однихъ только денегъ. Онъ отправилъ тотъ часъ въ Римъ своего сына, какъ въ залогъ своей вѣрности и должнаго повиновенія; и съ нимъ отправилъ двухъ Пословъ, снабдя ихъ частью своихъ сокровищь, которыми онъ приказалъ покупать себѣ еще новыхъ Покровителей. Но преступленіи Югуртины были толь важны и толь всѣмъ извѣстны что Сенатъ не могъ прикрывать ихъ болѣ. Въ самомъ общемъ всѣхъ пристрастіи, каково представлено, показывались еще благородные свойства въ дѣлахъ касательныхъ до всего Общества. И не льзя было никому защищать Югурту явно,

но, не содѣлывая себѣ тѣмъ поношенія. По чему единогласнымъ осужденіемъ повѣлено было его сыну и Посламъ въ десять дней выѣхать вонъ изъ Италіи, безъ того естьли они не присланы вручить Нумидійское Царство и самую особу Югуртину въ волю Республики. Сіе Опредѣленіе имъ обьявлено, и они принуждены были ѣхать обратно, не смѣя по томъ появляться въ Римѣ.

Какъ скоро войски были набраны, то Калпурній посадилъ ихъ на суда въ Регѣ. Они переправились изъ Италіи въ Сицилію, а изъ Сициліи въ Африку. Консулъ по прибытіи туда наступилъ съ жестокостью на Области Югуртины. Войски его раздѣлились повсюду, и огнемъ и мечемъ опустошали его земли. По томъ онъ производитъ осады, беретъ Города и множество плѣнниковъ; и дабы не уронить своей славы, или можетъ быть въ намѣреніи заставить Нумидійскаго Царя дороже купить свою

пощаду, онъ страшную продолжаетъ брань и всюду оставляетъ ужасъ своего оружія. Югурта, боясь последствій сей войны, прибегаетъ къ обыкновенному своему защищенію. Онъ разсылаетъ знатные суммы денегъ, кои сыпятся даже и въ ставку Римскаго Полководца. Тайные подсыльщики заключаютъ съ нимъ торгъ; Скавръ приобщается къ сему постыдному договору, и разделяетъ съ Калпурніемъ золото какъ будто взятое въ добычу отъ Югурты. А дабы обмануть людей, они поставляютъ торжественный договоръ, по которому Нумидійской Царь, наружнымъ только образомъ, подвергается повеленіямъ Сената, Консулу вручаетъ свои Города, лошадей, слоновъ и безчисленные суммы денегъ. Онъ показываетъ видъ какъ будто и самъ предается въ волю Римлянъ, приходитъ въ станъ ихъ, безъ провожатыхъ и безъ всякаго знака своего достоинства: съ тою однако предосто-

рожностью, что у него оставлены были отъ Римлянъ залоги за его Особу. Когда же Римской Полководецъ вышелъ изъ его Областей, то онъ паки вступилъ властительно въ Города свои. Даже лошади и слоны за деньги ему возвращены были. И такъ пользуясь симъ купленымъ миромъ, онъ спокойно наслаждался плодомъ своего злодѣянія и убійства. Въ Римѣ получена была вѣдомость о семъ новомъ предательствѣ съ равнымъ стыдомъ какъ и огорченіемъ. Всѣ вопіяли съ лихостью, что величество Римскаго Народа оскорблено было. Меммій, одинъ изъ Народныхъ Трибуновъ, нашелъ по тому случай язвить Сенатъ въ рѣчахъ своихъ. „Безпристрастіе, говорилъ онъ, удалилось отъ сего Общества. Нѣтъ болѣ въ немъ правосудія. Римъ поработился любостяжанію, и Народъ бѣдственно испыталъ, что Вельможи и Благородное Общество не имѣютъ другаго Бога кромѣ золота.

„Они

„Они явно продаютъ свою честь и „совѣсть. Добрая слава и Государ„ственная польза стали быть торго„вымъ промысломъ. Величество Нача„ловластія Римскаго предано врагамъ „его; Республика продана въ войскѣ „и въ самомъ Римѣ. Опимій, убійца „Каїевъ, тиранъ своего Отечества, „простираетъ по томъ къ сребру и „злату вѣроломнаго Югурты грабительные свои руки, обагренные кро„вію Народа и его Трибуновъ; Кал„пурній и Скавръ, можетъ быть не „болѣ чисты въ своей совѣсти. Ска„зываютъ намъ, что Нумидійской Царь „отдался Республикѣ, что онъ от„далъ свои Города, войски и слоновъ „своихъ: изслѣдуйте сію правду, ве„лите чтобъ Югурта въ Римъ явил„ся. Естьли не ложно то что онъ „отдался прямо, то онъ явится къ „волѣ вашего повелѣнія; естьли же „тому воспротивится, то вы легко „разсудить можете, что называемый „торжественный Трактатъ, есть

„одинъ только обманъ сего хитраго „Государя вмѣстѣ съ нашими Полко„водцами; и таковой Трактатъ за„ключенъ конечно въ томъ только на„мѣреніи, чтобъ злодѣйствы остались „безъ наказанія, чтобъ тѣ коимъ по„ручены были повелѣніи отъ Сената „набогатились беззаконнымъ образомъ, „и чтобъ Республика имѣла себѣ „тѣмъ вѣчное поношеніе.

Рѣчь сія возбуждаетъ неукротимую злобу въ Народѣ. Опимій требуется къ отвѣту предъ Народное Собраніе. Производится надъ нимъ судъ; и онъ изгнанъ изъ Рима обще-учиненнымъ Опредѣленіемъ. Воспоминовеніе его жестокостей, говоритъ Веллій Патеркулъ, толь было изобразительно, что не нашлось ни единаго Плебеянина, который бы сожалѣлъ о его нещастіи; и онъ принужденъ былъ, сказываетъ къ тому въ прибавокъ Плутархъ, провести свою старость въ стыдѣ и поношеніи, которое онъ на себя навлекъ своимъ корысто-

столюбїемъ и соблазненными поступками.

Кассїй, бывшїй тогда Преторъ, по силѣ того же Народнаго Опредѣленїя отправился въ Африку, чтобъ представить въ Римъ самого Югурту. Онъ увѣрилъ его въ безопасности общенароднымъ обнадѣживанїемъ. Но сей Государь вѣрилъ еще болѣ того своимъ деньгамъ; ибо какъ скоро приѣхалъ въ Римъ, то подкупилъ богатыми подарками одного Народнаго Трибуна, по имени Бебїя, по томъ явился въ Собранїе. Меммїй укорялъ его неблагодарностью противу Дома Мисипсы, его чрезмѣрнымъ властолюбїемъ, жестокостью, убїйствомъ своихъ двухъ восприятыхъ братьевъ, преслушанїемъ къ Сенату, и тайнымъ его сообщенїемъ съ тѣми кои отправлены были къ нему съ повелѣнїями, чѣмъ содѣлался онъ преступникомъ наиболѣ гнуснымъ въ Республикѣ.

Трибунъ прибавилъ къ тому, что хотя Народъ знаетъ по именамъ его

сооб-

сообщниковъ, и за какую цѣну они въ соблазнъ вступили, однако желаетъ чтобъ онъ самъ донесъ о томъ чистосердечно; что онъ можетъ надѣяться на обнадеживаніе и на милость римлянъ, естьли ничего не потаитъ отъ нихъ; но естьли не скажетъ истинны, или лживымъ доносомъ прикроетъ оную, то погибнетъ непремѣнно. А по томъ онъ заставлялъ его отвѣтствовать по вопросамъ, на разные его обвиненіи, кои не столько были изготовлены противу его, какъ противу Сенаторовъ и Повѣренныхъ ослѣпившихся гнусною мздою за свое поползновеніе.

Но Бебій, похлѣбствуя Югуртѣ, запретилъ ему отвѣтствовать, не сказавъ ни какой тому причины. Всѣ удивлены были безстыдствомъ сего Трибуна. Однако онъ твердо настоялъ въ своемъ сопротивленіи, и Народъ измѣняемый однимъ изъ своихъ Начальниковъ, видѣлъ Собраніе свое уничтожено безъизъясненія отъ

Бебія

Бебія по чему онъ перервалъ оное. Справедливо раздраженъ его мирвольствомъ и сопротивленіемъ, онъ почиталъ оное дѣйствомъ новаго златомъ ослѣпленія, и хотѣлъ не мѣнѣ какъ лишить Югурту Престола, а отдать оный Масиниссину внуку, который, боясь жестокости Югуртиной, убѣжалъ въ Римъ по смерти Адгербаловой.

Югурта, встревоженъ сими слухами, находитъ убійцевъ, кои по волѣ его умерщвляютъ и сего соперника. Но одинъ изъ сихъ убійцевъ былъ пойманъ. Вѣроломный Югурта, уличенъ въ толь безчеловѣчномъ злодѣйствѣ признаніемъ отъ самого убійцы, и можетъ быть не имѣя тогда довольно денегъ къ своему оправданію, получаетъ отъ Сената повелѣніе немедлѣнно выѣхать изъ Рима. Онъ тотчасъ отбылъ изъ Города, по видимому страшась, чтобъ не подпасть подъ наказаніе за злодѣйствы. Сказываютъ, что выѣхавъ изъ воротъ, онъ проговорилъ оборотясь

къ

къ Риму: *О мздоимной Городъ! ты скоро былъ бы въ рабствѣ, естьлибъ нашелся Купецъ столько богатый, чтобъ могъ дать деньги за твою вольность.*

Какъ сей Государь явился въ Римъ по общенародному увѣренїю въ его безопасности, то и позволено ему возвратиться безвозбранно въ свою Область. Но скоро за нимъ посланъ былъ
643 годъ. Консулъ Албинъ, съ повелѣнїемъ разить его не пощадною войною, естьли онъ не отдастъ себя и свое Царство во власть Римскаго Народа. Албинъ вступя въ Африку, началъ воевать сильнымъ и жестокимъ образомъ. Онъ желалъ кончить войну прежде конца своего Консульства. Югурта на противу того, надѣясь на перемѣну Полководцевъ и на болѣ щастливое время, старался всячески пробавлять Консула и приводить его къ замедленїю.

Иногда онъ обѣщалъ отдаться Римлянамъ, а иногда изъявлялъ что онъ лутче потеряетъ жизнь нежели Престолъ

столъ свой. И то бѣжалъ отъ римлянъ, то приходилъ самъ нападать на нихъ въ самомъ ихъ станѣ. Потомъ посылалъ къ нимъ вѣстоносцевъ и миротворителей: каждый день слышны были отъ него новые предложенiи. Консулъ, въ семъ разнообразномъ сплетенiи договоровъ неимѣющихъ основанiя, не производилъ, такъ сказать, ни войны ни мира. Между тѣмъ наступило время Комицїй, и онъ принужденъ былъ ѣхать изъ Африки въ Римъ, дабы тамъ главноприсудствовать при избранiи новыхъ Консуловъ. А отправляясь въ путь свой онъ оставилъ предводительство силъ Авлу, своему подручному Полководцу и брату.

Югурта не могъ желать для себя лучшей перемѣны. Къ сраженiю съ нимъ оставленъ былъ Полководецъ не имѣющїй ни храбрости ни военнаго знанiя, который по тому только былъ почитаемъ, что имѣлъ честь быть братомъ главнаго Полководца. Онъ

Онъ оказывалъ надмѣнность и чрезмѣрную на себя надежду, чтобъ скрыть тѣмъ свое невѣжество; и подлая жадность къ корысти заставляла его дѣлать столь много ошибокъ, сколь часты были его предприятіи.

По среди зимы онъ вывелъ свои войски изъ квартиръ на осаду Зуѳула, самого крѣпкаго Города въ Нумидіи, гдѣ Югурта хранилъ часть своихъ сокровищъ. Ихъ прелесть привлекла Авла къ Городу; но добыча хранилась въ Полатахъ стоящихъ на хребтѣ горы окруженной болотами, которые отъ дожжей и тающихъ снѣговъ были непроходимы.

Авлъ, слѣдуя куда вело его корыстолюбіе, не преминулъ учредить осаду надъ Городомъ. Югурта же находилъ великіе себѣ выигрыши въ томъ, что онъ привязался къ толь трудному предприятію; и какъ будто бы боясь дѣйствій его осады, нарочно приказалъ дѣлать ему разные предложеніи. Питая тѣмъ его надмѣнность,

ность, онъ посылалъ къ нему по часту Депутатовъ, кои просили у него мира толь умилительными словами какъ будто бы онъ уже покорилъ всю Нумидїю. Такъ же умышленно онъ приказалъ подступить своему войску, какъ будто бы хотѣлъ подвесть его въ Городъ на помощь тамо находившемуся; и приказалъ своимъ Чиновникамъ показывать видъ нѣкоторыхъ робкихъ движенїй.

Авлъ, лаская себя что онъ разсыпалъ ужасъ во всей Нумидїи, идетъ прямо на нихъ какъ будто съ вѣрною побѣдою. Югурта, маня его заблуженїю и легковѣрности, умышленно предпринимаетъ бѣгство. Войско его скоропостижно удаляется. Римской Полководецъ гонится за нимъ безъ памяти, и только того боится чтобъ не ушелъ Югурта. Но хитрой Нумидїйской Вождь, зная всѣ положенїи мѣстъ, привлекаетъ и заводитъ нечувствительно Авлову силу въ тѣсные мѣста, коихъ онъ прика-

 залъ

залЪ занять и пресѣчь выходы. Напослѣдокъ АвлЪ увидѣлЪ что онЪ былЪ, такЪ сказать, осажденЪ и побѣжденЪ, прежде нежели встрѣтился сЪ непріятелемЪ.

Недоумѣніе и ужасЪ объемлютЪ его воиновЪ. Нумидійцы бьютЪ РимлянЪ сЪ переди и сЪ тыла, и тучами стрѣлЪ ихЪ поражаютЪ. Иные падаютЪ мертвы, другіе ищутЪ дорогЪ и способа кЪ бѣгству. Но вЪ которую сторону ни обращаются, вездѣ встрѣчаютЪ непріятеля и смерть неизбѣжную. На конецЪ Римской ПолководецЪ сЪ главными своими Чиновниками уходитЪ на вершину одной горы, гдѣ Югурта оставляетЪ его ночевать, вѣдая что онЪ оттуда изЪ рукЪ его уйти не можетЪ. Наставшій дневный свѣтЪ открываетЪ ему всю бѣду его состоянія. ОнЪ видитЪ часть своихЪ войскЪ наповалЪ порублену, и остатокЪ вЪ осажденіи отЪ непріятеля господствующаго вЪ полѣ и побѣждающаго: слѣдовало вступить

нить въ договоръ. Югурта показываетъ что онъ не хочетъ возмѣриться всѣми своими удачами. Онъ даритъ жизнь и свободу Римлянамъ, но съ тѣмъ условїемъ что они пройдутъ *подъ игомъ*. То былъ поругательный обрядъ, которымъ побѣдители, по тогдашнему обыкновенїю, прилѣпляли вѣчной стыдъ къ нещастью побѣжденныхъ. Онъ принуждаетъ еще Полководца и главныхъ Чиновниковъ къ торжественной клятвѣ, что Римляне нестанутъ ни когда впредь безпокоить его во владѣнїи Царства Нумидїйскаго. Авлъ, столько подлъ въ нещастьи сколько пышенъ въ благополучїи, соглашается на всѣ требованїи; и Римлянинъ тогда могъ страшиться болѣ смерти нежели утраты своей чести.

Сенатъ, услышавъ о семъ постыдномъ договорѣ, тотъ часъ его уничтожилъ. Авлъ былъ отозванъ, и Метеллъ, предназначенный Консулъ, посланъ продолжать войну въ

Нумидіи. То былъ Сенаторъ знатнаго рода въ Римѣ, великой Полководецъ, добропорядочной человѣкъ, почтенный всѣми за свои добродѣтели и праводушіе, который хотя былъ противной Народу стороны, но былъ простому людству столько же милъ какъ и Благороднымъ, коихъ онъ былъ украшеніемъ и крѣпчайшею подпорою.

Римляне, уразумѣвая что сей имѣлъ прямо благородные качествы и особливо удаленъ былъ отъ лихоимства, не сомнѣвались по томъ о усмиреніи Югурты, который до того времяни держался одними своими хитростьми, и корыстолюбіемъ людей напротиву его употребленныхъ. Метелъ совокупляетъ свои войски, про-
644 годъ. изводитъ новые наборы, заготовляетъ съѣстные припасы, оружіи и снаряды, и отправляется въ Нумидію, обще съ Каіемъ Маріемъ, котораго Народъ далъ ему въ подручные Полководцы.

Марій родился въ деревнѣ лежащей близъ Арпина, отъ бѣдныхъ поселянъ,

селянъ, кои кормили себя работою рукъ своихъ. Онъ воспитанъ былъ въ земледѣльныхъ упражненїяхъ, и нравъ его былъ столько же дикъ, какъ безобразно было лице его. Онъ былъ человѣкъ высокаго роста, чрезвычайно силенъ, отваженъ, и былъ воинъ отъ природы, прежде нежели носилъ оружїе. Онъ изъ млада вошелъ въ войско, и отличилъ себя въ ономъ дѣйствїями рѣдкаго мужества, наипаче же всегдашнею исправностью въ строевыхъ учрежденїяхъ. Онъ во всѣхъ случаяхъ шелъ въ опасности, преодолимыя единою только его храбростью. Самые долгїе походы и всѣ военные труды, не могли привесть его въ утомленїе, по привычкѣ которую онъ сдѣлалъ въ работномъ своемъ воспитанїи. Въ поведенїи его всегда примѣчено было совершенное удаленїе отъ роскошей; и послѣ своего возвышенїя, онъ не былъ чувствителенъ къ другимъ вещамъ, какъ только къ любоначальству и мщенїю: къ симъ страстямъ

стямъ кои были причиною пролитія многой крови въ республикѣ. Онъ перешелъ чрезъ всѣ степени военной службы; и сіи разные степени повышенія онъ получалъ въ награжденіе, всегда при случаяхъ отличнаго его мужества. Когда онъ просилъ у Народа Чина Легіоннаго Трибуна, то большая часть Сограждан не знали лица его, но имя его всюду громко славилось; и по сей заочно приобрѣтенной славѣ, онъ получилъ сей Чинъ преимущественно передъ многими Патрикіями, кои того же требовали. Метеллъ, умѣя судить о достоинствахъ храбраго мужества, произвелъ его по томъ въ первые Чины воинскіе, и подъ его покровительствомъ онъ на конецъ достигъ къ Достоинству Народнаго Трибуна. Въ семъ званіи онъ началъ открывать свое властолюбіе, и жестокую ненависть которую онъ питалъ въ сердцѣ противу Благороднаго Общества. Онъ безпрестанно вопіялъ противу роско-

ши

ши Сенаторовъ; и хотя онъ не былъ красноръчивъ, однако не упускалъ такъ какъ могъ представлять Народу кръпкимъ и кричащимъ голосомъ: коль постыдно для него было, не смъть вврять предводительство войскъ, и главные Государственные должности, инымъ кромъ Благородныхъ; что сіи корыстолюбивые и любоначалные люди захватили ихъ себъ какъ будто въ подданство; что защищаясь своею властью, они передавали ихъ съ рукъ на руки кому хотъли, и между тъмъ какъ были въ сихъ званіяхъ, они не наказанно исполняли всякіе грабительствы.

Марій, чтобъ разрушить ихъ согласіи и связки, предложилъ новый Законъ, и новый образъ давать голоса въ избраніяхъ Курульныхъ Начальниковъ. Котта, бывшій тогда Консулъ, проникнувъ его виды, всталъ противу изданія сего Закона, и новый Трибунъ требованъ еще былъ въ

 Се-

Сенатъ, дать тамъ отвѣтъ въ своемъ предприятіи и поступкѣ. Марій туда явился, и вмѣсто чтобъ оробѣть, какъ должно было ожидать отъ человѣка низкаго произхожденія, онъ грозилъ гордымъ образомъ Консулу взять его подъ стражу, естьли онъ не отстанетъ отъ своего сопротивленія. Онъ обратился по томъ къ Метеллу, который до того времени былъ его Патрономъ, такъ какъ бы ждалъ отъ него чтобъ онъ подкрѣпилъ его своимъ мнѣніемъ. Но Метеллъ передъ всѣми опорочилъ его поступокъ. Тогда Марій, позабывъ почтеніе къ Сенатору которому онъ долженъ своимъ щастьемъ, приказалъ тотъ часъ своимъ Чиновникамъ взять его подъ стражу: и онъ былъ бы отведенъ въ тюрьму съ Коттою, естьлибъ сей Консулъ не объявилъ свое сопротивленіе уничтоженнымъ. Марій по выходѣ изъ Сената возвратился въ Народное Собраніе, гдѣ заставилъ утвердить

вердишь свой Законъ. Народъ за его швердость превознесъ его великими похвалами, и наименовалъ по томъ подручнымъ Полководцемъ Метелловымъ; для походу съ нимъ въ Нумидїю. Метеллъ, предпочитая пользу своего Отечества собственному мщенїю, употребилъ его съ такою къ нему довѣренностью, какую онъ заслуживалъ своею храбростью и способностью. Онъ не обманулся въ сей довѣренности: Марїй почитаемъ былъ въ послѣдствїи самымъ вѣрнымъ орудїемъ побѣдъ его. Метеллъ по прибытїи въ Африку, старался въ началѣ учредить доброй порядокъ въ войскѣ, которое онъ принялъ отъ Авла. Онъ пошелъ по томъ противъ Югурты, разбилъ сего Государя въ двухъ сраженїяхъ, взялъ у него главные Города, и выбивая его изъ Провинцїи въ Провинцїю загналъ на самой край его Области. Югурта не имѣлъ болѣ ни силъ на сопротивленїе, ни Городовъ куда бы могъ укрыться. Въ сей крайности

ности онъ просилъ о договорѣ, и предлагалъ подвергнуть себя всему что римской Полководецъ предписать ему изволитъ. Метеллъ въ началѣ предписалъ ему заплатить двѣсти тысячь фунтовъ серебра за издержки въ войнѣ; отдать ему всѣхъ своихъ слоновъ и нѣкоторое количество оружїй и лошадей: что онъ исполнилъ съ точностїю. Консулъ требовалъ по томъ чтобъ онъ выдалъ ему римскихъ пришельцевъ и бѣглецовъ. Югурта былъ еще покоренъ, и выдалъ тѣхъ коихъ могъ отыскать. Но когда на конецъ повелѣно ему было явиться самому въ *Тисидїю*, для исполненїя того что ему предписано будетъ, то онъ провелъ нѣсколько дней не могши поступить на оное. Воспоминовенїе злодѣйствъ своихъ, страхъ отмщенїя за смерть Царей Адгербала и Гїемпсала, привлеченїе самодержавной власти, и срамъ перейти съ Престола въ раболепство, принудили его испытать еще судьбу оружїя; и хотя

тя былъ лишенъ главныхъ своихъ подпоръ, онъ чаялъ однако, что имѣлъ еще довольно силъ продолжать войну, или по крайней мѣрѣ умѣшкать гибель свою нѣсколько времяни. И такъ онъ разрываетъ договоръ, собираетъ новые войски, укрѣпляетъ малые Города, кои оставались у него на границѣ Царства, и мыслитъ отбить нападенїемъ тѣ коими завладѣли Римляне.

Метеллъ оставилъ гарнизонъ въ Ваккѣ, великомъ и крѣпкомъ Нумидїйскомъ Городѣ, котораго Правленїе поручилъ Турпилїю Силану своему другу и гостю, хотя сей не былъ Гражданинъ Римской. Турпилїй, человѣкъ добродушной, безъ гордости и корыстолюбїя, старался всячески приучить диконравныхъ тамошнихъ жителей ко вкусу кроткаго его правленїя. Всѣ Граждане чрезвычайно довольны были его правосудїемъ и кротостью правленїя; но природная любовь къ Отечеству, преданность къ

своему

своему Государю, и ненависть къ чужеземному господству, превозмогли надъ почтенїемъ которое они имѣли къ Турпилїю. Главные въ Городѣ, преклоняются къ Югуртѣ, и при случаѣ нѣкотораго всенароднаго торжества, зазываютъ Римскихъ Начальниковъ къ себѣ обѣдать. Каждый убиваетъ своего гостя: а при помощи таковаго смятенїя Югурта входитъ въ Городъ, и посѣкаетъ на голову гарнизонъ Римской. Одинъ Турпилїй избѣжалъ отъ сей смерти, чрезъ благодарность къ нему жителей, кои выпросили его у Югурты, и проводили до самаго стана Римлянъ, гдѣ онъ расказалъ о случаѣ его нещастья.

Хотя Метеллъ увѣренъ былъ что онъ не виновенъ въ своемъ нещастьи, однако не могъ инако сдѣлать какъ надлежало взять его подъ стражу. Онъ тотъ часъ былъ представленъ въ военный Совѣтъ. Марїй, къ огорченїю своего Полководца, дѣлается Турпилїевымъ гонителемъ, обвиняетъ его

что

что онъ продалъ Городъ, и простираетъ нападки съ толикимъ притѣсненїемъ что заставляетъ казнить его смертью. И уже послѣ, когда Метеллъ взялъ назадъ Вакку, всѣ увѣдали о невинности Турпилїевой и о измѣнѣ отъ жителей. Всѣ объ немъ сожалѣли; наипаче приятели Римскаго Полководца раздѣляли съ нимъ прискорбность, о казни такого человѣка котораго онъ находилъ достойнымъ своего дружества. Одинъ только Марїй, ища себѣ отличности явною ненавистью противу своего Полководца, всенародно радовался о смерти Турпилїевой; и онъ грубо хвалился, что нашелъ способъ оставить Метеллу вѣчное угрызенїе и отмстительное раскаянїе, которое безпрестанно будетъ ему приводить въ глаза невинную кровь его гостя и его друга. Марїй, побуждаемъ властолюбїемъ, нарочно выказывалъ сїю явную ненависть противу Вельможи изъ числа главныхъ въ Сенатѣ, дабы

бы тѣмъ снискать себѣ повѣренность отъ стороны ему противной. Онъ какъ скоро увидѣлъ себя подручнымъ Полководцемъ Консульскимъ, то возжелалъ быть на его мѣстѣ; и дабы достигнуть къ своему желанію, всѣми способами старался приобрѣсть себѣ славу. Онъ входилъ во всѣ предприятіи; хотѣлъ чтобъ все дѣлалось по его предводительству; и въ совѣтахъ ли, въ осадахъ или сраженіяхъ, никто не показалъ ни болѣ справедливаго предусмотрѣнія, ни болѣ смѣлости и мужества. При томъ онъ удивлялъ всѣхъ своею умѣренностью и воздержаніемъ, которое онъ всегда хранилъ въ своей жизни. Онъ такъ же одѣвался и ту же употреблялъ пищу какъ простой воинъ. Чудно было видѣть, что Главноповелѣвающій Начальникъ раздѣлялъ кусокъ хлѣба съ рядовыми, спалъ на голой землѣ или на соломѣ, и первый являлся къ работѣ, когда надлежало дѣлать или разорять укрѣпленіи.

Между тѣмъ приближалось время Консульскаго избранія; и какъ онъ явно готовилъ себя къ сему высокому Достоинству, то велѣлъ своимъ подвѣдчикамъ разгласить въ Римѣ, что Метеллъ нарочно продолжалъ войну, дабы пробавить тѣмъ свое начальство и властительство; что сей Патрицій, гордясь своею породою, имѣлъ болѣ надмѣнности нежели справедливыхъ Достоинствъ; что природная въ немъ медлѣнность, прибавленная еще старостью, давала время проворному и всегда дѣйствующему неприятелю препятствовать позднымъ его начинаніямъ; и что, естьли бы ему дали только половину той силы которая у Метелла была въ повелѣніи, то онъ обязывается въ одно лѣто привесть въ Римъ Югурту жива или мертва. Народные Трибуны ради были что нашли толь достойнаго человѣка, котораго они могли въ избраніи поставить въ совмѣстничество съ Вельможами желающими Консульства, и

въ

въ пользу его употребили всѣ свои возможности. Главные въ Народѣ легко къ нимъ преклоняются, большая часть голосовъ приговорена на ихъ сторону; и Трибуны уже не тайно разглашали въ Римѣ, что при всей силѣ Вельможъ, Консульство, въ будущемъ избранїи, отойдетъ отъ Общества Патрикїевъ. Марїй, извѣщенъ о сихъ полезныхъ ему обстоятельствахъ, требуетъ отъ Метелла своего отпуска, дабы по силѣ узаконенїя ѣхать самому просить сего Достоинства, которое никогда не вручалось отсудствующимъ. Метеллъ былъ удивленъ, иль паче озлобленъ что человѣкъ толь подлаго рода имѣлъ толь высокїе требованїи; и хотя сей Полководецъ былъ наполненъ честью и справедливостью достойною славнаго его имени, однако Салустїй сказываетъ что онъ не былъ чуждъ отъ гордаго о себѣ мнѣнїя, соединеннаго съ высокою породою. Въ таковомъ свойственномъ ему разумѣ,

онъ

онъ отвѣтствовалъ Марїю съ нѣкоторою насмѣшкою и презрѣнїемъ: *Что онъ совѣтуетъ ему подождать просить Консульства, до тѣхъ поръ какъ молодой Метеллъ сынъ его придетъ въ возрастъ чтобъ могъ быть его товарищемъ.* Сей сынъ Метелловъ не имѣлъ еще двацати лѣтъ отъ роду, и служилъ въ то время въ войскѣ у отца своего; а извѣстно что по принятому обычаю надлежало имѣть по меньшей мѣрѣ сорокъ три года, для удостоенїя въ Консульство. Марїй не оказывая оскорбленїя своего на толь посмѣятельный отвѣтъ, проситъ неотступно своего отпуска, получаетъ оной, и является въ Римъ прежде дня въ которой должно быть Комицїямъ. Одинъ изъ Трибуновъ представляетъ его въ первое Собранїе. Марїй, подъ тѣмъ видомъ что долженъ былъ дать Народу въ произведенїи Нумидїйской войны отповѣдь, не устыдился для своего возвышенїя унизить славные дѣй-

ствіи своего Полководца. Онъ приписалъ себѣ одному честь всѣхъ добрыхъ исполненій; и по его словамъ казалось, что толь великой Полководецъ каковъ Метеллъ, участвовалъ въ одержанныхъ побѣдахъ однимъ только своимъ именемъ и своими Авспиціями. Онъ примѣшалъ въ свои слова полные лукавствомъ заключеніи, говоря что Метеллъ продолжалъ войну или для того чтобъ долѣ пользоваться честью повелительства, или по природной своей медлѣнности; что робкое и нерѣшимое его предводительство въ войнѣ показываетъ человѣка которой думаетъ только о томъ чтобъ не быть побѣжденнымъ, не смѣя мыслить чтобъ онъ могъ кончить войну и побѣдить; что онъ однако, зная положеніе земли, и находя въ себѣ болѣ поворотливости и безстрашія нежели Метеллъ показываетъ, ручается въ одно лѣто взять Югурту жива или мертва, или выгнать его не только изъ Нумидіи,

мидіи, но изъ всякаго мѣста въ Африкѣ. Народъ, будучи предупреждень въ его пользу, и любя его смѣлость, возвысилъ его великими похвалами; а Марій почиталъ ихъ залогами близкаго себѣ Консульства. Онъ имѣлъ въ томъ великіе затрудненіи, особливо отъ стороны Вельможъ, кои не могли согласиться чтобъ толь низко рожденной человѣкъ вступилъ въ первое достоинство Республики, и охотнѣе желали сдѣлать его простымъ только Главноповелителемъ войска въ Нумидіи. Однако какъ должность Полководца и должность Консула были не разлучны, и какъ предводительство войскъ принадлежало по праву Консуламъ, то на конецъ Марій удостоенъ въ Консулы, дабы 646 годъ. можно было ему вручить главноповелительство надъ силами въ Нумидіи.

Новый Консулъ, упоенъ высокостью своего званія, далъ, такъ сказать, всю свободу ненависти которую онъ

всегда питалъ противу Благороднаго Общества. Онъ поносилъ его во всѣхъ своихъ рѣчахъ къ Народу, и хвалился что ввѣренное ему Достоинство было истинною побѣдою, которую Римской Народъ одержалъ надъ Вельможами своею смѣлостью и мужественною твердостью. „Они презираютъ „мою породу, говорилъ онъ, а я презираю ихъ гордость и сладострастїе. Они укоряютъ меня моею бѣдностью, какова свойственна почтеннымъ нашимъ предкамъ; а я укоряю „ихъ съ большимъ правосудїемъ въ томъ, „что они всегда жертвуютъ корыстолюбїю свою совѣсть, честь и вмѣстѣ славу и пользу Республики. Они „ревнуютъ къ Достоинству, которое „мнѣ вручено голосами Народа и честными людьми: для чего же они „не ревновали мнѣ и прежде въ моихъ военныхъ трудахъ и подвигахъ, „въ опасностяхъ въ кои я ввергалъ себя многократно, во множествѣ ранъ, „кои я получилъ на сраженїяхъ? Я

„до-

„достигЪ кЪ Повелительству, не и-
„нымЪ образомЪ, какЪ чрезЪ долгое
„повиновенїе: а они хотятЪ повелѣ-
„вать, не бывЪ никогда вЪ послуша-
„нїи, и безЪ всякаго другаго досто-
„инства кромѣ ихЪ щастливаго рож-
„денїя. Естьли они вЪ войнѣ просту-
„паются и даютЪ неприятелямЪ
„бить себя, то все прикрыто ихЪ
„повѣренностью, силою родни ихЪ, и
„многочисленнымЪ сообществомЪ уго-
„ждателей; тайны всегда, или лжи-
„во представлены, уроны какїе бы
„они ни причинили вЪ войнѣ, или про-
„ступки ихЪ приписаны подчиненнымЪ
„ЧиновникамЪ. Истинна никогда не
„проницаетЪ, сквозь мракЪ Вельможе-
„скаго властительства и лесть ра-
„болѣпствующей имЪ толпы прислуж-
„никовЪ. Я же ни какихЪ оныхЪ под-
„порЪ не имѣю; нѣтЪ у меня ни ро-
„дни вЪ высокихЪ званїяхЪ, ни Кон-
„сульскихЪ особЪ, ни ТрїумфовЪ вЪ
„бытности простонародныхЪ моихЪ
„предковЪ. Вся моя надежда во мнѣ

„самомъ, и вся моя подпора въ моей „храбрости. Я признаюсь къ тому, „что я и довольнаго краснорѣчїя не „имѣю: я не могъ приобрѣсть сего „опаснаго искуства, которое научаетъ прекрасными рѣчами прикрывать „стыдъ безчестныхъ дѣлъ и подлыхъ. „Будучи воспитанъ, отъ самого моего младенчества, въ полѣ и въ во„енныхъ упражненїяхъ, я научился „только служить мечемъ моимъ. Въ „томъ состоятъ мое знанїе, настав„ленїе, и мои примѣры кои я подамъ „моимъ воинамъ. И съ сими только „науками надѣемся мы скоро кончить „войну въ Нумидїи. Отнявъ у Вель„можъ повелительство войска, вы пре„одолѣли главное препятствїе побѣ„дамъ нашимъ. Ихъ невѣденїе въ во„енномъ искуствѣ, ихъ надмѣнность, „и наипаче ихъ корыстолюбїе, были „единственною причиною, естьли вой„на безъ успѣха продолжалась.„

Марїй сею рѣчью умножилъ еще болѣ къ себѣ довѣренность Народа. Онъ

Онъ требовалъ отъ него чтобъ набраны были Легіоны, и чтобъ ему позволено было призвать вспомогательные войски отъ подданныхъ Областей и союзныхъ съ Республикою. Опредѣленіи и Плебиситы дѣлались тотъ часъ по его требованіямъ. Народъ и особливо мѣлкіе Плебеяне, имѣя удовольствіе видѣть Консула изъ своего Общества, съ ревностью бѣжали на службу записываться. Всѣ хотятъ за нимъ слѣдовать; всѣ чаютъ что побѣда неминуемо принадлежитъ толь великому Полководцу, и новонабранные воины вскорѣ уповаютъ возвратиться въ свое Отечество съ велими корыстьми.

Метеллъ увѣдалъ съ крайнимъ огорченіемъ о своей смѣнѣ, наипаче въ такихъ обстоятельствахъ когда война почти была кончена, и оставалось взять только малые Крѣпости не весьма важные. Сказываютъ, что сей достославный и благоразумный человѣкъ не могъ удержаться чтобъ

не пролить слезЪ при первой полученной о томЪ вѣдомости. Салустій, изЪ котораго я выписалЪ большую часть сихЪ произшествій, повѣствуетЪ, что сія чувствительная обида для Полководца была бы сноснѣе Метеллу, естьли бы выборЪ Республики палЪ на другаго, а не на Марія коего онЪ всегда почиталЪ за своего ученика и за неблагодарнаго человѣка, который худо огласилЪ его славу по тому только, чтобЪ могЪ вЪ щасливыхЪ обстоятельствахЪ возвыситься на его упадкѣ. И какЪ онЪ не могЪ вознамѣриться видѣть противнаго себѣ человѣка, то препоручилЪ Рутилію, одному изЪ своихЪ подручныхЪ Полководцевъ, отдать войско Марію, и по томЪ поѣхалЪ вЪ РимЪ, куда прибылЪ вЪ самомЪ скоромЪ времяни.

Прибытіе его и донесеніе о успѣхѣ его оружія, взятые имЪ Города, завоеванные Провинціи, выигранные сраженіи, все то пресѣкло и уничтожило худые слухи какіе разгласилЪ

во вредъ ему Марій. Народъ возчувствовалъ прежнее почтеніе и доброхотство къ сему великому человѣку. Велій Патеркулъ сказываетъ, что ему отсуждена была единогласно честь Тріумфа и дано прозваніе, *Метеллъ Нумидійской.* Примѣчательно то, говоритъ сей Историкъ, что въ то самое время находилось въ Римѣ болѣ двенатцати разныхъ Начальниковъ одного дома съ Метелломъ, кои короче нежели въ двенатцать лѣтъ возведены были въ первые Достоинствы Республики, иные въ Консулы, другіе въ Ценсоры, и многіе были кои къ симъ Достоинствамъ присоединили еще славу Тріумфа.

Марій, приставъ къ Африканскому берегу, мало времяни спустя сошелся съ Корнеліемъ Силлою своимъ Квесторомъ, которой привелъ къ нему сильное войско Конное, набранное у Латинянъ. Квесторы были главные Казначеи въ Республикѣ. Установленіе ихъ почитаютъ столько же

древнимъ какъ и созданіе Рима. Иные же даютъ имъ начало отъ учрежденія Консуловъ. Сперва опредѣлены были двое кои долженствовали быть всегда въ Римѣ; и прежде прибавлены были къ нимъ еще двое, а потомъ и большее число, кои обыкновенно находились при Полководцахъ въ войскѣ. Надлежало выслужить прежде по малой мѣрѣ десять лѣтъ, чтобъ вступить въ сей Чинъ; и хотя Квесторы не имѣли ни какого правленія въ Городѣ, однако поручались имъ частные войскъ предводительствы. Въ протчемъ, по уваженію того что Правители доходовъ и расходовъ имѣли въ рукахъ главные способы дѣйствующіе въ Народѣ, сами бывшіе Консулы добивались послѣ сего Чина. Титъ Квинтій Капитолинъ, бывъ трижды Консуломъ, не почелъ себѣ въ униженіе войти въ Квесторы. Катонъ старшій принялъ сіе званіе будучи уже почтенъ тріумфомъ; и напослѣдокъ закономъ Помпе-

пеевымъ предписано, чтобъ впредь Квестура давалась только тѣмъ людемъ кои были прежде въ Консульскомъ достоинствѣ. А сїе намъ даетъ видѣть, до какой степени люди самые гордые своими Чинами и породою доходятъ, прельщаясь золотомъ и вольнымъ его употребленїемъ.

Силла еще до сего Закона сдѣланъ былъ Квесторомъ, на тритцать первомъ году своего возраста. Казалось, говоритъ Веллїй Патеркулъ, что Провиденїе, приближивъ Силлу къ Марїю, хотѣло соединить сихъ двухъ человѣкъ, для предупрежденїя нещастїй кои отъ несогласїя ихъ послѣдовали въ республикѣ. И какъ оба они заслуживаютъ особливое примѣчанїе въ Исторїи, то справедливо должно дать объ нихъ болѣ точное понятїе, особливо послѣ того какъ я уже означилъ свойство Марїя.

Луцїй Корнелїй Силла, Патрикїй, произшелъ отъ знатнаго рода въ Римѣ. Онъ былъ станетъ, добровиденъ лицемъ,

цемъ, благороденъ взоромъ, вѣжливъ поступками, кои показывали видъ откровенности и чистосердечія, былъ съ природы внимателенъ, приманчивъ, краснорѣчивъ, любилъ весельи, а еще болѣ славу. Должность свою онъ предпочиталъ всему на свѣтѣ, и могъ вдаваться въ роскоши и отставать отъ нихъ съ равною свободою. Онъ желалъ всѣмъ людемъ нравиться, умѣренъ былъ въ словахъ когда говорилъ о себѣ, и щедръ на похвалы другимъ, а еще болѣ на деньги. Онъ охотно ссужалъ ими людей кои къ нему прибѣгали, а иныхъ предупреждалъ кои имѣли въ нихъ нужду но не смѣли о томъ просить его. Дая деньги въ займы онъ никогда ихъ назадъ не требовалъ, и казалось что онъ хотѣлъ купить цѣлое войско. Обходителенъ былъ съ подчиненными и болѣ еще съ простыми воинами; дѣлаясь самъ съ ними воиномъ, онъ принималъ на себя ихъ простонародные ухватки, пилъ вмѣстѣ съ ними,

шу-

шутилъ, и охотно позволялъ когда они и надъ нимъ шутили. Но кромѣ столоваго времяни, былъ важенъ, всегда въ дѣйствѣ и попечителенъ. Онъ былъ какъ другой Протей, который безтрудно принималъ на себя всѣ сіи разные образы. Добродѣтели его и пороки равно были сокрыты въ глубокой скромности, которая дѣлала его непостижимымъ, даже въ тайныхъ его весельяхъ, и самымъ Товарищамъ его роскошей.

Таковъ являлся Силла, когда онъ прибылъ въ Африку и въ войско Маріево. Онъ въ началѣ старался приобрѣсть почтеніе отъ людей военныхъ, оказывая ревность свою къ службѣ во всѣхъ случаяхъ; въ сраженіяхъ или въ укрѣпленіяхъ, онъ вездѣ былъ виденъ Онъ бѣжалъ въ самые опасные мѣста съ такимъ веселымъ видомъ какъ бы онъ возвращался изъ сихъ опасностей. Благородная ревность побуждала его просить себѣ самыхъ трудныхъ исполненій, и онъ не

же въ долгомъ времени приобрѣлъ отличность и честь, равно отъ Главнаго Полководца какъ отъ прочихъ воиновъ. Марій самъ далъ ему послѣ отдѣльное войско, которымъ онъ какъ Главный повелѣвалъ особо. Я не буду входить въ описаніе сей войны, кромѣ того только что можетъ служить къ связанію тѣхъ частей кои составляютъ мою Книгу. По чему я удовольствуюсь упомянуть здѣсь только, что Югурта, прежде Маріева прибытія въ Африку, притѣсненъ Метелломъ на самый край своей Области, нашелъ себѣ покровителя и союзника, сосѣдственнаго Царя по имени Бокха. Марій долженъ былъ воевать тогда противу двухъ Государей. Онъ взялъ Капсу, большой и многолюдной Городъ, а послѣ овладѣлъ и тою Крѣпостью предъ которою Авлъ Албинъ воевалъ неудачно. Вскорѣ последовало сраженіе. Два Царя, слѣдуя скрытно, подходятъ къ Римлянамъ, нападаютъ на нихъ ночью, приводятъ

водятъ ихъ въ ужасъ, побиваютъ много людей, и одержали бы совершенную побѣду надъ Римлянами, естьли бы темнота не воспрепятствовала имъ видѣть ихъ выгоды и тѣмъ воспользоваться. Марій скоро заплатилъ имъ уронъ свой; и прежде нежели свѣдали въ Римѣ о его неудачѣ въ первомъ случаѣ, получено извѣстїе, что онъ разбилъ двухъ Царей въ двухъ рѣшительныхъ сраженїяхъ, и что онъ привелъ обѣихъ въ невозможность продолжать по томъ войну съ Римлянами.

Бокхъ, испытавъ въ сихъ двухъ сраженїяхъ храбрость и щастье Римлянъ, не разсудилъ за благо доходить до потерянїя Престола, защищая Престолъ своего союзника. Онъ вознамѣрился искать мира съ неприятелемъ, и отправилъ Пословъ даже въ Римъ просить онаго.

А когда Послы его допущены были въ Сенатъ, то они сказывали что Царь ихъ Самодержецъ уловленъ былъ хитростїю отъ Югурты, что онъ

ра-

раскаевается въ учиненномъ съ нимъ обязательствѣ, и что онъ проситъ союза и дружбы отъ Римлянъ. Ему отвѣтствовано сими словами:

„Сенатъ и Народъ Римской не позабываютъ ни услугъ ни обидъ. И „когда Бокхъ раскаевается въ своемъ „погрѣшеніи, то они его прощаютъ. „Что же касается до мира и союза „съ ними, то онъ получитъ ихъ, „естьли заслужитъ.„ Бокхъ, въ недоумѣніи отъ сего отвѣта, приказалъ тайно просить Марія, чтобъ онъ прислалъ къ нему своего Квестора. Посланъ былъ туда Силла, которому предложены разные способы кои могли служить къ возстановленію мира: „Нѣтъ другихъ способовъ, говорилъ „Силла Бокху, какъ должно выдать „намъ Югурту. Тѣмъ только, Царь, „можешь ты поправить неосторожность и нещастье твоего съ нимъ „обязательства, и тѣмъ только можешь ты приобрѣсть союзъ и дружбу „отъ Римлянъ.„

Бокхъ

Бокхъ сперва чуждался отъ сего предложенія, и представилъ Силлѣ, что таковая измѣна противу Государя, которому онъ обѣщался быть вѣрнымъ, нанесетъ вѣчное безчестье его имяни. По сей причинѣ договоръ между симъ Царемъ и Римскимъ Квесторомъ не былъ скоро конченъ въ ихъ продолжавшихся присудствіяхъ. Однако Силла не переставалъ убѣждать въ томъ Бокха своими увѣреніями и краснорѣчіемъ, и представлялъ ему, что толь великая погрѣшность, какую онъ сдѣлалъ обьявя себя противу Римлянъ, не можетъ быть заглажена какъ равно великою имъ услугою. На конецъ онъ уговорилъ его предать Югурту. Сей Государь былъ захваченъ измѣною и задержанъ, подъ видомъ 647 годъ.
свиданія котораго Бокхъ отъ него требовалъ. Онъ заключенъ въ оковы, отданъ Силлѣ, а сей вручилъ его потомъ Марію своему Начальни-

 ку.

ку. И такъ плѣненіемъ сего неспокойнаго Государя Нумидійская война была кончена.

Толь щастливая вѣдомость дошла въ Римъ къ особливой радости по тогдашнимъ обстоятельствамъ. Ибо предъ тѣмъ получено было извѣстіе, что многочисленное ополченіе варваровъ отъ Сѣвера приближалось къ сторонѣ Полуденной, и наводило страхъ на всю Италію. Опредѣлено было послать противу ихъ Марія, которой
649 годъ. въ то время пользовался сею народною благосклонностью и сими похвалами кои слѣдуютъ за недавною побѣдою. Онъ названъ Консуломъ во второй разъ, въ противность Законамъ, кои не позволяли избирать отсудствующихъ въ Консулы и кои равно не позволяли вторично избирать одного человѣка, пока не пройдутъ десять лѣтъ отъ перваго его Консульства. Сверьхъ сей чрезвычайной отличности, онъ сдѣланъ еще

Пра-

Правителемъ Нарбонской Галлїи, а въ тоже время отсуждена ему и честь Трїумфа. Югурта представленный въ оковахъ служилъ къ главному украшенїю онаго. Онъ былъ влеченъ какъ невольникъ за Колесницею Марїевою. Сей Государь, по семъ торжествѣ Римскомъ, отведенъ въ темницу и осужденъ умереть тамъ голодомъ. Палачь раздралъ его Царское одѣянїе, снялъ съ него всѣ платьи, и втолкнулъ его потомъ въ глубокой погребъ, которой служилъ ему гробницею. Сказываютъ что вошедъ туда весь обнаженъ, онъ вскричалъ: *О Геркулесъ! бани твои безмѣрно холодны*: уподобляя свою яму банямъ сего Бога, о коихъ пишутъ что они были холодные. Югурта, превозмогая голодъ, жилъ еще шесть дней. Безполезное желанїе продлить жизнь свою служило казнью такому Царю, которой ни когда неставилъ себѣ въ зазрѣнїе умерщвлять своихъ ближнихъ и главныхъ при Дво-

рѣ своемъ, коихъ онъ жертвовалъ, для своего неумѣреннаго щастья и возвышенія.

Конецъ девятой Книги.

УКАЗАНІЕ ВЕЩАМЪ
по
АЛФАВИТУ,
содержащимся въ семъ второмъ Томѣ.

А.

Б.

В.

Д.

Е.

К.

Л.

M.

К. МАМЕРКЪ ЕМИЛІЙ, заставляетъ сократить время Ценсуры, такъ чтобъ оная давалось только на полтора года. Мщеніе, какое производятъ Ценсоры того года, кн. 6. стр. 190. Онъ названъ Диктаторомъ третично. Побѣды его и Тріумфъ, стр. 203.

М. МАНЛІЙ, выгоняетъ Галловъ изъ Капитолія, кн. 7. стр. 306. Ему отданъ домъ стоящій въ Капитоліи, вѣчнымъ знакомъ его мужества, стр. 316. Властолюбіе его заставляетъ искать Самодержавства, и за то онъ сверженъ съ верьху Капитолія, стр. 322.

Т. МАНЛІЙ. Смѣлый поступокъ сего молодова человѣка, для освобожденія своего отца, который обвиненъ былъ за то что онъ содержалъ его непристойно, кн. 8. стр. 379. Онъ убива-

О.

Р.

С.

С.

К. СЕМПРОНІЙ АТРАТИНЪ, заводитъ римское войско въ гибельное мѣсто, но спасается помощью одного Чиновника надъ Конницею, кн. 6. стр. 210. Онъ востребованъ къ отвѣту передъ Народное Собраніе: Чиновниковъ который подалъ ему помощь вступается въ его защищеніе, и принуждаетъ его соперника отстать отъ своего суднаго иска, стр. 219. Мало времяни спустя, по совѣщанію нѣкоторыхъ Трибуновъ, онъ осужденъ къ тяжкому денежному взысканію, стр. 226.

СЕНАТЪ. Онъ отправляетъ Пословъ въ Афины для собранія тамъ Солоновыхъ Законовъ, кн. 5. стр. 7. Послѣ многихъ сопротивленій, онъ вручаетъ Децемвирамъ повелительство войска, стр. 64. Онъ напрашиваетъ Народныхъ Трибуновъ, чтобъ принудить Консуловъ назвать Диктатора, кн. 6. стр. 199. Опредѣляетъ чтобъ воины

служили на содержаніи отЪ республики, и чтобЪ каждой ГражданинЪ, для сего содержанія, платилЪ нѣкоторую подать, стр. 249. ВЪ слѣдствіе того учиненной СенатусЪ-КонсультЪ. утвержденЪ ПлебиситомЪ, не взирая на сопротивленіе НародныхЪ ТрибуновЪ, стр. 252. По многихЪ спорахЪ онЪ уступаетЪ напослѣдокЪ ПлебеямЪ одно изЪ двухЪ мѣстЪ КонсульскихЪ, кн. 7. стр. 341. ОнЪ испрашиваетЪ установленіе Претуры и вышняго Едильства, сЪ тѣмЪ чтобЪ сіи Достоинствы принадлежали однимЪ ПатрикіямЪ изключительно отЪ ПлебеянЪ, стр. 366. ПринимаетЪ ЗаконЪ ЛициніевЪ касающійся до общихЪ земель, который запрещалЪ всякому Гражданину имѣть во владѣніи земли болѣ пяти сотЪ удѣловЪ, . стр. 369. КакимЪ образомЪ онЪ могЪ уменьшить силу Кaія Гракха вЪ Народѣ, кн. 9. стр. 500. ОнЪ даетЪ власть Консулу Опимію ополчить людей противу Кaія, стр. 527.

СЕ-

СЕНАТОРЫ. Старые Сенаторы и Жрецы преподаютъ себя великодушно на смерть, и безчеловѣчно посѣчены Галлами, кн. 7. стр. 296. Главная часть Сенаторовъ и Вельможъ Римскихъ приводятъ въ дѣйство свои старанія, и утверждены быть Законными владѣтелями завоеванныхъ владѣній, съ тѣмъ что они будутъ платить нѣкоторую дань, отъ которой они скоро отлагаются, кн. 9. стр. 538. Часть Сенаторовъ и Вельможъ Римскихъ попускаются въ гнусное мздоимство уловлены деньгами отъ Югурты, стр. 545.

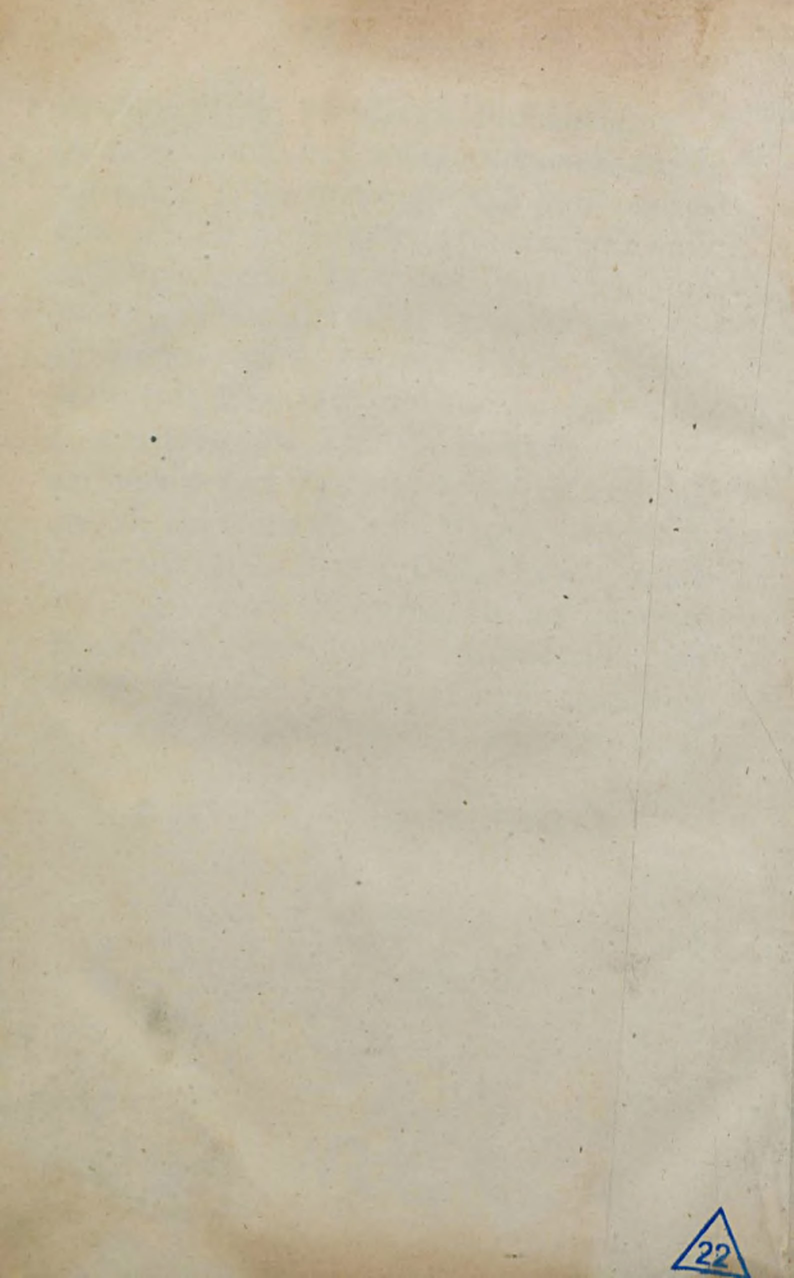
Л. СЕКСТІЙ, Плебеянинъ, сообщается съ Лициніемъ чтобъ ввести Плебеянъ въ Консульское Достоинство, кн. 7. стр. 345 Онъ для Начала заставляетъ сдѣлать себя Народнымъ Трибуномъ, стр. 345. Предлагаетъ разные Законы, и между протчими такой, которой давалъ Плебеянамъ участіе въ Чинѣ Консульскомъ, стр. 346. Онъ обрѣтаетъ способъ заставить

Про-

Т.

Ц.

Конецъ указанію вещей.


22